ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

С. Н. Утургаури

БЕЛЫЕ РУССКИЕ НА БОСФОРЕ

1919–1929

Москва
ИВ РАН
2013

УДК 94(47:56)"1919/1929"
ББК 63.3(3)
У 86

Ответственный редактор
М. С. Мейер

Утургаури С. Н.
У 86 Белые русские на Босфоре: 1919–1929. — М.: Институт востоковедения РАН, 2013. — 328 с.: прил.
ISBN 978-5-89282-541-2

В книге рассказывается история россиян, которые не приняли Октябрьскую революцию, бежали в Турцию и задержались там на разное время. Наряду с историческими фактами, касающимися военных и гражданских беженцев, приводятся воспоминания, описывающие жизнь и судьбы «белых русских» на чужбине. Основные аспекты человеческой катастрофы огромного масштаба раскрываются в контексте наиболее важных событий, переживаемых Турцией в 1920-е годы.

Работа основана на архивных документах, мемуарной литературе, а также на трудах отечественных и турецких авторов, рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94(47:56)"1919/1929"
ББК 63.3(3)

В оформлении обложки использована репродукция картины народного художника России Д. И. Белюкина «Белая Русь. Исход»

ISBN 978-5-89282-541-2
9 785892 825412

Сыну и внукам посвящается

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

The book is focused on the lives of thousands of Russians who rejected the changes in the homeland of 1917 defected to Turkey and settled for different lengths of time in Istanbul, its vicinities and Anatolia. The historical facts are described along the individual life stories. Different aspects of the enormous human catastrophe are explained in the context of events that took place in Turkey in the 1920s. The book is based on archived documentation, historical memoirs, and on the research of Russian and Turkish authors. The book is meant for the general public.

К ЧИТАТЕЛЮ

В последние два десятилетия в нашей стране заметно возросло внимание к постреволюционной русской эмиграции. Появились глубокие исследования о русской военной эмиграции в Турции – труды Н. Д. Карпова и Д. Д. Пеньковского. Особенность настоящей работы состоит в том, что в ней большое внимание уделено гражданским беженцам, вынужденным покинуть Россию и задержаться на турецкой земле. Хотя в название книги вынесен лишь Босфор, как символ Турции, речь здесь идет о «белых русских», оказавшихся не только в Стамбуле и его окрестностях, но и на Дарданеллах и в Анатолии.

Десятки тысяч россиян попали в страну иной культуры, языка и религии, более того, в страну, которая совсем недавно потерпела сокрушительное поражение в Мировой войне, в страну, где сложилось троевластие (султан, кемалисты, Антанта), где царили разруха и голод, где шла греко-турецкая война, а также набирало силу освободительное движение, в результате которого на смену почти шестивековой феодально-теократической монархии пришло новое, светское государство. Только в контексте подобного рода исторических фактов можно попытаться более или менее достоверно воссоздать драматическую историю постреволюционного российского беженства в Турции.

В основе книги лежат архивные документы, мемуарная литература, а также исследования отечественных и турецких авторов. Характер использованного материала обусловил его осмысление в форме очерков.

Автор сердечно благодарит *А. А. Кожуховскую*
за неоценимую помощь в подготовке работы к публикации,
а также профессора, доктора исторических наук *М. С. Мейера* –
за поддержку, консультации, ценные советы и замечания.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПО́ЛЫМЯ

На обороте: фрамент картины «Битва при Сакарье»
(Греко-турецкая война 1919–1922 гг.)

Когда мировая война уже подходила к концу, в Турции – пока еще Османской империи – менялась власть. После смерти султана Мехмеда V на престол 3 июля 1918 г. под именем Мехмеда VI был возведен принц Вахидеддин. Ему 57 лет. Он сын султана Абдулмеджида (1839–1861) от наложницы-черкешенки Гюлюстю Кадын-эфенди, а также любимый младший брат и личный секретарь Абдулхамида II (1876–1909), низложенного в 1909 г. младотурками[1] (см. [Sakaoğlu 558–572]).

[1] Вступив на престол в 1876 г., Абдулхамид II оказался в ситуации, вынудившей его принять первую турецкую конституцию, которая пусть в незначительной степени, но все же ограничивала власть султана. Однако спустя год он распустил парламент на неопределенный срок. В Османской империи и за рубежом в конце XIX – начале XX в. формируется и разрастается конституционное движение. Создаются «политические кружки молодых интеллектуалов и офицеров», недовольных деспотическим режимом Абдулхамида II. Османских оппозиционеров в Европе назвали младотурками. В 1889 г. в Стамбуле возникает тайное общество «Османское единство», и почти одновременно «в Париже появляется первая зарубежная группа молодых оппозиционеров». Впоследствии младотурецкие центры Женевы и Каира тоже сыграют важную роль в развитии этого движения. В середине 1890-х годов стамбульское тайное общество установило «контакт с единомышленниками в Европе». Печатный орган младотурок опубликовал политическую программу организации, назвавшей себя «Единение и прогресс». Опуская подробности, в том числе и немаловажные, следует сказать, что 23 июля 1908 г. султан Абдулхамид дал согласие на восстановление конституции и созыв парламента. Но никаких существенных перемен в государстве не произошло. Султан пока еще оставался у власти (подробно о движении младотурок см. [Турция: рождение нац. гос-ва 279–281]).

Подобно старшему брату, правившему империей более 30 лет, Вахидеддин умен, хитер, коварен, но ход исторических событий ему не переломить. Османская империя вступила в последнюю, роковую фазу своей почти шестивековой истории, и Вахидеддин станет ее последним, 36-м султаном (1918–1922).

Турция, воевавшая в союзе с германо-австрийским блоком, потерпела сокрушительное поражение. Каскад войн во втором десятилетии XX в. – две Балканские, Триполитанская, затем мировая – унес жизни более двух миллионов османских подданных. Некогда громадная империя (владевшая территориями в Азии, Европе и Африке) сжалась до небольшой части Восточной Фракии в Европе и территории в Малой Азии. Экономика и финансы были подорваны, инфляция – взвинчена. Стамбульцы познали голод, взрывы бомб, запах гари и дыма.

В трагические дни 1918 г. в столице империи появились первые беженцы из России, гонимые страхом перед начавшейся на родине братоубийственной войной. С этого момента для них наступает время, обозначенное Михаилом Булгаковым словом «Бег», давшим название его знаменитой пьесе. Судьба российских беженцев на Босфоре, получивших у турок название «беяз руслар» – «белые русские», тесно сплелась с судьбой страны, в которой волею исторических событий они оказались.

Воевать дальше Турция не могла, и младотурецкое правительство, управлявшее страной, вынуждено было запросить перемирия. Страны Антанты только этого и ждали. 30 октября 1918 г. перемирие было подписано. Церемония состоялась на борту британского крейсера «Агамемнон», который стоял на якоре в порту Мудрос на о-ве Лемнос, в Эгейском море. Перемирие было названо Мудросским. Оно завершило военные действия между Антантой и Турцией в Первой мировой войне.

За прекращение огня турки заплатили непомерную цену странам Антанты: отдали им почти все арабские территории, открыли проливы Босфор и Дарданеллы, сдали все военные корабли, распустили армию, передали военнопленных, а также контроль над железными дорогами, телеграфом и радио, признали за победителями

право вмешиваться в конфликты, возникающие в любой точке Турции. Другими словами, вверили свою судьбу европейским державам-победительницам. В общем, это было начало краха Османской империи.

Англичане оккупировали порт Искендерун (Александретту) и окружающие его территории, а также нефтеносный Мосул (на тот момент еще владение Османской империи) и Киликию (впоследствии Александретта и Киликия с широкой полосой земли по сирийской границе перейдет к французам), позднее итальянцы заняли Анталью и соседние районы вплоть до Коньи. Греки – жители причерноморских городов Самсун и Трабзон (Трапезунд) – выступили за создание греческого государства Понт. В юго-восточных районах, не без содействия англичан, готовились к восстанию за независимость курды (см. [Миллер. Краткая история 166–167]).

В это время в той части Турции – Анатолии, где издавна складывалось ядро турецкой нации и куда еще не проникли иностранные державы, зарождается освободительное движение. Стихийно формируются партизанские отряды. Позднее там же начали создаваться патриотические организации, подхватившие идеи военно-интеллигентских слоев, видевших в вооруженной борьбе против интервентов и султана единственное средство спасения страны от гибели. Из их среды вышел руководитель освободительной борьбы – генерал османской армии Мустафа Кемаль-паша, по имени которого движение стало называться кемалистским. Большинство этих патриотических организаций носило название Общество защиты прав такого-то *вилайета* (административно-территориальная единица тогдашней Турции).

Весной 1919 г. державы Антанты, поняв, что сопротивление, начавшееся в Анатолии, способно помешать их планам по расчленению Турции, предоставили грекам, давним и непримиримым врагам турок-османов, возможность действовать, пообещав им взамен историческую область Фракию на Балканах и символ эллинской цивилизации Смирну (Измир) с прилегающими к городу землями. 15 мая многотысячное греческое войско при поддержке военных кораблей союзников высадилось в Измире. Одиночный выстрел,

неизвестно кем произведенный, спровоцировал перестрелку. Перестрелка перешла в кровавую бойню. Выйдя за пределы покоренного города, греческие солдаты продолжали убивать турок, грабить и поджигать их дома.

Весть об измирской трагедии мгновенно долетела до Стамбула. В городе был объявлен траур, затем последовала череда митингов. Многотысячные митинги с участием всех слоев стамбульского населения ежедневно проходили в разных частях города. Они требовали у султана незамедлительно открыть военные действия против врага. 22 мая в одном из районов города – Кадыкёе собралось около 20 000 человек. Выступавшие произносили патриотические речи, а мало кому известная в то время молодая женщина Мюневвер Саиме открыто призывала к активному сопротивлению, за что была арестована, но сумела бежать в Анатолию и присоединиться к сторонникам Кемаля[2].

Стамбульские власти объявили о запрете митингов, тем не менее на следующий день, 23 мая, на площади Султанахмед состоялся многолюдный митинг – в нем приняли участие 200 000 стамбульцев.

Атмосфера крайне напряженная. Люди требуют возмездия. На трибуну один за другим поднимаются известные лица, в том числе представители прессы и творческой интеллигенции. Гневно обличает оккупантов поэт Мехмед Эмин, прославившийся своим недавним стихотворением «Я – турок». «Не предавать знамя и честь предков», – призывает Халиде Эдип, уже известная журналистка, единомышленница Кемаля (в скором времени фронтовая медсестра, а впоследствии классик национальной литературы, профессор Стамбульского университета, депутат парламента, председатель Общества турецких женщин). В ее речи звучат призывы к активному сопротивлению оккупантам. Власти и ее намерены арестовать, но Халиде успевает уехать в Анатолию, чтобы вместе с мужем д-ром Аднаном Адываром встать рядом с Кемалем.

---

[2] Мюневвер Саиме (ум. 1951) – одна из самых известных женщин-участниц освободительного движения. Была ранена, получила почетную медаль «Независимость». После войны преподавала литературу в школах Стамбула и Коньи.

Вскоре (30 мая и 6 июня) на той же площади Султанахмед состоялось еще два бурных митинга. Они собрали десятки тысяч людей. На минаретах развевались траурные, черные полотнища. Волна протеста прокатилась по всей стране с тем же требованием к султану – отразить наступление врага. На улицу вышли жители городов Денизли, Кастамону, Сейдишехир, Гиресун, Трабзон, Зонгулдак, Эдремит, Бурса, Измит, Эрзурум и др. (см. [Kurnaz 150–156]).

Итак, турки негодуют: попрано их национальное достоинство. Боль за страну, никогда прежде не знавшую такого позора, выражают поэты, воплощая в своих стихах настроение большинства соотечественников. Из рук в руки передаются списки стихов – «Пленник сорока разбойников» и «Похищенные сестры». Их автор – 18-летний внук паши, будущий всемирно известный поэт, национальная гордость турок Назым Хикмет. За прозрачной аллегорией легко угадываются оккупанты («сорок разбойников») и их «пленник» (Стамбул); «похищенные сестры» – два самых крупных города страны: Стамбул на Босфоре и Измир в Эгейском море. Сочинителя, осмелившегося призывать соотечественников к оружию и выдворению чужеземцев, арестовать не смогли: он успел скрыться, а затем бежал из столицы в Анатолию, оттуда в Советскую Россию[3].

Султан так и не отозвался на призыв своих подданных оказать сопротивление врагу.

В июле и сентябре 1919 г. в городах Эрзурум и Сивас соответственно состоялись конгрессы патриотических «обществ защиты прав» под лозунгом «турецкий народ не допустит расчленения и закабаления». В июле речь шла о защите прав восточных вилайетов, в сентябре – всей территории страны. Этот второй, всетурецкий конгресс создал объединенное Общество защиты прав Анатолии и Румелии[4] и избрал Представительный комитет (фактически правительство) во

---

[3] В 1922–1924 гг. Назым Хикмет – студент Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве, после окончания которого (диплом хранится в РГАСПИ) он возвращается в Турцию для подпольной работы.

[4] Румелия – букв. Страна румов (римлян), Восточноримская империя, Византия; впоследствии Румелией называли европейскую часть Османской империи в отличие от ее восточной части – Анатолии.

главе с Мустафой Кемалем. Конгресс принял решение о создании на базе разрозненных партизанских отрядов боеспособной регулярной армии. Таким образом, появилось централизованное руководство освободительного движения. В конце 1919 г. Кемаль перенес резиденцию Представительного комитета из Сиваса в Анкару и намеревался распространить свою власть на всю страну.

В ответ на действия англичан и султана, спровоцировавших восстание черкесов и абхазов в Северо-западной Анатолии, Представительный комитет потребовал от султана отставки правительства. Султан заменил существующий кабинет более «умеренным» правительством и согласился созвать парламент. Избран был и Кемаль, но он отказался ехать в Стамбул. 28 января 1920 г. анатолийский парламент принял «Национальный обет» в духе постановлений Эрзурумского и Сивасского конгрессов, выраженный в форме торжественной декларации независимости Турции. Это сильно встревожило страны Антанты и султана, стремившегося с их помощью сохранить свой покачнувшийся трон. И 16 марта 1920 г. в Стамбуле высадился союзнический десант.

После официальной оккупации Стамбула Антантой султан и его правительство, опираясь на Англию, открыто выступили против Анатолии. *Шейх-уль-ислам* (член кабинета султана, наблюдавший за религиозными делами) объявил анатолийцев мятежниками, а Кемаля преступником. Через некоторое время военный суд заочно приговорит Кемаля к смертной казни.

Таким образом, «мирные» отношения между Стамбулом и Анкарой перешли в открытое противостояние. Образовалось две власти: одна – в Стамбуле, покорившаяся врагу; другая – в Анкаре, нацеленная на борьбу за независимость.

Вступив в турецкую столицу, союзники объявили чрезвычайное положение в городе и его окрестностях, разогнали парламент, арестовали и сослали на Мальту депутатов парламента – сторонников анкарцев (некоторым из них удалось бежать в Анатолию), захватили военное ведомство, центральный телеграф и передали городскую власть в руки дипломатических представителей держав Антанты, или

верховных комиссаров, которые получили назначение в Стамбул после подписания Мудросского перемирия. «Верховными комиссарами (а не послами) этих дипредставителей называли потому, что мирный договор с Османской империей еще не был заключен и государства Антанты формально находились с ней в состоянии войны. Сферы компетенции военного командования союзных войск и верховных комиссаров были разграничены». Последние «были не только дипломатическими представителями своих государств. Через „Союзные комиссии по контролю и организации“ они выполняли также ряд административных функций, таких как продовольственное и финансовое обеспечение, медицинская помощь, решение проблем беженцев» [Турция: рождение нац. гос-ва 275].

Англичане вели себя активнее других членов Антанты. Имея большой опыт покорения чужих земель, они довольно быстро создали в стране хорошо продуманную разветвленную агентурно-разведывательную сеть. Англичане нанимали местных жителей, владеющих турецким, греческим, армянским или курдским языком (турецкие курды говорят преимущественно на диалекте курманджи). В задачи разведки входило выслеживать связи и действия врагов оккупационных властей: стамбульцев-подпольщиков, поставлявших оружие кемалистам; советских агентов; наконец, врангелевцев, продававших оружие тем же кемалистам (в ноябре 1920 г. Белая армия уже эмигрировала из Крыма в Турцию).

Стамбул в это время был набит оружием, которое завезли союзники, поскольку поначалу они рассматривали Турцию и как объект колониальной экспансии, и как базу для оказания действенной помощи Белой армии. Один из складов оружия, предназначенный для этой армии, с боем взяли турецкие патриоты. При участии «белых русских» они отправили в Анатолию целый арсенал оружия (винтовки, пулеметы, ящики с боеприпасами), хотя знали, что, если попадутся в руки английской разведки, будут расстреляны. По всему городу были расклеены объявления, предупреждающие о жестоком наказании в случае организации беспорядков и «учинения других противоправных действий».

Москва знала об активности англичан и не бездействовала. Еще с осени 1918 г. она начала создавать в Стамбуле коммунистические ячейки, а после 1-го конгресса Коминтерна в марте 1919 г. – также и коминтерновские организации. В задачи стамбульских коминтерновцев наряду с обзором местной прессы, сбором секретной информации о беженских организациях и оккупационных властях входили разработка и реализация разного рода мер (дезинформация, дискредитация, провокации и пр.), направленных на вытеснение русских беженцев из Турции.

А. Слободской[5] вспоминает, как «с самого начала появления беженства» Стамбул полнился слухами об опасности, поджидающей беженцев в случае победы Мустафы Кемаля: «[…] в Константинополе [Стамбуле][6] имя Кемаль-паши стало каким-то пугалом. За успехами армии Кемаль-паши в борьбе его с греками и союзниками беженство следило с не меньшим вниманием, чем за Врангелем и большевиками. Слухи о каких-то тайных договорах Кемаль-паши с большевиками, направленных к уничтожению беженцев, к выселке их из Константинополя в другие страны, а то и просто в советскую Россию, были постоянной темой разговоров напуганного беженства. […] Между прочим, этот слух об опасности со стороны Кемаль-паши кем-то все время и с определенной настойчивостью поддерживался и варьировался на разные лады. Определенно над этим вопросом никто не задумывался, но участие посторонней силы в будировании мысли об опасности было вполне реальным. Эта мнимая опасность со стороны Кемаля и самих турок заставляла беженскую массу кидаться из стороны в сторону и лихорадочно

---

[5] А. Слободской, представитель «низов беженской массы», в начале 1920 г. уехал из Ялты в Стамбул, а через два года возвратился в советскую Украину. В 1925 г. в Харькове впервые вышла его книга «Среди эмиграции (Мои воспоминания…). Киев–Константинополь, 1918–1920» (см. [Белое дело 442]).

[6] Как известно, в 1453 г. Константинополь был завоеван турками-османами и впоследствии переименован в С т а м б у л. Однако в русских и западных архивных документах, а также в различных публикациях, в том числе и во многих современных, европейцы называют этот город его прежним, византийским именем. В данной книге используется только официальное название, за исключением, разумеется, цитат.

искать пути к выезду в Крым [тогда еще врангелевский] и […] страны Европы» [Слободской 72, 73].

Неведомая автору воспоминаний «посторонняя сила» действовала и против держав Антанты. Об этом свидетельствуют, например, описанные другим мемуаристом события, когда в сентябре 1921 г. разведслужба англичан обнаружила советский след в «турецком заговоре».

Согласно Н. Н. Чебышеву[7], дело обстояло так. В Бейкосе или Бебеке (пригороды Стамбула) был задержан некий человек, приехавший из России. Тогда же «стало известно, что в Константинополе раскрыт „турецкий заговор“. Междусоюзное командование в лице генерала [британской армии] Гаррингтона объявило во всеобщее сведение, что заговор имел целью: вызвать в Константино-

[7] Часто цитируемый в нашей книге Николай Николаевич Чебышев (1865–1937), выходец из дворянской среды, окончил юридический факультет Петербургского университета (1890). Как человек, имеющий большой опыт прокурорской работы, он после Февральской революции был переведен в Петроград и назначен сенатором уголовно-кассационного департамента Сената. В 1918 г. участвовал в подпольной деятельности антибольшевистской организации «Правый центр», а в сентябре, спасаясь от красного террора, уехал в Екатеринодар. В 1919 г. некоторое время он возглавляет Управление внутренних дел ВСЮР, входит в состав Особого совещания при главкоме ВСЮР. Осенью того же года из-за разногласий с Деникиным Чебышев покидает свой пост и вступает в монархический Совет государственного объединения России. В 1920 г. входит в состав редакции газеты «Великая Россия» – официозе при режиме Врангеля. В ноябре того же года вместе с Белой армией эвакуируется из Крыма в Турцию. В Стамбуле он (с конца 1920 г. до своего переезда в Болгарию осенью 1921 г.) заведует Бюро русской печати (учреждение главного командования Русской армии в Стамбуле), а также издает еженедельник «Зарницы». После Болгарии живет в Париже, где работает в газете «Возрождение» («органом национальной мысли» назвал ее писатель и поэт Дон Аминадо) и состоит членом правления Союза русских литераторов и журналистов (см. [Белое дело 453]). После переезда в Болгарию в октябре 1921 г. Чебышев занимал должность политического консультанта при генерале А .А. фон Лампе – военном представителе Врангеля в Берлине, а затем, до 1926 г., пост начальника гражданской части канцелярии Врангеля. Чебышев сильно сомневался в существовании в СССР масштабной монархической организации. Настойчивые слухи о ней распространялись советской пропагандой. Это была чекистская дезинформация под названием «Операция „Трест“». В 1935 г. в «Возрождении» была опубликована серия статей Чебышева под заголовком «„Трест“: история одной легенды».

поле восстание местного населения, захватить турецкие военные склады, взбунтовать английские войска и произвести убийство некоторых союзных офицеров, занимающих важнейшие посты. Турецкой полицией было выдано английским военным властям двенадцать никому не известных турок. Двое турок повесились. „Турецкий заговор“ при крайней вообще пассивности туземцев не внушал доверия». И Чебышев заключает: «…по-видимому, тут опять работали большевистские агенты». Из дальнейших рассуждений Чебышева следует, что задержанный в Бейкосе или Бебеке человек – это помощник командующего 11 советской армии Голеванов, присланный, якобы, для организации заговора.

Различные акции против заговоров неоднократно предпринимались английской разведкой. Зимой 1921 г. в Стамбуле была учреждена официальная русская торговая миссия и стали появляться разного рода торговые делегации[8]. Тот же Чебышев пишет: «…в Константинополе появились большевики под предлогом, […] торговых дел. […] От времени до времени союзная контрразведка приступала к ликвидации какой-нибудь очередной „торговой делегации“. […] Их [т. е. «якобы делегатов»] вылавливали всюду, где они в данную минуту были, и чаще всего обнаруживали в объятиях проституток».

Однако самая крупная операция была проведена 29 июня 1921 г. Это «был разгром, произведенный английскими военными властями в советских учреждениях […] причем было арестовано до 50 человек, […] все служащие, до машинисток включительно. При обыске были найдены […] фальшивые фунты стерлингов». В Бейкосе обнаружен штаб, в котором «имелась типография, […] пункт, служивший связью с армией Кемаля и визировавший паспорта для проезда в Анатолию […] Тут найдены были списки и фотографии всех виднейших беженцев в Константинополе, обнаружены были бомбы, оружие, фальшивые английские документы». Педантичные

[8] Это произошло после того как в марте 1921 г. нарком внешней торговли Л. Б. Красин и министр торговли Великобритании сэр Роберт Хорн подписали торговое соглашение между РСФСР и Великобританией.

англичане попутно заключили под стражу «спекулянтов, имевших дела с большевиками», не обошли вниманием «даже курсы Берлица, где арестовали группу агитаторов, изучавших турецкий язык. […] 2 июля арестованных посадили на парусную шхуну и под конвоем английского миноносца отправили к советским берегам» [Чебышев 164, 142–143].

Тем не менее Москва продолжала свою разведывательную деятельность. Она велась в основном в двух направлениях: против беженцев, пребывание которых на территории сопредельного государства объективно не отвечало национальным интересам советской России, и против стран Антанты – противников РСФСР по определению.

Что же касается «крайней пассивности туземцев», отмеченной Чебышевым, то речь скорее всего идет об отсутствии открытого массового сопротивления стамбульских турок. Кстати, о том, что турецкое население «молчит, но в этом молчании чувствуется скрежет зубовный», некоторое время спустя (в декабре 1922 г.) в письме С. И. Аралову, полпреду РСФСР при анкарском правительстве, напишет российский консул в Стамбуле А. Н. Голубь (см. [Турция: рождение нац. гос-ва 238]). Оба – и Чебышев, и Голубь – констатируют реальный факт, не вдаваясь в объяснение его причин. А основных причин, как представляется, две: на троне продолжал восседать султан, он же халиф – символ привычной жизни; по стамбульской земле безмятежно разгуливали солдаты 30-тысячной коалиционной армии европейских держав, в водах Босфора стоял их мощный военный флот с пушками, направленными на город, и время от времени в небе летали самолеты оккупантов. В такой ситуации стамбульские патриоты могли действовать только подпольно, что по мере возможности, рискуя жизнью, они и делали[9].

23 апреля 1920 г. (т. е. немногим более чем через месяц после оккупации Стамбула силами Антанты, разгона султанского пар-

---

[9] О деятельности стамбульских подпольщиков, сторонников Кемаль-паши, рассказывает известный турецкий писатель Кемаль Тахир в романе «Люди плененного города» (М., 1961).

ламента, ареста депутатов) в Анкаре состоялось открытие под председательством Кемаль-паши нового парламента (*меджлиса)* – Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ). Основу его составили депутаты прежнего, султанского парламента, сумевшие бежать из Стамбула к Кемалю. ВНСТ, провозгласившее себя единственной законной властью в Турции, сосредоточило в своих руках и законодательные и исполнительные функции. Все постановления султана и его правительства, изданные с момента оккупации Стамбула Антантой (т. е. с 16 марта 1920 г.), были объявлены не подлежащими исполнению, поскольку султан-халиф «находится в плену у неверных», и 3 мая новая, анкарская власть сформировала свое правительство.

Меджлис просуществует три года. Следующий парламент будет сформирован в июне 1923 г. Отбор депутатов будет проходить под личным контролем Кемаля. В новом составе депутаты соберутся 9 августа. К этому же времени относится создание Народной партии – преемницы всетурецкого Общества защиты прав Анатолии и Румелии. Позднее она получит название Народно-республиканской партии и бессменно останется у власти до 1950 г.

Первым внешнеполитическим актом нового правительства стало обращение к Стране Советов. 26 апреля 1920 г. Кемаль-паша от имени ВНСТ предлагает В. И. Ленину установить дипломатические отношения между РСФСР и Турцией и просит оказать Турции помощь в ее борьбе против империализма. 2 июня 1920 г. в ноте наркома иностранных дел Кемаль-паше изъявлялось «согласие советского правительства на немедленное установление дипломатических и консульских отношений между РСФСР и Турцией».

Сломить освободительное движение англичане поначалу поручили султану. Весной 1920 г. была сформирована и отправлена в Анатолию так называемая халифатская армия во главе с ортодоксальным мусульманином черкесом Анзавуром. Султан ему пожаловал титул паши (генерала), а англичане предоставили вооруже-

ние и военные корабли. Кемаль характеризовал его как «предателя, ставленника султана и английских империалистов, одного из непримиримых противников национального движения». Армия Анзавура была уничтожена анатолийцами. Таким образом, ставка на турецкие антикемалистские силы провалилась.

Тогда державы Антанты перешли к открытой интервенции. «Восстановить порядок в Анатолии» и тем самым заставить Турцию принять условия диктуемого мира они возложили на Грецию. В июне 1920 г. греческая армия, вооруженная англичанами, выступила из Измира. Уже в июле она захватила ряд городов и стала продвигаться в глубь Анатолии. Другие воинские части Греции вступили во Фракию (европейская Турция) и заняли г. Эдирне (Адрианополь).

Державы Антанты решили не медлить с оформлением международного договора о разделе Турции. 10 августа 1920 г. их представители собрались в Севре (близ Парижа), чтобы подписать с султанским правительством, фактически уже не имеющим никакой власти, кабальный договор. В этом договоре зона Проливов выделялась в особый район с международным управлением. Бóльшая часть территории Турции делилась между Великобританией, Францией, Италией и Грецией. Предусматривалось создание якобы независимой Армении и курдской автономии с правом курдов ходатайствовать перед Лигой Наций о своей независимости. Если бы этот договор, содержащий 433 статьи, не утратил силы (об этом речь впереди), за Турцией остался бы жалкий, бесперспективный клочок земли между Анкарой и Черным морем, да и тот в положении обезоруженной полуколонии с капитуляциями и жестким финансовым контролем.

Тем не менее каждый участник договора (даже султан, видя всеобщее недовольство своих сограждан, не ратифицировал договор) остался недоволен итоговым документом, считая, что в деле раздачи турецких земель его интересы были ущемлены. Вчерашних союзников раздирали взаимные упреки, чуть позже к ним добавились раздоры, связанные с Белой армией, после поражения в Крыму оказавшейся на берегах Босфора (ноябрь 1920 г.). Державы Ан-

танты активно поддерживали белых, когда они сражались в России, да и теперь пока еще не отказывались от намерения использовать их против большевиков и, возможно, против анатолийцев[10]. Но многотысячная армия требовала хлопот, и каждая из союзниц стремилась переложить их на плечи другой.

Анатолийская власть, приняв во внимание совокупность факторов, осложнявших отношения между союзниками, но, прежде всего, нарастающую поддержку народом освободительного движения решит остановить греков, при помощи англичан успешно продвигавшихся к Анкаре. Только что сформированная небольшая турецкая армия 10 января 1921 г. останавливает численно превосходящую армию греков у селения Инёню. Эта первая военная удача кемалистов имела важные последствия: отныне державы Антанты были вынуждены считаться с ними как с реальной силой. На конференцию в Лондоне 1921 г. (февраль–март), где предстояло решать вопрос о заключении мира между Турцией и Грецией, наряду с представителями «законного», стамбульского правительства были приглашены и делегаты из Анкары. Это означало признание анкарского правительства странами Антанты де-факто.

Лондонская конференция имела нулевой результат. Великобритания пыталась добиться от Анкары признания основных положений Севрского договора. Анкара же категорически отказывалась и, в свою очередь, требовала немедленного вывода иностранных войск из Анатолии.

Союзники преследовали и другую цель – поссорить Москву с Анкарой. Но Анкара и Москва были заинтересованы в обратном и 16 марта 1921 г. между РСФСР и Турцией был подписан договор «о дружбе и братстве». В том же году стороны обменялись дипломатическими миссиями.

Вскоре после безрезультатной конференции греки при поддержке англичан предприняли новые военные действия в Анатолии. 31

[10] Англия и Франция пытались склонить Врангеля к участию в войне против кемалистов, но Врангель категорически отказался «воевать на чужой земле» [Bakar 147].

марта враждующие армии вновь встретились у селения Инёню. На этот раз греческое войско понесло более серьезный урон, но разбито не было.

И снова – летом того же, 1921 г. – греки, снабженные оружием всё тех же англичан, двинулись на Анкару, по пути беря город за городом. Положение складывалось критическое: фронт подошел почти к самой Анкаре. Члены анкарского правительства, их семьи и многие горожане готовились к эвакуации. У А. Ф. Миллера, видного отечественного историка, читаем: «15 августа греческий король Константин издал приказ по войскам, заканчивавшийся словами: „На Анкару!“». В эти тревожные дни Великое Национальное Собрание Турции вынесло решение о предоставлении Кемалю сроком на три месяца полномочий верховного главнокомандующего.

23 августа на р. Сакарья развернулось ожесточенное сражение. Кровопролитные бои шли в течение долгих 22 дней и ночей. Только к 13 сентября греки были отброшены. Обе стороны оставили на поле боя тысячи и тысячи убитых (об этом историческом дне сегодня знает каждый турецкий школьник). Парламент произвел Мустафу Кемаля в маршалы и присвоил ему почетный титул *гази* (победитель), а в 1934 г. – присвоит ему фамилию Ататюрк[11].

Отступление греческой армии резко меняло ситуацию и соответственно позиции держав Антанты. Франция не мешкая подписала сепаратный договор с анкарским правительством[12] и ушла с оккупированной территории. Еще раньше Италия вывела свои войска из Анатолии. Что касается греков, то они не желали покидать Турцию, и Англия продолжала тайно помогать им.

---

[11] В 1934 г. парламент Турции принял закон о введении фамилий (до этого у турок были только имена). «За выдающиеся заслуги перед турецкой нацией» Кемалю специальным законом ВНСТ была присвоена фамилия Ататюрк («отец турок»). Подробно об этом см.: *Еремеев* 155–158.

[12] С целью подписания этого договора Турцию дважды посетил специальный представитель французского правительства А. Франклен-Буйон. Подписанный в октябре 1921 г. документ получил название «договор Франклен-Буйона», согласно которому Франция отказывалась от войны против Турции, аннулировала свою подпись под Севрским договором и признавала законным правительство Кемаля (см. [Миллер. Очерки 116–117]).

Анатолийцы начали готовиться к военным действиям. 26 августа 1922 г. турецкая армия перешла в наступление. А 30 августа в битве у Думлупынар греки были разбиты наголову (этот день отмечается в Турции как День Победы.). Через два дня главком греческой армии и офицеры его штаба были взяты турками в плен. 9 сентября армия Кемаля вошла в Измир, остававшийся в руках врага целых 40 месяцев.

14 сентября 1922 г. полпред при анкарском правительстве С. И. Аралов в записке «о влиянии успехов на турецко-греческом фронте на политическую ситуацию в стране», адресованной заместителю наркома иностранных дел Л. М. Карахану, сообщает: «[…] к сегодняшнему дню нужно считать Анатолию очищенной от греков, остались небольшие группы, [отступающие в] направлении берегов Мраморного моря, где имеются английские части. […] В самой Смирне взяты неисчислимые склады продовольствия, военного имущества и прочие. Первая часть намеченных военных операций кончена блестяще. Теперь готовятся ко второй – выходу [к] проливам, Константинополю, Фракии и их захват[у]. Каждый день [в] Ангоре [Анкаре], по всей Анатолии происходят многочисленные митинги, демонстрации и ясно вырисовываются дальнейшие стремления, растет сознание своей силы и появляются признаки шовинизма, часто произносится слово „ислам“. В Месопотамии неспокойно, и в этом направлении кое-что здесь делается. Настроение в стране повышенное, и правительство укрепляется. [В] Константинополе был стотысячный митинг, разрушили редакцию реакционной газеты „Пьям Сабах“, оккупационными войсками были подняты мосты, и толпа не была допущена в Перу и Галату [т. е. в центр города]. В прессе и на митингах появляются разные статьи и речи против султана и говорится, что пора народу самому стать султаном» [Турция: рождение нац. гос-ва 222–223].

К 18 сентября 1922 г. вся территория Анатолии была наконец очищена от греческих войск. По образному выражению А. Ф. Миллера, «Севрский договор был разорван турецкими штыками».

Героике освободительной войны посвящены многие произведения национальной литературы. В них запечатлены: стамбульские

подпольщики (в основном это были люди из интеллигенции); портовые и железнодорожные рабочие, переправляющие оружие в Анатолию; офицеры и солдаты, сражающиеся на полях войны; крестьяне (и мужчины, и женщины) – предводители боевых отрядов, а также те, кто снабжал фронтовиков боеприпасами, продуктами и одеждой, не колеблясь отдавал фронту лошадей и волов с повозками (основной «транспорт» анатолийской армии). Романы Халиде Эдип, Якуба Кадри, Хасана Иззеттина Динамо, поэмы Назыма Хикмета и произведения многих других известных поэтов и прозаиков, созданные как по горячим следам событий, так и по прошествии какого-то времени, обрели значение документальных свидетельств эпохи рождения национального государства.

Пришло время заключать перемирие. Представитель Турции (Исмет-паша), верховные комиссары Великобритании, Франция и Италии встретились 3 октября 1922 г. в г. Муданья (на берегу Мраморного моря) и 11 октября подписали акт о перемирии. Греческая делегация фактически не принимала участия в переговорах. Согласно условиям перемирия, греческие войска немедленно покидали Восточную Фракию, а западные державы получили право сохранить свои войска в Стамбуле и в зоне Проливов до подписания окончательного мирного договора.

Приглашение на международную конференцию в Лозанне получили и в Стамбуле, и в Анкаре, т. е. и султанское правительство, и правительство ВНСТ. Глава первого предложил создать единую делегацию от двух правительств. Возникли трения по поводу выбора председателя делегации. В результате им становится боевой соратник Кемаля Исмет-паша, который к тому же получает пост министа иностранных дел.

1 ноября 1922 г. ВНСТ выносит «постановление о низложении Вахидеддина (как султана) и об упразднении султаната», а 16 ноября оно принимает постановление о низложении бежавшего Вахидеддина (теперь как халифа) и об избрании халифом Абдулмеджида – члена османской династии (см. [Киреев 151, 557]).

Султан Мехмед VI (Вахидеддин), опасаясь за свою жизнь, обратился к британскому верховному комиссару в Стамбуле с прось-

бой помочь ему уехать из столицы, и уже на следующий день два санитарных автомобиля вывезли Вахидеддина с домочадцами (жён пока не взяли) из дворца. Затем они были доставлены на британский линкор и переправлены на Мальту. Впоследствии Вахидеддин принял приглашение Хусейна, короля Хиджаза, и до весны оставался его гостем, затем некоторое время жил в Генуе, а летом 1923 г. переселился в Сан-Ремо, где и скончался 16 мая 1926 г. в возрасте 65 лет. Вечный покой последний османский султан Мехмед VI обрел в Дамаске. Это единственный из 36 султанов, чей прах захоронен вне пределов Турции (см. [Sakaoğlu 572]).

Только после отъезда султана Великое Национальное Собрание получило формальный повод лишить его сана халифа, указав в соответствующем документе причину: «…отдался под защиту иностранной державы и дезертировал из столицы халифата, укрывшись на борту английского корабля». Но ликвидировать халифат наряду с султанатом Кемаль сразу не решился: в числе депутатов парламента было немало клерикалов. Через третье лицо пост халифа предложили наследному принцу Абдулмеджиду – сыну султана Абдулазиза и кузену Вахидеддина. Наследный принц этот пост принял. 19 ноября 1922 г. Кемаль-паша телеграммой известил его об избрании халифом. Новый халиф, человек весьма образованный, знал толк в поэзии, музыке, живописи, сам неплохо рисовал, носил изысканную европейскую одежду. Он «многократно критиковал слабость патриотизма Вахиддедина, пытался убедить султана взять на себя ответственность и отказаться рассматривать Кемаля как мятежника» (см. [Жевахов 190]).

И только немногим более чем через полтора года, 3 марта 1924 г., турецкий парламент принял закон об упразднении халифата, а 4 марта учредил новый государственный орган – Управление по делам религии. Абдулмеджид с семьей был отправлен в Швейцарию. Последний турецкий халиф закончил свою жизнь в Париже в 1944 г., похоронен в Медине. Его потомки и другие потомки османской династии (говорят, их почти не осталось) иногда посещают свою историческую родину, но для нее они – иностранцы.

Однако вернемся к осени 1922 г. После победы турок над греками и подписания Муданийского перемирия надо было думать о за-

креплении военных успехов, т. е. о заключении мирного договора между Турцией и странами Антанты. На Международной Лозаннской конференции (открылась 20 ноября) собрались представители Турции, Франции, Великобритании, Италии, Японии, Греции, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев[13] и наблюдатель от США. В обсуждении вопроса о Проливах участвовали также Болгария и единая делегация от РСФСР, УкрССР и ГрузССР, а при рассмотрении второстепенных вопросов – еще и другие страны. Проблемы Турции решались крайне трудно – то и дело возникали конфликты, и работа конференции надолго прерывалась. Завершилась она только 24 июля 1923 г. подписанием мирного договора, по которому, в частности, признавалась независимость Турции, определялась территория страны в ее современных границах, отменялись экономические и политические привилегии иностранцев, а также международный финансовый контроль над страной. В отношении Проливов Турция пошла на уступки: военные корабли нечерноморских держав могли заходить в Черное море[14].

Признание Турции суверенным государством обязывало страны Антанты покинуть Стамбул и форты Проливов. 2 октября 1923 г. оккупационным войскам пришлось уйти из Стамбула. 6 октября сюда вошла анатолийская армия. Кемаль остался в Анкаре[15].

Вскоре последовали исторические решения Великого Национального Собрания 1923–1924 гг.: был принят закон, по которому Анкара объявлялась столицей (тогда еще очень неприглядный город, куда вплоть до 1925 г. отказывались переезжать иностранные миссии, не желавшие расставаться со стамбульским комфортом); Турция провозглашалась республикой (день 29 октября станет главным национальным праздником страны), а Кемаль был избран ее президентом; как уже упоминалось, был упразднен халифат; со-

[13] В архивных документах, различного рода публикациях и в настоящем издании название этого государства дается еще или в сокращенном виде – Королевство СХС, или как Сербия. В 1929 г. королевство возьмет себе название «Югославия».

[14] Положение изменится в пользу Турции и причерноморских стран после подписания в 1936 г. в Мотрё соответствующей конвенции.

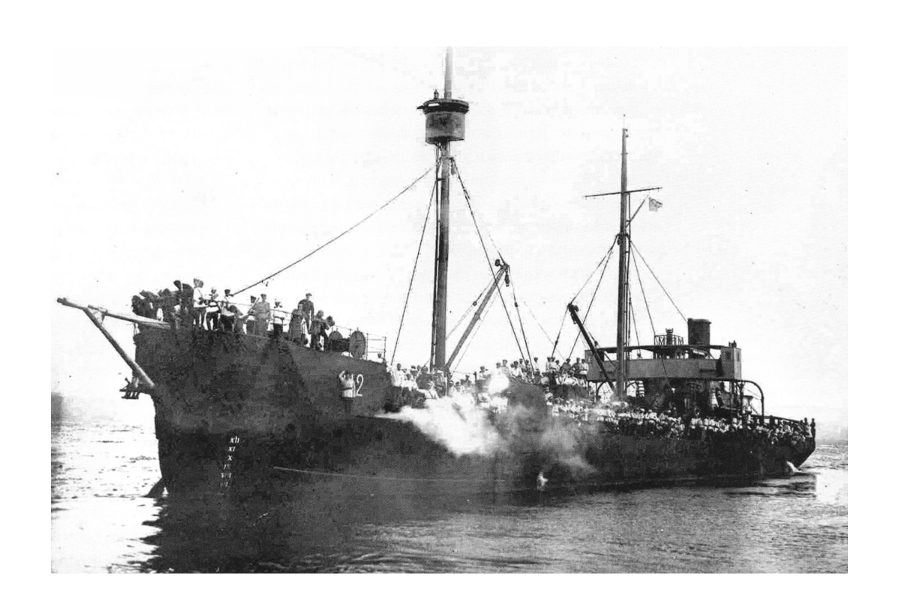
[15] В Стамбуле Кемаль появится только в 1927 г., т. е. восемь лет спустя после своего отъезда в 1919 г. в Анатолию с целью организации национально-освободительной борьбы.

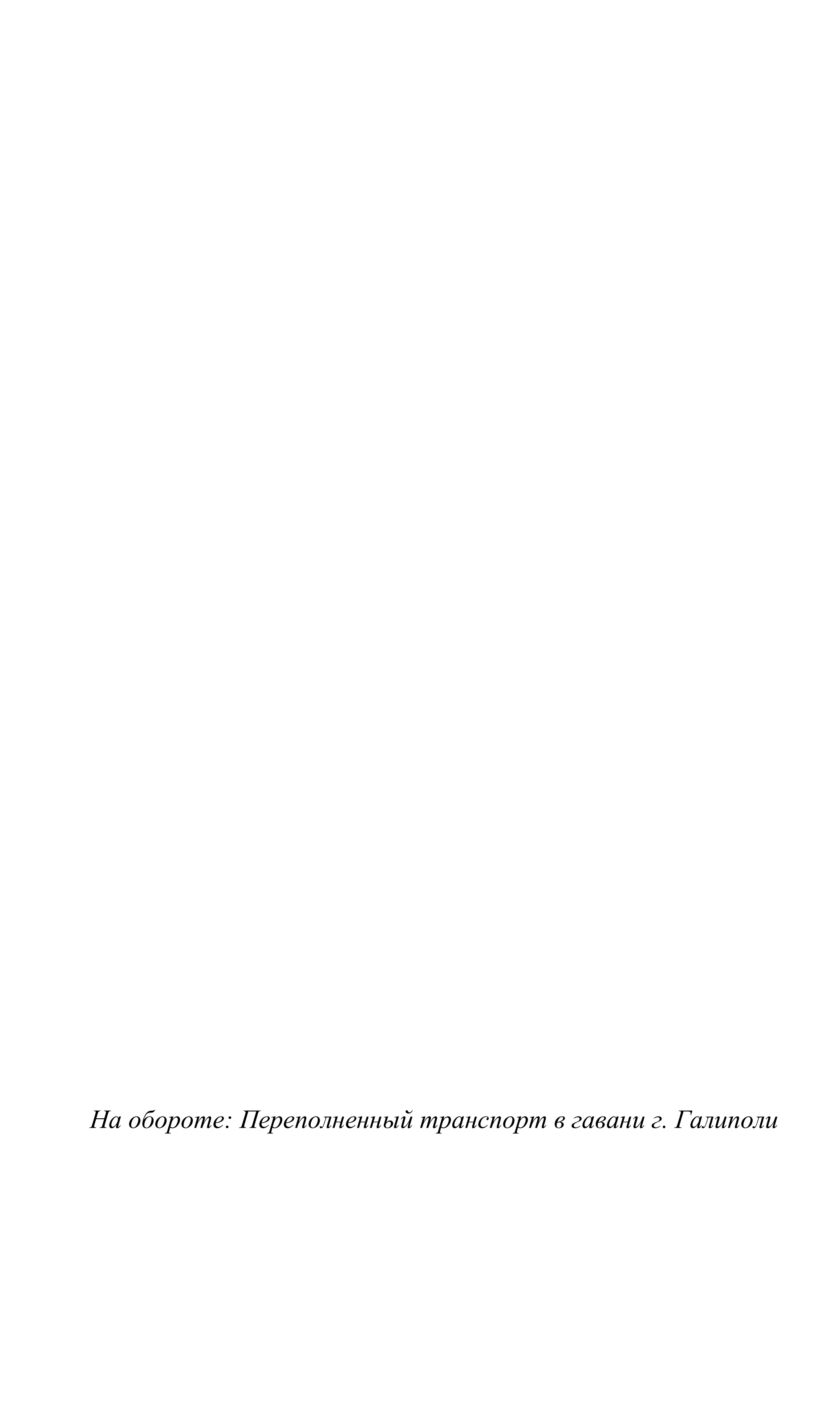
стоялось принятие конституции Турецкой Республики. С того времени Турция стала светским государством.

Молодой республике предстояло решить множество сложнейших задач, связанных с преобразованием турецкого общества в духе европейской цивилизации. Не последней стала и проблема «белых русских». К этому времени только в Стамбуле их численность составляла приблизительно 38 000 человек. Укрывшись было в монархическом государстве, но волею исторических событий, оказавшись в республиканской Турции, русские беженцы в смятении ожидали своей дальнейшей участи.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

На обороте: Переполненный транспорт в гавани г. Галиполи

Центральной фигурой «белых русских» в Турции был генерал барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928). «Врангель в Константинополе царил. Царил морально. Он пользовался престижем на верхах, популярностью в массах – и русских, и туземных. Супруги Врангели были нарасхват: ни одна вечеринка, ни один обед, устраиваемые в кругах верховных комиссаров, на судах межсоюзной эскадры, не обходились без П. Н. и О[льги] М[ихайловны]». Врангель сочетал в себе редкие качества: он вызывал у людей огромное уважение «и в то же время привлекал к себе сердца. И в сношениях с людьми не упускал никогда русского интереса, во время беседы ли с американским адмиралом, или с маленьким беженцем, явившимся к нему с просьбой. Под теплой оболочкой личного обаяния он хранил холодный расчет государственного человека […]» [Чебышев 140].

Родился Петр Николаевич в Литве. Унаследовал титул русского барона, но состояния не имел. Он был далеким потомком датских Врангелей, в XVII–XVIII вв. переселившихся в Европу. В этом роду насчитывается 7 фельдмаршалов, более 30 генералов, 7 адмиралов. В России эту фамилию носили 18 генералов и 2 адмирала. Именем знаменитого русского адмирала, морского министра барона Фердинанда Петровича Врангеля назван остров на границе Восточно-Сибирского и Чукотского морей.

П. Н. Врангель – обладатель большого послужного списка кадрового военного русской императорской армии. Храбрый и ини-

циативный офицер двух войн – Русско-японской и Первой мировой, он после смены власти в России отказался перейти на службу к украинскому гетману П. П. Скоропадскому и в августе 1918 г. присоединился к Добровольческой армии. В январе 1919 г. она (уже под названием Кавказская Добровольческая армия) объединилась с Донской армией, образовав Вооруженные Силы Юга России. Возглавил ВСЮР генерал Антон Иванович Деникин. В мае того же года Кавказская Добровольческая армия была разделена на две армии – Кавказскую и Добровольческую. Первая перешла под командование генерала Врангеля.

Осенью 1919 г. в ходе Гражданской войны наметился перелом в пользу Красной армии. Именно в этот острый для Белой армии период возникли разногласия между Врангелем и Деникиным. Первый открыто критиковал главкома ВСЮР, находя изъяны в его методах военного руководства. Со временем их военные разногласия переросли в политические.

Сторонники Врангеля обращаются к Деникину с предложением назначить Врангеля в Крым на место скомпрометировавшего себя сдачей Одессы в начале 1920 г. генерала Н. Н. Шиллинга. Деникин молчит. Тогда Врангель следующим образом реагирует на создавшуюся ситуацию: «При этих условиях, сознавая, что мною воспользоваться не хотят и де́ла для меня и в армии, и в тылу не находится, не желая оставаться связанным службой и тяготясь той сетью лжи, которая беспрестанно вилась вокруг меня, я решил оставить армию». 27 января 1920 г. он подает прошение об отставке, а сам едет в Крым, где у родителей его жены была дача. Сторонники Врангеля вновь обращаются к главкому с той же просьбой. В результате 8 февраля Деникин издает приказ об отстранении от службы генерала Врангеля, а также поддерживавших его генералов П. Н. Шатилова и А. С. Лукомского, адмиралов Д. В. Ненюкова и А. Д. Бубнова (см. [Врангель 501, 511]).

Вслед за этим Деникин через командующего британским флотом адмирала Саймона и главу британской военной миссии при Южнорусском правительстве генерала Хольмана передал Врангелю, чтобы он «немедленно выехал из пределов» ВСЮР. Столь жесткое

распоряжение мотивировалось тем, что вокруг Врангеля группировались лица, недовольные главкомом.

Перед отъездом в Стамбул (где уже была его семья) обиженный и разгневанный Врангель написал главнокомандующему пространное письмо-памфлет. В окончательном варианте своих записок-воспоминаний[1] (которые Врангель начал составлять в 1921 г. в своей штаб-квартире на яхте «Лукулл» и продолжал работать над ними со своим секретарем Н. М. Котляревским и редактором фон Лампе чуть ли не до самой своей смерти) он привел *неполный* текст своего письма Деникину, признавая, что «написанное под влиянием гнева […] оно грешило резкостью, содержало местами личные выпады» [Врангель 515]. Например: «Вы видели, – обращается Врангель к главкому, – как таяло Ваше обаяние и власть выскальзывала из Ваших рук. Цепляясь за нее, в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж… Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже думали не о спасении Отечества, а лишь о сохранении власти… Боевое счастье улыбалось Вам, росла слава, и с ней вместе стали расти в сердце Вашем честолюбивые мечты… Цепляясь за ускользавшую из Ваших рук власть, Вы успели уже встать на путь компромиссов и решили… непреклонно бороться с Вашими ближайшими помощниками, затеявшими, как Вам казалось, государственный переворот».

Что касается любви к власти, столь свойственной многим людям, особенно тем, кто ее уже «вкусил», то справедливости ради приведем здесь и отношение к ней «обвиняемого». Деникин в своих «Очерках русской смуты» пишет: «Власть была для меня тяжелым крестом, и избавиться от нее было бы громадным облегчением. Но бросить в такую минуту дело и добровольцев я не мог, тем более что я не считал государственно-полезным передачу власти в те руки, которые к ней притягивались».

---

[1] Первое полное издание труда Врангеля на русском языке вышло в свет в год его смерти (1928). См.: [*Врангель*]. Записки. В 2 ч. // Белое дело: Летопись Белой борьбы: Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и Светлейшим князем А. П. Ливеном. Кн. V–VI / Под ред. А. А. фон Лампе. Берлин: Медный всадник, 1928.

В той части письма Врангеля, что вошла в его воспоминания, он подробно излагает историю своих взаимоотношений с Деникиным, в основном касаясь вопросов, связанных с ведéнием военных действий во время Гражданской войны. Завершает Врангель свое письмо безукоризненно учтиво и благородно: «Если мое пребывание на Родине может хоть сколько-нибудь повредить Вам защитить ее и спасти тех, кто Вам доверился, я, ни минуты не колеблясь, оставляю Россию».

Врангель, как сказано в его воспоминаниях, обратился к командующему Черноморским флотом адмиралу М. П. Саблину, заменившему уволенного вице-адмирала Д. В. Ненюкова, с просьбой помочь ему выехать в Стамбул. Саблин предложил дожидаться отправления в Турцию парохода «Великий князь Александр Михайлович». Врангель перебрался на пароход и стал ждать.

В рядах армии отставку генерала встретили неодобрительно. Большинство свидетелей событий тех дней утверждают, что Врангель продолжал пользоваться уважением солдат и офицеров, завоеванным еще до Гражданской войны. Так, «решением георгиевской думы, избранной из рядовых», он был награжден в июне 1917 г. солдатским Георгиевским крестом, чем очень гордился. Теперь генерала буквально забросали письмами с выражением сочувствия. Многие офицеры просили его не уезжать.

Меж тем пароход стоял на якоре в ожидании угля. Это было время, когда все пароходы-«угольщики» ушли в Новороссийск, где в суматохе и спешке шла неожиданная эвакуация, которую иначе как «новороссийской трагедией» не назовешь. Наконец уголь получен, и пароход может отчалить, но тут обнаруживаются неполадки в машинном отделении. Тогда Врангель пересаживается на британский корабль и отбывает в Турцию.

О своем первом, недолгом пребывании в Стамбуле и об обстоятельствах, вынудивших его вернуться в Россию, а также о сложившемся в это время положении в армии Врангель пишет в своих воспоминаниях:

«Я много слышал и читал про Босфор, но не ожидал увидеть его таким красивым. Утопающие в зелени красивые виллы, живописные развалины, стройные силуэты минаретов на фоне ярко-голубого неба,

пароходы, парусные суда и ялики, бороздящие по всем направлениям, ярко-синие, прозрачные воды, узкие, живописные улицы, пестрая толпа – все было оригинально и ярко-красочно.

Мы остановились с генералом Шатиловым[2] в здании русского посольства, где военный представитель генерал Агапеев любезно предоставил в наше распоряжение свой кабинет. Громадные залы посольства были переполнены беспрерывно прибывающими с Юга России многочисленными беженцами, ожидавшими возможности по получении необходимых виз проехать дальше. Те, которым ехать было некуда, устраивались на Принцевых островах, пользуясь помощью союзников; американцы, англичане, французы и итальянцы брали на себя попечение о беженцах, распределив между собой помощь на Принцевых островах. Моя семья пользовалась гостеприимством англичан на о. Принкипо [*тур*. Бююкада]. Я и жена тяготились чужеземной помощью и решили при первой возможности перебраться в Сербию.

Отъезд наш задерживался тяжелой болезнью матери моей жены».

А пока Врангель наносил визиты союзным верховным комиссарам. Французского и итальянского он не застал и познакомился лишь с американским адмиралом Бристолем и с английским адмиралом де-Робеком[3], а также с командующим оккупационными британскими войсками генералом Милном, который «проявил большой интерес к событиям на Юге Рос-

[2] Павел Николаевич Шатилов (1881–1962), очень близкий Врангелю человек, учился вместе с ним в Николаевской академии Генштаба. Участник Первой мировой войны, он был награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия 4-й степени. В Добровольческой армии сначала был начальником 1-й конной дивизии в конном корпусе Врангеля, затем возглавил штаб Кавказской армии при командующем Врангеле. В феврале 1920 г., после конфликта с Деникиным, генералы Врангель и Шатилов были отчислены от службы и выехали в Стамбул. После избрания в марте того же года Врангеля главкомом Шатилов становится его помощником, а в июне – начальником штаба Русской армии. С 1924 возглавляет первый отдел (Франция) Русского общевоинского союза (РОВС), в 1937 г. оставляет политическую деятельность, после Второй мировой войны состоит почетным членом РОВС. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Шатилов оставил пространные воспоминания, которые передал Колумбийскому университету США с правом опубликовать их не ранее XXI в.

[3] Джон де Робек – командующий британским Средиземноморским флотом.

сии». С этими и другими представителями стран Антанты Врангелю придется вскоре тесно общаться, решая проблемы Русской армии и гражданских беженцев. В это же время Врангель получил от генерала Деникина письмо – ответ на свое, посланное главкому перед отъездом из Крыма.

В своем письме Деникин категорически опровергал все обвинения, брошенные в его адрес Врангелем, и сам обвинял Врангеля в «непомерном честолюбии» и стремлении «захватить власть в белом движении» Словом, содержание письма указывало на наличие глубокого, непреодолимого конфликта между двумя белыми генералами.

«Генерал Деникин, видимо, перестал владеть собой», – заключает Врангель. Далее он пишет о положении в Крыму: «Прижатая к морю армия заканчивала борьбу. Из Новороссийска один за другим прибывали транспорты, переполненные обезумевшими от ужаса и лишений беженцами. Армия отходила, почти не оказывая сопротивления. Было очевидно, что транспортных средств не хватит и большая часть войск останется непогруженной».

Эвакуация Новороссийска превосходила своей кошмарностью оставление Одессы. Стихийно катясь к морю, войска совершенно забили город. Противник, идя по пятам, настиг не успевшие погрузиться части, расстреливая артиллерией и пулеметами сбившихся в кучу на пристани и молу людей. Прижатые к морю наседавшей толпой, люди падали в воду и тонули. Стон и плач стояли над городом. В темноте наступавшей ночи вспыхивали в городе пожары.

Вскоре пришло известие об оставлении генералом Романовским должности начальника штаба Главнокомандующего. Уступая требованию общественного мнения, генерал Деникин решился принести в жертву ему своего ближайшего сотрудника[4]. Генерала Романовского заменил генерал Махров. 16 марта генерал Деникин решил упразднить Южно-Русское правительство. М. В. Бернацкому было поручено составить новое «деловое уч-

---

[4] Общественное мнение было весьма неблагоприятно генералу Романовскому. Его называли «злым гением Главнокомандующего», считая виновником всех ошибок последнего. Справедливость требует отметить, что обвинения эти были в значительной степени голословны (*Примеч. Врангеля*).

реждение»[5]. Так именовалось в приказе Главнокомандующего новое правительство.

20 марта, накануне отъезда Врангеля в Сербию, адмирал де-Робек пригласил его завтракать на флагманском корабле «Аякс». «Я выходил из посольства, –пишет генерал, – когда мне вручили принятую английской радиостанцией телеграмму из Феодосии от генерала Хольмана. Последний сообщал, что генерал Деникин решил сложить с себя звание Главнокомандующего и назначить военный совет для выбора себе преемника. На этот совет генерал Деникин просил прибыть меня. Телеграмма показалась мне весьма странной. На службе я уже более не состоял, и приглашение генералом Деникиным меня, только что оставившего пределы армии по его требованию, трудно было объяснить. Обстоятельства, при которых генерал Деникин принял это решение, стали мне известны лишь впоследствии. […]

Я завтракал на „Аяксе". С большим трудом я поддерживал разговор. Мысли все время вертелись вокруг полученной телеграммы. Я не сомневался, что борьба проиграна, что гибель остатков армии неизбежна. Отправляясь в Крым, я оттуда, вероятно, уже не вернусь. В то же время долг подсказывал, что, идя с армией столько времени ее крестным путем, деля с ней светлые дни побед, я дол-

---

[5] Михаил Владимирович Бернацкий (1876–1943) – крупный российский ученый-экономист, министр финансов при Временном правительстве (1917), Южнорусском правительстве (1919 – весна 1920; главком Деникин), правительстве Юга России (1920; главком Врангель). Окончив Киевский университет, стал магистром политической экономии (1911). Занимался вопросами денежного обращения. 7 ноября 1917 г. вместе с другими министрами был арестован в Зимнем дворце и заключен в Петропавловскую крепость. Через месяц, после освобождения, уехал в Ростов-на-Дону, где присоединился к Белому движению. После эмиграции из Крыма занимался устройством «эвакуированных чинов армии и беженцев». В Париже стал «председателем Финансового совета при [возглавляемом М.Н. Гирсом] Совете послов, в распоряжение которого были переданы заграничные фонды русского правительства». Энергично собирал правительственные деньги и бережно хранил эту «казну». Он автор научных книг на разных европейских языках, в частности изданного в 1928 г. объемистого труда (на англ. яз.) о русских государственных финансах во время Первой мировой войны. Умер Бернацкий в Париже.

жен испить с ней и чашу унижения и разделить с ней участь ее до конца. В душе моей происходила тяжелая борьба».

По окончании завтрака адмирал де-Робек попросил Врангеля и генерала Милна пройти к нему в кабинет, после чего сообщил им, что только что получена телеграмма британского правительства, и, что, хотя телеграмма эта адресована генералу Деникину, он [де-Робек] не может скрыть ее от Врангеля, поскольку ее содержание способно повлиять на решение последнего. И де-Робек передал Врангелю адресованную генералу Деникину ноту[6]:

«Секретно.

Верховный Комиссар Великобритании в Константинополе получил от своего Правительства распоряжение сделать следующее заявление генералу Деникину.

Верховный Комиссар находит, что продолжение гражданской войны в России является фактором, вызывающим наибольшую озабоченность при существующем положении дел в Европе.

Правительство Его Величества желает указать генералу Деникину на ту пользу, которую принесло бы в данной ситуации его обращение к советскому правительству с целью добиться амнистии как для населения Крыма, так и для личного состава Добровольческой армии. Британское Правительство, будучи глубоко убеждено, что прекращение неравной борьбы станет наиболее благоприятным решением для России, готово взять на себя инициативу по составлению означенного обращения и в случае получения на то согласия генерала Деникина готово предоставить в его распоряжение и в распоряжение его ближайших сотрудников гостеприимное убежище в Великобритании.

Британское Правительство, оказавшее генералу Деникину в прошлом значительную поддержку, которая только и позволила ему продолжать начатую борьбу вплоть до настоящего времени, полагает, что вправе надеяться на принятие генералом означенного предложения. Однако если генерал Деникин сочтет для себя

[6] В своих «Воспоминаниях» Врангель приводит ноту на французском языке; перевод ее, который здесь воспроизводится, дается там же, в постраничном примечании.

нужным его отклонить, дабы продолжить явно безнадежную борьбу, то в этом случае Британское Правительство позволит себе отказаться от какой-либо ответственности за этот шаг и прекратить в дальнейшем всякую поддержку или помощь генералу Деникину.

Британский Верховный Комиссар
2 апреля 1920
Константинополь».

Прочитав телеграмму, Врангель уже не сомневался в своем решении вернуться в Крым.

Генерал Шатилов, узнав об этом, пришел в ужас:

«Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна. Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать, и ты покроешь себя позором. Ведь у тебя ничего, кроме незапятнанного имени, не осталось. Ехать теперь это безумие», – убеждал он генерала. Однако, видя, что его доводы бессильны, он объявил, что едет вместе с ним.

«21 марта броненосец „Император Индии“ вышел в Крым. […] Там готовился эпилог русской трагедии» (см. [Врангель 524–532]).

Когда Деникин, видимо уже не считавший возможным активно действовать, обратился к членам Военного совета с просьбой найти ему замену, они попытались уговорить его не покидать свою должность, но генерал твердо стоял на своем. Тогда Военный совет, собравшийся в Севастополе 22 марта 1920 г., избрал прибывшего в этот день из Стамбула Врангеля новым главкомом ВСЮР. 23 марта Деникин подписал свой последний приказ (№ 2899) – о назначении генерала барона Врангеля главнокомандующим ВСЮР, а Врангель – свой первый приказ (№ 2900) о вступлении в эту должность.

Вскоре Деникин с семьей, начальником своего бывшего штаба и очень близким ему человеком генералом И. П. Романовским, а также с несколькими лицами из своего ближайшего окружения (среди них была и дочь генерала Лавра Георгиевича Корнилова) выехали из Феодосии в Турцию на том же британском корабле «Император Индии», на котором Врангель вернулся в Россию. Днем 5 апреля 1920 г. все они благополучно добрались до Стамбула и сразу же направились в русское посольство на ул. Пéра. В

этот же день здесь погиб прибывший с Деникиным 43-летний генерал Романовский. Вот что пишет свидетель этого трагического события уже упоминавшийся А. Слободской.

«По прибытии в посольство, Деникин вспомнил, что забыл […на корабле] некоторые свои книги и документы. За ними немедленно отправился на автомобиле и вскоре вернулся Романовский. В вестибюле посольства к нему подошел какой-то офицер в форме мирного времени и о чем-то спросил его. Романовский на ходу коротко ему ответил и поспешил в помещение, занимаемое Деникиным. Вдруг прогремели два-три выстрела. «Все мы, сидящие в зале беженцы, не обратили на это никакого внимания. Неожиданно за стеклянной дверью появился человек в офицерской форме. Быстро подойдя к двери, я открыл ее. Не останавливаясь, офицер […] взволнованно бросил фразу: „Бегите все вниз. Генерал зовет“. И по черной лестнице, ведущей во двор драгоманата[7], побежал вниз». Присутствующие, не зная куда бежать, заглянули в бильярдную и увидели распростертое на полу тело, а над ним на коленях стояла какая-то женщина и прижимала платком струившуюся из ранки возле сердца кровь (это была Н. Л. Корнилова – дочь генерала [Корнилова]). Одна из трех пуль попала в сердце Романовского. Появились врач, начальство. Всех попросили удалиться. Возвращаясь к прежнему месту, «мы заметили […] трясущуюся фигуру какого-то солдата. Оказалось, что это был денщик графа Шувалова, с коим он вместе эвакуировался из Новороссийска». Он не мог вымолвить ни слова. И только выпив валерьянки, заговорил. Выяснилось, что он видел офицера, стрелявшего в Романовского. Шуваловский денщик оказался единственным свидетелем […] убийства. Примерно через 15 минут «все ходы и выходы из посольства были заняты английскими войсками». Англичане немедленно приступили к следствию. Допрашиваемых отпустили поздно ночью. В тот же вечер после панихиды Деникин с семьей под охраной англичан был доставлен на британский корабль, который на

[7] Драгоман-переводчик восточных языков при русских дипломатических и торговых миссиях. Драгоманат – бюро переводов. Здесь прежнее здание Посольства Российской империи.

следующее утро отбыл из Стамбула. Особого впечатления на «беженскую массу» убийство не произвело. […] Романовского считали «злым гением» генерала. Ему «приписывались все неудачи ВСЮР и новороссийская катастрофа». Строились разные предположения: кто-то считал, что убийство – это месть «монархистов за нежелание Романовского продолжать борьбу с большевиками во главе с Врангелем»; кому-то казалось, что это дело рук большевиков, намеренных уничтожить всю верхушку Белой армии, чтобы положить конец Гражданской войне. «Убийца разыскан не был, но молва говорила, что убийца, безусловно, кому следует известен, но по некоторым причинам решили это дело прекратить» (см. [Слободской 60–64]).

Однако эта история имеет продолжение. Убийца был установлен. Им оказался член тайной монархической организации, считавшей Романовского масоном и главным виновником поражения ВСЮР. Об этом станет широко известно много лет спустя. 9 февраля 1936 г. в «Последних Новостях» (газету издавал в Париже П. Н. Милюков) была опубликована статья Р. Гуля «Кто убил генерала Романовского», где ее автор привел убедительные доказательства того, что «убийство генерала И. П. Романовского организовала тайная черносотенно-монархическая офицерская организация, группировавшаяся вокруг русского консульства в Константинополе. Убийцей был член этой организации, сотрудник константинопольского отделения „Освага“[8] поручик М. А. Харузин, спустя несколько месяцев погибший при выполнении разведывательного задания в Турции» [Белое дело 450, примеч. 53].

Итак, Врангель стал главкомом. Обстановка на фронтах в это время для Белой армии, как говорится, хуже некуда. Красные намного сильнее: у них больше людских ресурсов и оружия. Свою задачу новый главком видит в восстановлении армии и спасении Крыма. Врангелю потребовались огромные усилия для реорганизации развалившейся, деморализованной армии, которая, как уже

[8] Осваг – Осведомительное агентство при главкоме ВСЮР (создано в сентябре 1918 г.) – выполняло функции контрразведки, контролировало политические настроения населения и ведало пропагандой на занятой территории. В феврале 1919 г. агентство было реорганизовано в Отдел пропаганды, но первоначальное название продолжало бытовать (подробнее см. [Белое дело 445, примеч. 20]).

упоминалось, получила новое название – Русская армия. В Крыму сконцентрировались остатки всех подразделений Белой армии. Кроме того, здесь скопилось огромное количество гражданских беженцев. Врангель, стремясь навести порядок, создал новое правительство со всеми положенными подобному институту полномочиями. Правительство Юга России предприняло попытку осуществить ряд реформ на территории Крыма, но это начинание успеха не имело. Англичане в очередной раз предложили белым попросить амнистию у Советского правительства, в противном случае они отказывались от всякой помощи. Но Врангель, не помышлявший о сдаче, решил переориентироваться на французов (позже станет ясно, что это было не лучшим решением вопроса).

Понимая, что для поднятия морального состояния войска нужны военные успехи, главнокомандующий предпринял смелую операцию в Северной Таврии (районы Южной Украины). Опытный стратег и тактик, он не упустил возможности воспользоваться тем, что Красная армия была отвлечена на войну с Польшей. Но продолжить наступательные действия генерал не смог – изменилась ситуация: Польша и Россия заключили перемирие. В конце октября 1920 г. освободившиеся войска красных численностью 130 000 человек под командованием М. В. Фрунзе обрушились на Русскую армию Врангеля, вернули Северную Таврию и пошли на Крым.

В разные концы полетели срочные телеграммы, радиограммы, приказы, предупреждения, призывы. По ним можно проследить цепь событий перед исходом Белой армии из Крыма.

7 ноября последовал приказ об объявлении Крыма на осадном положении.

8 ноября Врангель получил телеграмму от Кутепова, оборонявшего Крым, где сообщалось, что ввиду прорыва противником позиций на Перекопе войскам дан приказ отходить.

В тот же день, *8 ноября*, на флот поступило распоряжение об окончательном распределении войск для погрузки в конкретных портах: в Керчи – 25 000 человек, Севастополе – 20 000, Феодосии – 13 000, Ялте – 10 000, в Евпатории – 4000 человек.

9 ноября, накануне фактического завершения боев на фронте, верховный комиссар Франции в Крыму де Мартель телеграфирует адмиралу Дюменилю – командующему французским флотом, базирующимся на Босфоре, – о необходимости срочно приступить к эвакуации Русской армии из Крыма. И французские боевые корабли во главе с крейсером „Вальдек Руссо“, а также все свободные торговые суда поспешили к крымскому берегу.

10 ноября вышел приказ о сосредоточении судов, предназначенных в указанные порты.

11 ноября в печати появилось следующее правительственное сообщение: «Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров и их семейств, других служащих Правительство Юга России считает своим долгом предупредить о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. Недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде в море. Кроме того, совершенно неизвестна судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все это заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилий врага, остаться в Крыму» (см. [Пеньковский 104–105; Карпов 7–8]).

Тогда же, *11 ноября*, на имя Врангеля поступила радиотелеграмма от командования Южного фронта с предложением сдаться и обещанием амнистировать всех без исключения. Вот ее текст: «Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России генералу Врангелю. Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь пролитием лишних потоков крови, предлагаю вам прекратить сопротивление и сдаться со всеми войсками армии и флота, военными запасами, снаряжением, вооружением и всякого рода военным имуществом. В случае принятия вами означенного предложения Революционный совет армий Южного фронта на основании полномочий, предоставленных ему центральной Советской властью, гарантирует сдающимся, включительно до лиц высшего комсостава, полное прощение в отношении всех проступков, связанных с гражданской борьбой.

Всем не желающим остаться и работать в социалистической России будет дана возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа на честном слове от дальнейшей борьбы против рабоче-крестьянской России и Советской власти. Ответ ожидаю до 24 часов 11 ноября. Моральная ответственность за все возможные последствия в случае отклонения делаемого честного предложения падает на вас. Командующий Южным фронтом *Михаил Фрунзе*». Любопытна реакция председателя Совета народных комиссаров В. И. Ленина на это послание, который на следующий день отправляет шифрованную телеграмму командующему и членам РВС Южного фронта: «Только что узнал о вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и невыпуск ни одного судна; если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно» (цит. по [Белое дело 455, примеч. 10]).

Врангель, верный идее сохранить армию для продолжения борьбы и желая предотвратить возможность разглашения текста обращения Фрунзе, приказывает «закрыть все радиостанции Русской армии и флота, кроме одной, обслуживавшейся исключительно офицерами», и на предложение красного командира не отвечает. За него это делает Дюмениль.

13 ноября французский адмирал, предполагая «возможность нападения красных на иностранные суда, принимающие войска Врангеля и беженцев», отправляет советским властям и верховному командованию красных войск телеграмму следующего содержания: «По приказу Главнокомандующего все войска Русской армии на юге России и гражданское население, желающее уехать вместе с ним из Крыма, могут уезжать… Я дал указание всем судам, находящимся под моей властью, оказать помощь в эвакуации и предлагаю вам дать немедленный приказ вашим войскам, чтобы они не мешали вооруженной силой проведению погрузки на суда. Я сам не имею никакого намерения разрушать какое бы то ни было русское заведение, однако информирую вас, что, если хотя бы один из моих кораблей подвергнется нападению, я оставляю за со-

бой право использовать репрессивные меры и подвергнуть бомбардировке либо Севастополь, либо другой населенный пункт на Черном море».

Приняв во внимание столь откровенно угрожающее предупреждение, Советы не решаются «расправиться беспощадно» с желающими эвакуироваться соотечественниками.

Врангель, понимая, что положение на фронте безнадежно, еще 11 ноября обратился к французам с просьбой оказать помощь как в проведении эвакуации из Крыма гражданского населения и остатков Белой армии, так и в последующем устройстве и содержании их. «В качестве залога оплаты расходов Франции» главком предлагал немедленно передать французам все находившиеся в его распоряжении русские военные и коммерческие суда. Обсуждение этих вопросов между Дюменилем, графом де Мартелем и русским генералом длилось около двух часов. И 13 ноября все трое подписывают конвенцию, согласно которой Врангель «передает свою армию, флот и своих сторонников под покровительство Франции, предлагая Франции в качестве платы доходы от продажи военного и гражданского флота» (см. подробнее [Карпов 10; Пеньковский 105–107]).

В это время флот Юга России, на судах которого в ноябре 1920 г. армия и беженцы эвакуируются из Крыма в Турцию и который в качестве платы должен перейти к французам, насчитывал «66 вымпелов Русской эскадры (18 боевых судов, 26 транспортов и 22 мелких судна), 9 торгово-пассажирских пароходов, мелкие суда торгового флота и почти все частновладельческие» [Рус. армия в изгнании, л. 2]. Кроме российских судов для эвакуации по согласованию с союзным командованием предназначались и иностранные суда: французские, американские, английские, греческие, итальянские, польские (см. [Карпов 10]).

Учитывая страшный хаос и неразбериху во время эвакуации войск из Новороссийска (конец марта 1920 г.), Врангель принял решение вывозить не только войска, но и часть гражданского населения. А его решение эвакуироваться именно в Турцию было продиктовано, во-первых, ее территориальной близостью и, во-вторых, тем, что Стамбул и вся европейская часть Турции с

16 марта 1920 г. находились под полным контролем держав Антанты – союзников царской России в годы Первой мировой войны. За несколько дней до полной эвакуации из Крыма Врангель в своем выступлении перед русскими и иностранными журналистами скажет: «Я вправе надеяться, что те государства, за общее дело которых сражалась моя армия, окажут гостеприимство несчастным изгнанникам» [Материалы Корниловского полка 555–556].

Как пишет Н. Карпов, Врангель не только участвовал в организации эвакуации, но и лично побывал во всех основных пунктах погрузки войск, затем обошел на катере стоявшие на рейде корабли, поблагодарил солдат и офицеров за службу, напомнил им свои слова о лишениях, которые ожидают их на чужбине. В день отплытия кораблей из Севастополя генерал «приказал снять с охраны города юнкеров-сергиевцев, построил их на площади у Главного штаба, поблагодарил за службу и сказал: „…Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознаниии выполненного до конца долга“. После этого он снял свою корниловскую фуражку, поклонился земле и отбыл на катере на крейсер „Корнилов“». Юнкеров погрузили на корабль «Херсон». «Последним от берега отчалил начальник обороны Севастопольского района генерал Н. Н. Стогов[9]» [Карпов 12, 17].

По словам многих беженцев, попавших на российские суда, путь из Крыма в Турцию был крайне тяжелым. Не хватало продовольствия и воды – ели селедку и пили морскую воду. Буханку хлеба делили на 50 человек. Из муки, добытой в трюмах, делали лепешки и «пекли» их на паровых трубах. Людей мучили голод, жажда,

---

[9] Николай Николаевич Стогов (1873–1959) в период Первой мировой войны состоял начальником штаба 8-й армии А. А. Брусилова, затем ему, уже генерал-лейтенанту, был доверен пост начальника штаба армий Юго-Западного фронта. После Октября 1917 г. некоторое время исполнял обязанности главкома армий фронта. В начале 1918 г. поступил на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА) и в мае–августе был начальником Всероссийского главного штаба РККА, а в конце года приступил к работе в системе Главархива. В 1919 г. был арестован ВЧК и через несколько месяцев освобожден. Бежал в Польшу, оттуда перебрался на Юг России, к белым. В начале 1920 г. он начальник штаба Кубанской армии при Шкуро, а в мае главком Врангель назначает его комендантом Севастополя и командующим войсками тылового района.

кишечные болезни, грязь, насекомые. Невыносимы были наглые крысы: ночью они спускались с потолков и стен и с писком бегали по спящим вповалку людям.

Гораздо лучше было тем, кому посчастливилось попасть на иностранные корабли. И уж совсем неплохо чувствовали себя штабные работники, которые имели возможность удобно разместиться в кают-компаниях, где они могли выпивать, играть в карты и даже танцевать под звуки рояля.

Петр Семенович Бобровский[10], оказавшийся на французском военном судне, вспоминал: «Состав русских беженцев на „Вальдеке Руссо“ был очень пестрый. Мы их брали в трех пунктах. Меньшинство село, как и мы, в Севастополе. Среди них было несколько министров врангелевского правительства. Остальных забрали в Ялте и Феодосии. Тут были и военные, и чиновники, и спекулянты разных наций, и люди неопределенного вида. Брали тех, кто почему-либо не попал на русское судно. Но не всех, кто хотел. Санкцию на прием давал адмирал [Дюмениль], фактически же вопрос решал Пешков[11] и еще два-три французских офицера, говоривших по-русски. Подозрительным людям отказывали. […] Сели мы на „Вальдек Руссо“ около 11 часов, отошли же от Севастополя в 2 часа дня. В течение этих трех часов мы наблюдали посадку солдат на недалеко от нас стоявший „Саратов“ – огромный пароход Добро-

---

[10] Присяжный поверенный; в годы Первой мировой и Гражданской войн был председателем симферопольской социал-демократической организации и членом Симферопольской городской думы. В ноябре 1918 – апреле 1919 г. Бобровский входил в Крымское краевое правительство. (Одним из министров был В. Д. Набоков – отец знаменитого писателя.) В ноябре 1920 г. вместе с остатками врангелевской армии он эвакуировался в Турцию, но вскоре уехал в Сербию, а оттуда в Берлин. Его первая публикация: *П. С.* [*Бобровский*]. Крымская эвакуация (Неоконченный дневник). – На чужой стороне. Кн.XI, XII. Прага–Берлин, 1925 (см. [Белое дело 486]).

[11] Имеется в виду Зиновий Пешков – брат Я. М. Свердлова и приемный сын (или крестник) М. Горького, который еще в юности попал во Францию, воевал во время Первой мировой войны на стороне французов, потерял в сражении руку, был награжден Военным Крестом с пальмовой ветвью, получил офицерский чин. Кавалер ордена Почетного Легиона. В Крыму оказался в качестве секретаря французской миссии при правительстве Врангеля.

вольного флота[12]. Бесконечная серая лента тянулась по трапу снизу вверх. Каждому солдату разрешалось иметь в качестве багажа только один мешок. Лишнее на наших глазах сбрасывали в море. Вся эта многотысячная масса людей постепенно заполнила всю палубу. Люди стояли плечо к плечу. Я думал, что это временно, что их разместят по каютам. Но потом я узнал, что каюты были уже переполнены и все эти люди так и доехали до Константинополя, стоя в страшной тесноте на палубе. Вообще условия эвакуации в Константинополь были ужасны. Все пароходы были битком набиты, некоторые оказались на полпути без воды и без угля. Про грязь и говорить нечего. Но что самое худшее – это неодинаковость условий эвакуации. Я не говорю про американские пароходы, на которых беженцы пользовались всеми удобствами и даже комфортом, не говорю и про наш „Вальдек Руссо“, на котором мы, по сравнению с условиями на других судах, просто благоденствовали. Это – иностранные пароходы, и пассажиры их – случайные счастливцы, попавшие в условия, которых, конечно, не могло предоставить правительство Врангеля при эвакуации всем беженцам. Но, казалось бы, на русских судах условия эвакуации должны были быть более или менее одинаковы. Между тем на одних пароходах была грязь, давка, голод и лишний багаж сбрасывали в море. На других же была и вода, и провиант, и разрешали брать с собой все что угодно. Позже, в Константинополе, я видел при разгрузке беженского багажа качающиеся на лебедке гарнитуры мебели, клетки с курами, дуговые электрические фонари. Это всё везли запасливые люди в виде валюты. Но эта „валюта“ занимала на иных пароходах так много места, что многие из желающих попасть на пароход не попадали на него. Если верны

[12] Добровольный флот (ДФ) – российское государственное пароходное предприятие, созданное на добровольные пожертвования с целью развития отечественного торгового мореплавания и создания резерва для военного флота. Комитет по устройству ДФ был учрежден указом императора Александра II от 11 апреля 1878 г. Всего было собрано около 4 млн. руб. и в том же году закуплено в Германии три парохода. Первой акцией ДФ стала перевозка на его судах русских войск (более 130 000 человек), участвовавших в войне с Турцией 1877–1878 гг. Суда ДФ осуществляли товарно-пассажирские перевозки между портами Черного и дальневосточных морей.

сведения константинопольской [эмигрантской] газеты „Пресс дю Суар“ о терроре в Крыму, то гибель тех, кто не мог уехать, целиком на совести этих не в меру заботливых о себе господ» [Бобровский 368–369].

К сожалению, эта газета писала чистую правду. После ухода врангелевцев из Крыма здесь начались репрессии: расстреливали оставшихся по разным причинам белых офицеров, солдат и казаков, крымское духовенство и членов дворянских семей. Расстреливали по всему Крыму – от Евпатории до Феодосии. И не только расстреливали: известны случаи, когда красные, экономя патроны, привязывали людям к ногам железо и сбрасывали их с портового волнореза в море или вешали им на шею камни и топили. По разным свидетельствам, в Крыму «расстрелянных и утопленных с ноября 1920 по апрель 1921 г.» было – приводим наивысшие показатели – от 117 000 до 170 000 человек. На вопрос В. В. Вересаева, «почему была устроена кровавая расправа над всеми офицерами, оставшимися в Крыму», Дзержинский ответил, что здесь произошла «очень крупная ошибка», что в Крым для выполнения операции по разорению этого «гнезда белогвардейщины» были посланы «товарищи с исключительными полномочиями. Но мы никак не могли думать, что они так используют свои полномочия». Эти товарищи – Бела Кун (венгерский коммунист), Землячка (пламенная революционерка Розалия Залкинд) и начальник крымской ЧК С. Реденс (см. [Пеньковский 117–118; Ильченко. 2003]).

Среди оставшихся были и те, кто на свою беду поверил «воззванию председателя ВЦИК М. Калинина и председателя Совнаркома В. И. Ленина: „Полную амнистию гарантируем всем переходящим на сторону Советской власти“» и те, кто поверил подписанной Фрунзе 11 ноября 1920 г. радиотелеграмме Реввоенсовета Южного фронта, в которой обещалось «сдающимся, включительно до лиц высшего комсостава, полное прощение в отношении всех проступков, связанных с гражданской борьбой»[13] и о которой, несмотря на предпринятые Врангелем меры, стали доходить слухи. Но больше

[13] Полный текст этой радиотелеграммы см. выше.

всего они поверили призыву А. А. Брусилова «не покидать Родину». Под командованием этого популярного в войсках генерала российская армия одержала самую большую победу в ходе Первой мировой войны, вошедшую в историю как Брусиловский прорыв. Позже выяснилось, что текст и подпись призыва сфабриковал Э. М. Склянский – заместитель председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого (см. [Ильченко. 2003]).

Не только П. С. Бобровский писал о крайней перегруженности «Саратова». Об этом же сообщал генералу Шатилову «начальник эшелона», переправленного в Стамбул на «Саратове», генерал З. А. Мартынов. В его отчете содержались сведения об обстоятельствах погрузки и условиях переезда. Так, пароход, рассчитанный на 1860 пассажиров, принял на борт 7056 человек. В результате в море пришлось выбросить нары, стулья, столы, всякое другое оборудование – все, чтобы расчистить место для людей. Посадка на пароход продолжалась и тогда, когда он уже стоял на рейде. По приказу генерала А. П. Кутепова, часть корпуса которого была размещена на «Саратове», приходилось не раз спускать трап, чтобы брать на борт людей, прибывающих на баржах, катерах и лодках. Самым последним беженцам не разрешалось брать с собой вещей в отличие от тех, кому посчастливилось попасть на пароход в начале погрузки. В Стамбуле «Саратов» по указанию французов встал на рейд у азиатского берега Босфора, в порту Хайдарпаша. Некоторое время он развозил солдат и офицеров по местам дислокации, «определенным по согласованию с союзниками и турецкими властями». «Саратов» и «Херсон» (на его борту находились юнкера) «доставили армейских беженцев на Галлиполи[14] в Дарданеллах» [Мартынов, л. 4–4 об.].

Итак, к 23 ноября на Босфоре и в Мраморном море сосредоточилось 126 судов, включая морской транспорт союзников. Из рос-

[14] В цитируемых в настоящем издании архивных источниках и публикациях этот полуостров и его порт названы (согласно европейской традиции) или одинаково – Г а л л и п о л и (от др.-греч. Kallipolis – «красивый город»), или первый именуется Галлиполийским. Однако в наших энциклопедиях и атласах официальное название полуострова осталось греческим (при этом пишется оно несколько иначе – Галли□польский), а город-порт именуется по-турецки – Гелиболу, и мы используем эти официальные названия.

сийских судов до Стамбула не дошел эсминец «Живой»[15], на борту которого «находилось около 250 человек эвакуированных, главным образом офицеров Донского полка» [Карпов 18, 20]. Еще несколько судов разбились у турецких берегов, но потерпевших удалось спасти [На прощание XV].

По предварительным подсчетам французов, после поражения Белой армии в турецкую столицу должны были прибыть 30 000 человек, а их оказалось в пять раз больше – 150 000 (две трети военных и одна треть гражданских лиц). Среди них насчитывалось: по данным штаба главнокомандующего – около 100 000 военных (50 000 солдат с фронта, 40 000 солдат тыловых частей, 6000 военных инвалидов и раненых, 3000 учеников военных корпусов) и 50 000 гражданских лиц (13 000 мужчин, 30 000 женщин и 7000 детей); по данным советской разведки – 86 000 солдат и примерно 60 000 гражданских лиц. По приказу Врангеля военным было предоставлено право выбора – оставаться в армии или перейти на положение беженцев (см. [Пеньковский 119]).

Осенью 1920 г. из Турции в Москву ушла поздравительная телеграмма на французском языке, адресованная Л. Д. Троцкому. С копией телеграммы, хранящейся в Республиканском архиве Турции (Анкара), автору этих строк удалось ознакомиться. Приводим ее перевод полностью: «Товарищу Троцкому – Народному Комиссару обороны Российской Советской Республики. От имени Великого Национального Собрания Турции спешу выразить Вам мои искренние и горячие поздравления по случаю блестящей победы доблестной Красной армии над армией Врангеля – последним оплотом западного империализма. Желаю от всего сердца, чтобы победа была успешной прелюдией к окончательному разгрому империализма. *Февзи* [16] – комиссар национальной безопасности при правительст-

---

[15] То ли из-за неисправности, то ли из-за нехватки топлива «Живой» шел на буксире у «Херсона». Во время шторма буксирный канат лопнул и корабли разметало в разные стороны. Найти эсминец так и не удалось (см. [Рус. воен. эмиграция 255]).

[16] Подписавший телеграмму Февзи в 1922 г. станет начальником Генерального штаба армии Кемаля, затем получит звание маршала. В 1934 г. он возьмет себе фамилию Чакмак («кремень»).

ве Великого Национального Собрания Турции. Копия верна, [город] Трабзон. 24 ноября 1920. Комендант Трабзона» [Fevzi. 1920].

Телеграмма эта не должна вызывать удивление. Ее не следует рассматривать как нечто неожиданное. Анкара, находившаяся в этот период в изоляции, как уже говорилось, еще в апреле 1920 г. сделала первый шаг, направленный на сближение с Москвой. Сближение Анкары с Москвой самым непосредственным образом скажется на проблеме русских беженцев в Турции (но об этом речь впереди).

Кто бы мог подумать, что почти десять лет спустя после поздравления Февзи, не лишенного пафоса и политического смысла, адресат – победитель белых армий – окажется в республиканской Турции, на турецком острове Бююкада в Мраморном море, как персона, выдворенная из Советского Союза. Скорее всего, это стало возможным благодаря добрососедским отношениям между Москвой и Анкарой.

Троцкий – открытый и серьезный противник Сталина – в ноябре 1927 г. был выселен из квартиры в Кремле, а затем, скорее всего в начале января 1928 г., с женой Натальей Седовой и старшим сыном Львом Седовым был депортирован в Алма-Ату. Но Сталина это не устраивало: он желал выдворить его из Советского Союза. И 18 января 1929 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило: «Гражданина Троцкого Льва Давыдовича – выслать из пределов СССР». Найти страну, согласную принять пролетарского революционера с мировым именем, оказалось непросто. Надежда оставалась только на Турцию. Ее руководство весьма ценило помощь Советского Союза – правда, в это время уже не военную, а экономическую.

Уезжать куда-либо, тем более в Турцию, Троцкий не хотел. По его мнению, там еще было «полно белогвардейцев», которых он не без основания остерегался. На его заявление о том, что на границе он объявит турецким властям о своем нежелании следовать дальше, сопровождавший его уполномоченный ГПУ (секретарь Ягоды – П. П. Буланов[17]) ответил, что такое заявление ничего не изменит, поскольку с турецким правительством вопрос согласован и на тот случай, если Троцкий откажется ехать туда добровольно.

[17] Впоследствии был обвинен как соучастник убийства Горького и его сына; в 1938 г. расстрелян.

Тогда Троцкий написал заявление в ЦК ВКП(б), ЦИК СССР и Исполком Коминтерна, которое уполномоченный ГПУ переслал в Москву по прямому проводу. Вот его текст: «**1**. Председатель ГПУ сообщил, что германское с.-д. правительство отказало в визе. Значит, [рейхсканцлер Германии] Мюллер и Сталин сходятся в политической оценке оппозиции. **2**. Представитель ГПУ сообщил, что я буду передан в руки Кемаля против моей воли. Значит, Сталин сговорился с (душителем коммунистов) Кемалем[18] о расправе над оппозицией как над общим врагом. **3**. Представитель ГПУ отказался говорить о минимальных гарантиях против белогвардейцев, русских, турецких и иных, хотя бы и при принудительной высылке в Турцию. Под этим кроется прямой расчет на содействие белогвардейцев Сталину, которое принципиально ничем не отличается от заранее обеспеченного содействия Кемаля. **4.** Невыполнение уже данного мне обещания о доставке необходимых книг из Москвы есть частичная иллюстрация грубой нелояльности в большом и в малом. **5**. Заявление представителя ГПУ, будто „охранная грамота" дана Кемалем на мои вещи за вычетом оружия, т. е. револьверов, есть фактически разоружение меня на первых же шагах перед лицом белогвардейцев с заведомо ложной ссылкой на турецкое правительство[19]. Сообщаю вышеизложенное для свое-

---

[18] Скорее всего, Троцкий имеет в виду убийство 28 января 1921 г. лидера турецких коммунистов Мустафы Субхи (1883–1921) и 14 его соратников. Подробно об этом вероломном убийстве сказано в книге турецкого автора Кабаджалы «Неизвестные страницы истории Республики» (см. [Kabacalı 29–35]).

«Субхи, сын губернатора, доктор права университета Стамбула, имеющий диплом Школы политических знаний Парижа, станет активным революционером. Сначала он вступает в османскую социалистическую партию; в 1914 г. перебирается в Россию […] вступает в партию большевиков и становится ответственным за пропаганду в составе мусульманского бюро» [Жевахов 90]. В 1920 г. в Баку Субхи основал коммунистическую партию Турции.

[19] «Пункты 3, 4 и 5 […] вычеркнуты и в окончательный текст не включены» [Троцкий, 1994: 224, примеч. 66]. Это издание 1994 г. (его полное библиографич. описание см. в разд. «Источники» наст. кн.) включает дневниковые записи, письма, телеграммы и заявления Л. Д. Троцкого за 1926–1940 гг.; в нем есть разд. «Из прессы тех лет». Издание составлено по материалам крупнейших западных архивов – Гарвардского университета (Бостон), Гуверовского института при Стэнфордском университете (Калифорния), Международного института со-

временного закрепления ответственности и для обоснования тех шагов, которые сочту нужным предпринять против чисто термидорианского вероломства. *7–8 февраля 1929 г. Л. Троцкий*» [Троцкий 44–45].

10 февраля спецпоезд, набитый агентами ГПУ, доставил Троцкого с семьей в Одессу. Отсюда с новым уполномоченным ГПУ Фокиным на пароходе «Ильич» они отплыли в Стамбул. Здесь Троцкий заявил своему сопровождающему сначала устный протест, а затем вручил ему следующий документ: «*Уполномоченному ГПУ гр. Фокину.* Согласно заявлению представителя коллегии ГПУ Буланова, Вы имеете категорическое предписание, невзирая на мой протест, высадить меня путем применения физического насилия в Константинополе, т. е. передать в руки Кемаля и его агентов. Выполнить это поручение Вы можете только потому, что у ГПУ (т. е. у Сталина) имеется готовое соглашение с Кемалем о принудительном водворении в Турцию пролетарского революционера объединенными усилиями ГПУ и турецкой национал-фашистской полиции. Если я вынужден в данный момент подчиниться этому насилию, в основе которого лежит беспримерное вероломство со стороны бывших учеников Ленина (Сталина и К°), то считаю в то же время необходимым предупредить Вас, что неизбежное и, надеюсь, недалекое возрождение Октябрьской революции, ВКП и Коминтерна на подлинных основах большевизма даст мне раньше или позже возможность привлечь к ответственности как организаторов этого термидорианского преступления, так и его исполнителей. 12 февраля 1929 г. *Пароход „Ильич“, при приближении к Константинополю. Л. Троцкий*».

Когда на пароход прибыл турецкий полицейский офицер (было предупреждение из Одессы о прибытии в Стамбул Троцкого с семьей), Троцкий вручил ему заявление на имя Кемаля: «*Его превосходительству г-ну Президенту Турецкой республики.* Милостивый государь! У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по собственному выбору и

циальной истории (Амстердам). Подготовка текстов к печати выполнена Ю. Г. Фельштинским, автор Предисловия – А. Авторханов.

что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию. Соблаговолите, господин Президент, принять соответственные мои чувства. *12 февраля 1929 г. Л. Троцкий*» [Троцкий 45–46].

Турецкий офицер сделал вид, что его это совершенно не касается. Короче говоря, Троцкий ступил на турецкую землю.

Поначалу поселили семью Льва Давыдовича в советском генконсульстве. Какое-то время ушло на поиски квартиры. Несколько предложений Троцкий отклонил, причем каждый раз аргументировал свой отказ в письменной форме и предупреждал, что в случае если ему и его семье не будет обеспечена безопасность, то ответственность понесет «не только Сталин и его фракция», но и все участники выдворения. Кончилось тем, что Троцкого с семьей обустроили на о-ве Бююкада примерно в 40 км от Стамбула.

Остров этот совсем небольшой: его можно обойти за два часа. Летом на свои дачи сюда приезжают стамбульцы, а зимой он пуст. Здесь царит тишина и покой. Тишина располагала к работе. Троцкий работал по 10–12 часов в сутки. Секретарей, с которыми он привык работать – Сермукса и Познанского, к нему не пустили, хотя и обещали. Помогали в работе жена и сын. Необходимые книги присылали из Европы и Америки. На острове Троцкий написал два больших труда – «Моя жизнь. Опыт автобиографии» (заканчивается прибытием Троцкого в Турцию) и «История русской революции». Главную свою задачу в те годы он видел в мобилизации левых сил в Германии против набирающего силу нацизма. Победу Гитлера в феврале 1933 г. Троцкий расценит как поражение международного рабочего движения. Он считал, что Коминтерн оказался недееспособным из-за контрреволюционной политики Сталина, и призывал к образованию IV Интернационала.

В Стамбул Троцкий выезжал редко, в основном по медицинским надобностям, а за пределы Турции выехал всего один раз. Это было в 1932 г., когда Студенческий социалистический союз Дании пригласил его для чтения лекций на тему «Что такое Октябрьская революция» (лекция преследовала научные, а не пропагандистские цели). Образ жизни Троцкого того времени нельзя назвать замкнутым. Как только он устроился на новом месте, к нему потянулись

молодые троцкисты, готовые охранять и помогать ему во всем, появились писатели, друзья. Приезжали также немецкие и американские издатели, чтобы заключить с ним контракт на книги и предложить аванс. Не было отбоя от журналистов со всех континентов. Троцкого посетил, например, специальный корреспондент французской газеты «Пари суар» Жорж Сименон. Как сообщалось в эмигрантской газете «Последние Новости» (15.06.1933), издававшейся в Париже, «опальный сов. сановник согласился принять журналиста, но потребовал, чтобы вопросы были ему предварительно представлены на просмотр в письменной форме. Извозчик подвез Сименона к вилле, за решеткой которой дежурил турецкий полицейский в форме. Затем появился второй полицейский – в штатском. Оба уже были предупреждены о предстоящем визите. […] Интервью свое Троцкий приготовил заранее и переписал в двух экземплярах. Один дал журналисту, другой оставил у себя, причем Сименон на нем расписался: Троцкий очень боится, как бы его слова не были искажены» (цит. по [Троцкий 199]).

Троцкий, который, как сказано в тех же «Последних новостях», «отлично себя чувствует на Принкипо». Здесь он часто выходит в море ловить рыбу в компании местного рыбака. «За 53 месяца [пребывания в Турции] я близко сошелся с Мраморным морем при помощи незаменимого наставника. Это Харалямбос – молодой греческий рыбак, мир которого описан радиусом примерно в 4 километра вокруг Принкипо. Но зато Харалямбос знает свой мир. Безразличному глазу море кажется одинаковым на всем его протяжении. Между тем дно его заключает неизмеримое разнообразие физических структур, минерального состава, флоры и фауны. Харалямбос, увы, не знает грамоты, но прекрасную книгу Мраморного моря он читает артистически» [Троцкий 200, 69].

Находясь в Турции, Троцкий пытается выехать в Европу. В 1933 г. французское правительство, возглавляемое Эдуардом Деладье, предоставляет ему убежище во Франции, куда он приезжает инкогнито. Однако из-за необходимости часто менять местожительство (существовала реальная опасность покушения на Троцкого со стороны белоэмигрантов) и связанных с этим хлопот – как собственных, так и причиняемых властям, он был вынужден летом

1935 г. перебраться в Норвегию[20]. В августе 1936 г., на первом московском, инсценированном службой безопасности процессе по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» Сталин называет Троцкого агентом Гитлера, организатором террористических актов в союзе с гестапо. Москва пытается оказать открытое давление на норвежское правительство, заявляя, что оно «несет отныне полную ответственность за дальнейшее пребывание Троцкого в Норвегии» [Троцкий, 1994: 159]. Уступая давлению, норвежский министр юстиции интернировал Троцкого, заявив о нежелательности его присутствия в стране. В 1936 г. президент Мексики Лассаро Карденас предоставляет Троцкому политическое убежище. Вместе с женой Троцкий поселяется в местечке Койоакане (близ мексиканской столицы) в качестве гостя художника Диего Риверы. Здесь в августе 1940 г. Троцкий будет убит агентом НКВД.

Надо сказать, что беженцы начали прибывать в Турцию (в основном в Стамбул) еще в 1918 г.. В следующем году это уже были целые группы – главным образом семьи белых офицеров. Есть сведения, что в 1919 г. в Турции насчитывалось 1000 русских беженцев [Пеньковский 410]).

От Южнорусского правительства в Турцию был назначен поверенный в делах России, но вскоре по настоянию англичан эта должность была заменена на другую, которая называлась «представитель Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) при союзном

[20] Троцкий сравнивает свое пребывание в Турции и Франции, с одной стороны, и в Норвегии – с другой: «В Турции мы жили „явно“ для всех, но под большой охраной (три товарища, два полицейских). Во Франции мы жили инкогнито, сперва под охраной товарищей (Barbizon), затем одни (Isere). Сейчас [т.е. в Норвегии] мы живем открыто и без охраны. Даже ворота двора днем и ночью раскрыты настежь. Вчера два пьяных норвежца приходили знакомиться. Побеседовали мы с ними честь честью и разошлись». И еще о Троцком во Франции (из газет): «Троцкий со своей свитой жили [на вилле] в Барбизоне как в осажденной крепости. Никого постороннего за ворота не пропускали […] Бывшего наркомвоена охраняют два свирепых пса […] Обитатели виллы постоянно опасались покушения со стороны белых […] из Парижа были получены тревожные вести. Вилла была переведена на военное положение. Собаки день и ночь бегали по парку, заряженные револьверы лежали наготове» [Троцкий 149, 202].

командовании». Еще в августе 1919 г. (при главкоме ВСЮР Деникине) им стал генерал В. П. Агапеев. Весной 1920 г. по приказу Врангеля, в это время уже главкома Русской армии[21], Агапеев был уволен как ответственный за убийство в Стамбуле генерала И. П. Романовского (об этом событии ниже). Назначение, теперь на должность главы российской дипломатической миссии в Стамбуле в ранге посланника, получил А. А. Нератов – член Особого совещания при главнокомандующем, начальник Управления иностранных дел.

Но после сдачи в 1920 г. Одессы (февраль) и Новороссийска (март) в Стамбул хлынула первая волна беженцев – солдаты и офицеры, деятели культуры и общественные деятели, аристократы и предприниматели, торговцы и проститутки.

Накануне 27 марта (в тот день, когда пал Новороссийск), остатки белых войск численностью до 15 000 человек, не пожелавших или не успевших эвакуироваться, двинулись к грузинской границе. По пути к ним присоединилось огромное количество казаков с семьями, беженцев с Дона и Кубани и калмыков. К грузинской границе «подошло более 50 тыс. человек войск и беженцев». Массы людей в пути умирали от голода и болезней. Когда этот людской поток оказался у границы Грузии (в 1918–1921 гг. Грузинская Демократическая Республика), она категорически отказалась принимать белых, сделав исключение только для казачьего руководства и «почетных стариков кубанских станиц». Некоторые из них отклонили это предложение. В апреле красные предложили белым капитулировать. Измотанные тяжелейшим переходом казаки тысячами сдавались в плен. «И только очень небольшая часть казаков мелкими группами смогла пройти грузинскую границу по горам» в Восточную Турцию, или Анатолию (подробно см. [Пеньковский 100–102]).

В ноябре 1920 г. последовала вторая, огромная волна «беженской массы», теперь из Крыма. Она состояла преимущественно из офицеров, солдат и казаков Русской армии, а также гражданского населения – творческой и научной интеллигенции, политических

[21] В апреле 1920 г. ВСЮР были реорганизованы в Русскую армию.

деятелей и журналистов, продвигавшихся к югу России вместе с армией и в конце концов оказавшихся в Крыму в надежде дождаться здесь падения советской власти.

И после крымской эвакуации в Стамбул продолжали прибывать отдельные военные и гражданские лица.

Бунин писал, что среди беженцев преобладали «бегущие, уже давно, из города в город, и наконец добежавшие до последней русской черты».

Россияне попадали в Турцию не только морем – с юга России, не только через кавказскую границу, но порой и сложными, окольными путями, как, например, Н. Н. Богданов, одиссею которого записал его старый знакомый, уже упоминавшийся здесь автор воспоминаний П. С. Бобровский.

Уехав весной 1919 г. из Крыма от «вторых большевиков»[22] на Кубань, Богданов «не остался там, а решил пробираться к Колчаку. Единственным путем в Сибирь в то время был путь с северного побережья Каспийского моря вдоль Урала. Н. Н. с семьей так и поехал: с Кубани – на Кавказ, оттуда Каспийским морем в Гурьев-городок. Ехал он с женой, детьми и еще с несколькими путниками. В Гурьев-городке купили они лошадей, на которых и проделали путь до Челябинска. В момент их приезда в Челябинск фронт Колчака уже дрогнул. И дальше началось отступление на восток, вплоть до Владивостока. За границей Н. Н. не хотел оставаться. Крым в то время был свободен от большевиков. И вот он с семьей отправился в Японию, а оттуда вокруг всей Азии в Константинополь. В Константинополь они приехали в момент сдачи Деникиным большевикам всей только что завоеванной территории. Оставался противобольшевистским только Крым. Не желая подвергать семью риску, Н. Н. поехал на Балканы. Но тоска по России заставила его все же рискнуть поехать в Крым уже в одиночестве. И он попал снова на эвакуацию» [Бобровский 377–378].

---

[22] «…„первыми большевиками“ и „вторыми большевиками“ население Крыма называло в просторечии большевистские режимы соответственно Таврической советской социалистической республики (март–апрель 1918 г.) и Крымской советской социалистической республики (апрель–июнь 1919 г.)» [Белое дело 487, примеч. 3].

Турция не впервые принимала гонимых со своих земель людей иной веры, языка и культуры. В 1492 г. турки-османы открыли двери евреям, бежавшим от инквизиции из Испании, а в 1848–1849 гг. – венграм, спасавшимся от Габсбургов. Гонимые чаще всего оставались здесь навсегда, находя применение своим знаниям и способностям. И вот в 1920-х годах Турция стала прибежищем для россиян (в отличие от названных примеров на короткий срок), и для большинства из них судьба в чужом краю обернулась продолжением тяжких испытаний, начавшихся еще в родном доме.

Даже тем, кто располагал средствами и для кого Стамбул был лишь «почтовой станцией» на пути в Европу, пришлось столкнуться с такими непредвиденными обстоятельствами, которые врезаются в память на всю жизнь. «В Константинополь мы пришли в ледяные сумерки с пронзительным ветром и снегом… – вспоминает Бунин, – и тут должны были идти под душ в каменный сарай для „дезинфекции“. Константинополь был тогда оккупирован союзниками, и мы должны были идти в этот сарай по приказу французского доктора, но я так закричал, что мы с Кондаковым[23]

---

[23] Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) – историк византийского и древнерусского искусства, действительный член Петербургской Академии наук (1898). В 1865 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В своих трудах впервые охарактеризовал особенности византийского искусства, поднял проблему генетического родства искусства Западной Европы, Византии и Востока. В 1873–1890 гг. был в научных экспедициях по странам Европы и Востока, в частности в Турции, где изучал памятники Константинополя. В 1888 году в Петербургском университете занимал должность профессора на кафедре истории искусств. Был членом русского археологического общества и одним из организаторов центра византиноведения – Русского археологического института в Константинополе (1895). Весной 1917 г. уехал из Петрограда в Одессу, затем в Ялту, а осенью 1918 г. вернулся в Одессу и читал в университете лекции по русской иконописи. В 1919 г. в Одессе он и Бунин сотрудничали в антисоветской газете «Южное Слово». После того как красные уже прочно овладели городом, оба академика (один – действительный, другой – почетный) в начале февраля 1920 г. на одном пароходе и в одной каюте отплыли в османскую столицу. В том же месяце Кондаков перебрался в Болгарию и до 1922 г. преподавал в Софийском университете. Президент Чехословакии Т. Масарик, узнав о бедственном положении Кондакова в Болгарии, взял его под свое покровительство, назначил ему персональную пенсию; с 1922 г. и до своей кончины (1925) он со-

„Immortels“ – „Бессмертные“ (ибо мы с Кондаковым были членами Российской Императорской Академии), что доктор, вместо того чтобы сказать нам: „Ну и тем лучше, вы, значит, не умрете от душа“, сдался и освободил нас от него. Затем нас вместе с нашим жалким беженским имуществом покидали по чьему-то приказанию на громадный грохочущий камион [т. е. грузовик] и помчали за Стамбул». Далее Бунин пишет, что ночевали они «в какой-то совершенно пустой руине» огромного турецкого дома, где спали на полу, «а утром узнали, что руина эта еще недавно была убежищем прокаженных, охраняемая теперь великаном негром». К вечеру они перебрались в Галату, в помещение бывшего русского консульства, «где до отъезда в Софию спали тоже на полу». Будущему лауреату Нобелевской премии, можно сказать, повезло. Ему удалось сразу покинуть иностранный пароход, на котором он пересек Черное море, и вскоре уехать из Стамбула, чтобы с остановками в Болгарии и Сербии добраться до Парижа (см. [Михайлов 208]).

Большинство же беженцев попало в такие ужасные условия, когда трудно было просто выжить. И те, кому после прибытия в Стамбул пришлось на какое-то время оставаться на судах, буквально голодали. Их мучила жажда, поскольку на некоторых пароходах не было пресной воды. Наконец, союзники и русские власти организовали подвоз еды и воды. Местные торговцы – греки и турки – быстро организовали товарообмен. Около каждого парохода «стояли две-три лодки, нагруженные доверху хлебом, консервами, восточными сладостями, колбасой и прочими съестными припасами. На все это были устремлены жадные взоры с бортов пароходов. На врангелевские деньги ничего нельзя было купить. Требовали исключительно турецкие, союзнические и вообще иностранные. Все переводилось на турецкую валюту. Греки [и турки], пользуясь безвыходным положением голодающих беженцев на пароходах, которые к тому же совершенно не знали местных цен, за-

---

стоял профессором Карлова университета в Праге. Дело здесь не только в том, что Кондаков был крупным ученым, а еще, вероятно, и в том, что, по некоторым сведениям, еще в 1890 г. он поддержал выдвижение чешского ученого Томаша Масарика на должность профессора славяноведения Петербургского университета.

ламывали бешеные и несуразные цены. Богатое и нищенское имущество беженцев начало моментально по веревкам перемещаться в лодки […] Обручальные кольца, драгоценные перстни, седла, револьверы, меховые вещи, носильное платье и белье – все это постепенно заполняло лодки предприимчивых [торговцев]. Только через три дня союзные власти прекратили этот „товарообм*а*н“. Среди пароходов начали дежурить английские полицейские катера, которые не допускали и арестовывали чересчур назойливых торговцев. Выход на берег под страхом ареста был воспрещен. Помимо постоянного дежурства полицейских катеров вокруг пароходов с беженцами везде и на всех пристанях были установлены полицейские посты, которые проверяли у всех по виду русских документы и паспорта. Всех без паспортов и без союзнической визы немедленно арестовывали и препровождали в „кроккер“[24] или драгоманат». На берег могли сойти, например, те лица, которые, имели «имущественное обеспечение или родственников», что должно было быть засвидетельствовано в русском консульстве.

Начали распространяться слухи, что всех перевезут на остров Лемнос и полуостров Галлиполи, а значит, они не попадут в одну из балканских, т. е. славянских, стран. Все это привело к тому, что люди стали самовольно убегать с пароходов, предпочитая «быть арестованными и находиться где угодно, лишь бы не оставаться ни одной лишней минуты на пароходах-тюрьмах». Удирали по ночам, предварительно сговорившись с кем-то из снующих здесь лодочников-турок. Удирали в одиночку и группами, мужчины и женщины. Раздобыв веревочную лестницу, они ночью при благосклонном участии остающихся совершали побег. При этом с собой забирали «имущество, не исключая револьверов, винтовок, седел и даже пулеметов, которые десятками были погружены при эвакуации воинских частей „на всякий случай“. Теперь этот „багаж“ послужил для многих валютой. Высадка беженцев производилась где-либо в одном из укромных и недоступных английской морской полиции уголков Босфора». Здесь их уже поджидали турки, кото-

[24] Вероятно, имеется в виду английский полицейский участок.

рые и скупали у русских беженцев все оружие, включая пулеметы, для армии Кемаля (см. [Слободской 75–77]).

Меж тем по прибытии в Стамбул флот Юга России был реорганизован в Русскую эскадру под командованием вице-адмирала М. А. Кедрова[25] и передан, согласно конвенции, «под покровительство Франции». По некоторым данным, 1 декабря 1920 г. правительство Франции изъявило свое согласие принять Русскую эскадру в Бизерте (Тунис)[26].

В декабре на судах в Бизерту прибыло около 6000 человек, включая женщин и детей. Их расселили в окрестностях города. Среди них нашлись энтузиасты, взявшие на себя организацию жизни колонии. Была построена церковь, налажена работа морского кадетского корпуса, открыта школа. Все это способствовало оживлению культурной жизни русской диаспоры. Летом 1921 г. французы включили в состав своего флота плавбазу «Кронштадт», оборудованную в соответствии с последними техническими достижениями того времени, а также несколько кораблей, в том числе ледокол «Илья Муромец» и танкер «Баку». Остальной морской

---

[25] Михаил Александрович Кедров (1878–1945) в период Гражданской войны был членом Особого совещания при русском посольстве в Лондоне по вопросам эксплуатации русского торгового флота союзниками. Осенью 1920 г. он был приглашен Врангелем на пост командующего Черноморским флотом и произведен в вице-адмиралы. В ноябре руководил переходом флота из крымских портов в Стамбул, а затем довел Русскую эскадру до Бизерты. По словам Врангеля, «беспримерная в истории, исключительно успешная эвакуация Крыма в значительной мере обязана своим успехом адмиралу Кедрову». Сдав в канун нового, 1921 г. командование контр-адмиралу М. А. Беренсу, вице-адмирал Кедров выехал из Бизерты в Париж. Здесь он возглавил Военно-морской союз и занялся организацией его отделов и групп в тех странах, где осели белоэмигранты. С 1930 г. Кедров был вторым заместителем председателя РОВС Е. К. Миллера, а после похищения Миллера советскими агентами в 1937 г. недолгое время исполнял обязанности председателя этого союза; впоследствии вообще отошел от политической деятельности. В 1945 г., в последний год своей жизни, он в составе делегации русских эмигрантов, приветствовавших победу советской армии над гитлеровской Германией, посетил советское посольство в Париже, но от предложения принять гражданство СССР отказался. Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

[26] С 1881 по 1956 г. Тунис находился под протекторатом Франции; в Бизерте размещалась французская военно-морская база.

транспорт продали или пустили на лом, выручив более 100 млн. франков. Если к этому добавить колоссальное количество оружия, боеприпасов, продовольствия, обмундирования и разного рода армейского имущества – всего, что было вывезено с Юга России, то, надо сказать, расчетливые французы с лихвой вернули свои деньги, истраченные на эвакуацию белых из Крыма и весьма скромное содержание их в Турции до 17 апреля 1921 г. (о событиях, связанных с этой датой, читатель узнает из очерка «Несбывшиеся надежды»).

Бывшие служащие военно-морского флота России разбрелись по свету. Большинство обосновались в Париже, часть осела в Северной Африке. В 1960-х годах автору этих строк довелось встречаться с некоторыми из них в Марокко. В торжественных случаях они надевали морскую форму со всеми наградами и знаками отличия Российского флота. Стало быть, время не стерло их преданность и любовь к Родине…

Итак, из Крыма в Стамбул эвакуировалось около 150 000 человек. Находившимся на судах приходилось ждать, пока союзники вместе с русским командованием и турецкими властями решат, где и как разместить армию и гражданских лиц. Почти две недели, пишет в своей статье «Русская армия в Галлиполи» В. Лобыцин[27], длились препирательства с французским оккупационным командованием «в отношении судьбы тех, кто томился на судах». В конце концов было получено разрешение «свезти армию на берег и разместить ее в трех военных лагерях».

По данным С. В. Карпенко, составителя книги «Белое дело…» и автора комментариев к ней, в районе г. Чаталджа (60 км от Стамбула) был размещен Донской корпус генерала Ф. Ф. Абрамова (6500 казаков), а на о-ве Лемнос в Эгейском море – Кубанский

---

[27] Владимир Викторович Лобыцин (1938–2005) – специалист по истории военно-морского флота России. По окончании Артиллерийской академии служил в ВМФ в звании капитана 2-го ранга. После демобилизации – сотрудник Института океанологии РАН и журнала «Вокруг света». Он автор-составитель книг по истории российского военно-морского флота. Активно занимался вопросами, связанными с сохранением и восстановлением памятников и захоронений русских военных, оказавшихся за пределами своей страны. В Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына существует фонд 58 (Коллекция В. В. Лобыцина).

корпус генерала М. А. Фостикова (7000); на Галлипольский полуостров, на Дарданеллы, были переправлены 1-й армейский корпус генерала А. П. Кутепова численностью от 11 000 до 12 000 бойцов (в него были сведены остатки нескольких пехотных и двух кавалерийских дивизий, а также Терско-Астраханской бригады[28]) плюс военные училища – до 10 000 бойцов, т. е. примерно 22 000[29] (см. [Белое дело 451, примеч. 57]).

Это о них Маяковский пишет в поэме «Хорошо»:

От родины
　　　　в лапы турецкой полиции,
к туркам в дыру,
　　　　　　в Дарданеллы узкие,
плыли
　　завтрашние галлиполийцы,
плыли
　　вчерашние русские.

В истории Турции Галлипольскому полуострову принадлежит особое место. С него началось проникновение турок в Европу. В 1352 г. Сулейман-паша (ум. в 1357), старший сын Орхана, внук Османа (Османа считают основоположником турецкого государства), со своим войском переправился через Дарданеллы в самой узкой, четырехкилометровой их части и овладел полуостровом. В результате турки смогли проникнуть в Восточную Фракию, навсегда оставить ее за собой и положить начало новому периоду собственной истории, истории Балкан, а значит, и Европы...

У В. Лобыцина читаем: 22 ноября 1920 г. на рейде портового городка Гелиболу встали «Саратов» и «Херсон». Они пришли из Стамбула. На них прибыли первые русские – военные и гражданские лица, которым предстояло жить в этом разрушенном недав-

[28] По другим данным, на о-ве Лемнос были размещены и кубанские, и терскиеказаки (см. [Лобыцин, 2004]).

[29] 1-й армейский корпус, размещенный в двух лагерях Галлипольского полуострова, насчитывал около 29 000 человек (см. [Пеньковский 122]).

ней войной и землетрясением городке. К 1 января 1921 г. 1-й армейский корпус насчитывал 9540 офицеров, 15 617 солдат, 369 чиновников, 142 врача и санитара; вместе с ними прибыли женщины и дети – соответственно 1444 и 244. Кроме того, в составе воинских частей числилось около 90 воспитанников – 10–12-летних мальчиков.

Французское командование для размещения армейских частей (кроме штаба генерала Кутепова) выделило долину каменистой и пересыхающей летом речки Бююкдере, берега которой были покрыты зарослями шиповника, где обитали змеи. Это место люди назвали Долиной роз и смерти. В далекие времена здесь содержались пленные казаки-запорожцы, вступавшие в горячие схватки с турками-османами, дерзавшими вторгаться в их земли.

Жизнь русских «галлипольцев», часто страдавших от недостатка еды, воды, спальных мест, одежды, бани и лечения, поначалу была крайне тяжелой. Со временем французы наладили более или менее регулярную поставку продовольствия, но продуктов было явно недостаточно. Ежедневный паек оценивался врачами как «неполное голодание». Кутепов ходатайствовал об увеличении рациона, например хлеба с 500 до 800 г, жиров (как и сахара) – с 20 до 40 г. Но французский комендант это ходатайство отклонил, сославшись на то, что этот паек «значительно выше того, который Советы выдают в России Красной армии».

Кроме того, воинские части в основном были размещены в полуразрушенных бараках и просто палатках – единственном убежище даже в зимнюю пору. Массовые заболевания и отсутствие медикаментов привели к тому, что в первые два зимних месяца умерли около 250 человек.

В феврале 1921 г. Американский Красный Крест организовал в г. Гелиболу детский питательный пункт и при нем детский сад для малолетних сирот. В том же здании помещалась гимназия, которую содержала баронесса О. М. Врангель. Впоследствии гимназия переедет в Болгарию, где ее содержание возьмет на себя армия.

И все-таки генералу Кутепову удалось – порой крайне жесткими, а порой и жестокими мерами, вплоть до высшей меры наказания

(здесь действовали военные суды), – организовать голодных, оборванных, раздраженных людей в дисциплинированное войско. Чтобы сохранить надлежащий уровень армии, в лагере, например, проводились учения, устраивались парады и смотры, была создана гимнастическо-фехтовальная школа. Кроме того, здесь появилось несколько театров, «Устная газета», действовала церковь.

В книге «Белое дело…» приводятся воспоминания о пребывании на Галлипольском полуострове (о «галлиполийском сидении») некоего «недоучившегося студента» Владимира Душкина, служившего здесь в Офицерской артиллерийской школе и написавшего впоследствии документальную повесть «Забытые» (Париж, 1983):

«Галлиполи – это год сидения и год ожидания, год последних надежд. Галлиполи – это […] Кутепов и его чудо: превращение голодных, обовшивевших, деморализованных, готовых стать опасной вольницей людей в дисциплинированную, связанную, монолитную группу. […] Галлиполи – это жизнь впроголодь. Галлиполи – это „американский дядя“ майор Дэйвидсон [Дейвис], даривший нам белье и полотенца […] Все немедленно продавалось грекам и туркам ради хлеба, кусочка халвы, пачки табака. Галлиполи – это выдача ЛИРЫ! Праздник в городе и лагере. Можно хоть раз поесть вдосталь хлеба, халвы, выпить бутылку чудесного самосского вина. […] В Галлиполи мы потеряли, похоронили реальную Белую Идею, но приобрели более бесплотную, более недостижимую, очищенную, просветленную Белую Мечту. Я думаю, что поняли это мы все, но не могли, не решались себе в этом признаться. Это казалось изменой. […]

От самого „сидения“ в памяти осталось мало: жизнь текла размеренно и без потрясений. Главной заботой были поиски лишнего куска хлеба, куска сахара, леденца, чтобы с ними пить горячую воду, вскипяченную на бумагах старых турецких архивов. Забота о хлебе заслоняла собою почти все остальное. […] я рисовал карандашом портреты греческих жандармов, живших в казарме над нашей конюшней (мы жили в старой конюшне), получал от них лепты и драхмы, иногда тарелку фасоли с оливковым маслом. На лепты покупали в греческой лавчонке леденцы […]

[…] в сущности, мы были очень заняты почти целый день. Рано утром – общий подъем и поверка в строю. Затем занятия „воинским артикулом“ – упражнения в командовании строем. Затем „словесность“ и теоретические познания по артиллерии […и] „практическая“ стрельба из пушек […] Занимались мы также сборкой и разборкой пулеметов […] И, кроме того, наряды: по гарнизону, по хозяйству, за продуктами, в горы за хворостом. В свободное время можно было читать: была довольно обширная корпусная библиотека, была устная газета. Были матчи в футбол. Так родилась и воспиталась сборная 1-го корпуса, ставшая впоследствии [т. е. после отъезда армии с Галлипольского полуострова] командой „Галлиполи“, победившей болгар с астрономическим счетом, позже перебравшейся в Чехию и с честью выходившей из встреч со славными чешскими командами. […]

А вечером был театр, правда, далеко не каждый вечер, о чем очень жалею. […] Конечно, под открытым небом. Сцена хорошо оборудована, хорошие декорации, тяжелый занавес, со вкусом расписанный фасад. Уложенные рядами каменные кубы играли роль кресел. „Зал“ оборудован слева высокой стеной, отделяющей театр от улицы, а справа – глухой, очень высокой стеной, как бы упором, базой развалин. Сзади – тоже стена. Мест в театре много, и он всегда полон. Ставились, конечно, „Ревизор“, „Горе от ума“, Чехов, Островский или Стриндберг, и еще, и еще… не помню. Изредка в пьесы врывались пение и крики, шедшие из публичного дома, стоявшего на той же улице, поближе к порту, но это не мешало, к этому привыкли. Были концерты певцов. Пела несравнимая, недостижимая Плевицкая […] Пьесы, актеры, их игра „уводили“. Забывалось обо всем, даже о голоде» [Белое дело 471–472, 474–475, примеч. 17 (продолж.)].

Военачальники видели в «галлипольцах» основу будущей армии, которая с помощью союзников «вернет Россию». Видный политический деятель и публицист В. В. Шульгин, находясь в Стамбуле с ноября 1920 г., посетил галлипольский лагерь (он надеялся разыскать здесь своего сына, пропавшего без вести во времена борьбы за Крым) и воочию увидел состояние армейского

корпуса Кутепова. В открытом письме Милюкову он писал: «При самых ужасных моральных условиях, какие можно выдумать, после трехлетней жесточайшей борьбы, потеряв последний клочок русской территории, не имея впереди никакого просвета, эти люди были выброшены на голом поле среди чужой, очень суровой в это время года страны, с прошлым, полным самых ужасных страданий, и с будущим, на котором, казалось, были написаны страшные […] слова: „Оставь всякую надежду…“. Что же сделали эти люди? Вы думаете, они пришли в отчаяние, опустились? Вы думаете, в своем несчастье они нашли оправдание для морального падения? Этого нужно было ждать. Но ведь Россия поистине страна чудес. И там, в этом Галлиполи, где по капризу судьбы вдруг делается клочок России, произошло чудо. Эти бездомные изгнанники, на чужом пайке, глубоко презираемые даже теми, кто им помогал, и даже, увы, некоторыми своими соотечественниками и братьями, стали искать утешения и выхода в суровой добросовестной работе над собой. Знаете ли Вы результат этой работы? Если бы Вы теперь приехали в Галлиполи, Вы нашли бы армию дисциплинированной так, как она никогда не была. Вы увидели бы, как строго караются (и при общем сочувствии) проступки против внешней дисциплины: всякая какая-нибудь неприличная выходка, простое появление на улице не по форме одетым или, не дай Бог, в пьяном виде. Но это пустяки, скажете Вы. Но Вы увидели бы, с каким увлечением ведутся строевые занятия и как добросовестно сидят офицеры и солдаты над книгами, добытыми с величайшим трудом. Вы присутствовали бы на экзаменах, которые делаются по пройденному материалу. Но, может быть, всего больше произвела бы на Вас, как и на меня, впечатление обостренная любовь ко всему русскому, к русской культуре, к русской литературе, к русскому искусству, ко всем тем „невознаградимым [т. е. ничем не заменимым] ценностям“, о которых Вы столько заботились. Эта армия рвется в бой, она способна сделать чудеса» [Шульгин, л. 38–39]. Кстати, об отношении Шульгина к Милюкову свидетельствует, в частности, следующее его высказывание в цикле очерков «1921 год»:

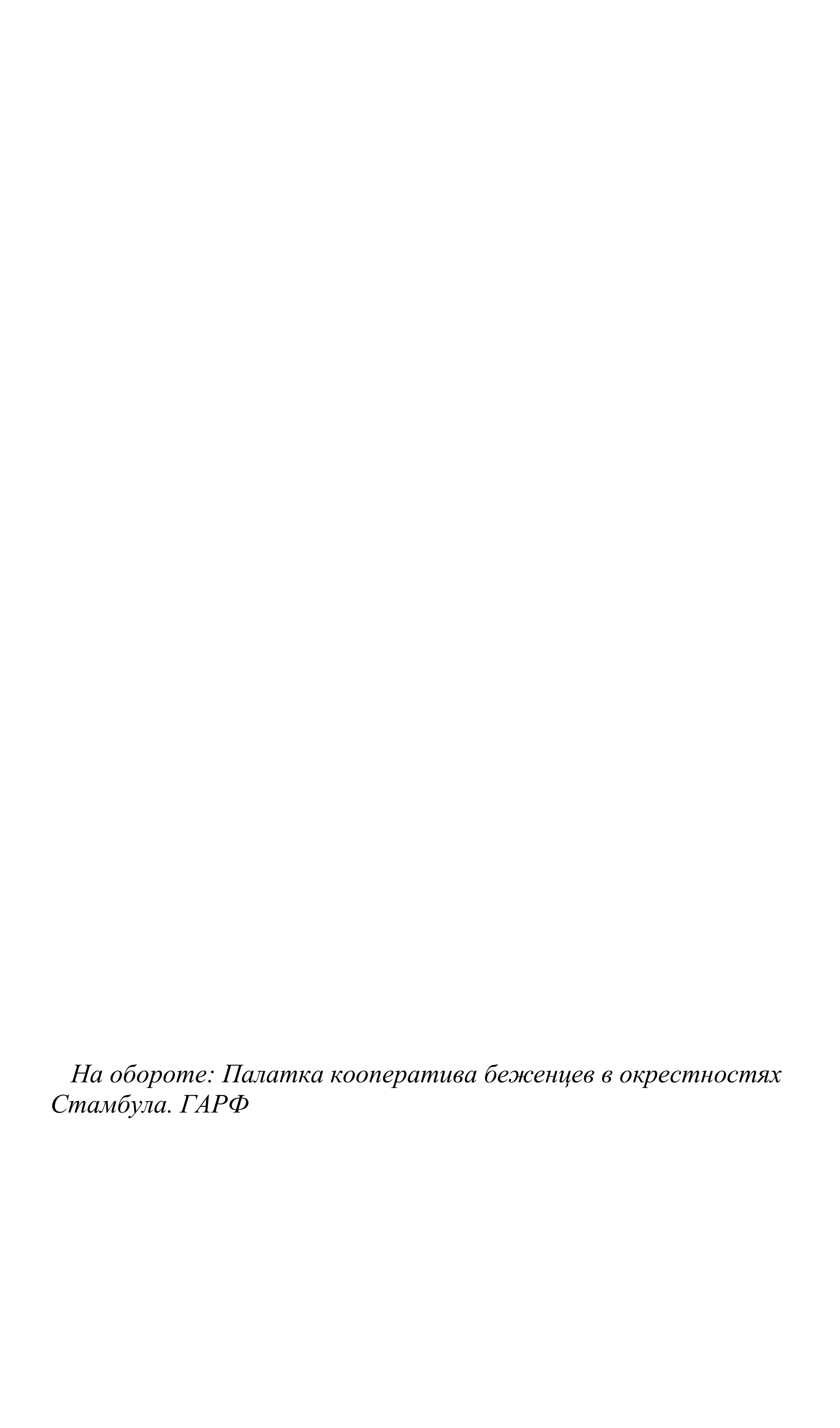
«…милюковские „Последние Новости“ в руки не берем, что, между прочим, напрасно, ибо надо знать, какую очередную гадость про Врангеля и Армию он написал».

Да, армию привели в порядок и сохранили, но ненадолго. Средств на ее содержание не будет: Франция перестанет оказывать ей помощь. Иллюзии относительно реванша испарятся. Турок и советскую Россию будет тревожить пребывание на территории Турции многочисленного чужого войска, «сохранившего дисциплину и черты регулярной армии». Их тревогу усугубит проблема гражданских беженцев, решение которой растянется на годы.

РАССЕЛЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ

На обороте: Палатка кооператива беженцев в окрестностях Стамбула. ГАРФ

Врангель понимал, что наряду с проблемой армии, которую он старался непременно сохранить, необходимо решать и проблему гражданских беженцев. Часть из них сразу по прибытии в Стамбул (ноябрь 1920 г.) удалось отправить в Болгарию, Румынию и Королевство СХС, но к июлю 1921 г. в общежитиях, госпиталях, а также в лагерях все еще оставалось около 38 000 гражданских беженцев, не считая тех, кто имел возможность устроиться в более благоприятных условиях, т. е. в центре Стамбула.

Забота о вверенных главкому многотысячных беженцах побудила его в марте 1921 г. обратиться в Лигу Наций с предложением создать Комиссариат по делам русских беженцев, а еще раньше, 9 января того же года, т. е. примерно через полтора месяца после эвакуации из Крыма, издать указ об учреждении Эмиграционного совета (вскоре переименованного в Совет по расселению русских беженцев). В него вошли: четыре представителя от главного командования Русской армии; три – от Центрального объединенного комитета общественных организаций по оказанию помощи русским беженцам (Всероссийский союз городов, Всероссийский земский союз, Российское Общество Красного Креста); два представителя от Общественного бюро русской эмиграции. К участию в работе Эмиграционного совета были привлечены князь Н. Б. Щербатов и член Донского Войскового Круга Н. А. Скачков, а из иностранцев – председатель Американского Красного Креста в Стамбуле и член Международного Красного Креста майор Ледеррей, а

также «эксперт-экономист Тропических стран» А. де Берри. В задачи Совета входило «объединение правительственных и общественных органов и частных групп беженцев в общей работе по организации и руководству всем делом русской эмиграции» [Материалы по эмиграции 115].

Совет приступил к действиям – собирал и распространял информацию о странах, в которые могут быть направлены беженцы, и об условиях приема, размещения и устройства в них; обращался к правительствам соответствующих стран с просьбой разрешить переселение русских и предоставить им возможные льготы; изыскивал средства на организацию переселения; составлял списки желающих уехать, а также занимался проблемой «расселения русских беженцев в районе Константинополя путем организации земледельческих колоний, лесорубочных товариществ и проч.». Совет считал, что беженцев прежде всего следует расселять в европейских странах, и главным образом славянских (Сербия, Болгария). Однако французское командование якобы располагало данными о том, что до 10 000 русских имеют реальную возможность поселиться в Бразилии (Сан-Паулу), до 1000 – в Перу и 200 – на Мадагаскаре. На самом деле эта возможность была «обставлена значительными затруднениями».

Эти затруднения были самого разного свойства. Одно из них состояло в том, что в реальности в состав переселенцев могли быть включены лишь лица рабочих специальностей и сельскохозяйственные рабочие, но не представители интеллигенции. В связи с этим хотелось бы процитировать отрывок из письма И. Н. Клингена некоему г-ну Бурлакову от 26 января 1921 г.: «Возник „чудесный план“ переселения в Бразилию. Я познакомился с Бразильским Консулом, он снабдил меня целой кипой книг, карт по Бразилии. С огромной жадностью я перечитал массу книг, брошюр про Бразилию, читал о ней публичные лекции в лагере, заинтересовал многих и составил довольно большой кружок собиравшихся эмигрировать туда вместе со мной. Я надеялся переманить туда всю мою многочисленную семью, рассеянную по белу свету. По совету Консула, с которым я очень сошелся, я подал прошение

Бразил. Мин. Землед., предлагая свои услуги в качестве или профессора в Сельско-Хоз. институте близ Рио-Жанейро (в трех километрах по трамваю), или инструктора по эмиграции […] Печатный Устав по иммиграции, утвержденный Бразильской Палатой Депутатов (на правах закона) и подписанный Президентом республики, сулил целый рай: по 25 гектар удобной земли для разведения плантаций кофе, какао, сахарного тростника и проч., даровой переезд до самого места поселения, даровое содержание в течение года до сбыта нового урожая, 8-ми летняя рассрочка за уплату долга за земли, готовые каменные дома в колониальном городе-саде, даровое лечение, даровое обучение детей и пр. и пр. Консул уверял, что по моим сертификатам меня наверно возьмут в профессора, дадут 100 ф. в месяц и т. д. И вдруг последовало предупреждение от русского Генерального Консула в Бразилии, что все это мираж и на деле все эмигранты попадут в положение белых рабов в окружающих эмигрантские поселки имениях крупных владельцев. А я-то все время штудировал португальский язык с увлечением юного студента старых времен. Появились и другие предупреждения, и „золотая мечта“ была обращена в прах».

Другой пример. В мае 1921 г. на «Рионе» были отправлены в Бразилию несколько сот русских беженцев. В пути обнаружилась поломка двигателя. Буксир доставил «Рион» и его пассажиров во французский порт Тулон. Там стало известно, что высшее руководство Бразилии не намерено принимать беженцев, не уточнив их профессий. Пребывание в Тулоне затянулось, пока французы вели переговоры с бразильцами. Потом была полуголодная жизнь в пустующих казармах на Корсике. Наконец все 400 пассажиров «Риона» отплыли в Бразилию. Но сошли на берег далеко не все: 229 человек были возвращены на Корсику. В Бразилии оставили лишь тех, кто владел рабочими специальностями. Из этих вернувшихся на Корсику некоторые нашли работу. Большинство же разбрелось по свету (см. [Материалы по эмиграции 26–27, 122]).

Беженцы, напуганные печальным опытом соотечественников, желавших поселиться в далекой Бразилии, уже не решались связывать свою судьбу с «заморской эмиграцией». Позже, правда, вы-

яснится, что французам все же удалось отправить в Бразилию 2000 человек и чуть меньше в другие страны Южной Америки, а также в Африку.

Понимая, что в таких странах, как, например, Бразилия, Перу, Парагвай, Аргентина, Эфиопия, русских ждет малоперспективная, черная работа, Врангель упорно настаивал на том, чтобы беженцы селились в европейских – желательно славянских – государствах. Совет по расселению русских беженцев прислушался к мнению главнокомандующего и обратился к правительствам Болгарии и Королевства сербов, хорватов и словенцев с просьбой предоставить земельные участки для устройства русских колоний. Однако эта просьба была отклонена. Отказ объяснялся отсутствием государственных земель в Болгарии и свободных земель в Королевстве, а также тем, что эти страны уже приняли русских: Болгария – примерно 10 000, Королевство – 30 000 (см. [Материалы по эмиграции 118]).

В ходе переселения беженцев эта проблема продолжала оставаться крайне сложной. Во-первых, сберегая свои средства, французы готовы были субсидировать переезд лишь тех, кто уже состоял на их содержании. Во-вторых, Совет так и не смог собрать достоверную информацию об условиях переселения и о самих странах, где русским предстояло обосноваться. По отрывочным сведениям, поступавшим из разных источников, большинство стран, готовых принять беженцев, предлагало работу «лишь в частных владениях, что исключало возможность выбраться из зависимости, обзавестись собственным делом, стать свободным человеком». В-третьих, на переселение могли рассчитывать лишь сельскохозяйственные и строительные рабочие, а также мастера по обработке дерева и камня. Людям же других профессий, рискнувшим поехать в чужую страну, грозила немедленная высылка. (Возможно, именно нечто подобное и случилось с пассажирами «Риона».)

Учитывая ситуацию и настроение «белых русских», Совет активизировал работу по их расселению в самой Турции.

Созданную в рамках Совета Земельную комиссию возглавил князь Н. Б. Щербатов, на которого возложили организацию практических мер.

Первоначально предполагалось поселить беженцев в зоне французской оккупации на юго-востоке Турции (в Киликии), но этот план отпал по причине напряженной ситуации в регионе. Тогда стамбульские власти предложили несколько десятков имений, расположенных в небольших населенных пунктах по берегам Босфора: Румелифенер, Сарысу, Кадыкёй, Хадымкёй, Хайдарпаша, Эренкёй и др. Большинство имений еще недавно принадлежало немцам. Проиграв войну, они бросили свои владения и покинули Турцию.

Земельная комиссия составила «план расселения русских беженцев в окрестностях Константинополя». Главная его цель – дать беженцам работу, возможность обеспечить себя и свои семьи средствами к существованию. Их следовало расселить в отведенных турецкими властями имениях и организовать там товарищества – сельскохозяйственного профиля, лесного хозяйства, по производству кирпичей и пр. Значительное число земледельцев, особенно среди солдат и казаков, покинувших армию и перешедших на беженское положение, а также большие площади никем не обрабатываемых угодий в окрестностях Стамбула сулили успешную реализацию намеченного плана.

Обследовав предлагаемые места поселения беженцев, Земельная комиссия установила, что бóльшая часть имений разорена (видимо, местное население воспользовалось тем, что они оставались бесхозными), но при некоторых затратах они могут стать пригодными для организации товариществ и для обеспечения работой и кровом нескольких сот человек. Комиссия изучила конъюнктуру рынка и разработала рекомендации потенциальным арендаторам, указав выгодные сферы приложения труда. В результате были созданы, например, «Товарищество Решко и др. по разработке лесной площади» (Сарысу) и «Общество сельского хозяйства и охоты» (Акбаба).

«За три месяца развития деятельности названной Комиссии она нашла средства доставить работу более чем 350 колонистам и 300 поденным рабочим в 16 заарендованных имениях. Сумма, выданная в качестве ссуд, исчисляется в 12 500 тур. лир […]». Устроить

беженцев при столь незначительных ссудах позволили следующие обстоятельства: помощь Американского Красного Креста, выдававшего ежемесячно каждому колонисту продуктовый паек на сумму 15 лир; весьма благоприятные для разведения огородов земельные участки – в большинстве своем уже обработанные, имевшие систему орошения, запасы удобрения, «а также живой и мертвый инвентарь». К тому же первые группы колонистов располагали личными средствами, которые они вложили в дело, что «уменьшило кредит Земельной Комиссии». По мере увеличения числа товариществ перечисленные «благоприятные обстоятельства сокращались» и создание отдельных хозяйств при ограниченных средствах становилось весьма сложной задачей. После тщательного анализа финансовой ситуации, необходимой для организации товариществ, Земельная комиссия пришла к выводу, что «сумма 150 тур. л. есть минимальная цифра ассигнования на одного колониста. Исходя из этих данных, комиссия сочла возможным расселить в короткий промежуток времени 2000 беженцев в районе и окрестностях Константинополя» [Меморандум, л. 1, 3].

Создавались товарищества по строгим правилам, разработанным Земельной комиссией. Группа из пяти-шести благонадежных с точки зрения комиссии лиц заключала договор на аренду и становилась хозяином товарищества, подотчетного комиссии. Ссуда на ремонт построек и приобретение инвентаря выдавалась на три года – срок действия договора. Ссуда на уплату аренды и непредвиденные расходы надлежала погашению по истечении трех-четырех месяцев со дня выдачи. Арендаторы имели право нанимать постоянных и временных рабочих строго из числа беженцев. Однако в виде исключения – «по техническим мотивам» (например, необходимость в гужевом транспорте) или «по дипломатическим соображениям» – разрешалось принимать на работу и местных жителей, но с условием, что им будут гарантированы жалованье и определенный процент от годовой прибыли. Заметим, что турецкое население относилось к своим новым соседям «с предупредительным сочувствием и дружелюбием», как сказано в первом же отчете Земельной комиссии.

К июлю 1921 г. было создано 20 хозяйств. В общей сложности в них числилось 223 члена, 148 постоянных рабочих и 130 временных. Число членов того или иного товарищества могло сильно разниться. Так, «Товарищество Успенского и Иванова» (Кадыкёй) состояло только из 2 членов (никаких работников здесь не числилось), а «Товарищество русской колонии» (Румелифенер) – из 60. Количество постоянных рабочих в отдельных хозяйствах тоже варьировалось; согласно данным по семи товариществам, приведенным в источнике, наивысший показатель в данном случае составляет 42, наименьший – 10. Что касается «переменных» рабочих, то, исходя из данных по пяти указанным в источнике товариществам, в трех из них было в среднем по 23 временных работника, в одном – 10–20 и в другом – 50–60 человек (см. [Материалы по эмиграции 133–135]).

Все эти 20 хозяйств занимались в основном огородничеством, что не требовало дорогостоящего инвентаря, большого количества рабочих рук и давало «до трех урожаев в год, которые даже при высокой конкуренции местных производителей успешно сбывались на константинопольских рынках».

Большинство этих хозяйств состояло из жителей южных сельскохозяйственных районов России. В результате сложились «группы: Черниговско-Полтавская, Донская казачья, Кубанская офицерская и т. д.» [Материалы по эмиграции 111].

Тем, кто привык трудиться на земле, работа в товариществе не была в тягость. Но выходцам из другой социальной среды, не соприкасавшимся с землей и попавшим в непривычные условия жизни (офицеры, чиновники, члены их семей), приходилось преодолевать и физические и моральные трудности. Тем не менее в резолюции совещания представителей земледельческих колоний, состоявшегося по инициативе князя Щербатова, отмечено, что русские колонисты «своей работой вышли из тяжелого положения, в которое они попали волею судеб, бодро смотрят на будущее и, несмотря на чрезвычайное различие [нынешнего и] прежнего социального положения, не гнушаются никаким трудом и предпринимают все усилия, чтобы встать

на путь самостоятельного существования» [Материалы по эмиграции 132].

По прошествии шести месяцев работы Земельной комиссии стало ясно, что создание трудовых товариществ – это тот путь, который мог бы помочь решить задачу по жизнеобеспечению большого числа беженцев, застрявших в Стамбуле, если бы не препятствие в виде недостаточного финансового обеспечения. Денег, полученных от Центрального объединенного комитета общественных организаций в Стамбуле (30 тыс. франков) и от Земгора – Земско-городского комитета в Париже (150 тыс. франков), хватило на создание лишь 20 товариществ (см. [Материалы по эмиграции 127]).

Поэтому, желая продолжить начатое дело, Совет по расселению русских беженцев обратился за финансовой поддержкой к правительствам Франции и славянских стран на Балканах. Но всё безрезультатно. Лишь Американский Красный Крест отозвался гуманитарной помощью, прислав продовольствие, медикаменты, палатки, сельскохозяйственный инвентарь и семена.

Не имея возможности из-за ограниченных средств снабдить каждое хозяйство необходимым инвентарем, Земельная комиссия нашла простое и разумное решение – создать два прокатных пункта (один – на европейском берегу Босфора, другой – на азиатском), чтобы обеспечивать хозяйства рабочим скотом и нужным инвентарем. Реализация этой идеи «требовала 55 тыс. фр.». Эту сумму Земельная комиссия тщетно пыталась получить от Земгора.

Меж тем товарищества продолжали работать и обращаться в Земельную комиссию с заявками на получение кредитов, причем размеры запрашиваемых кредитов весьма разнились. Одному хозяйству, например «Донскому земледельческому товариществу» (Сеферуста), было выдано «3000 тур. ф.», а другому – уже упоминавшемуся «Товариществу Успенского и Иванова» (Кадыкёй) – «50 тур. ф.»[1] (см. [Материалы по эмиграции 130–131, 133, 135]).

[1] В то время существовали турецкие фунты.

Финансовая проблема как дамоклов меч будет висеть над Советом по расселению русских беженцев на протяжении всего его существования, но он так и не сможет удовлетворить желание тысяч голодных людей обосноваться на земле, которая даст им кусок хлеба.

В силу перемен, произошедших в Турции на протяжении 1922 г., стало ясно, что все русские организации должны сворачивать свои дела с тем, чтобы покинуть Стамбул. Весной 1923 г. наряду с другими русскими организациями самоликвидировался и Совет по расселению русских беженцев, а вместе с ним и Земельная комиссия. Руководство Совета скорее всего уехало в Европу, но колонисты пока продолжали работать, хотя и до их отъезда времени оставалось немного.

Любопытно, на наш взгляд, мнение о работе русских земледельцев на пригородных участках Стамбула Луи Хека – директора Константинопольского отделения американской фирмы «Эдгар Б. Ховард»: «Кто имел дело с русскими как с рабочей силой, для тех отъезд русских из Константинополя – большая утрата. Пребывание русских в течение трех лет в К-поле – факт большого культурного значения. Русские привезли из России знание многих специальностей и ремесел, и даже те из них, кто не обладал практическими навыками, путем изумительного напряжения быстро овладели самыми трудными специальностями. Механики, слесаря, шоферы, столяры, плотники, каменщики, земледельцы – русские – значительно оживили местную промышленность, и их отъезд наносит тяжелый удар промышленному развитию К-поля. Это уже и сейчас чувствуется во многих отраслях труда. Особенно пожалеют о русских фермеры и землевладельцы пригородных участков. Здесь русские явились подлинными культуртрегерами. Привыкшие к современным методам обработки земли, отлично управляющие машинами, русские как содействовали интенсификации пригородного земледелия, так и вообще способствовали развитию и распространению земледелия в стране, являясь положительным примером для всех местных земледельцев. У меня служил русский агроном, имевший в России свою ферму. Он успешно выполнял

самые разнообразные сельские работы и снискал дружбу и уважение многих константинопольских фермеров. Помимо культурного влияния русские содействовали также и экономическому развитию края. Работая не покладая рук и уча других труду и знанию, русские в эти годы своей тяжелой борьбы за существование прошли серьезную школу жизни. Не боясь и не гнушаясь никакой работой, даже самой черной, энергично специализируясь в самых разнообразных профессиях, русские на опыте доказали свое умение бороться с жизнью [т. е. с тяготами жизни] и свое право на жизнь, труд и уважение. Многие русские уезжают сейчас в Америку, и мы рады, что они едут туда, пройдя такой высокий искус труда и воли» [Хек XXXVII].

НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

На обороте: Памятник на Большом русском военном кладбище в Галиполи, 1921 г.

В марте 1921 г. генерал Врангель получил письмо от Русского парламентского комитета, сформированного в декабре 1920 г. в Париже бывшими членами Государственной Думы и Государственного Совета. Комитет предлагал Врангелю создать своего рода новое правительство (правительство в изгнании), которое объединило бы русские общественные и политические организации, находящиеся в Стамбуле и вне пределов Турции, с целью успешной борьбы с большевиками.

Врангель в ту пору еще находился во власти идеи продолжения – пусть не сейчас же, пусть в перспективе – вооруженной борьбы и твердо верил в ее победный исход. Поэтому предложение создать в Турции руководящий этой борьбой центр, в котором слились бы все русские общественные и политические силы, он принимает и немедленно приступает к разработке «Положения о Русском Совете». 12 марта 1921 г. оно уже составлено и подписано Врангелем на яхте «Лукулл» – штаб-квартире главкома.

Согласно «Положению», «преемственная русская власть осуществляется Главнокомандующим Русской армии в единении с общественными силами, борющимися против большевизма и объединенными в Русском Совете». РС призван решать задачи, ориентированные на возрождение России и защиту прав ее граждан, находящихся на чужбине. Один из пунктов гласил: «Вопросы военного управления ве́дению Русского Совета не подлежат. [...] Заведующие отдельными частями управления, начальник штаба

Главнокомандующего Русской армии, командующие армиями и флотом и командиры корпусов, если они не состоят членами Совета, могут участвовать в заседаниях Совета с правом совещательного голоса».

В состав РС должны были войти: I. *По избранию*: от казачеств – 3 представителя; от горских народов – 1; от общественных организаций: от бывших членов законодательных палат – 6, бывших земских гласных, бывших городских гласных, торгово-промышленных организаций, финансовых организаций, наконец, от русской академической группы – по 2 представителя. II. *По приглашению главкома* (председателя Русского Совета) – 10 человек.

Постановления РС принимаются большинством голосов и после утверждения их главнокомандующим приводятся в исполнение. Наказ, выработанный РС, определяет «весь внутренний распорядок его деятельности».

В последнем, 14-м пункте «Положения» значилось: «Совет открывает свои действия 5 апреля с. г. [1921] по новому стилю в указанном Главнокомандующим месте в случае прибытия к этому сроку половины состава всего Совета по избранию» (полный текст «Положения» см. [Русский Совет, л. 5–6]).

Торжественное открытие этого «правительственного органа» состоялось 5 апреля в зале приемов Российского посольства. Зал был декорирован российскими государственными флагами, георгиевскими лентами «и щитами, изображавшими георгиевские кресты». В забитом до отказа помещении собрался «весь русский Константинополь», представители всех общественных и политических организаций. Хотя официальные приглашения не рассылались, на этой церемонии присутствовали: греческий верховный комиссар, представитель американского верховного комиссара, японский представитель при главнокомандующем Врангеле майор Такахаси, послы Болгарии и Королевства СХС. За «столом печати разместились представители русских и иностранных газет».

Отсутствие на церемонии открытия представителей союзников свидетельствовало об их изначальном неприятии создаваемого русской эмиграцией органа, претендующего на статус правитель-

ства. Не надо забывать, что Великобритания к этому времени уже признала де-факто советскую Россию, заключив с ней торговое соглашение. Не было на этой церемонии предусмотренных «Положением о Русском Совете» представителей и казачества, и горских народов. Казаки и впредь, несмотря на старания лично Врангеля, останутся вне этой организации, на что у них были свои причины. Главная заключалась в том, что их не устраивала идея объединения всех национальных сил России, т. е. идея «единой и неделимой России».

Перед открытием заседания архиепископ Феофан и епископ Вениамин, отслужив вместе с многочисленными лицами духовного звания молебен «с провозглашением многаго лета» председателю и членам Русского Совета, обратились к присутствующим с речами. В частности, «епископ Вениамин приветствовал Русский Совет как соборное объединение русских сил в борьбе христианства с Антихристом». Обращаясь к Врангелю, он сказал: «Ты – центр. И, что бы ни говорили твои враги и недруги, ты являешься объединителем русских сил. И эти нападки врагов еще больше утверждают твое значение. Ведь если бы ты не был центром, разве они нападали бы на тебя?!» [Русский Совет, л. 6 об.–7].

Далее председатель Врангель и члены РС заняли свои места. Общественные организации были представлены: бывшими членами законодательных палат проф. И. П. Алексинским, графом В. В. Мусиным-Пушкиным, П. Н. Савицким, Г. В. Скоропадским, В. В. Лашкевичем (кстати, согласно «Положению», их должно было быть шестеро); земскими гласными Н. И. Антоновым и графом И. А. Уваровым; городскими гласными В. Ф. Малининым и В. Знаменским; представителями от союза торговли и промышленности Н. А. Ростовцевым и Т. А. Шамшиным. Кроме того, присутствовали «члены по приглашению Главнокомандующего»: В. В. Шульгин, князь П. Д. Долгоруков и Г. А. Алексинский, а также «члены Совета, входящие в его состав по должности, с совещательным голосом – командиры корпусов» генералы А. П. Кутепов и М. А. Фостиков, временно исполняющий должность на-

чальника штаба главкома генерал П. А. Кусонский «и начальники отдельных частей С. Н. Ильин, А. И. Пильц, Е. М. Балабанов и В. К. Путницкий/Пуницкий».

Заседание открыл Врангель. Свое выступление он начал словами о чрезвычайной важности задач, стоящих перед Русским Советом. «Новое учреждение, созданное при такой исключительной обстановке, не может притязать на совершенство. […] Разбросанность русского населения по всем концам света, противоположные враждующие течения в пределах одного и того же политического толка, а также другие обстоятельства не позволили надеяться, что русские люди сами сговорятся и создадут орган, более полно отражающий общественность». Все группировки «должны работать в слаженном единстве, иначе едва ли удастся выполнить задачи, предъявленные временем». Особое внимание генерал уделил вопросу «сохранения армии и возрождения государства, на эту армию опирающегося».

Объединить все общественные и политические группы, как «перекочевавшие» из России, так и образовавшиеся в Стамбуле (их оказалось довольно много – несколько десятков); наладить широкомасштабную работу по укреплению армии и не допустить отправку ее частей в Бразилию, советскую Россию или в Иностранный легион для защиты интересов Франции в ее колониях; улучшить жизнь гражданских беженцев – обо всем этом говорили все участники прений, которые были уверены, что «недалек тот час, когда русский народ призовет Русскую армию и всех членов [Русского] Совета во главе с Главнокомандующим для окончательной победы над большевиками» [Русский Совет, л. 7–8].

На этом заседании была принята «Программа Русского Совета», предельно краткая и ясная:

– деятельность РС будет направлена на скорейшее ниспровержение большевистской власти, чтобы после ее падения все население России – вне зависимости от принадлежности к тому или иному классу, к той или иной вере либо национальности – смогло сво-

бодно решать вопросы о предпочтительной форме устройства своего государства;

– крестьяне как вольные собственники получат право пользоваться землей, на которой трудятся (при этом условия пользования не оговаривались);

– рабочим союзам будет предоставлена возможность свободно договариваться с работодателями и властями о совместной работе по восстановлению производительности труда и экономической мощи страны;

– всем народностям России будет обеспечена свобода развития в рамках местных, национальных особенностей;

– всем гражданам России будет предоставлена свобода мысли, веры и личной деятельности в любой сфере жизни;

– сохранение армии, улучшение ее морального и материального состояния останутся главной заботой, от которой Русский Совет не отступит ни на шаг.

Только позднее наступит понимание иллюзорности задач, изложенных в «Программе», а весной 1921 г. тем, в чьем распоряжении находилась многотысячная армия, наделенная боевым опытом двух войн (мировой и гражданской), всё виделось иначе.

Кроме того, было принято «Обращение Русского Совета» к армейским частям на Галлипольском полуострове, о-ве Лемнос и в районе г. Чаталджа. В нем напоминалось о существовании и «других противодействующих большевизму военных сил – в Польше, Финляндии, Сибири, на Дальнем Востоке, с которыми Совет намерен установить связь с целью воскресить русскую армию, меч которой защитит свободу родной страны».

С первого же дня РС развернул бурную деятельность по созданию «организационного и административного аппарата, при помощи которого он мог бы осуществлять поставленные перед ним задачи». В результате был избран «президиум в лице» И. П. Алексинского, «старшего товарища председателя», и графа В. В. Мусина-Пушкина – «второго товарища председателя» (см. [Русский Совет, л. 20]).

РС приступил к выработке наказа с целью ввести такой порядок, который смог бы «обеспечить наибольшую простоту и скорость разрешения дел и избежать затраты времени на продолжительные дебаты и пр.». В конце апреля, когда наказ был окончательно разработан специальной комиссией из трех человек (Н. И. Антонов, В. В. Лашкевич и Г. В. Скоропадский), состоялись выборы секретаря РС; им стал В. В. Лашкевич.

Для ведения канцелярских дел было «учреждено управление делами» Русского Совета; на должность управляющего был назначен А. А. Демьянов – известный общественный деятель, юрист и бывший член Государственной Думы.

Чтобы обеспечить «скорость разрешения дел» РС сократил число «подготовительных комиссий» – их стало три: Комиссия общих дел (Н. И. Антонов, В. М. Знаменский и Т. А. Шамшин); Комиссия по расселению беженцев (Н. Н. Львов, В. В. Мусин-Пушкин и П. Н. Савицкий); Финансовая комиссия (В. В. Лашкевич, В. Ф. Малинин и В. В. Мусин-Пушкин). Если возникала проблема, не входящая в круг дел названных комиссий, Русский Совет избирал особую, временную комиссию, которой давался определенный срок на выполнение того или иного поручения. Например, «комиссии по изысканию средств» следовало изыскать эти средства в течение пяти дней, а «комиссия по выработке декларации (воззвания к русским людям)» должна была составить ее за два дня.

Такие правила позволяли избежать громоздкости организационного строения РС и «ускорить прохождение через него дел».

Был перестроен и весь административный аппарат, оставшийся от прежнего правительства Юга России. Теперь он сводился к штабу главкома и четырем отделам гражданского управления: «политическая часть (заведующий С. Н. Ильин), беженская часть (С. П. Шликевич), финансовая часть (Е. М. Балабанов), контроль (вр. В. К. Пуницкий/Путницкий). Лица, стоящие во главе этих частей, вместе с начальником штаба составляют Совещание начальников отдельных частей». Заведующим Управления пропаганды был назначен Г. А. Алексинский (см. [Русский Совет, л. 20–20 об.]).

Основное внимание РС с самого начала его деятельности было направлено на «спасение живых сил, участвовавших в борьбе за территорию Крыма, ныне стоящих перед угрозой насильственного распыления, с перспективой отправки в Бразилию или в советскую Россию». Однако решение этой задачи осложнялось изменившейся позицией французов. Сначала они поддерживали Врангеля в его борьбе и, более того, помогали его армии, а теперь резко изменили свое отношение и к генералу и к армии. Надо заметить, что на французов оказывали давление: англичане, которые опасались скопления русских частей в районе Дарданелл и вообще считали борьбу Врангеля проигранной; советское правительство, добивавшееся разъяснений, на каком основании Франция поддерживает столь крупную антисоветскую военную силу в соседней Турции; во французском парламенте нашлись депутаты, требовавшие снять с налогоплательщиков расходы по содержанию чужого войска. Ну и само французское правительство уже убедилось в бесперспективности врангелевской надежды на реванш и искало пути «благополучного» ухода из Турции, где кемалисты явно не намеревались отказываться от победы. Результатом поиска между прочим и стал «договор Франклен-Буйона», о котором уже упоминалось.

Изменение отношения французского правительства к судьбе врангелевской армии поначалу проявилось «в отдельных мероприятиях местных властей». Приведем пример одного такого «отдельного мероприятия» как свидетельство намерения французов как можно скорее избавиться от вранглевской армии. Вот как французские власти отправляли с о-ва Лемнос казаков, желающих уехать (среди них были и сомневающиеся) в советскую Россию или в Бразилию:

«26 марта 1921 г. на остров Лемнос прибыл транспорт „Дон“ с казаками и генералом Ф. Ф. Абрамовым – старшим военным начальником над казачьими корпусами. От него ожидали разъяснений сложившейся ситуации, но генерал ничем утешить не мог. Он подтвердил, что „Франция не признает ни армию, ни Врангеля… Изъявившие желание ехать в Советскую Россию будут отправлены на пароходе „Решит-паша“. Он сообщил также, что выступление

матросов в Кронштадте подавлено, но „по всей России сильнейшие восстания“. Одновременно генерал Абрамов передал указание Врангеля: „…в Бразилию ехать нельзя, ибо ехать туда – это равносильно подчиниться белому рабству. В Россию мы поедем, но при условии выдачи нам нашего оружия, которое […] было задержано в Константинополе“.

Кроме транспорта „Дон“ с казаками из Чаталджи к Лемносу подошел и пароход „Решит-паша“ с французской командой на борту. Здесь французы снова предприняли попытку отправить казаков, находившихся на борту, в Россию и Бразилию. Казакам сказали, что на остров сгружаться нет смысла, так как Франция прекратила поставки продовольствия и все равно все будут отправлены в Россию и Бразилию, и лучше прямо на корабле принять решение, кому куда ехать. Узнав об этом, генерал Абрамов на шлюпке отправился к „Решит-паше“, чтобы рассказать казакам об истинном положении дел. Но французы на борт судна его не пустили, и генералу пришлось общаться с казаками, не сходя со шлюпки. Несмотря на протесты всех, кто должен был сойти на берег, их поделили на две части – для отправки в Россию и в Бразилию, и корабль отошел подальше в море. На казаков, находившихся на берегу, комендант лагеря […] приказал направить пулеметы, а из роты алжирских арабов выставил усиленные патрули. На следующий день французы продолжили работу по вербовке казаков. Офицеров отделили от младших чинов и зачитали им приказ об упразднении армии Врангеля. В это же время французский миноносец с расчехленными орудиями подошел к самому берегу. После того как приказ был зачитан, всех желающих уехать в Россию собрали отдельно и погрузили на транспорт „Дон“. 31 марта 1921 г. корабль снялся с якоря и ушел на Константинополь. Там уже казаков перевели на пароход „Кирасунд“ [„Гиресун“].

Узнав об этих событиях, Врангель обратился с письмом к Верховному комиссару Франции в Константинополе генералу Пелле. В нем он писал: „Сегодня я получил подробные сведения, дающие полную картину результатов осуществления на острове Лемнос приказов французского командования относительно отправки

добровольцев в Советскую Россию… Власти Лемноса в своем усердии явно превзошли все пределы в злоупотреблении моим солдатским доверием… Велась открытая пропаганда против кораблей, перевозящих донских казаков на Лемнос… Их призывали не терять понапрасну времени, не сходить на берег и теми же судами возвратиться на Родину, в Советскую Россию… Сначала, не зная, что делать, не зная реальной обстановки, несколько тысяч человек оказались в состоянии моральной депрессии, которая удержала их на кораблях. Немедленно они были объявлены возвращающимися в Советскую Россию и окружены французскими стражниками“. В письме Врангель […] привел также сведения о происходящем на Лемносе из рапортов командиров Донского и Кубанского корпусов: „Были вызваны эсминец и вооруженные катера, которые по очереди курсировали у побережья, где происходила сортировка казаков… Офицерам приказали повернуться спиной к казакам, чтобы последние не могли прочесть осуждения на лицах офицеров… Французские офицеры пытались любыми средствами дискредитировать командиров в глазах казаков“ [Карпов 100–101].

Несколько раньше, 27 марта 1921 г. через французское командование в Стамбуле Врангель получил ультимативное требование от правительства Франции, которое решило «прекратить с 1 апреля довольствие частей Русской армии» и требовало незамедлительно начать «перевод чинов армии на положение беженцев и их отправку в РСФСР или на работы в Бразилию; кроме того, им предоставлялась возможность записаться в Иностранный легион для службы во французских колониях» [Белое дело 460, примеч. 16] (см. также [Рус. армия в изгнании, л. 4–4 об.]).

В ответе на этот документ, «основанный на неверной осведомленности и неправильной оценке», Русский Совет, осознающий свою ответственность «за судьбу русского дела и участь русских людей», обратился к правительствам и народам всех стран с весьма пространным заявлением. Текст его составлен членом РС проф. И. П. Алексинским. (Заявление-ответ и другие документы на эту

же тему были изданы под названием «К вопросу о Русской армии» Управлением пропаганды Русского Совета[1].)

В ответе, где по пунктам излагаются «возражения по существу», подчеркивается полная солидарность Русского Совета с Врангелем, который подвергся незаслуженной критике со стороны французского правительства. Цель РС состоит в оказании всяческого содействия главкому, выполняющему труднейшую задачу – «спасти борцов за русское дело от опасности быть отправленными в непривычные для русских условия работы в Бразилию или в совдепию на издевательство и расстрел». Энергичный протест РС возымел действие: французское Министерство иностранных дел заверило русского генерала Е. К. Миллера, представителя главнокомандующего в Париже, что дальнейшие мероприятия по отправке чинов Русской армии в совдепию будут прекращены (см. [Русский Совет, л. 20 об.–21 об.]).

Реакция самого главкома была не менее определенной: он категорически отклонил требования французов, тем самым подтвердив свою непреклонную волю сохранить Русскую армию как боеспособную вооруженную силу. Относительно же возвращения в советскую Россию или эмиграции в Бразилию генерал выразился тоже вполне недвусмысленно: «Я, как Главнокомандующий, не могу толкать на верный расстрел или белое рабство людей, честно и с верою шедших со мною на подвиг и самые тяжелые испытания» [Рус. армия в изгнании, л. 4 об.].

Тогда 17 апреля того же, 1921 г. в Стамбуле была опубликована уже официальная нота правительства Франции: «Генерал Врангель образовал в Константинополе своего рода русское правительство и претендует на то, чтобы сохранить на положении армии вывезенные им из Крыма войска». Далее следовала жесткая критика в адрес генерала, который «выставляет Францию как не интересующуюся больше судьбой России и доходит даже, – говорится в со-

---

[1] Так указано в самом архивном документе, но этого издания нам обнаружить не удалось. Поэтому тексты и французского сообщения от 17 апреля 1921 г., и ответа на него Русского Совета мы приводим ниже, по комментариям С. В. Карпенко к часто цитируемой здесь книге «Белое дело… Кн. 13. Константинополь – Галлиполи».

общении, – до обвинения нас в том, что мы выдаем большевикам казаков, вынужденных вопреки своей воле вернуться в Россию. Такое отношение недопустимо. Франция имела право рассчитывать на лучшее признание значительных финансовых жертв, которые ей пришлось уже понести для облегчения участи беженцев. […] Она израсходовала […] свыше 200 миллионов франков, из которых едва лишь четверть была покрыта пароходами и товарами, принадлежащими бывшему „Южнорусскому правительству“ и данными ей в залог. […] Нет кредитов на обеспечение нужд организованной русской армии в районе Константинополя. Существование такой армии на оттоманской территории противоречило бы международному праву и представляло бы опасность для мира и спокойствия Константинополя и его окрестностей, охраняемых союзной оккупацией в трудных условиях». Далее: в результате непреклонной позиции Врангеля мы вынуждены, «не прибегая ни к какому насилию по отношению к нему и русским офицерам, […] прервать их связь с русскими солдатами, нашедшими убежище в лагерях Галлиполи и Лемноса. […] На эвакуированных не было и не будет оказано никакого давления в смысле понуждения их возвратиться на Родину».

Последняя фраза представляется особенно «достоверной», если вспомнить приведенный выше пример «добровольного» возвращения солдат на родину или «желающих» уехать в Бразилию с о-ва Лемнос и из района г. Чаталджи, а также действий французских властей, якобы не оказывавших на эвакуируемых никакого давления.

Завершалось сообщение следующими словами: «Все русские, находящиеся еще в лагерях, должны знать, что армии Врангеля больше не существует, что их бывшие начальники не имеют больше права отдавать им приказания, что они совершенно свободны в своих решениях и что впредь им не может быть предоставлено продовольствие. Франция, которая помогала им в течение пяти месяцев ценою больших затруднений и тяжелых жертв, пришла к пределу возможностей в этом отношении. Сохранив существование беженцев, Франция дает им теперь возможность поддерживать его собственными средствами» [Белое дело 460–462].

Русский Совет в своем ответе на французское официальное послание заявил снова о своей полной солидарности с Врангелем во всех отношениях. Так, на обвинения относительно того, что Врангель «сохраняет военную организацию в армии» и всячески противодействует всем попыткам французских властей перевести военнослужащих на положение отдельных гражданских беженцев, которые получили бы возможность зарабатывать себе на жизнь в разных странах, РС ответил – на основании имеющихся в его распоряжении документов – следующим образом: «[…] сохранение военной организации в частях Русской армии проводилось главнокомандующим в силу его соглашения с представителями французского правительства и командования в Константинополе, находившими сохранение такой организации и авторитета главнокомандующего необходимыми условиями для поддержания порядка и дисциплины в русских воинских частях».

По поводу якобы противодействия Врангеля в деле рассредоточения военнослужащих из лагерей, находящихся на Галлипольском полуострове и о-ве Лемнос, Русский Совет опять же на основании документов утверждает: с декабря 1920 г. главком непрерывно вел переговоры с правительствами дружественных России стран «о расселении на их территории эвакуированных частей армии в виде отдельных групп или трудовых артелей». А для разгрузки указанных лагерей Врангель многократно просил у представителей французского командования содействия «по отправке военных элементов из Галлиполи, Лемноса и Чаталджи в Сербию, Болгарию, Грецию, Грузию, Эстонию, Латвию, Венгрию и на Дальний Восток». Кроме того, в середине дакабря того же года он отдал «приказ для облегчения условий выхода из лагерей для всех тех, кто желал приискать себе работу в Константинополе».

Врангеля можно было обвинить лишь в том, сказано в ответе РС, что, вынужденый признать необходимость рассредоточить состав Русской армии, он, во-первых, посчитал своим долгом «перед Родиной и перед людьми, вверившими ему свою жизнь и честь», сделать все возможное, чтобы «обеспечить им при этом наилучшие условия трудовой жизни», и, во-вторых, признал «безуслов-

ную недопустимость предложения составу Русской армии возвращаться в советскую Россию на глумление, насилие и смерть от большевистской власти или отправляться в далекую Бразилию на тяжелые, непривычные условия труда в тропической местности штата Сан-Паоло [Сан-Паулу]».

Члены Русского Совета, которые были очевидцами беззаветной доблести Русской армии на фронтах Гражданской войны, отвергают упрек французов в адрес «этой армии за отход ее с последнего клочка русской территории» и приводят причины отступления: чрезвычайно неблагопрятные внешние условия, огромный численный перевес врага в отношении состава армии и военного снаряжения.

Намерение французов «изолировать русских солдат от непосредственного влияния главнокомандующего и командного состава» РС воспринял как оскорбительное для русского национального чувства и опасное для настоящих и будущих взаимоотношений России и Франции. Такая ошибочная мера, спровоцированная скорее всего врагами и России, и Франции, может породить «только атмосферу растерянности, возмущения и даже отчаяния среди людей, так много уже перестрадавших».

Поскольку французы признали невозможным дальнейшее расходование собственных средств на содержание русских беженцев и уже сократили «их питание до пределов голодного пайка» и поскольку теперь важнейшей задачей стало расселение военнослужащих и беженцев в балканских странах, на что требуются огромные денежные суммы, РС взывает «к правительствам и народам всех стран о помощи тем людям, которые всё потеряли в борьбе с мировым злом, разрушившим Государство Российское и угрожающим всему миру».

И предпоследняя фраза ответа: РС убежден в скором падении большевистской власти и верит в возрождение России, столь необходимое «для восстановления равновесия потрясенной экономической жизни всех стран» (подробнее см. [Белое дело 462–467]).

Читатель уже знает, что в результате решительных действий Русского Совета Франция пообещала Врангелю – через его пред-

ставителя в Париже Е. К. Миллера – не предпринимать никаких шагов по отправке солдат армии в Советскую Россию. Очередной задачей РС было сделать все возможное для предоставления убежища русским чинам в славянских странах, т. е. следовало вступить в непосредственные переговоры с правительствами государств Восточной Европы. Эта миссия, как уже говорилось, была возложена на членов Русского Совета: П. Н. Шатилова и Н. Н. Львова. Удачному ее разрешению (кстати, сразу по прибытии в Турцию Врангель начал вести соответствующие переговоры, чему французы всячески мешали) «весьма способствовал, – сказано в архивном источнике „Русская армия в изгнании", – командированный в славянские страны генерал Шатилов».

Основной принцип расселения в этих странах состоял в следующем: «Русская армия, не ложась бременем на приютившие ее государства, собственным трудом добывает средства для своего существования в ожидании того дня, когда она снова будет призвана выполнить свой долг перед Родиной. Главное командование содержит минимальный командный состав, инвалидов, принадлежащих к составу армии, нетрудоспособных, женщин и детей, обеспечивает медицинскую помощь и отпускает средства на санитарные учреждения, читальни, газеты и информацию».

Что касается Болгарии, то предоставленные ею для Русской армии казармы были рассчитаны на расселение «14 000 контингентов армии, причем в обеспечение их жизни на один год были внесены средства в депозит Болгарской государственной казны. […] за армией полностью сохранялась военная организация, предоставлялось право ношения военной формы и т. д.».

Наиболее тяжелым было положение казаков на о-ве Лемнос, поэтому отправку армии в балканские страны начали именно с них. В мае 1921 г. наконец приступили к переброске отдельных частей, и к 1922 г. в Сербию и Болгарию были перевезены Донской, Кубанский и 1-й армейский корпуса, но последний – не полностью: 1500 человек под началом генерала З. А. Мартынова пока оставались на Галлипольском полуострове, поскольку «обещание сербов принять их в ближайшее время не было выполнено». Только вес-

ной 1923 г. мартыновцы переберутся на Балканы. (Перед уходом генерал Мартынов выразил сердечную благодарность губернатору Галлипольского полуострова и всем его жителям за гостеприимство, оказанное русским, находившимся здесь в течение двух с половиной лет.)

Всего, по данным штаба Русской армии, к началу 1922 г. «перевезено воинских чинов из военных лагерей [Галлипольского полуострова] и района Константинополя»: в Болгарию – 17 000 человек, в Сербию – 11 500 (в основном на пограничную службу), в Чехословакию – 1000 донцов (в качестве земледельческих работников), в Грецию – 3000 донских и кубанских казаков, в Венгрию – 300 (на дорожные работы), в Бизерту – 6000 человек. Итого 38 800 человек (см. [Рус. армия в изгнании, л. 5–6]). Несколько раньше в Одессу и Новороссийск отплыло 7600 человек, в Батум – 4200 [Материалы по эмиграции 138].

Что касается вернувшихся в Одессу и Новороссийск, то многие из них погибнут от пуль соотечественников или подвергнутся репрессиям. Д. Д. Пеньковский – уже цитировавшийся нами автор фундаментального исследования «Эмиграция казачества из России и ее последствия…» – приводит потрясающую своим трагизмом «надпись, вырезанную в нижнем трюме парохода „Решит-паша“ и обнаруженную при перевозке частей из Галлиполи в Болгарию: „Товарищи! Мы приехали в Одес 3500 казаков ис коих было 500 растрелено. Астальных по тюрьмам и по военным лагер. И на принудительн. работы. Я козак Мороз […] со мною не знаю что будет“». Автор, ссылаясь на архивный источник, пишет, что из тысяч казаков, вернувшихся на родину, «некоторые впоследствии были арестованы якобы за шпионаж, другие были объявлены вредителями. […] Лишь часть казаков избежала тюрем и концлагерей, так как сумела […] затеряться на просторах России» [Пеньковский 174, 172].

В феврале 1922 г. – с отъездом Врангеля в Королевство СХС – Русский Совет прекратил свое существование. Ни правительства стран Западной Европы, ни бóльшая часть эмигрантских организаций так и не признали этого «преемственного носителя законной

власти», поскольку считали вооруженную борьбу Белого движения проигранной. Одну из своих главных задач – объединить русские общественные и политические организации в Стамбуле и вне его – Русскому Совету реализовать не удалось: слишком велики были разногласия «враждующих течений в пределах одного и того же политического толка». Врангель с горечью признавал, что неудачи РС кроются вообще «в разброде русской эмиграции». Тем не менее в истории Белого движения Русский Совет сыграл немалую роль. Благодаря упорному противодействию тем, чья деятельность была направлена на «распыление армии», он смог организовать беспрецедентную, мирную переброску основного состава армии в благоприятные для жизни русских людей стрáны и тем самым спасти от верной гибели десятки тысяч соотечественников.

Меж тем пребывание Врангеля в Стамбуле становилось опасным для его жизни. Ярким примером этого может служить история с яхтой «Лукулл».

По прибытии в Стамбул Врангель, его штаб и семьи офицеров поселились в российском посольстве. Через некоторое время все они переехали на яхту «Лукулл», ставшую штаб-квартирой главкома. Яхта стояла у европейского берега Босфора, в местечке Салыпазары[2], куда ее переместили с более отдаленной от центра Стамбула стоянки, чтобы до посольства можно было дойти за полчаса. Пешком ходил и Врангель: его автомобиль и два катера нуждались в ремонте, а тратить казенные деньги на собственные нужды генерал не хотел.

Изящная яхта прежде называлась «Колхидой» и принадлежала российскому послу в Турции. Получив новое имя «Лукулл», она перешла к командующему Черноморским флотом и, по некоторым сведениям, даже участвовала в морских сражениях вместе с союзниками. На яхте проходили совещания штаба Врангеля, на которых решались животрепещущие вопросы, связанные с проблемами армии и гражданских беженцев.

[2] Свое название это местечко получило потому, что в прежние времена здесь по вторникам (*салы*) устраивался базар. В каждом квартале Стамбула был свой рынок, который работал в определенный день недели и имел соответствующее название. Например, Першембепазары – это «рынок по четвергам» в Галате.

Яхта прослужила штаб-квартирой уже почти год, когда 15 октября 1921 г. ее протаранил итальянский пароход «Адриа». Удар пришелся на ту часть судна, где располагался кабинет и спальня главнокомандующего. Яхта продержалась на воде не больше двух минут и затонула. Вместе с ней на дне Босфора оказалась бóльшая часть штабных документов и все имущество семьи Врангеля, включая драгоценности его супруги. Союзники мобилизовали водолазов, но сведений о результатах их работы обнаружить не удалось. Главком вынужден был вновь сделать своей резиденцией посольство.

Примерно за час до катастрофы Врангель с женой, командиром яхты и другими лицами съехали на берег. На судне оставались матросы, офицеры и их жены, казачий конвой главкома и несколько гостей. Слаженные действия судовой команды и конвоя позволили вовремя высадить на шлюпки женщин и часть команды. Остальные оставались на палубе и, только поняв по движению надвигавшегося парохода неизбежность гибели «Лукулла», буквально в последнюю минуту бросились в воду. Несколько пострадавших были спасены катером портовой полиции. Дежурный офицер мичман П. П. Сапунов, до конца остававшийся на своем посту, погиб. Погибли и корабельный повар Краса, и вестовой матрос Ефим Аршинов, который получил увольнение, но задержался на яхте и не успел сойти на берег.

Пароход «Адриа» был арестован английскими властями, которые главенствовали в «межсоюзной полиции в Константинополе».

Гибель «Лукулла» взволновала не только беженцев. Чрезвычайное событие вызвало серьезное беспокойство и союзников.Вести следствие поручили портовой секции межсоюзной полиции. Срочно была создана специальная комиссия, в состав которой вошли начальники французской и итальянской службы портовой полиции Робер и Фиори соответственно, а также генерал-лейтенант М. П. Ермаков, который по распоряжению Врангеля представлял русскую сторону.

Следственная комиссия составила детализированный опросный лист. На включенные в него вопросы ответили десятки свидетелей надвигавшейся катастрофы, в том числе офицеры и матросы фран-

цузского, британского и американского флотов, а также члены судовых команд и пассажиры русской яхты «Лукулл» и итальянского парохода «Адриа».

Сохранилось свидетельство офицера конвоя главкома, подъесаула лейб-гвардии казачьего полка Кобиева, в котором весьма подробно описывается это трагическое событие:

«15 октября, около 4 часов 30 минут дня, я поднялся из своей каюты и вышел на верхнюю палубу. Встретившись там с дежурным офицером мичманом Сапуновым, мы начали гулять. Через некоторое время мы обратили внимание на шедший от Леандровой башни (*тур.* Кызкулеси – Девичья башня) большой пароход под итальянским флагом. Повернув от Леандровой башни, он стал пересекать Босфор, взяв направление на „Лукулл". Мы продолжали следить за этим пароходом. Пароход с большой скоростью, необычайной для маневрирующих или входящих в Золотой Рог судов, приближался к „Лукуллу". Заметно направление пароход не менял, и было ясно видно, что, если он не изменит направление, „Лукулл" должен прийтись на его пути. Когда пароход был прямо на носу итальянского дредноута „Дуилио", я, видя, что итальянский пароход не уменьшает скорости и не изменяет направления, спросил мичмана Сапунова, не испортилась ли у него рулевая тяга, так как при той скорости и громадной инерции, какие он [т. е. итальянский пароход] имел, он не успеет свернуть в сторону, даже если положить руль круто на бок. Сапунов ответил, что действительно что-то ненормально. Но тогда пароход не шел бы с такой скоростью и уверенностью, давал бы тревожные гудки и так или иначе извещал бы о своем несчастье и опасности от этого для других. Тем не менее пароход, не уменьшая хода, двигался на яхту, как будто ее не было на его пути… Шагов [так в тексте!] примерно за 300 от яхты мы увидели, как из правого шлюза отдали якорь. Тут нам стало ясно, что удара нам в бок не миновать, так как при скорости, с которой шел пароход, было очевидно, что на таком расстоянии якорь не успеет и не сможет забрать грунт и удержать пароход, обладающий колоссальной инерцией. Мичман Сапунов крикнул, чтобы давали кранцы, и побежал на бак вызывать коман-

ду. Я кинулся к кормовому кубрику, где помещались мои казаки, и закричал, чтобы они по тревоге выбегали наверх. В этот момент я услышал, как отдался второй якорь, и пароход, приблизясь так, что уже с палубы „Лукулла“ нельзя было видеть, чтó делается на носу парохода, продолжал неуклонно надвигаться на левый борт яхты. Секунд через 10 пароход подошел вплотную, раздался сильный треск и во все стороны брызнули щепки и обломки от поломанного фальшборта, привального бруса и верхней палубы. Удар пришелся на левый борт, на помещение главкома, после чего пароход задним ходом начал отходить от яхты, не подавая никаких сигналов и не имея намерения оказать помощь экипажу тонущей яхты… От момента удара до полного погружения яхты прошло 1,5–2 минуты» [Дело о гибели яхты «Лукулл», л. 23–23 об.].

Следственная комиссия приложила к делу рапорт свидетеля этой трагедии – сотрудника портовой секции межсоюзной полиции А. Михайличенко; рапорт был подписан и переводчиком Лабудзинским. Михайличенко докладывал: 15 октября 1921 г., в 4 час. 45 мин. пополудни, «я направился из Галаты […] в полицейском моторном катере № 1 вместе с переводчиком Лабудзинским, итальянским карабинером и итальянским полицейским переводчиком к контрольному пункту с целью посетить пароход „Адриа“». Он шел по направлению к Босфору. Поскольку трап парохода был поднят и нельзя было подняться на борт, «я приказал командиру катера следовать за пароходом, держась от него справа». «Адриа» шла с такой скоростью, что катер едва поспевал за ней. Вскоре пароход сменил курс и с прежней скоростью двинулся в сторону русской яхты. Стало ясно, что столкновения не избежать. Продолжая идти тем же курсом, пароход наскочил на левый борт «Лукулла» – последовал глухой удар, в вертикальную пробоину шириной в полметра хлынула вода, и яхта стала тонуть. «Мужчины и женщины, находившиеся на яхте, садились в спасательные шлюпки, которые экипаж яхты спустил в предвидении неизбежного столкновениия. Оставшиеся 10–8 человек мы поместили на наш катер» [Дело о гибели яхты «Лукулл», л. 26–26 об.].

Спасали лукулловцев и турецкие лодочники. Они наблюдали за действиями «Адрии» и, поняв опасность, вовремя подошли на помощь бросившимся в воду людям.

Комиссия проследила путь итальянского судна с момента захода в Босфор, установила скорость его движения по проливу, по минутам рассчитала время его действий: поворота вправо (с указанием угла поворота), сброса якоря, подачи заднего хода (с определением силы ветра и течения). Тщательное расследование давало комиссии все основания для вывода «о преднамеренности содеянного», однако итальянская сторона «наличности злого умысла» не признала.

Член следственной комиссии генерал Ермаков докладывал адмиралу М. А. Кедрову, что на заключительном заседании комиссии, когда он привел неопровержимые доказательства своей уверенности в предумышленном таране «Лукулла», на него «набросился со всей силой своего итальянского темперамента потерявший самообладание член комиссии Фиори». Полуторачасовые пререкания продолжались при полном нейтралитете Робера – члена комиссии с французской стороны. «без моего участия, – продолжает Ермаков, – Фиори и Робер посовещались, после чего итальянец заявил, что «возражать после столь детально разработанного заключения генерала Ермакова трудно» и что он признает виновным в столкновении пароход «Адриа», но преднамеренность категорически отрицает». Французская сторона с таким выводом согласилась (см. [Дело о гибели яхты «Лукулл», л. 57]).

«Адриа» совершала регулярные рейсы между Стамбулом и советскими портами на Черном море. В тот роковой день этот пароход, зафрахтованный советскими кооперативными торгово-закупочными организациями, плыл из Батума. Войдя в воды Босфора, он шел по обычному фарватеру для больших судов, но только до того момента, «пока не оказался на линии „Лукулла“» – тут он резко свернул с фарватера и двинулся на яхту. У Чебышева читаем: «Подробности катастрофы дают основание предполагать наличность злого умысла. Средь бела дня на Босфоре, в таком месте пролива, где свободно маневрируют дредноуты, пароход „Адриа“

утопил стоявший на якоре „Лукулл“. Не совсем понятный курс парохода, ненормально быстрый ход судна, ищущего стоянки, задний ход вопреки правилам после того, как океанский пароход врезался в маленькую яхту, – все указывает на то, что рулем и диким маневром руководила чья-то сознательная злая воля. Пароход прибыл из Батума, что наводит на размышления» [Чебышев 170].

Сомнений относительно инициаторов катастрофы ни у кого не было. Но союзники решили приглушить дело. Видимо, они уже начали понимать, что Врангель и его армия едва ли пригодятся им, а с большевиками рано или поздно придется налаживать отношения.

Что касается материальной стороны дела, французы не отказались поддержать иск русских к итальянской мореходной компании. Робер подготовил документы о необходимости компенсировать потерпевшим материальный ущерб, нанесенный пароходом «Адриа», и командующий французским флотом адмирал Дюмениль подписал их. Дело по иску Врангеля и его супруги к итальянской мореходной компании растянулось на три года. Находясь уже в Сербии (1922), Врангель получил от своего адвоката сообщение о том, что «дело юридически безнадежно», но итальянская компания «предлагает мировую с выплатой 25% иска». Получил ли генерал эту выплату, неизвестно.

Команду «Лукулла» приписали к русским «галлипольцам», отъезжающим в Болгарию, что было для команды большой удачей. Но генерал Ермаков продолжал хлопотать: он хотел, чтобы «лукулловцы» были переведены «автономно на паек принимающей стороны», будь это Болгария или Сербия (см. [Дело о гибели яхты «Лукулл», л. 60]).

Однако на этом история гибели «Лукулла» не заканчивается. Ее продолжение читаем у того же Чебышева, который в 1932 г. в парижской газете «Возрождение» раскрыл источник случившегося:

«Над такими делами, однако, витает фатум: вдруг, откуда ни возьмись, пронесутся Ивиковы журавли – небесные обличители[3].

---

[3] «Ивиковы журавли» – баллада Шиллера, переведенная на русский язык В. А. Жуковским. Баллада основана на легенде. Древнегреческий певец Ивик

И вот уже здесь, в Париже, когда по случаю десятилетия крушения упомянули яхту главнокомандующего, шалость рока, точно набежавшая волна, прибила что-то – обломок чужого воспоминания, улику против „советчиков“.

Один мой собрат по перу – человек очень известный, серьезный, не бросающий на ветер слова, умеющий и говорить, и внимательно слушать, – Х[одасевич] прочитал […мой] очерк [о „Лукулле“] и поспешил меня осведомить. Вот вкратце то, что он рассказал.

Х. в 1922 году жил в Берлине. В литературных кружках Берлина он встречался с дамой Еленой Феррари, 22–23 лет, поэтессой. Феррари еще носила фамилию Голубевой [или Голубовской]. Маленькая брюнетка не то еврейского, не то итальянского типа, правильные черты лица, хорошенькая. Всегда одета была в черное.

Портрет этот подходил бы ко многим женщинам – хорошеньким брюнеткам. Но у Елены Феррари была одна характерная примета: *у нее недоставало одного пальца*. Все пальцы сверкали великолепным маникюром. Только их было… девять.

С ноября 1922 года Х. жил в Саарове, под Берлином. Там же, в санатории, отдыхал Максим Горький, находившийся в ту пору в полном отчуждении от большевиков. Однажды Горький сказал Х. про Елену Феррари:

– Вы с ней поосторожнее. Она на большевиков работает. Служила у них в контрразведке. Темная птица. Она в Константинополе *протаранила белогвардейскую яхту*.

Х., стоявший тогда далеко от белых фронтов, ничего не знал и не слыхал про катастрофу „Лукулла“. Только прочитав мой материал,

---

шел на греческий праздник-состязание («зрить бег коней и бой певцов»). Но на дороге в глухом лесу разбойники убивают безоружного поэта. Умирая так бесславно, он вдруг слышит «жалобно-стенящий глас» журавлей под небесами, и зовет их «в свидетели», и просит их привлечь «Зевесов гром» на головы убийц. Все собравшиеся на праздник, узнав о гибели «наперсника Аполлона» Ивика, весьма опечалены. Но кто же убийца? «И небо вдруг покрылось тьмою; // И воздух весь от крыл шумит; // И видят… черной полосою // Станица журавлей летит». И тогда, «как будто свыше откровенье, // Блеснула мысль: убийца тут […] // И, бледен, трепетен, смятенный, […] // Исторгнут из толпы злодей». Вместе со своим сообщником он был приговорен к смерти. Идея произведения: хотя зло и неотвратимо, оно всегда будет наказано.

он невольно и вполне естественно связал это происшествие с тем, что слышал в Саарове от Горького.

По словам Х., Елена Феррари, видимо, варившаяся на самой глубине котла гражданской борьбы, поздней осенью 1923 года, когда готовившееся под сенью инфляционных тревог коммунистическое выступление в Берлине сорвалось, уехала обратно в советскую Россию с заездом предварительно в Италию.

Имеются указания, что в 1931 году Елена Феррари была в Париже. На французском языке вышел роман, посвященный ее приключениям, из-под пера русско-французского автора.

Слова Горького я счел долгом закрепить здесь для истории, куда отошел и Врангель, и данный ему большевиками под итальянским флагом морской бой, которым, как оказывается, управляла советская футуристка с девятью пальцами!» [Чебышев 171–172].

По заданию советской разведки Феррари с частями Белой армии ушла в Турцию. Кстати, она владела несколькими иностранными языками, в том числе турецким. В начале 30-х годов разведчица была во Франции на задании и работала помощником резидента. В какой-то момент ее отозвали в Москву либо из-за статьи Чебышева, либо из-за ряда провалов советской агентуры в Европе. Ее дальнейшая судьба для того времени весьма и весьма банальна: в первой половине 30-х годов ее награждают орденом Красного Знамени, назначают помощником начальника отделения I (западного) отдела Разведупра РККА, присваивают офицерское звание, а уже в конце 1937 г. она арестована, летом следующего года – по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации – приговорена к высшей мере наказания и расстреляна в день приговора. В 1957 г. писательница-разведчица была реабилитирована посмертно. Творчество Е. Феррари вызывало интерес у М. Горького и В. Шкловского. В 1960-х годах частично опубликована ее переписка с Горьким. В 2009 г. в серии «Малый Серебряный век» переиздан ее поэтический сборник «Эрифилли», впервые вышедший в Берлине в 1923 г.

…Врангелю не везло. Беда следовала за бедой. Казалось, после гибели «Лукулла» на целый месяц наступило некоторое затишье.

Но вдруг одно обстоятельство буквально взорвало армию и всю «беженскую массу». Из Стамбула в большевистскую Россию уезжает одна из самых заметных и героических фигур Белого движения генерал Слащёв (Слащов). Что же побудило прославленного военачальника прийти к такому решению? Об этом стоит рассказать поподробнее, да и сама далеко не однозначная личность генерала заслуживает внимания читателя.

Яков Александрович Слащёв – выходец из семьи потомственных военных – родился в Петербурге 29 декабря 1885 г. (по старому стилю). Окончив в 1905 г. Павловское военное училище, он был зачислен в лейб-гвардии Финляндский полк. Завершив в 1911 г. обучение в Николаевской академии Генерального штаба (без права быть причисленным к генштабу из-за низкого среднего балла), Слащёв преподавал тактику в Его Величества Пажеском корпусе. В начале 1915 г. в составе Финляндского полка он попадает на фронт, а в следующем году его награждают Георгиевским оружием. В 1916 г. Слащёв получает орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и звание полковника (этот факт читателю стоит запомнить: он сыграет определенную роль в дальнейшей судьбе будущего генерала). По некоторым сведениям, с середины лета по 1 (или 8-е) декабря 1917 г. Слащёв командует Московским гвардейским полком, который воевал на фронтах Первой мировой войны от ее начала и до конца, а в 1918 г. был расформирован.

В декабре 1917 г. (по другим данным, в январе 1918 г.) он присоединяется к Добровольческой армии, а в следующем году некоторое время служит начальником штаба сначала в отряде полковника А. Г. Шкуро, а затем у командующего 2-й Кубанской казачьей дивизией генерала С. Г. Улагая (кубанский казак черкесского происхождения). Весной 1919 г. за боевые отличия Слащёв был произведен главкомом А. И. Деникиным в генерал-майоры и назначен командиром сначала 5-й, затем 4-й пехотной дивизии и, наконец, 3-го армейского корпуса, осенью 1919 г. действовавшего против украинской армии С. В. Петлюры и повстанческих крестьянских отрядов Н. И. Махно. В декабре того же года корпус Слащёва занял укрепления на Перекопском перешейке,

тем самым предотвратив захват Крыма, который генерал успешно удерживал до февраля (включительно) 1920 г. За это Деникин присвоил слащёвскому корпусу наименование «Крымский».

Теперь о последнем годе (1920) пребывания Белой армии на территории России. Весной и летом бои между обеими сторонами велись с переменным успехом. После 11 августа, когда Красной армии удалось взять перевес и она преследовала белогвардейцев вплоть до Каховки, Слащёв – к этому времени уже генерал-лейтенант и командующий 2-м армейским корпусом (по приказу нового главкома Врангеля от 25 марта), – натолкнувшись на основательную систему укреплений противника, включающую зенитно-артиллерийский комплекс, отказался посылать своих людей на убой. Из-за невозможности ликвидировать Каховский плацдарм красных белый генерал подает главкому прошение об отставке. 17 августа его отставка принята; с этого времени он «зачислен в распоряжение главнокомандующего» и отправлен лечиться в Ялту. По приказу главкома 19 августа Слащёву как руководителю обороны Крыма присваивается титул «Крымский». В октябре в связи с прорывом Красной армии в Крым Слащёв выехал на фронт в Джанкой (где с января по апрель размещался его штаб), но никакой должности в войсках не получил. Его очередную идею Врангель, которому досаждали многочисленные рапорты генерала с предложением различного рода военных операций, не поддержал, и Слащёв выехал в Севастополь, откуда в ноябре отбыл в Стамбул.

Представив читателю более или менее полный послужной список Слащёва, перейдем к некоторым подробностям из жизни этого легендарного белого генерала.

В Государственном архиве Российской Федерации хранятся воспоминания П. И. Аверьянова где приводится очерк «Генерал Слащёв-Крымский (Из рассказов о нем его ближайших сотрудников и сослуживцев)». Материал о Якове Александровиче Слащёве Аверьянов[4], собирал в Сербии, куда, как и другие белоэмигранты,

[4] Петр Иванович Аверьянов (1867–1937) – русский военный деятель и военный востоковед, знаток Турции и турецкой армии. Образование получил в Тифлисском кадетском корпусе. Служил в Кавказском военном округе и в разведыва-

он перебрался из Турции. Там он встречался, в частности, с начальником штаба 3-го армейского корпуса Слащёва полковником В. Ф. Фроловым, с участником обороны Крыма капитаном лейб-гвардии Литовского полка Александром фон Дрейером (начальник команды связи), а также с подчиненными Слащёва.

По словам Аверьянова, даже после отъезда Слащёва в советскую Россию (в 1921 г.) он продолжал пользоваться «высоким авторитетом у своих офицеров и солдат». Собеседники Аверьянова рассказывали, что их командир полностью исключил грабежи и насилие во вверенных ему войсках (правда, путем самых жестких, а порой и жестоких мер, вплоть до высшей меры наказания). Поэтому крымчане относились к солдатам генерала иначе, чем к солдатам других армейских частей. Так, Слащёвцам они добровольно отдавали провизию, от других же ее прятали.

«Слащёв после развала империи и в годы Гражданской войны не носил военную форму с погонами, поскольку считал, что Добр[овольческая] армия вообще не должна носить прежней армейской формы». Когда при первой же встрече Деникин спросил у Слащёва, почему он отказался от формы, тот ответил: «Добрармия живет грабежами, не следует позорить наши старые погоны грабежами и насилиями». Военной форме Слащёв предпочитал другую одежду. По Аверьянову, он носил «опушенный мехом белый доломан или казакин без погон и без отличий, накинутый на плечи красный башлык и папаху, а вместо шашки имел всегда в руках толстую сучковатую дубинку». А Врангель вспоминает в своих «Записках», что видел Слащёва «в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом». Военную форму, причем свою бывшую, полковничью, Слащёв демонстративно наденет в Стамбуле, после суда чести над ним (об этом см. ниже). Когда Врангель через офицера передаст «крымскому гене-

---

тельном отделении генштаба. В начале 1900-х годов – секретарь Российского генконсульства в Эрзуруме. В неспокойные дни весны 1917 г. генерал-лейтенант Аверьянов, в то время начальник Главного управления генштаба, в целях борьбы с «источником заразы» назначил 200 тыс. руб. за голову Ленина. Нашелся было исполнитель – некий армейский капитан, при этом эсер и террорист (см.: Отдел рукописей Гос. библиотеки им. Ленина, ф. 218, к. 384, л. 42–43).

ралу» свой приказ об увольнении его из армии без права ношения мундира, то Слащёв скажет: «В генеральские чины произвели меня лица, не имевшие на это никакого права; такие же лица и отняли у меня все чины; берите себе мои генеральские чины, я их не признавал законными, но чина полковника, в который меня произвел император, никто, кроме императора, лишить меня не может» [Аверьянов, л. 2, 3].

В Крыму Слащёв жил в вагоне штабного поезда, стоявшего на железнодорожных путях станции Джанкой. Каждый желающий мог обратиться к нему по любому вопросу «во всякое время и при всяких обстоятельствах» (см. [Аверьянов, л. 8]). По сведениям же Караджева, назвавшего генерала «гениальным психопатом и кокаиноманом», он «жил в большом доме, окруженном парком», а в вагонах располагался его штаб (см. [Караджев 16]). Совсем иная картина быта генерала представлена в воспоминаниях Врангеля, где он описывает свой и своей супруги ответный визит к Слащёву, который «жил в своем вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах – разбросанные одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка – Слащёв […] окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и диванам, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина». Князь В. А. Оболенский, бывший глава крымского земства, в 1924 г. опубликовал в Берлине «Крым при Врангеле: мемуары белогвардейца». Надо пояснить, что Слащёв князя ненавидел, подозревая его в социалистических воззрениях. Автор же воспоминаний, считая «спасителя Крыма» авантюристом и человеком нездоровым, описал его следующим образом: «Это был высокий молодой человек с бритым болезненным лицом, редеющими белобрысыми волосами и нервной улыбкой, открывающей ряд не совсем чистых зубов. Он все время как-то странно дергался […]. Не знаю, было ли это последствием ранений или потребления кокаина. Костюм у него был удивительный – военный, но как будто собственного изобретения: красные штаны, светло-голубая куртка гусарского покроя. Всё ярко и кричаще безвкусно. В его жестикуля-

ции и в интонациях речи чувствовались деланность и позерство» (см. [Соколов 632]).

Генерал отличался необычайной храбростью. Было время, когда Крым оборонял только слащёвский отряд. В одном из боев, читаем у Аверьянова, когда слащёвцы едва сдерживали натиск превосходящих сил красноармейцев, вдруг с грохотом на открытую местность близ позиций противников буквально влетел открытый автомобиль Слащёва. На глазах у врага генерал спокойно направился к позициям своего отряда и, подбодрив солдат, что-де вот-вот на помощь подойдут греческие и французские отряды, так же спокойно вернулся к машине. Появление генерала на передовой, примерно в 500 шагах от противника, его слова о подмоге и ответное громкое «ура!» слащёвцев (на самом деле никаких греков и французов не было) – все это вызвало недоумение красных и приостановило их действия на какое-то время, которого хватило белым, чтобы отступить без потерь на другие позиции. Затем «Слащёв вошел в свой автомобиль». За те несколько мгновений, что он стоял в машине во весь рост спиной к противнику, «три пулеметные пули попали ему в спину: две – в легкие, одна – в живот». Он упал на сиденье, как подкошенный, и в тот же момент шофер рванул вперед, так что никто, кроме бывших вблизи автомобиля нескольких офицеров, не заметил, что командир ранен.

Генерала лечили в прифронтовом селении, в избе, о местонахождении которой не знал никто, кроме доктора и сестры милосердия. Меж тем селение оказалось в расположении красных. Вывезла и тем самым «спасла Слащёва молоденькая сестра милосердия, бывшая при гвардейском отряде. Она верхом добралась до избы, где генерал лежал в жару и беспамятстве; ей помогли взвалить раненого на лошадь, и она прискакала к своему отряду. Она и вы́ходила его… Вскоре после выздоровления Слащёв женился на ней. Его первый брак был несчастливым». А вторая жена «вполне ему подходила: под видом ординарца (из вольноопределяющихся) она безотлучно находилась при Слащёве и сопровождала его в бою и под огнем» (см. [Аверьянов, л. 6–8]).

Речь идет о Нине Николаевне Нечволодовой – второй жене Слащёва. Их знакомство состоялось, видимо, в 1918 г., когда они оба служили в отряде Шкуро. В годы Первой мировой войны Нина добровольцем пошла на фронт, где как участник Брусиловского прорыва получила звание унтер-офицера и два Георгиевских креста. В различных воспоминаниях она, как правило, упоминается под тем или иным прозванием: «ординарец Нечволодов», «юнкер Нечволодов», «ординарец Никита»; у Вертинского она названа Лидой. Кстати, по иронии судьбы Нина приходилась родной племянницей начальнику Главного артиллерийского управления Красной армии.

Незаживающая более полугода рана в живот приносила Слащёву мучительные страдания. Он начал колоть себе морфий, потом пристрастился к кокаину.

Врангель, отдавая должное популярности и авторитету Слащёва в армии, в специальном приказе оценил военные заслуги генерала и, как говорилось выше, в августе 1920 г. присвоил ему титул «Крымский». Одновременно его «зачислили в распоряжение главкома с сохранением содержания соответственно должности командира корпуса». 4 сентября 1920 г. Слащёва пригласила Городская дума Ялты на устроенное в его честь торжественное заседание с вручением весьма лестных адресов и присвоением ему звания почетного гражданина города (см. [Кавтарадзе 16, 17]).

Выше было сказано, что в октябре 1920 г. Слащёв, оказавшись не у дел, приехал в Севастополь. В это время взаимное недовольство генерала и главкома набирало силу.

С 7 по 17 ноября длилась Перекопско-Чонгарская операция. Войска Южного фронта под командованием Фрунзе прорвали оборону врангелевской армии на Перекопском перешейке. Белые начали отходить на юг. Им удалось оторваться от красных и относительно организованно провести эвакуацию: были вывезены почти все военнослужащие, а также гражданские лица, которые не хотели или по каким-то причинам не могли оставаться в Крыму.

До отъезда из России Слащёв позаботился о своей первой семье, отправив в Стамбул бывшую жену Софью Владимировну Козлову (они вступили в брак в 1913 г.) и 5-летнюю дочь Веру. А в ноябре

1920 г. на ледоколе «Илья Муромец», взявшем направление на Босфор, он эвакуируется из Крыма со своей второй женой Ниной Николаевной Нечволодовой (есть сведения, что они обвенчались летом 1920 г.), с несколькими преданными ему офицерами и остатками лейб-гвардии Финляндского полка, в составе которого, напомним, он воевал в годы Первой мировой войны. Кстати, командиром этого полка был тесть Слащёва генерал-лейтенант В. А. Козлов.

В Стамбуле Слащёвы поселились в мусульманском квартале Везнеджилер, улица Де-Руни, дом Мустафы-Эфенди, № 15–17. В декабре 1920 г., примерно через месяц после прибытия врангелевской армии в Стамбул, Комитет русских общественных деятелей принял решение поддержать курс главнокомандующего на дальнейшую борьбу против советской власти. Слащёв направил председателю собрания этого комитета П. П. Юреневу[5] письмо с резкой критикой Врангеля и его окружения за потерю Крыма. Он обвинял главкома и его штаб «в недальновидности и полной неспособности к надлежащей оценке политической и стратегической обстановки», в «предательстве общего дела». Напрашивался вывод: Крымскую кампанию 1920 г. проиграла не армия, а верхушка командования.

После этого письма Врангель издает приказ о создании суда чести над офицерами. На первом же его заседании рассматривается дело генерала Слащёва. 21 декабря 1920 г. суд выносит решение – «уволить Слащёва от службы без права ношения мундира». Врангель утверждает это постановление суда. Лишение погонов означало лишение пайка.

После увольнения Слащёва из Русской армии Земский союз предоставил ему ферму (кстати, именно князь Оболенский «посодействовал Слащёву в приобретении фермы»). Бывший генерал раз-

[5] Петр Петрович Юренев (1874–1943) – инженер по образованию, российский политический деятель: член II Государственной Думы (1907), министр путей сообщения при Временном правительстве (июль–август 1917 г.). В начале 1920 г. он эмигрировал в Стамбул, где открыл гимназию для русских детей. Перебравшись во Францию, Юренев участвовал в деятельности Земско-городского комитета и Союза русских инженеров.

водил индеек и прочую живность, но таланта к этому занятию – в отличие от военного дела – у него, видимо, не было; «доходов он почти не имел и сильно бедствовал со второй женой Ниной Николаевной […] и дочерью» [Соколов 629].

Уже через месяц после скандального суда появилась небольшая публикация «Требую суда общества и гласности! Оборона и сдача Крыма (Мемуары и документы)». Автор – Я. А. Слащёв-Крымский, место издания – Константинополь, год издания – 1921 г. В нее вошли документы, бывшие в распоряжении автора и прокомментированные им (в основном это копии его рапортов Врангелю), дневниковые записи о Каховской операции (август 1920 г.), статья из газеты «Заря России» с описанием боевых действий 2-го армейского корпуса в июне 1920 г. и пр. За нахождение этой публикации «у кого-либо в Галлиполи, где расположилась врангелевская армия, „жестоко карали, но она там распространялась“». В 1924 г. в СССР, где Слащёв живет уже почти три года, будет издана его книга «Крым в 1920 году»[6], где речь идет о событиях на Крымском полуострове с декабря 1919 по ноябрь 1920 г., включая эвакуацию Русской армии (см. [Кавтарадзе 20, 26, 27]).

Относительно «Крыма в 1920 году» заметим, что в той части книги, где автор резко отрицательно высказывается о руководящем составе Русской армии (Врангеле, Шатилове, Шиллинге, Коновалове), она своей субъективностью близка к мемуарам вернувшихся на родину беженцев, изданным в советской России в 1920-х годах. По понятным причинам все эти воспоминания тенденциозны и в интерпретации фактов расходятся с мемуарами участников тех же событий, на родину не вернувшихся. Вполне возможно, что названная книга написана не без подсказки. Например, автор очерка о Слащёве-Крымском пишет: «Многие офицеры не верят, что Слащёв мог сам написать, буд-

[6] *Слащёв Я. А.* Крым в 1920 году: Отрывки из воспоминаний / Предисл. Д. Фурманова. М.–Л., 1924. Данное издание плюс публикация 1921 г. «Требую суда общества…» составили книгу, выпущенную издательством «Наука» (см. [Слащов-Крымский, 1990]), [Слащёв. 2003]

то уехал в Россию, чтобы служить рабоче-крестьянскому правительству […]» [Аверьянов, л. 13].

Когда обстоятельства, в которых оказался разжалованный генерал, стали известны Москве, в турецкую столицу в феврале 1921 г. для установления контакта со Слащёвым был направлен уполномоченный ВЧК Я. Тененбаум (в Стамбуле он остановился под фамилией Ельский). В случае возвращения белому генералу пообещали преподавательскую работу в военно-учебном заведении и все прочие условия, необходимые для достойной жизни. Расчет был масштабный. Возвращение прославленного генерала, авторитет которого не померк и после его разжалования, должно было иметь большой политический резонанс, способствовать расколу многотысячной военной эмиграции, угрозу которой Москва ощущала постоянно.

Слащёв колеблется. Чекист терпеливо ждет. Наконец решение принято. Слащёв отправляет свою первую жену с дочерью в Италию (по другим сведениям, во Францию), а сам со второй женой готовится к отъезду в советскую Россию.

Не последнюю роль в принятии Слащёвым этого решения, видимо, сыграла одна очень непростая (но достоверная ли?) история, приключившаяся с его женой Ниной Николаевной. По некоторым сведениям, летом 1920 г. беременная Нина, якобы, оказалась в руках красных. Узнав, что это супруга одного из самых злейших врагов советской власти, местные чекисты, хорошо подумав, отправили ее в Москву, к самому Дзержинскому. Дальновидный председатель ВЧК и нарком внутренних дел проявил истинное благородство – переправил через линию фронта, откуда она благополучно добралась до мужа. Некоторые считают, что после этого события Слащёв стал задумываться о неправоте Белого движения.

Осенью 1921 г., перед отплытием, он рассылает в русские зарубежные газеты письмо с объяснением причин своего решения: «В настоящий момент я нахожусь на пути в Крым. Все предположения, что я еду устраивать заговоры или организовывать тайком всех повстанцев, бессмысленны. Внутри России революция окончена… Если меня спросят, как я – защитник Крыма от красных –

перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России. Ныне меня зовут защищать честь России, и я еду выполнять свой долг, считая, что все русские, и военные в особенности, должны быть в настоящий момент в России» (цит. по [Кавтарадзе 21]).

А вот как объясняет возвращение Слащёва на родину упоминавшийся выше князь Оболенский: «Слащёв – жертва гражданской войны. Из этого от природы неглупого, способного, хотя и малокультурного человека она сделала беспардонного авантюриста. Подражая не то Суворову, не то Наполеону, он мечтал об известности и славе. Кокаин […] поддерживал безумные мечты. И вдруг генерал Слащёв-Крымский разводит индюшек в Константинополе на ссуду, полученную от Земского союза! А дальше?.. Здесь… за границей, его авантюризму и ненасытному честолюбию негде было разыграться. Предстояла долгая трудовая жизнь до тех пор, когда можно будет скромным и забытым вернуться на родину… А там, у большевиков, все-таки есть шанс выдвинуться если не в Наполеоны, то в Суворовы. И Слащёв отправился в Москву, готовый в случае нужды проливать „белую“ кровь в таком же количестве, в каком он проливал „красную“» (см. [Соколов 633]).

Так или иначе, в ноябре на итальянском пароходе Слащёв прибывает в Севастополь. Из порта его доставляют на железнодорожную станцию, где в спецвагоне его ожидает не кто иной, как Ф. Э. Дзержинский. С ним он едет до Москвы. Вместе со Слащёвым, его женой Ниной и ее двоюродным братом Трубецким в Россию вернулись несколько офицеров. Некоторые из них были зачислены в Красную армию, другие предпочли гражданскую службу (см. [Карпов 68]).

Сохранилась записка Троцкого Ленину (от 16 ноября 1921 г.) относительно возвращения в Россию знаменитого белого генерала: «Главком [С. С. Каменев] считает Слащёва ничтожеством. Я не уверен в правильности этого отзыва. Но бесспорно, что у нас Слащёв будет только „беспокойной ненужностью“. Он приспособиться не сможет. Уже находясь в поезде Дзержинского, он хотел дать кому-то „25 шомполов“».

Вернувшись на родину, Слащёв «признал свою тяжкую вину перед народом за жестокости, проявленные им при подавлении революционных выступлений в Екатеринославе, Николаеве, Крыму и

других местах, и был амнистирован советским правительством» [Кавтарадзе 22].

В Москве «возвращенцы» предоставили чекистам ценные сведения о Русской армии, о врангелевской разведке, о планах Врангеля и союзников по использованию армии в борьбе с большевиками. А Слащёв через три дня после своего приезда обратился к русским офицерам и солдатам, находящимся в Турции, с призывом вернуться на Родину.

Выше было сказано, что отъезд из Турции героя Белого движения имел огромный резонанс в среде русских эмигрантов. Об этом пишет А. Слободской: «Неожиданный отъезд Слащова в советскую Россию всколыхнул буквально сверху донизу всю русскую эмиграцию. Беженцы, точно только и ждавшие этого момента, резко раскололись на два противоположных лагеря: одни – сочувствовавшие Слащову и желавшие при первой же возможности также уехать; другие – проклинавшие его за измену общему делу. Они со злорадством всех уверяли, что самое позднее через два месяца Слащов будет расстрелян или повешен. Некоторые заняли нейтральную линию и выжидали развертывания события молча». Отъезд Слащёва, тяжелые условия существования, в которых пребывало большинство беженцев, пробудили у многих желание вернуться на родину. Для этого следовало прежде всего обратиться в советскую торговую миссию за различного рода справками (собрав которые можно было покупать билет), а затем – во французское контрольное бюро, куда «сдавали свои паспорта и карточки», чтобы получить удостоверение на отъезд. Интересным представляется замечание автора воспоминаний о русских сотрудниках французского бюро: «Здесь со стороны работающих русских происходит самое усиленное отговаривание»; желающим уехать в Россию они предлагают «еще день-два подумать, пока не поздно» (см. [Слободской 99–101]).

В 1922 г. Слащёву предложили должность сначала внештатного, а затем штатного преподавателя тактики в Высшей тактическо-стрелковой школе «Выстрел» (в 1938 г. под другим названием это учебное заведение было переведено из Лефортова в Солнечногорск; в годы перестройки его упразднили).

Слащёв зарекомендовал себя как блестящий знаток тактического дела и великолепный лектор. Недаром Аверьянов назвал его «одним из тех немногих от природы и „божьей милостью“ военных вождей». Те эмигрантские круги, чье мнение отражал Аверьянов, истинную причину, побудившую белого генерала к возвращению, видели не в «политическом прозрении», как говорил сам Слащёв, а в его несложившихся отношениях с Врангелем.

Наряду с работой в школе «Выстрел» Слащёв публиковал в военных журналах весьма ценные, по определению специалистов, статьи, касающиеся вопросов тактики ведения боя. Эти статьи впоследствии составили книгу «Мысли по вопросам общей тактики: из личного опыта и наблюдений», которая вышла в свет в 1929 г., уже после смерти Слащёва.

Погиб Яков Александрович 11 января 1929 г., на следующий день после своего 43-летия. Он был убит в своей комнате во флигеле, где проживали преподаватели школы «Выстрел» (Лефортово, Красноказарменная улица, д. 3). Убийцу задержали. Им оказался некий Коленберг, который совершил убийство якобы из чувства мести за брата, казненного в Крыму по распоряжению Слащёва. Кремация состоялась 14 января в крематории при кладбище Донского монастыря. И хотя газета «Красная Звезда» назвала убийство Слащёва «бесцельным, никому не нужным и политически неоправданным актом», мотив личной мести у многих не вызывал и до сих пор не вызывает доверия. Тем более что по времени это убийство совпало с волной репрессий против «буржуазных специалистов» и бывших офицеров царской армии, служивших советской власти (см. [Кавтарадзе 25]).

Что касается жены Слащёва Нины, то, приехав в Москву, она вроде бы организовала любительский театр при школе «Выстрел». Во всяком случае, после убийства мужа она бесследно исчезла.

Героическая и трагическая фигура Якова Александровича Слащёва нашла отражение в русской литературе. Яркое воплощение Слащёва – это образ генерала Романа Хлудова в драме М. А. Булгакова «Бег». Писатель показал храброго русского генерала, лю-

бившего своих солдат и свою Родину и не сумевшего жить вне России. В создании образа Хлудова Михаилу Афанасьевичу помогла его вторая жена Любовь Евгеньевна Белозерская, знавшая генерала Слащёва по Стамбулу в период его душевных метаний. По ее словам, «Крым в 1920 году» Слащёва была настольной книгой Булгакова, когда он писал «Бег».

Слащёв стал также персонажем эпопеи «Адъютант его превосходительства», главным образом, кн. 4 «Багровые ковыли» (М., 2011). Её авторы – И. Болгарин и В. Смирнов. В книге рассказывается об одной из наиболее драматических страниц в истории Гражданской войны – Каховской операции. В центре событий – судьбы красного разведчика Павла Кольцова (главный герой эпопеи) и белого генерала Якова Слащёва, которые «неожиданно становятся не только врагами». .

В Турции, где осенью 1923 г. кардинально изменилась власть (в начале октября союзные войска покинули Стамбул, и через несколько дней в город вошли войска Кемаля), не осталось ни одного вооруженного русского солдата. Но осталось… русское кладбище, которое, к сожалению, не сохранилось, просуществовав предположительно до конца 1930-х годов.

Это кладбище, как и сооруженный близ г. Гелиболу памятник русским воинам, имеет свою непростую историю.

По прибытии 1-го армейского корпуса А. П. Кутепова на Галлипольский полуостров (ноябрь 1920 г.) довольно быстро возникла проблема захоронения русских солдат и офицеров (многие офицеры были с семьями). По данным, приведенным в книге Н. Карпова, умерших от ран и болезней, сначала хоронили на двух греческих кладбищах (на одном было погребено 18, на другом – 9 человек). Потом местные власти отвели участок земли за г. Гелиболу, близ старого турецкого кладбища, но, когда уже было погребено 13 человек, неожиданно выяснилось, что у этого участка есть хозяин и он протестует против использования его частной собственности. «Наконец, при содействии армянской колонии, место для кладбища нашли. Армянский патриарх пожертвовал старое национальное кладбище, к которому впоследствии прирезали еще участок земли. Это кладбище находилось на расстоянии немногим более километ-

ра к западу от города на обращенном к морю склоне холма». Согласно преданию, здесь были захоронения запорожских казаков – участников русско-турецких войн, а также военнопленных русской армии в период Крымской войны (1853–1856). Это кладбище и стало «Большим русским военным кладбищем в Галлиполи», где всего было погребено, как свидетельствуют разные источники, «до 255 человек, но на схеме, изготовленной в штабе корпуса, четко видны 263 могилы, а в сохранившемся списке значится 342 человека»[7].

Кроме того, в само́м полевом лагере устроили еще два кладбища и два захоронения: одно кладбище (с каменным обелиском) находилось недалеко от штаба пехотной дивизии (погребено 24 человека); другое (с большим металлическим крестом «из рельсов узкоколейки») – в районе расположения кавалерийской дивизии (14 человек); одно захоронение (на мусульманском кладбище) – это «могила рядового Марковского полка […] башкира по национальности»; в другом похоронены двое ударников Корниловского полка – они умерли в первые дни «после выгрузки с кораблей». Однако были и безвестные могилы, сооруженные наспех санитарами; в них обычно покоились одинокие люди, «умершие в лазаретах сразу после того, как их сняли больными с кораблей» Уже в феврале 1921 г. командование принимает меры по приведению в порядок основного и других кладбищ: их огораживают, расчищают, на могилах устанавливают железные кресты с табличками для надписей. Затем возникает идея о сооружении памятника (см. [Карпов 85–87]).

А. П. Кутепов 20 апреля издает приказ, в первом пункте которого содержится призыв к чинам 1-го армейского корпуса: «Русские воины, офицеры и солдаты! Скоро исполнится полгода нашего

---

[7] Например, не учтено захоронение 8-летнего мальчика, и, вероятно, потому, что оно находится на французском кладбище г. Гелиболу. Союзники снизошли к просьбе генерала, потерявшего сына. Это единственная русская могила, сохранившаяся до наших дней; на плите – надпись на двух языках: *Le fils du généneral Fedoroff* Шурик Федоров *19. VI.12–19. XII.20.* Первым об этом написал В. В. Лобыцин, который как турист в 1995 г. побывал на Галлипольском полуострове (см. [Лобыцин, 1995: 23; Галлиполийский крест 22]). Кстати, на полуострове кроме турецких находятся французские и британские кладбища и мемориалы, связанные с Крымской войной и битвой за Дарданеллы в 1915–1916 гг. в ходе Первой мировой войны.

пребывания в Галлиполи. За это время многие наши братья, не выдержав тяжелых условий эвакуации и жизни на чужбине, нашли здесь безвременную кончину. Для достойного увековечения их памяти воздвигнем памятник на нашем кладбище. […] Воскресим обычай седой старины, когда каждый из оставшихся в живых воинов приносил в своем шлеме [немного] земли на братскую могилу, где вырастал величественный курган. Пусть каждый из нас внесет посильный труд в это дорогое нам святое дело и принесет к месту постройки хоть один камень. И пусть курган, созданный нами у берегов Дарданелл, на долгие годы сохранит перед лицом всего мира память о русских героях» (цит. по [Галлиполийский крест 235[8]]). Не только весь корпус, но и гимназисты, и даже малыши детского сада участвовали в этом благородном деле.

Уже упоминавшийся Владимир Душкин пишет: «Желая „увековечить“ наше присутствие в Галлиполи, командование решило соорудить памятник. Каждый „галлиполиец“, каждая „галлиполийка“ должны были принести к нашему кладбищу (а оно все росло и ширилось) удобный для постройки камень. Горы камней получились внушительные, и к тому же кое-кто совершил „паломничество“ несколько раз. Кладбище находилось у подножия пологого холма, вдали от города, около долины, шедшей к виноградникам на склоне. На этом месте в годы беспрестанных войн запорожцев с султаном закапывали умерших и замученных казаков. Достоверность этого подтверждалась каждый день. При рытье могил на свет Божий появлялись кости и черепа прежде зарытых во множестве. Пленных запорожцев свозили в Галлиполи. Сидели они в казематах „кубической тюрьмы“, той самой, что я увидел с парохода, подходя к Галлиполи. (Кстати, наше командование превратило „куб“ в „губу“.)» [Белое дело 475–476, примеч. 17 (продолж.)].

Начало строительства памятника относится к 9 мая, а завершение – к июлю 1921 г. Построен он в виде древнего кургана, сложен из 20–24 тыс. камней, принесенных русскими «галлипольцами», и увенчан мраморным крестом.

---

[8] В этом издании, на с. 54–341, помещена книга «Русские в Галлиполи: Сб. статей, посвященный пребыванию 1-го Армейского корпуса Русской Армии в Галлиполи» (Берлин, 1923).

Открытие и освящение памятника, построенного по проекту архитектора подпоручика Технического полка Н. Н. Акатьева, состоялось 16 июля 1921 г. Почти весь состав корпуса выстроился у кладбища. «Строгим четырехугольником со знаменами и оркестрами войска окружили место, где была намечена церемония освящения. В ограде находилось духовенство, почетные гости, представители французских и греческих властей, местное население, женщины и дети». На сверкающем белизной мраморном фронтоне изображен двуглавый орел, на белой мраморной доске цоколя выведена надпись на четырех языках – русском, французском, греческом (большинство жителей полуострова были греки) и турецком (тогда еще основанном на арабской графике): «Упокой, Господи, души усопших. 1-й Корпус Русской Армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь Родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920–21 г.г. и 1854–55 г.г., и памяти своих предков запорожцев, умерших в турецком плену». Надписи на иностранных языках даны в сокращенном виде. После того как отслужили молебен, с речами помимо прочих выступили: мэр г. Гелиболу – грек по национальности, пообещавший «свою заботу и попечение о кладбище»[9]; французский комендант; представитель мусульманского духовенства, который сказал, что для мусульман всякое захоронение священно, но особенно священны захоронения тех, кто сложил свою голову за Отечество, «какой бы веры ни был этот воин». Было много венков от воинских частей и от местных жителей. Символичная надпись на венке от Дроздовского полка гласила: «Тем, кому не было места на Родине».

Со временем на кладбище разбили аллеи, поставили солнечные часы и скамейки у входа, построили домик для сторожа – местного жителя турка Ихсана [Тахтчи]. «За охрану кладбища и уход за могилами ему была выделена определенная сумма денег и предоставлено право обрабатывать не занятую захоронениями землю». Практичный турок обратился к Кутепову с просьбой выдать ему

---

[9] Перед тем как выехать с Галлипольского полуострова, Кутепов передал памятник в вéдение местного муниципалитета и вручил мэру Гелиболу «акт, которым поручал охрану русской святыни».

«документ, в котором были бы оговорены эти условия на все времена и для него, и для его детей» (см. [Карпов 87–89]).

Сторож Ихсан регулярно информировал правление Общества галлиполийцев[10] о состоянии сооружения, его ремонте и затраченных на это средствах. В 1932 г. он даже выслал фотографии, подтверждающие, что и сам памятник, и могильные надгробия находятся в хорошем состоянии. Ему выслали жалованье и некоторую сумму как компенсацию за понесенные им расходы. В следующем году мэр Гелиболу подтвердил информацию сторожа. В общем, переписка продолжалась. В 1936 г. правлению Общества стало известно, что «турецкое правительство начало работы по укреплению Дарданелльского пролива на случай войны. Опасаясь, что воинское кладбище может оказаться в зоне инженерных работ и пострадает», бывшие «галлипольцы» – генералы В. К. Витковский, А. В. Фок и секретарь Общества капитан В. В. Полянский – отправили премьер-министру Турции Исмету Инёню письмо с просьбой обеспечить сохранность русского кладбища. Ответа не последовало. Но сторож снова прислал письмо, в котором сообщил о хорошем состоянии памятника и захоронений, при этом попросив денег. В 1938 г. писем от сторожа не было, и встревоженное правление Общества галлиполийцев обратилось сначала к мэру Гелиболу, а затем, не получив ответа, – к турецкому посланнику в Париже с просьбой помочь связаться с мэром и сторожем. Ответ пришел только в мае 1939 г. «Как пишет в своих воспоминаниях штабс-капитан В. В. Полянский, он [т. е. ответ] поверг всех в большое недоумение. Посланник сообщал, что у русских в Галлиполи своего кладбища никогда не было, они хоронили своих умерших на армянском кладбище[11], но после того, как этот район был занят турецкой армией, охрана кладбища была поручена русскими турецкому гражданину […] Ихсану. Однако тот, не получая в течение нескольких лет вознаграждение, оставил свой пост, и муниципалитет города принял на себя расходы по охране и поддержанию кладбища в надлежащем порядке».

---

[10] Было создано 22 ноября 1921 г. в Гелиболу как русская воинская организация.

[11] Видимо, имеется в виду тот участок, что был предоставлен русским «галлипольцам» армянским патриархом (см. выше).

Узнать истинное положение дел было уже практически невозможно, поскольку началась Вторая мировая война. Через четыре года после ее окончания в «Часовом»[12] повилось сообщение о том, что «памятник галлиполийцам был уничтожен во время войны, так как там производились фортификационные работы». В 1952 г. Полянский попросил некоего белоэмигранта, проживавшего в Стамбуле, навести справки о судьбе памятника в соответствующем турецком министерстве. Тот обратился непосредственно в администрацию г. Гелиболу и получил следующее сообщение: «В ответ на Ваше письмо от 8 ноября 1952 года имеем сообщить, что памятник, сооруженный армией вблизи фонтана Алаеттин в память русских, умерших в Галлиполи в 1920 году, оставался без охраны и ремонта в течение долгих лет, был разрушен землетрясением 1939 и 1940 годов, и теперь там заброшенный участок земли»[13] (см. [Карпов 146–147]).

В 2003 г. турецкие власти дали разрешение на восстановление сооружения в память русских солдат. Муниципалитет Гелиболу выделил участок (860 кв. м) в районе старого «русского кладбища». Осенью 2007 г. российская сторона заключила соответствующий контракт с турецкой строительной компанией. Первый камень в основание памятника был заложен в начале 2008 г., а открытие мемориала, созданного по проекту Народного художника России Дмитрия Белюкина, состоялось 17 мая того же го-

---

[12] Этот печатный орган Русского общевоинского союза (РОВС) основан в 1929 г. в Париже и выходил с перерывом (1941–1945) вплоть до начала 1988 г. Его полное название – «Часовой. Иллюстрированный военный журнал-памятка: Орган связи русского воинства за рубежом». Следует уточнить, что формально этот журнал был независимым изданием, поскольку официальным печатным органом считался «Вестник РОВС». Издателем и главным редактором «Часового» был Василий Васильевич Орехов (1896–1990) – член РОВС, основатель Русского национального объединения. После эвакуации из Крыма он попал на Галлипольский полуостров, затем в Болгарию, откуда уехал сначала в Париж, потом в Брюссель. Последний номер журнала (669-й) Орехов выпустил на 92-м году жизни.

[13] В конце 50-х годов Общество галлиполийцев решило установить уменьшенную копию «Галлиполийского кургана» (проект художника Альберта Александровича Бенуа) на «галлипольском» участке русского кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа.

да. На церемонии присутствовали официальные представители России и Турции; потомки русских «галлипольцев», приехавшие из Франции, Бельгии, США, Германии, Швейцарии, а также местные жители. Заупокойную службу провели представители Московской Патриархии, Русской православной церкви за границей и местной мусульманской общины (подробно см. [Галлиполийский крест 19–26]).

Восстановленный мемориал – это не только символ памяти о тех, кто мужественно сражался в кровопролитных войнах, отдал жизнь за Отечество и остался лежать в турецкой земле. Это еще и дань глубокого уважения к тем, кто покинул Галлипольский полуостров, чтобы продолжить долгую или короткую жизнь в чужих краях, в новом изгнании.

В феврале 1922 г. «с эшелоном, увозившим „галлиполийских сидельцев“» на другую чужую землю, покинул Стамбул и главнокомандующий Русской армии генерал барон Врангель. Он выехал вместе со своим штабом в Королевство СХС и обосновался в сербском городке Сремски-Карловцы.

Врангель распустил армию, но, стремясь сохранить ее кадры в новых эмигрантских условиях, дать ей возможность обрести «новую форму бытия» и продолжить ее существование в виде воинского союза, отдал приказ 1 сентября (подтвержден 1 декабря) 1924 г. о создании Русского общевоинского союза (РОВС) со штабом в Париже и «первоначально в составе четырех отделов» по странам: 1-й отдел – Франция и Бельгия; 2-й – Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Литва и Эстония; 3-й – Болгария и Турция; 4-й отдел – Королевство СХС, Греция и Румыния. РОВС призван был объединить отдельные, находившиеся за рубежом военные организации и союзы участников (главным образом офицеров) Белого движения. Первым председателем РОВС стал Врангель, который занимал этот пост до своей кончины в 1928 г. В условиях эмиграции первоначальная численность членов этой организации составляла 100 000. РОВС вел подпольную работу в советской России; его добровольцы вступали в ряды армий тех стран (например, Испании и Китая), что сражались против коммунистов в период гражданских войн. РОВС представлял

собой потенциальную угрозу для советского государства. Спецслужбам последнего удалось завербовать в качестве своих агентов даже некоторых руководителей РОВС. Вербовка – это была одна сторона их деятельности. В результате другой – преданные прежней России лидеры РОВС погибали или исчезали при странных обстоятельствах. Так, в 1930 г. средь бела дня в Париже был похищен агентами советской разведки председатель РОВС генерал А. П. Кутепов. Поиски следов похищенного до сих пор результатов не дали. Председателем РОВС вместо исчезнувшего Кутепова стал другой генерал – Е. К. Миллер, который принял этот пост как тяжкий крест и который в 1937 г. в результате предательства завербованного Москвой члена РОВС генерала Скоблина тоже был похищен, тоже в Париже и тоже средь бела дня. Вероятно, цель похитителей состояла в том, чтобы убрать неподкупного председателя РОВС и посадить на его место своего агента Скоблина. Примерно через полтора года пребывания в тюрьме на Лубянке в 1939 г. Е. К. Меллер был расстрелян.

Осенью 1927 г. П. Н. Врангель, похоронив в Сремски-Карловцах своего отца, переехал в Брюссель, где уже находилась его семья. В марте следующего года он заболел. Состояние ухудшалось, и врачи диагностировали у него туберкулез левого легкого. 25 апреля 1928 г. Петр Николаевич умер. Он был похоронен в Брюсселе.

Дочь генерала Наталья (по мужу Базилевская) через много лет, живя под Нью-Йорком, рассказывала: неожиданно к нам в Брюссель приехал из-за границы матрос, который назвался родным братом отцовского денщика, жившего с нами в одном доме. Никто этому почему-то не удивился. Весь день матрос провел на кухне, а вечером уехал. Отец вскоре заболел. У него был сильный жар, но доктора не могли выяснить, чем он болен. Предполагался скоротечный туберкулез. Отец промучился месяц. Ему было только 49 лет. Вполне можно предположить, что матрос или денщик подбросил Петру Николаевичу в пищу смертельную дозу возбудителей туберкулеза. Похоронили отца в Бельгии, но поскольку большая часть армии оставалась в Сербии, тело перевезли туда. 6 октября 1929 г. с высочайшего соизволения Александра I, короля Югославии, прах генерала был перезахоронен в русской церкви

Святой Троицы г. Белграда «в стене, прикрытой большой доской с надписью „Генерал Врангель“». Уже при Тито стену чем-то прикрыли, опасаясь, что «коммунисты надругаются над могилой». Сейчас маскировку убрали. «Церковь, где покоится отец, открыта; там проходят молебны за упокой его души».

В Государственном архиве Российской Федерации (ф. 7518, оп. 1, д. 60) хранятся документы о подготовке и проведении церемонии прощания с Врангелем. На церемонию прибыли многочисленные делегации от бывших частей Русской армии и различных русских организаций за рубежом. С Врангелем прощались высшие чины русской военной эмиграции, иерархи зарубежной православной церкви, высокие представители иностранных военных миссий и югославской армии. «Погребение Белого вождя, – писала эмигрантская пресса, – вылилось в настолько внушительную демонстрацию русского национального единства, что, можно сказать, 6-е октября – день русской скорби – был и днем русской славы».

Комитет по увековечиванию памяти главнокомандующего – его возглавил генерал И. Г. Барбович – подготовил альбом со множеством фотографий, запечатлевших церемонию прощания. После просмотра альбома остается впечатление грандиозности, величественности этого обряда (альбом хранится в том же архиве).

В сентябре 2007 г. в Сремски-Карловцах – историческом месте для русской диаспоры – был открыт памятник генералу Русской армии барону Петру Николаевичу Врангелю.

СТАМБУЛ:
КАЛЕЙДОСКОП БЕЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ

На обороте: Стамбул, улица Пéра. 1921 г.

В начале 1921 г. Стамбул – столицу Османской империи, потерпевшую сокрушительное поражение в Первой мировой войне, захлестнула волна чужеземцев. На улицах города можно было увидеть представителей чуть ли не всех рас и народов. Солдаты и офицеры армий-победителей: Англии, Франции, Италии, аборигены их заморских территорий из состава так называемых колониальных войск; американские моряки, греческие пехотинцы, иранские торговцы и … русские, те, кого события 1917 г и последовавшая за ними братоубийственная война согнали с российской земли. Турки, как уже говорилось, назвали их «белые русские». Точное число «белых русских» в Стамбуле того периода назвать никто не может. Во всяком случае – это несколько десятков тысяч человек. Среди них представители самых разных слоев российского населения – от аристократии, крупного чиновничества, духовенства, буржуазии, бывших военных до простолюдинов. А также весьма значительная группа творческой интеллигенции: музыканты, певцы, балетные танцоры, артисты театра, кино и эстрады, писатели и художники. Для тех, кто располагал средствами и необходимыми документами, Стамбул был лишь первой остановкой на пути в Европу. Другие оставались на время, третьи – навсегда. А пока все старались поселиться в самом центре города в районе Бейоглу, т. е. ул. Пéра, или в Галате, расположенных на северной стороне бухты Золотой рог (тур. *Халич*). История этой части города объясняет, почему «белые русские» осели именно здесь. Вспомним

то далекое время, когда после завоевания (1453) турками византийской столицы Галата лишилась административной независимости, которой пользовалась на протяжении нескольких веков при византийцах, и стала частью османской столицы, центром ее морской торговли, но при этом продолжала оставаться «немусульманским районом». Хотя на территории Галаты и появилось 18 турецких кварталов, однако 70 по-прежнему были заселены немусульманами – в ту пору преимущественно генуэзцами и венецианцами. Что касается происхождения топонима «Галата», то турецкие ученые придерживаются той версии, которая связывает этот топоним с именем одной из ветвей кельтского племени галат, в далекие времена пришедшей в эти края с севера (см. [Hürel 585, 587]).

Пéра, находящаяся на холмах выше Галаты, некогда занятая великолепными фруктовыми садами и виноградниками, в XVI–XVII вв. разбогатела и стала местом пребывания первых европейских посольств в Турции, а ее главная улица Ля Гранд рю де Пéра, или просто ул. Пéра (она же Джадде-и кебир – Главный проспект, с 1923 г. Истикляль Джаддеси – проспект Независимости), со временем обрела значение главной улицы всего Стамбула. Греческое название «Пéра» («другая сторона»/«по ту сторону») обусловлено ее расположением по отношению к Стамбулу, находящемуся на южной стороне Золотого Рога. Турецкий же топоним «бейоглу» («сын господина») обычно связывают с двумя легендами. Согласно одной, во времена Мехмеда II Завоевателя (1451–1481) некий византийский принц из трапезундских Комнинов принял ислам и из Стамбула переселился на холмы Пéра. По другой легенде этим «бейоглу» был Луиджи Гретти – сын венецианского посла в Османской империи Андриа Гретти. Луиджи тоже стал мусульманином, тоже покинул Стамбул, построил роскошный особняк и тоже стал здесь жить. Только случилось это веком позже, в годы правления султана Сулеймана Великолепного[1] (1520–1566) (см. [Büyükünal 15, 16; Hürel 629]). Из-за этих «бейоглу» Галату и улицу Пéра с прилегающими к ней улицами и переулками стали назы-

[1] Так его называют в Европе; в Турции же его называют Кануни (Законодатель).

вать «Бейоглу». Сегодня Бейоглу – один из самых крупных стамбульских муниципальных округов.

Прошло время. В эту часть города, расположенную за линией стен Константинополя-Стамбула, начали перебираться богатые турки, а в XIX в. даже султаны стали покидать свою традиционную резиденцию Топкапы (теперь музей и оружейная палата), построенную еще при Мехмеде II Завоевателе на мысе Сарайбурну (между Мраморным морем и бухтой Золотой Рог). Первым из султанов покинул Топкапы Махмуд II (1808–1839), реформатор и губитель янычар. Он перенес свою резиденцию на берег Босфора, в Галату. Его примеру последовал султан Абдулмеджид (1839–1861), который в 1856 г. в Галате возвел дворец на месте небольшого залива, засыпанного землей. Отсюда и название дворца – Долмабахче («насыпной сад»). Несколько комнат дворца сегодня особо почитаемы турками: в них жил Ататюрк – основатель Республики и первый ее президент, когда приезжал в Стамбул из новой столицы Анкары, здесь он и скончался в 1938 г.

В 1845 г. через Золотой Рог построили двухъярусный подвесной мост. В нижней части этого Галатского моста разместились духаны, кофейни, чайные, ларьки. Однако заметного изменения этносоциального состава этих частей города не последовало. Переход с одного берега Золотого Рога на другой теперь занимал не более 10 минут. Радовались все, кроме лодочников – перевозчиков людей и товаров. Один раз они даже подожгли мост, конструкция которого тогда была деревянной. Мост неоднократно обновлялся и перестраивался. Так, в 1912 г. деревянная конструкция была заменена на металлическую. В 1914 г. по Галатскому мосту пустили трамвай. В 1992 г. мост снова горел, но вскоре был восстановлен (см. [Hürel 558–562]).

В начале 1921 года, когда Стамбул стал прибежищем для десятков тысяч русских, Пера была заселена преимущественно греками, армянами и евреями, которые жили на европейский лад и занимались главным образом торгово-финансовыми делами. Космополитичная Пера также отличалась от южнобережного Стамбула и богатой европейской архитектурой, и внешним обликом обитателей, и разноязычной речью.

Ул. Пера по нынешним меркам не такая уж протяженная и не такая уж широкая. Она тянется от самой большой в городе площади Таксим до Галатской башни, сооруженной в V в. и надстроенной в XV генуэзцами для наблюдения за пожарами и за судами, входившими в Босфор. До Галатской башни ул. Пера пересекает площадь, которая называется Тюнель. Здесь начинается туннель, в котором проложен первый в Восточной Европе фуникулер, соединяющий ул. Пера с Галатой, т. е. с побережьем Босфора. На этой улице помимо банков, театров, фешенебельных ресторанов и магазинов располагались: католическая церковь, открытый в XIX в. престижный Галатасарайский лицей с преподаванием на французском языке (с 1992 г. – университет), дипломатические миссии, в том числе Посольство Российской империи (ныне Генеральное консульство РФ). Красивое трехэтажное здание посольства построенное в 30-х годах XIX в. братьями Джузеппе и Гаспаром Фоссати, архитекторами-итальянцами из Швейцарии, заменило старое здание, сооруженное еще при Екатерине II (см. [Ortaylı 123]). В 1920-х годах оно называлось «драгоманат».

Площадь Таксим, площадь Тюннеля, соединяющая их ул. Пера и посольский двор как раз были тем пространством, где кипела жизнь русских беженцев. Русская речь слышалась здесь чаще, чем турецкая или какая-либо другая.

С раннего утра толпы людей стекались к посольскому двору и оставались там до вечера. Кому-то требовались разного рода справки, кто-то надеялся встретить здесь родственников или знакомых, кого-то интересовали новости с родной земли, иные же были заняты торговлей. Посреди двора и по его периметру расставлялись столики – на них выкладывался «товар». Продавалось всё, включая борщ, котлеты, пончики. Торговля шла бойко, пока у покупателей-беженцев были турецкие деньги – лиры и пиастры.

Когда лиры и пиастры иссякли, на площади Тунеля образовалась «русская биржа», где меняли на местную валюту русские деньги самых разных выпусков: «николаевки», «керенки», рубли белых и казачьих правительств и пр. Покупателями чаще всего были греки и матросы союзных флотов. Турок больше всего привлекали царские «николаевки» с водяными знаками. 1 тыс. донских рублей

обменивалась на 80 пиастров, банкнота достоинством 5 тыс. деникинских рублей шла за 68 пиастров. Выше всех почему-то котировались «керенки» – за 1 тыс. давали 1 лиру. При стабильной турецкой лире любые русские рубли ежедневно то повышались в цене, то падали, на чем и зарабатывали менялы. «Биржа» у туннеля, разумеется, была нелегальной. А все нелегальное преследовалось межсоюзной полицией. В случае приближения полицейских – английских или французских – специальные наблюдатели из беженцев подавали сигнал и все менялы разом превращались в праздношатающихся.

Когда русские деньги совсем обесценились и стали продаваться мешками, «биржевое» дело заглохло. Часть «биржевиков» – если можно сказать, более богатых – ушла на официальную, галатскую биржу, часть перекочевала на другой конец ул. Пера, точнее на площадь Таксим, и открыла там новый бизнес – «крутильный». Предприимчивость людей, не желавших умереть голодной смертью, не иссякала. На площади появились столики-подставки с водруженным на них кругом диаметром 1 м. По всей его окружности с внешней стороны подвешивался выигрыш: пачка папирос, бутылка дешевого вина, банка консервов, кусок мыла и пр. Клиент платил владельцу 5 пиастров, получал бирку, прикреплял ее к желаемому предмету и приводил в движение металлическую стрелку с помощью ручки в середине круга. Если стрелка, остановившись, указывала на предмет с биркой, клиент выигрывал. Дело оказалось доходным. Азарт захлестнул публику. Площадь покрылась столиками с «крутилками» и превратилась, можно сказать, в интернациональный развлекательный центр. Некоторые преуспевающие «крутильщики» объединялись и открывали примитивный кинотеатр, цирк или кегельбан.

Русские завезли в Стамбул «и свое поветрие – лотошные клубы». Неведомая прежде туркам игра проникла «даже туда, где держалась турецкая самобытность, в угрюмый, чинный Стамбул». Появилось более 400 таких клубов. Количество игроков порой доходило до 12 000, а общая выручка тех, кто содержал эти клубы, ежедневно составляла около 17 тыс. лир. Казалось, лото это единственное предприятие, которое не может дать убытка. «Прогоревшие рестораторы бросались на лото. Но […] русские лотошники

прогорали и на лото – слишком дорого стоило ладить с полицией. На лото междусоюзная власть пошла, в конце концов, с гонениями».

Тогда у двух русских беженцев возникла идея открыть тараканьи бега. «Тараканы бегут, запряженные в тележки, бегут, испуганные электрическим светом. На номера, то есть на тараканов, ставят как на лошадей». Когда к представителю межсоюзной власти – англичанину – пришли за разрешением, он «мгновенно как спортсмен проникся целесообразностью идеи: „Вот это именно то, что было нужно!.. Вот этого у нас действительно не хватало“. Он не шутил – говорил совершенно серьезно». Ростовское скаковое общество, которому удалось вывезти в Стамбул своих лошадей, попробовало организовать здесь скачки, но довольно скоро оно прогорело из-за дороговизны кормов. А «тараканов прокормить дешевле, и они сразу завладели симпатиями публики». Чебышев как-то зашел взглянуть на эти бега: «Огромная зала с колоссальным столом посередине. Стол заменяет ипподром. Это кафародром[2]. На нем устроены желобки, по желобкам бегут тараканы, запряженные в проволочные колясочки. Вокруг жадная, любопытствующая толпа с блестящими глазами. Самые настоящие, черные тараканы, изумительно крупной величины. „В банях собираем“, – объясняют владельцы. […] Выдачи тотализатора доходили до ста лир ([до] тысячи франков)» [Чебышев 136–137].

Некоторым русским беженцам идея соревнующихся тараканов казалась фантастической, нереальной. Л. Белозерская-Булгакова, например, называла эту забаву «горькой гиперболой и символом», придуманными Аверченко (который, кстати, впервые ввел в прозу «мотив тараканьих бегов»). Однако в еженедельнике «Зарницы» (1921, № 9) – об этом эмигрантском издании читатель вскоре получит полное представление – можно было прочитать объявление о том, что дореволюционный кинопромышленник Абрам Дранков арендовал зал в «Русском клубе» на ул. Пера для кафародрома. «Выступают звезды-тараканы „Мишель“, „Мечта“, „Прощай, Лулу“ и „Люби меня, Троцкий!“ – фаворит!» (см. [Миленко 225]).

Комиссионерство тоже было весьма популярной разновидностью русского среднего и мелкого бизнеса. Те россияне-беженцы,

---

[2] Кафародром – от тур. *кафар* (таракан) и греч. *dromos* (место для бега).

которые располагали приличными средствами (например, бывшие адвокаты, врачи, чиновники или купцы), обычно объединялись в небольшие группы, складывались (по 100–200 лир) и открывали комиссионные магазины для скупки и перепродажи имущества своих соотечественников. Покупателями в основном становились военнослужащие союзных войск (см. [Гребенчикова 15]).

Не только комиссионные, но мясные, колбасные и молочные магазины, а также разнообразные русские торговые точки растянулись по всей улице Пера.

На параллельной с ней ул. Тарлабаши открылись русские прачечные, пекарни, предприятия по изготовлению алкогольных напитков (в основном водки), принадлежавшие российским производителям Крамскому, Романенко, В. П. Смирнову. Эта продукция имела широкий спрос не только у русских, что понятно, но и у местных жителей. Турки до сих пор высоко ценят *сары водка* – «желтую (т. е. лимонную) водку».

Владимир Петрович Смирнов был одним из сыновей Петра Арсеньевича Смирнова – «водочного короля России», основателя (1860-е годы) спиртоводочного завода в Москве, поставщика ко двору последнего императора Николая II всем известной «смирновки». После Октября 1917 г., когда завод Смирновых был национализирован, вся семья бежала за границу. В 1920 г. в Стамбуле Владимир Петрович основал новый завод, но через четыре года переехал во Львов (тогда польский город) и стал продавать водку под маркой Smirnoff (подобный завод был открыт в Париже в 1925 г.). История бренда «Смирнов/Smirnoff» на этом не заканчивается...

В центре Стамбула появилось даже частное детективное бюро, которое открыл бывший глава Сыскной полиции всей Российской империи генерал Кошко Аркадий Францевич; об этой яркой личности, оказавшейся в числе малоимущих беженцев, стоит сказать несколько подробнее.

А. Ф. Кошко (1867–1928), как выходца из состоятельной и знатной дворянской семьи, ждала престижная военная карьера. Получив образование в Казанском пехотном училище, юнкер Кошко поначалу служил в полку, расквартированном в Симбирске. Одна-

ко в армии он не задержался: вопреки воле родителей в 1894 г. молодой человек подал в отставку и поступил на службу в рижскую уголовную полицию рядовым инспектором. Образованный и честолюбивый сыщик, проявлявший личную смелость и разумно применявший на практике известные европейской криминалистике методы, карьеру делал быстро. Став начальником уголовной полиции Риги, потом заместителем начальника Петербургской сыскной полиции, Кошко – по инициативе премьер-министра П. А. Столыпина – был переведен в Москву (1908) на должность начальника той же службы, а вскоре возглавил сыскной департамент Российской империи. Человек незаурядного ума, беспредельной честности и скромности, генерал Кошко прославился как выдающийся криминалист. Он разработал новую систему идентификации личности, основанную на особой классификации антропометрических и дактилоскопических данных, что позволило создать исключительно точную картотеку преступников. Эту систему впоследствии заимствовали в Скотланд-Ярде.

Изменение политической власти прервало блестящую карьеру Кошко. В 1918 г. ему пришлось бежать в Киев, потом в Одессу, затем в Крым. Здесь при правительстве Врангеля Кошко служил в должности заведующего уголовной полиции и с Белой армией эвакуировался в Турцию.

Небольшие накопления, которые Кошко удалось вывезти, скоро иссякли. Семья Аркадия Францевича (жена и прошедший мировую войну старший сын; младший погиб на фронте) оказалась в весьма трудном положении. Неизвестно, как сложилась бы судьба этих людей в дальнейшем, если бы Кошко с разрешения англичан не открыл в Стамбуле частное детективное бюро. Начал он с советов и рекомендаций, например учил богатых, как сберечь свое имущество от воров. Появились заказы. Он сам выслеживал неверных мужей и жен, находил украденное. Говорили, что чуть ли не первым его заказчиком была состоятельная стамбульская дама. Она просила найти пропавшую кошечку. Аркадий Францевич, собрав мальчишек из квартала, дал им задание поймать на улице кошек и доставить их ему. Вознаграждение было гарантировано. Дети быстро справились с поручением. Генерал отобрал кошку, похожую, судя по описаниям

заказчицы, на пропавшую, подержал ее у себя пару дней – задание-де не было очень легким – и вручил пропажу хозяйке. Аркадий Францевич вспоминал о тех, кто попадался «в его сети» в Стамбуле: на пароходе «Рион», на котором «я совершал переход из Крыма, мне бросилось в глаза несколько человек моих „клиентов“, что меня немало удивило, ибо я считал их либо сидящими по тюрьмам, либо отбывавшими каторгу, а тут вдруг увидел их во френчах с погонами и со скорбными лицами политических жертв. Вот почему […] в мои сети часто попадали как старые уголовные профессионалы, так и новички, падшие под давлением крайней нужды». Со временем о русском сыщике узнал весь город.

В 1923 г. среди русских беженцев пронесся слух, что «победоносный Кемаль-паша» намеревается выслать в советскую Россию всех эмигрантов (слух был спровоцирован). Кошко решили уехать во Францию, где им было предоставлено политическое убежище. Вскоре семья снова оказалась в бедственном положении. На создание детективного бюро требовались деньги. От предложения англичан, хорошо знавших А. Ф. Кошко, занять ответственную должность в Скотланд-Ярде, он отказался, поскольку не желал принимать британское подданство, что было обязательным условием для сотрудника подобного учреждения. Аркадий Францевич был уверен, что новая власть в России долго не удержится – надо лишь подождать. Генералу удалось устроиться на должность управляющего в магазине по торговле мехами. Положение семьи стало ощутимо поправляться только тогда, когда Кошко начал публиковать в местной русской прессе рассказы о своей сыскной деятельности в России. В 1926 г. в Париже вышла первая книга воспоминаний генерала (20 рассказов о своих наиболее громких расследованиях), в 1929 г. – еще две. Но публикации этих двух знаменитый сыщик не дождался. Он умер в декабре 1928 г. и был похоронен под Парижем. Все три книги имели общее название – «Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскной полиции и заведующего всем уголовным розыском Империи»[3].

[3] Под этим названием в 1992 г. в Москве была издана его книга в трех томах. См. также: *Кошко А. Ф.* Среди убийц и грабителей: Воспоминания бывшего началь-

Но вернемся в Стамбул, где «белые русские» с солидным обеспечением вкладывали деньги в дорогие рестораны, бары, кафе на Бейоглу. А те заведения, что были рассчитаны на малоимущих клиентов, разместились на площади перед входом в огромный крытый рынок (*Капалы Чарши*), который знает каждый, кто хоть раз побывал в Стамбуле. На этой же площади находится мечеть XVIII в. Нуриосмание (Свет османов) с обычным комплексом: духовное училище, благотворительное заведение, библиотека, питьевой фонтанчик, водоем.

На все это, разумеется, не обращали внимания русские беженцы, разворачивая здесь свою торговлю и открывая бог весть из чего сколоченные лавочки и харчевни под ностальгическими названиями «Ростов», «Одесса-мама», «Крым». Несколько казаков вместе со своим бывшим есаулом перешли в беженский статус, продали все, с чем приехали сюда (седла, оружие, ковры), и открыли близ мечети столовую «Ростов-Дон». Борщ и котлеты готовили за занавеской на примусе и мангале. На закуску подавали консервы, вареные яйца, лук. Конечно, не обходилось без водки, изготовляемой соотечественниками на ул. Тарлабаши. Сюда приходили те, кто мог потратить на еду лишь несколько пиастров. Порой и генералы, и рядовые обедали за одним столом.

За мечетью Нуруосмание сидели «холодные сапожники», т. е. сапожники, работающие на улице с помощью примитивных приспособлений. Вот у кого был постоянный и хороший заработок. Заказчики здесь не задерживались: буквально в считанные минуты за несколько пиастров они получали починенную обувь.

Обычным занятием беженских низов стала торговля с рук. Торговали на каждом углу: спичками, папиросами, карамельками, бубликами и, конечно, собственными вещами. Торговали и на двухъярусном Галатском мосту. Кстати, бывало, что турки, в чьи обязанности входило взимать плату за проход через мост, не брали с этих несчастных торговцев денег, хотя и рисковали лишиться работы за нарушение правила.

ника Московской сыскной полиции. М., 1997. Может быть, у читателя вызовет интерес также следующее издание: *Кошко Дмитрий*. Русский Шерлок Холмс. Париж, 1990.

В ту пору найти работу в Стамбуле было крайне трудно даже местным жителям, не говоря уже о тысячах русских. Голодная, бесприютная жизнь в чужом городе вынуждала их браться за любое дело – грузить муку, уголь или дрова в стамбульском порту, дробить камни, мостить дороги, плотничать, садовничать, служить портье или официантами, плести рыболовные сети и гамаки, мастерить кнуты с кнутовищем, абажуры или дамские сумочки.

Георгий Федоров[4] вспоминал о своем пребывании в Стамбуле: «Бегут дни за днями, а за ними и „специальности" одна за другой. Чем я только уже не был: и прачкой, и клоуном, и ретушером у фотографа, мастером игрушек, судомойкой при столовке, продавал пончики и "Пресс-дю-Суар", был хиромантом и грузчиком в порту. Я крепко цеплялся за все, за что только можно зацепиться, чтобы не погибнуть от голода в этом огромном чужом городе».

Были и такие, кому везло. Например, бывший русский полковник и его жена изготовляли различные фигурки и детские игрушки. Одна из их комнат, буквально заваленная выпиленными лобзиком из дерева и раскрашенными фигурками, имела вид кустарной мастерской. И действительно, целая партия искусно выполненных «русских баб», «Ва́нек», «боярышень», «бояр» и т. п. была закуплена у этого полковника американской выставкой.

Многие русские офицеры, ранее служившие в танковых и моторизованных воинских частях, довольно легко нашли себе работу таксиста. Шульгин в своих очерках «1921 год» писал: «Вот площадь Taxim, где митинг автомобилей. Немало здесь служит русских офицеров шоферами… А вот там на пригорке, на площади, это тоже русское нечто… Так себе – кафе… для шоферов больше… Но держит его бывший русский губернатор». По некоторым источникам, в

---

[4] Георгий Федоров до 1917 г. учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. В годы Гражданской войны служил рядовым в артиллерийской бригаде ВСЮР. В ноябре 1920 г. с врангелевской армией эвакуировался из Крыма в Турцию, где попал в лагерь на Галлипольском полуострове; через какое-то время покинул лагерь и стал «вольным беженцем». В сентябре 1921 г. он переехал в Чехословакию для завершения образования. В середине 20-х годов вернулся в СССР, где вскоре вышла его книга: *Федоров Г.* Путешествие без сентиментов (Крым, Галлиполи, Стамбул): Воспоминания беженца. Л.–М., 1926 (см. [Белое дело 458]).

1924 г. таксисты организовали Клуб русских шоферов как филиал подобного же турецкого клуба. Автомобили у русских «по своей комфортабельности и чистоте не уступали автомашинам дипломатического корпуса». Члены обоих клубов делали взносы, чтобы при необходимости (например, в случае потери кем-то из своих коллег работы) материально помочь пострадавшему.

Среди русских спортсменов прославился Георгий Кирпичев, выступавший в турецком боксе под псевдонимом Кирпич. О нем много писали стамбульские газеты. Уроженец Новочеркасска, он с 14 лет участвовал в станичных джигитовках. Прибыв в Стамбул в 1920 г., 18-летний донской казак стал боксером. Через два года он нокаутировал двух турецких боксеров, а еще через год одержал победу над французом, американцем и англичанином – боксерами из оккупационных войск, чем доставил огромную радость русским и турецким болельщикам. В 25 лет Кирпич заслужил звание чемпиона Турции в среднем весе.

Основная масса женщин-беженок тоже трудилась не покладая рук. Особенно тяжко приходилось женщинам из элитных кругов, не привыкшим к черной работе. Они становились не только официантками в ресторанах или гувернантками со знанием нескольких европейских языков в богатых стамбульских семьях, но также прачками, судомойками, кухарками, ночными продавщицами сигарет, газетчицами, уборщицами в ночлежных домах; некоторые готовили в домашних условиях еду, которая продавалась с лотков на улице. Немало русских женщин самоотверженно трудились в различных учреждениях Стамбула, созданных в основном по линии Российского Общества Красного Креста и Американского Красного Креста: в медицинских организациях, бесплатных столовых для неимущих беженцев, в детских приютах, учебных заведениях.

Русские девушки торговали цветами на ул. Пера. Когда французские или английские военные – хозяева города – вели себя уж слишком бесцеремонно по отношению к ним, они, по словам Ж. Делеона[5], «убегали в пассаж Сеит-паши». Со временем здесь

[5] Автор первой книги о беженцах из России на турецком языке – «Белые русские в Бейоглу (1920–1990)» (см. [Deleon, 1990]). Жак Делеон (1951–2005) родился и

появилось множество цветочных магазинов, и пассаж стал называться Цветочным базаром (*Чичек пазары*).

Не обошлось и без женщин самой древней профессии. По данным преподавателя истории Босфорского университета профессора Зафера Топрака, в годы оккупации османской столицы союзными войсками и прибытия огромной массы беженцев из России в стамбульских публичных домах, богатых своим этническим составом, работала 171 русская женщина, а «в 58 барах османских мужчин развлекала 231 женщина жизни (из россиянок)». Кроме того, русских жриц любви можно было встретить в павильонах, мюзик-холлах и кафешантанах, расположенных в центре столицы (см. [Deleon, 1990: 21]). В работе Барана сказано: «Одним из элементов развлекательной жизни Стамбула эпохи перемирия (1922) была проституция. В публичных домах, два из которых находились на ул. Пера и один в Галате, работала 2171 официально зарегистрированная проститутка, кроме того, работали 4000–4500 незарегистрированных проституток. Время от времени на повестку дня ставился вопрос о закрытии этих заведений в целях сохранения здоровья солдат и матросов союзных армий, однако последние, разгоряченные вином, водкой, пивом и шампанским, не придавали этим вопросам большого значения». Баран (как и Делеон, он ссылается на Зафера Топрака) продолжает: «Из 2171 официально зарегистрированных проституток 1367 были христианского и иудейского вероисповедания, 804 – мусульманки. В те годы, по данным Санитарной службы, число проституток быстро увеличивалось. Среди проституток в Галате, где большинство составляли гречанки, встречались и русские» [Баран, 2006].

получил филологическое образование в Стамбуле, став преподавателем английского языка и литературы в Босфорском университете. Его работа основана на фактах, почерпнутых из самых разных источников, в частности из воспоминаний Натальи Делеон, которой он посвятил свою книгу, и из изданного в Стамбуле альманаха «На прощание», на который, кстати, мы не раз ссылаемся в нашей публикации. В 1995 г. Жак Делеон переработал свою книгу и издал ее на английском языке, несколько изменив название («Белые русские в Стамбуле») и посвятив ее на этот раз не только Наталье Делеон, но и Альберту Делеону (своим двоюродным бабушке и дедушке) (см. [Deleon, 1995]).

Гражданские беженцы, оставшиеся без средств и пристанища, могли присоединиться к обитателям беженских лагерей, созданных союзниками на Принцевых островах в Мраморном море: на Проти (Яссыада), Антигоне (Бургазада), Принкипо (Бююкада) и на о-ве Халки (Хейбелиада). Там как-то кормили, обеспечивали ночлегом и медицинским обслуживанием. Однако беженцев пугали слухи об ограничении свободы передвижения и недоброжелательном отношении охраны. Наибольшей грубостью и бесцеремонностью отличалась охрана на подведомственном французам о-ве Халки, где находились тысячи беженцев. Она состояла из сенегальских стрелков. Говорили, что в 1918 г. то ли под Одессой, то ли под Николаевом «красные русские» сильно потрепали колониальный сенегальский полк, состоявший на службе французской армии, и теперь их собратья, не делая различий между красными и не красными, мстили «белым русским», которых, как и всех русских, называли «большевиками».

Стамбул и острова были переполнены гражданскими беженцами. Их точное число назвать очень трудно. Так или иначе, можно говорить о десятках тысяч человек. Для этих людей, большинство которых нуждались буквально во всем, поступала благотворительная помощь (продукты питания, одежда, медикаменты) от разных иностранных – американских, французских, английских, бельгийских, швейцарских и голландских – организаций и частных лиц, а также, разумеется, от Российского Общества Красного Креста (Швейцария). Значительную помощь беженцам оказывал Американский Красный Крест. На его благотворительные средства открывались школы и учреждения для самых маленьких детей.

«Maternité [*франц.* «материнство», «родильный дом». Здесь «Дом матери и ребенка»] на острове Халки было основано в декабре 1920 г. соединенной инициативой комитета баронессы Врангель, с благотворительным комитетом французских дам и Американским Красным Крестом, которыми это учреждение содержалось до осени 1921 г.». Заведовала домом княгиня М. А. Гагарина. А с осени 1921 г. заботы об этом учреждении и полное его содержание взяли на себя г-н Фостер Стернс, секретарь американ-

ского посольства, и его супруга. Они «содержали учреждение и всех его питомцев […] на свои личные средства до осени 1922 г., когда почти все русские с этого острова разъехались и maternité было закрыто» (см. [На прощание XV]).

«В течение долгого срока все стоявшие в Константинополе [американские] суда делали общие отчисления на приобретение пропитания для русских беженцев, и специальный питательный пункт был открыт ими на о-ве Халки». Один из миноносцев содержал школу для русских детей в Стамбуле. На каждом военном судне имелась группа усыновленных русских сирот. В особенно трудном положении оказались те беженцы, у которых были маленькие дети. Платные учебные заведения были им недоступны, а оставлять детей дома было не на кого. Тогда группа родителей стала искать возможности для создания бесплатной русской школы, и благодаря материальной поддержке американских моряков в августе 1921 г. в Стамбуле открылась такая школа. В ней одновременно обучалось до 30 детей в возрасте от 6 до 12 лет. С утра до шести вечера дети были в школе, где к тому же получали питание. Школа просуществовала два года.

Многое было сделано для русских беженцев и французами. «Велик список благотворительных учреждений, созданных ими». Некоторые учреждения нельзя обойти молчанием. «Таков, например, госпиталь „Жанны д'Арк" – убежище „материнства" в Константинополе…». Назовем и почетные имена тех, кто занимался организацией этих учреждений и управлял ими, в частности г-жу Пелле и г-жу Дюмениль.

В начале 1920-х годов лондонское Общество помощи русским и содействия восстановлению России открыло две школы: одну – близ Стамбула, в Бююкдере на Босфоре, где учились 270 мальчиков и 30 девочек; другую – на о-ве Проти (80 девочек). Оба учебных заведения находились в ведении патера Черчворда, умело и разумно руководившего воспитанием своих питомцев (см. [На прощание XVIII, XIX, XX, XXII, XXXII])[6].

---

[6] Альманах «На прощание», изданный в Стамбуле в 1923 на трех языках (французском, русском и английском) по инициативе и при участии русских журналистов Бурнакина, Ратимова и др., имел целью «выразить чувство признательности

В 1920–1923 гг. русские юноши (числом 61) на средства одного из американских благотворительных обществ имели возможность учиться в столичном престижном американском Роберт-колледже (с 1971 г. – Босфорский университет); большинство обучалось на инженерном отделении. Здесь работали 10 педагогов-россиян (см. [Deleon, 1990: 79]).

В самом начале 20-х годов в Стамбуле начали открываться платные ночлежные дома и общежития. Инициатором учреждения одного из первых таких домов была графиня Варвара Николаевна Бобринская. Финансирование дома взяли на себя комитет баронессы Врангель и Русская православная церковь в лице архиепископа Анастасия.

Врач первого ночлежного дома в Стамбуле Дымов составил записку-заметку о работе этого заведения за период с 25 января (день его открытия) до 9 февраля 1921 г. Вот фрагменты из нее:

«Недостаток средств, задерживавший работы по ремонту Дома, и промедление в получении коек от Итальянского Посольства, с одной стороны, и насущная нужда в приюте для ночлега очереди русских беженцев – с другой, вынудили открыть Дом не оборудованным». При этом по проекту графини В. Н. Бобринской он должен был быть отремонтирован и оборудован баней и койками к концу января указанного года. Нижний этаж пятиэтажного здания – полуподвальное помещение – непригоден для жилья, но вполне подходит для устройства бани, вещевого склада и т. п. Этажом выше разместились администрация и канцелярия. Три верхних этажа – 12 изолированных и 2 проходные комнаты – отвели «под помещение ночующих. В 7 из этих комнат имеются печи». Из-за отсутствия какой-либо мебели люди спят на полу, подложив под себя собственные вещи.

С первого дня «плата была временно установлена в 5 пиастров за ночлег». Число ночлежников непрерывно возрастало, и с 5 февраля Дом еженощно заполнялся до отказа. Открывается Дом в 6 вечера, «усиленный прилив ночующих наблюдается до 7–7.30 часов

всем тем, кто протянул руку помощи русским эмигрантам, очутившимся на берегах Босфора»; в 1928 г. вышел (только на русском языке) второй такого же рода альманах – «Русские на Босфоре» (см. [Челышев 196–197]).

вечера, после же восьми подходят единичные ночлежники, по большей части имеющие случайные заработки, торгующие на базаре и т. п. Случаи нарушения установленных правил (прием ночлежников – от 8 до 12 часов ночи) и просьба пустить на ночлег после 12 ч. ночи относительно редки. Ночующий получает от кассирши номер комнаты, а в последние дни – и номер места. […] В комнатах ночующие располагаются тесно, вплотную друг около друга. […] Значительная часть закусывает (еда разрешена только в столовой, но не в спальных помещениях), причем часть приносит еду с собою, часть пользуется буфетом», который начал работать при доме в начале февраля. К 9 вечера жизнь затихает. Правило о запрете выхода из здания до 7.30 утра строго соблюдается и даже приветствуется ночлежниками, поскольку оно дает «некоторую гарантию сохранности своих вещей». Исключение делается для «имеющих ранние заработки»: им «разрешался более ранний уход (в 5–6 ч. утра). К сожалению, начавшиеся кражи заставили давать разрешения с осторожностью; в последние же дни для таких ночлежников выделено особое помещение, освобождаемое к 7 часам утра. Большинство ежедневно ночующих сдает утром свои вещи на хранение и утром же приобретает билеты на следующую ночь. К 9 часам утра Дом пуст».

Насколько чист бывает Дом вечером, к приходу ночлежников, настолько он становится ужасающе грязным утром, после их ухода. Хотя на каждом этаже стоят ящики для мусора. Много труда затрачивается на чистку уборных. Администрация Дома вынуждена сортировать ночлежников при продаже им билетов, «подбирая в некоторые комнаты более интеллигентную и чистую публику», но не создавая для них никаких других привилегий.

Большинство ночлежников Домом довольны. Их привлекают малая плата, чистота, тепло (особенно в отапливаемых комнатах), а также довольно доброкачественный и к тому же недорогой буфет.

«Но, чтобы сохранить свою добрую репутацию, Дом должен быть значительно усовершенствован», а это невозможно сделать без определенных затрат. Прежде всего нужны кровати, «баня и

дезинфекционная камера для всех ночующих», а также необходимо «соорудить полки в первом этаже для вещей ночующих».

В 9 утра начинается «уборка и проветривание здания, а по средам [далее неразборчиво] дезинфекция сулемой и зеленым мылом. […] К 6 часам вечера Дом готов для нового приема ночующих. Врач Дома /Подпись/ *…февраля 1921 г.*» [Дымов, л. 47–51].

Число ночлежек росло. Они мало чем отличались друг от друга, разве что в некоторых спали не на полу, а на широких деревянных нарах, устланных циновками. Такие условия были, например, в ночлежном доме на 200 человек, занимавшем часть пустующих старых казарм на площади Таксим. Что же касается чистоты и порядка в помещениях, то подобные вещи нисколько не заботили владельца этой ночлежки, бывшего полковника Русской армии.

В общежитии как постоянном местожительстве плата была дороже, так что туда попадали беженцы, имевшие пусть незначительный, но постоянный заработок.

В Стамбуле беженцам также помогали русские общественные организации, в частности Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов. Созданные еще летом 1914 г. «в целях помощи русской армии в организации тыла», они решали проблемы, связанные с оборудованием госпиталей, санитарных поездов и обмундированием. Через год был образован единый орган этих союзов – сокращенно Земгор. В начале 1918 г. декретом Совнаркома «Земский и Городской союзы и Земгор были упразднены […] На территориях белых режимов и в эмиграции эти организации продолжали существовать, оказывая помощь белым армиям, беженцам и эмигрантам» [Белое дело 448–449, примеч. 41].

В Турции эти «союзы», получая финансовую и продовольственную поддержку от различных зарубежных учреждений, главным образом от Американского Красного Креста (АКК) и от АРА (American Relief Administration – Американская администрация помощи), открывали ночлежные дома (за три года в них нашли прибежище 100 000 бездомных россиян), госпитали, столовые. Известно также, что помощь Земского союза касалась и культурной жизни беженцев. Так, при его содействии были поставлены пьесы «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого, «Дни нашей жизни» Л. Н. Андреева, «Электра» Софокла.

На площади Топхане, напротив Галатской башни, вспоминает уже знакомый читателю Г. Федоров, «при столовой № 3 Красного Креста» помещался Студенческий союз, цель которого состояла в том, чтобы «все время оставаться аполитичным и оказывать лишь материальную поддержку своим членам», и который «помогал всем своим членам работой и даже хлопотал о получении виз на выезд». Чтобы записаться в Союз, нужно было предъявить свой бывший студенческий билет и в качестве «основного членского взноса» уплатить 50 пиастров. В августе 1921 г. в Союзе числилось более 550 человек. В предыдущие два месяца работой (по мощению шоссе и разгрузке угля в порту) было обеспечено 50 бывших студентов; в ближайшее время предполагалось предоставить работу уже всем членам Союза. Правлению Союза удалось выхлопотать у АРА две палатки, чтобы устроить в них бесплатное студенческое общежитие. Кроме того, американцы предоставили Студенческому союзу и каменное двухэтажное здание на ул. Ихламур. На верхнем этаже дома «помещается правление. Нижний этаж пущен под платное общежитие – для „имущих“ студентов. Плата установлена в одну лиру ежемесячно, и жить тут можно уже совсем „комфортабельно“». О себе Федоров пишет, что наряду с другими студентами он нашел свой угол в палатке, разбитой на большой лужайке, куда выходит ул. Ихламур. «Небольшая тихая уличка Ихла-Мур заделалась совсем русской. Куда ни пойди – всюду наши ребята и наша речь». Есть только один турок – «лавочник в своей лавке, да и тот уже хорошо научился от нас говорить по-русски».

А вот что пишет Федоров о возможности продолжить учебу: «Среди студентов прошел слух, что чешское правительство во главе со своим президентом Масариком желает приютить в Чехии до 2 тыс. студентов-беженцев[7]. […] В судьбе Союза принимают участие русские профессора-эмигранты – Варенов, Новгородцев,

[7] С целью подготовки «кадров для будущей России» правительство Чехословакии выделило средства для принятия на иждивение русских студентов-беженцев – учредило стипендии, подготовило общежития, пригласило русских профессоров-эмигрантов, составивших в конце 1921 г. Русскую учебную коллегию в Праге (подробнее см. [Белое дело 481, примеч. 30]).

Катков, Циммерман. […]. При Союзе сорганизовались курсы иностранных языков. Я беру уроки турецкого и французского языков. Майор турецкой службы Садык […] преподает нам турецкую начальную азбуку. Мы […] хором повторяем за майором слова: арслан – лев, ешек – осел […] Садык поднимает указательный палец, и мы тотчас же замолкаем. На пальце майора сверкает бриллиантовый перстень, и это кольцо так не гармонирует с нашими рубищами и убогой обстановкой комнаты. […] Мы прекрасно учимся, и наш учитель доволен». Он обещает лучших учеников отправить в турецкий университет. «Нет, милый учитель, куда нам до ваших университетов. Можно сойти с ума от одной вашей милой азбуки. […] Французский язык нам преподает хороший, славный старик. Много он мне оказал тогда добра, когда я был голоден и наг. […] мы всё свободное от заработков время сидим и зубрим […] а также мечтаем о золотой Праге и чешских университетах» [Федоров 300–304].

В судьбе беженцев деятельное участие принимал Комитет Российского Общества Красного Креста на Ближнем Востоке.

Российское Общество Красного Креста (РОКК) – старая организация – было учреждено в 1879 г. После октябрьских событий 1917 г. оно было распущено и продолжило свою деятельность за пределами России, «используя имевшиеся на его счету средства». В начале 1921 г. в Париже на базе уцелевших частей старой организации было создано Главное управление РОКК. Международный Комитет Красного Креста (сокр. Международный Красный Крест – МКК) почти до конца того же года признавал именно эту организацию как «национальное краснокрестное общество России» и только позднее – советский Красный Крест (образован в ноябре 1918 г.) (см. [Бочарова 60, примеч. 23]). В странах скопления русских беженцев начали работать отделения РОКК – комитеты.

Комитет РОКК на Ближнем Востоке, действовавший в Стамбуле и его окрестностях (находился на ул. Пера, почти напротив русского посольства), состоял из тех сотрудников этого общества, которые эвакуировались из Крыма вместе с Русской армией. Он занимался решением социальных проблем беженцев: питанием,

медобслуживанием военных и гражданских лагерей, обучением школьников и студентов. Если учесть многие и многие тысячи «белых русских», оказавшихся в Турции, то можно представить себе масштабы работы общественных организаций, в частности РОКК. А. А. Нератов, в то время глава русской дипломатической миссии в Турции, вспоминает: «Все были завалены и перегружены работой. В посольстве, в консульстве, в Русском и Американском Красных Крестах, в Земском Союзе стоял „ад кромешный" – сплошное месиво человеческих тел, многоголосый стон нужды и отчаяния» [Нератов IV].

Первым председателем Комитета РОКК на Ближнем Востоке с резиденцией в Стамбуле был В. К. Тритшель. Главное управление РОКК в Париже прямо в день назначения рекомендовало ему «не надеяться на полноценную помощь Управления […] пытаться изыскивать средства самостоятельно». И средства изыскивались. Узнав о численности беженцев и их бедствиях, общественные организации европейских стран и США направляют «белым русским» гуманитарную и финансовую помощь.

Сенатор Г. В. Глинка, сменивший в октябре 1921 г. Тритшеля на посту председателя Комитета РОКК на Ближнем Востоке, в докладе Главному управлению РОКК о положении дел к концу 1921 г. пишет: «Для помощи находящимся в Константинополе и его окрестностях русским беженцам численностью до 35 000 человек – из которых крайне нуждающихся, безработных, нетрудоспособных 15 000 (не считая 5000 детей) – Обществом Российского Красного Креста организован ряд учреждений. Учреждения эти имеют целью главным образом: медико-санитарную помощь, призрение инвалидов, безработных и престарелых сестер милосердия и детей-сирот, так как заботы о других видах помощи – мерах экономического характера, [о] расселении, приискании труда, образовании юношества и т. д. – оказываются другими общественными организациями (Союзами Земств и Городов). Для питания же неимущих Красный Крест, как и Союзы, имеет ряд столовых, работавших до последнего времени на средства Американского Красного Креста, равно как и Склады для снабжения неимущих одеждой, бельем и обувью имеются у каждой общественной организации». Далее

председатель Комитета говорит о том, что все названные учреждения «оборудованием своим обязаны помощи Американского Красного Креста, Нью-Йоркского Общества Благотворителей и Французского Главного Командования», которые в свое время разделили заботы Комитета РОКК на Ближнем Востоке о беженцах. В настоящее время, продолжает докладчик, средства, «необходимейшие для поддержания жизни тысяч русских беженцев и инвалидов – участников великой германской войны», как у местного Комитета, так и у Главного управления истощены, поэтому «учреждения остаются необеспеченными далее начала или середины нынешнего декабря месяца, если не получат откуда-нибудь средств на продолжение своей работы» [Глинка, л. 197].

После этого весьма безрадостного вступления автор доклада приводит перечень «учреждений Рос. Об-ва Красного Креста на Ближнем Востоке», в частности:

Госпиталь Св. Николая (бывшая русская больница в здании и усадьбе, принадлежащих российскому посольству). Имеет следующие отделения: терапевтическое, хирургическое, нервных болезней, гинекологическое и «заразное для взрослых и детей», а также зубоврачебный и рентгеновский кабинеты, лабораторию для анализов и аптеку. При госпитале есть церковь, библиотека, баня и прачечная. Госпиталь рассчитан на 200 больных, но «путем возможного уплотнения и установки палаток вмещает в настоящее время до 250 коек. Ограниченный до пределов возможного медицинский персонал госпиталя: 5 врачей и 16 сестер. Содержание больного в день, включая лечение и питание, доведено до минимальной по местным ценам стоимости в 80 п[иастров]» (в частных лечебных заведениях – не менее 2–3 тур. лир). «Вознаграждение персонала: врачей (без стола и квартиры) – не выше 80 т[ур.] л[ир], сестер – 14 т. л., санитаров – 8 т. л. в месяц […] Общая стоимость учреждения со специальными кабинетами в месяц в тур. лирах около 5200»;

Госпиталь-распределитель на 25 коек, находящийся в Стамбуле «в наемном помещении». При условии уплотнения вмещает до 40 человек. Он «далеко не удовлетворяет потребности в приеме на коечное лечение всех доставляемых туда больных. Медицинский персонал: 1

врач, 1 сестра». Несмотря на такую же, что и в предыдущем госпитале, минимальную стоимость содержания пациента и «вознаграждения персонала, общая стоимость учреждения – около 1200 т. л.»;

Амбулатория при Николаевском госпитале **в Харбие** и **Амбулатория** при Госпитале-Распределителе **в Стамбуле**. В обеих проводится ежедневный прием «специалистами по всем болезням, причем число ежедневных посещений в Харбие около 200, в Стамбульской – свыше 200». Прием платный – 10 пиастров; тем не менее 80% пациентов настолько бедны, что приходится освобождать их даже от такой оплаты. В обеих амбулаториях врачи получают в месяц не выше 60 лир, сестры – 14, санитары – 8 лир. «Число врачей 12, зубных – 3, сестер – 2. Общая стоимость обоих учреждений, за вычетом платной помощи, в месяц 870 т. л.»;

Инвалидный Дом, открытый в апреле 1921 г. «в Арнаут-Кёе, в наемном здании из 50 комнат с усадьбой и с садом», разместил 200 инвалидов «с тяжкими увечьями, лишающих их более чем на 50% трудоспособности». Большинство из них «сражались в Германской войне, много лиц без обеих ног, либо безруких и слепых, с тяжелыми повреждениями различных органов, совершенно неспособных к труду и лишенных всяких средств к существованию». Для частично трудоспособных организованы мастерские – сапожная, столярная, переплетная и швейная. Это дает им, правда, ничтожный заработок, но зато открывает возможность изучить то или иное ремесло. Здесь обучают языкам, а неграмотных – грамоте. Классы музыки и пения позволили создать «свой хор и оркестр и скрасить тяжелое существование увечных людей. Библиотека и чтения (живая газета, организованная работниками печати). При Доме – часовня и церковь. Для желающих – обучение на курсах псаломщиков церковной службе. Амбулатория и приемный покой. Врач. Сестра. Лечение массажем и водяными душами». При Доме «организовано изготовление инвалидам протезов в особой мастерской под наблюдением врача-ортопеда и специального мастера. Производится починка протезов и изготовление новых (кроме рук), чем достигнута возможность наиболее дешевого снабжения хоть некоторого числа инвалидов искусственными ногами, ортопедической обувью и другими приспособлениями». Питание инва-

лидов, которое в последние месяцы обеспечивалось с помощью Американского Красного Креста, «последним прекращено и представляется необеспеченным далее декабря». Инвалидам не хватает обуви и верхнего платья, запасы которых «в Складе Красного Креста совершенно истощены». Персонал: «заведующий Домом, хозяйственной частью, письмоводством, врач, сестра, повар и 13 санитаров, несущих службу по уходу за тяжелоувечными». Инвалиды, кроме нетрудоспособных, привлечены к работе по поддержанию чистоты и порядка в Доме, а также к изготовлению пищи. Принимаются в Дом инвалиды лишь после освидетельствования их увечий особой комиссией врачей, причем только бессемейные; они должны подчиняться режиму и дисциплине, установленным в Доме. «Общая стоимость всего учреждения, включая изготовление протезов, не достигает 50 п[иастров] в день на человека, а в общем составляет в месяц 2825 т. л»;

Детский приют для маленьких сирот и детей из бедных семей, устроенный «в наемной даче в Бебеке с садом для детских игр», разместил 50–60 человек – от грудных младенцев до детей 5–6-летнего возраста. Приют оборудован на частные пожертвования и содержится на средства Американского и Международного Красных Крестов. В настоящее время здесь находятся 50 мальчиков и девочек, из них 25% грудных. Персонал: заведующая и ее помощница, 1 врач, 3 няньки, 1 повар и 1 завхоз. «Содержание одного ребенка, кроме продуктов Международного Кр. Креста, не свыше 40 п[иастров] в день». Общая ежемесячная стоимость учреждения – 800 тур. лир (см. [Глинка, л. 197–200]).

Российское Общество Красного Креста организовало в Стамбуле также столовые для беженцев. «Красный Крест до сих пор в деле питания нуждающихся при помощи американцев занимал первое место, выдавая ежедневно в 5 столовых около 3000 бесплатных обедов по карточкам, т. е. лицам известных и определенных категорий; из остатков кормили еще сотни людей в каждой столовой путем так называемой „живой очереди“, не получая на организацию никаких ассигнований, кроме американских продуктов и условленных вначале 10, а потом 6,5 пиастров на докупку мяса и оплату помещений, топлива и работы служащих. В настоящее время

на оставленный запас продуктов, в числе которых, однако, почти вовсе нет уже муки, и *накопленные экономией* денежные сбережения Красный Крест, уменьшив размеры рационов и число выдаваемых обедов, все же продолжает кормить свыше 1500 человек бесплатно и отпускать за дешевую – в 7,5 п[иастров] – плату до 600 обедов в своих столовых, которые надеется сохранить без новых ассигнований до 1 января 1922 года» [Глинка, л. 201].

Выше освещена (с небольшими купюрами) деятельность РОКК к концу 1921 г. только в Константинопольском районе, но в докладе Глинки рассматривается работа этой организации и в славянских странах (Сербии и Болгарии), где больные, инвалиды и неимущие русские беженцы были «разбросаны […] сравнительно мелкими группами в значительном количестве городов и селений», где помощь беженцам оказывалась в основном «на местные средства: Державной Комиссии – в Сербии, Франко-Болгарского благотворительного Общества – в Болгарии» и где была весьма «скромна постановка Краснокрестной помощи» [Глинка, л. 201 об.].

Как видно из приведенного текста доклада о работе «Краснокрестных учреждений», Г. В. Глинка неоднократно ссылается на Американский Красный Крест, предоставлявший наиболее эффективную помощь русским беженцам. То же говорит и А. Т. Аверченко в своей публикации «Американцы», помещенной в № 7 уже упоминавшегося еженедельника «Зарницы»: АКК «без рекламы, без шума, рисовки и треска – тихо, спокойно делал огромное дело: тысячи русских были накормлены, одеты и обуты». И еще: именно в эту организацию «идет прежде всего со всеми своими нуждами и горестями русский беженец. Нужна ли материальная поддержка для выезда, пришел ли в окончательную ветхость единственный костюм, необходима ли срочная медицинская помощь или просто не удается найти никакой работы – и русский беженец терпеливо простаивает часами в длинной очереди чаящих помощи от Американского Красного Креста, заранее уверенный, что именно здесь и только здесь ему наверное помогут. […] Отделом помощи русским заведует просвещенный майор» Дейвис – весьма популярная фигура среди беженцев («нет русского в Константинополе, который

не слыхал бы о нем»). Три с половиной года неустанно руководит он этим отделом, «время от времени посылая в Америку энергичные призывы о поддержке» [На прощание XXI].

Отношение беженцев к Американскому Красному Кресту во многом определялось и личностью Дейвиса – руководителя Ближневосточного отделения АКК, находящегося в Стамбуле. Имя этого человека, чрезвычайно энергичного и обладавшего редким даром сострадания к чужой боли, не должно быть стерто временем из истории русского беженства в Турции.

Чарлз Клафлин Дейвис (1879–1957) учился в Институте права и Институте политических наук Гарвардского университета. Одно время он практиковал адвокатскую деятельность и был ассистентом по международному праву в Гарвардском университете. В разгар Первой мировой войны Дейвис добровольцем уходит на фронт во Французскую армию и служит в Американском госпитале; в 1917–1918 гг. находится на государственной службе в качестве консультанта американского правительства по вопросам полевых госпиталей и военно-медицинского обслуживания. С 1920 по 1923 г. он возглавляет уже упомянутое Ближневосточное отделение АКК. Его деятельность направлена на «пользу русских беженцев и сирот». В 1922 г. Дейвис, назначенный «исполнительным директором Комитета по облегчению положения беженцев в г. Смирна [Измир]», отправляет заявление в Лигу Наций от имени русских беженцев, где описывается их положение и содержится просьба о предоставлении им помощи. В 1924 г. он возвращается в США. В архивном фонде Дейвиса (при Институте права Гарвардского университета) хранятся документы, касающиеся в основном помощи «белым русским», находившимся в 1919–1923 гг. в Стамбуле, Смирне и на о-ве Лемнос (см. [Кеосева, 2005]). Во многом благодаря Дейвису Американский Красный Крест был последней из всех иностранных организаций, которая прекратила оказывать помощь «белым русским».

Как видим, разные источники свидетельствуют о том, что многие американские организации и частные лица оказывали значительную гуманитарную помощь русским беженцам. Тем не менее мы не возьмемся утверждать, что параллельно с этим американцы,

точнее их спецслужбы, не вели масштабную разведывательно-вербовочную работу среди тех, кому эта помощь предназначалась. Поскольку вопрос такого рода требует специального рассмотрения, материалом для которого мы не располагаем, он остается за пределами нашего внимания.

Работа беженских учреждений в Стамбуле постепенно сворачивалась. В октябре 1921 г. прекратило свою деятельность Бюро русской печати, которое возглавлял много раз упоминавшийся нами Н. Н. Чебышев.

В своих мемуарах «Близкая даль» он пишет: 23 декабря 1920 г. Врангель через Мусина-Пушкина (который был на «Лукулле» – в то время штаб-квартире главкома) «предложил мне занять должность начальника Бюро русской печати в Константинополе», которая «освобождалась за уходом стоявшего до этого времени во главе бюро Х-о. На следующий день перед совещанием на судне «Александр Михайлович» у меня состоялась беседа наедине с главкомом. Прежде чем принять это место, я просил Врангеля предоставить мне право заниматься журналистикой и издавать газету, кроме того, разрешить мне для политических надобностей отлучаться, когда найду нужным, из Константинополя, с передачей моих обязанностей другому лицу. Я предвидел трудности при издании печатного органа в Константинополе и соответственно необходимость передвигаться в смежные балканские государства. Предвидел печатание органа в болгарском городе. Врангель на все согласился», и 28 декабря Чебышев принял Бюро русской печати от своего предшественника. «Оно помещалось в конце Перы, в самом бойком ее месте, около туннеля, то есть у вокзалика подъемной железной дороги (фуникулер), облегчавшей сношения с „низом“, с Галатским мостом. Бюро занимало две комнаты, – продолжает Чебышев. – Внизу помещалась канцелярия. Наверху, на антресолях, – я. Передняя комната внизу снималась книжным магазином Чернова[8]. Бюро имело несколько служащих – секретаря,

[8] В Стамбуле были и другие русские книжные магазины. Ж. Делеон пишет, что в районе Бейоглу, на ул. Пéра, журналист Г. Л. Пахалов (представитель парижского литературного журнала «Перезвоны») в апреле 1921 г. открыл магазин «Культура» (с библиотекой и типографией), где можно было приобрести книги, жур-

переводчика с турецкого, греческого и других языков Востока, даму, ведавшую перепиской и делопроизводством. При бюро служили в качестве рассыльных два турка в фесках. Они были дезертиры, когда-то покинувшие Россию […] Смета первое время была более чем достаточной. […] в Париже [я имел] собственного корреспондента на постоянном, вполне приличном содержании».

Двери Бюро печати были открыты для всех. Сюда каждый день являлись посетители-просители «по разным надобностям». Например, один «раненный в голову генерал» просил переиздать его сочинение на военную тему, а некий русский фабрикант через посредника предлагал, продолжает Чебышев, за 50 лир купить, размножить и напечатать его пророческий сон, где под водительством великого князя «происходило свержение большевиков в Москве». Кто-то хотел использовать витрину Бюро для своих нужд, например для объявления о продаже дома. Некий инженер умолял «пустить его в Бюро для скупки золота, серебра и платины, а также для продажи консервов». Но чаще всего посетители просили денег. Хотя однажды в Бюро зашел «католический монах, который принес 500 франков „для генерала Врангеля“ от… папы. […] Он сунул Чебышеву переводной чек банка (женевского), сказал по-французски, для кого предназначаются деньги, и ушел».

Бюро имело выходящую на улицу витрину, подобную той, что бывает у магазинов. В ней «была вывешена карта с отграничением русских земель, отданных большевиками, и с указанием на карте племенного состава владений, в том числе в Галиции, Угорской

налы и газеты на русском, английском и французском языках. Он же предложил разработать научную программу по изучению судеб русских беженцев, оказавшихся в турецкой столице. Работавшие над этим проектом ученые (филологи и историки) создали «Группу российских академиков в Константинополе», при содействии которой были учреждены Русский народный университет с юридическим, медицинским, предпринимательским и техническим факультетами, а также курсы иностранных языков (в том числе турецкого), коммерческо-бухгалтерские (на средства Земского союза) и возникшие несколько позднее курсы практических ремесел. Из-за финансовых проблем Пахалов в октябре 1922 г. прекратил свою деятельность, а в 1925 г. с помощью влиятельного общественного деятеля и журналиста Гордова он открыл киоск на ул. Поста, известный под названием «Библиотека Г. Л. Пахалова». Вскоре в Бейоглу появилось еще два книжных магазина (см. [Челышев 196]).

Руси и прочих». Карта привлекала к себе внимание прохожих, и Чебышев, как издатель, должным образом оценил значение выходящей на улицу торговой витрины, которая «в пропагандном смысле может заменять газету». В течение дня мимо витрины проходили тысячи людей. «Останавливался у окна иногда тот, кто не брал в руки книги или газетного листа».

Вообще-то издавать что-либо в Стамбуле было почти невозможно. «Проливы были на военном положении. По ту сторону Босфора, в Малой Азии, раздавалась орудийная пальба». Это шли военные действия между турецкими войсками Кемаль-паши и греческой армией. В Стамбуле власть принадлежала союзному командованию – англичанам и французам. «Законов никаких не существовало. Действовал неизвестный обывателю секретный военный приказ. Единственная русская газета „Пресс дю Суар“ должна была выходить на двух языках» по цензурным соображениям[9]. «Каждое столкновение с цензурой (читайте: контрразведкой) грозило существованию Бюро. Его могли закрыть. А меня, – пишет Чебышев, – арестовать, выслать и прочее».

Французы не могли уяснить себе, что именно представляет собой Бюро русской печати, к тому же их сбивало с толку его соседство с книжным магазином Чернова, у которого постоянно возникали проблемы из-за продажи газет. Он продавал, а ответ, как правило, держал я. Турки тоже не понимали назначения Бюро: кто и зачем сидит «в антресолях магазина», занимающего «самый эффектный угол бойкого перекрестка площади». Да и русские плохо разбирались в этом вопросе, обращаясь в Бюро с жалобами на обидчиков, прося выдать им удостоверения, помочь советами по бракоразводным делам и т. п. На самом же деле Бюро выполняло важную работу – «служило связью армии с печатью Запада, обличало ложь, призывало к помощи, защищало от вывоза на [бразильские] плантации и в совдепию».

От мысли о ежедневной газете пришлось отказаться. Надо было придумать какое-нибудь «негромоздкое» издание, которое можно было бы «передвинуть в любую страну по соседству. Решили из-

[9] По Жаку Делеону, «Вечерняя Пресса» стала выходить в Стамбуле 6 мая 1920 г. на средства русских беженцев, прибывших в Турцию в 1919 г.

давать еженедельник [«Зарницы»] при минимальном аппарате – я и еще один человек […] который был бы всем, ведал бы корректурой и экспедицией». В поисках редактора-помощника (значительную часть времени отнимало Бюро печати) я стал собирать соответствующие сведения. Стамбул в это время был полон журналистами и литераторами, не успевшими еще рассыпаться по вселенной. Я выбрал совсем незнакомого мне и нигде не работавшего И. М. Каллиникова. Это был довольно молодой человек – ему не исполнилось еще и 30 лет. Оказалось, что мы понимаем друг друга с полуслова, так что сговорились за 10 минут.

Итак, «редакция состояла из нас двоих. Бюджет: остатки телеграфного кредита. Постоянными сотрудниками были Аверченко, Шульгин и Сургучев. Принимали участие: Чириков, Борис Лазаревский, Н. Н. Львов, В. М. Левитский и другие […] Изредка для „Зарниц" писал небольшие, в основном критического содержания, статьи и заметки граф В. В. Мусин-Пушкин».

Ненадолго прервем Чебышева, чтобы познакомить читателя хотя бы с частью представленного этой группой писателей, журналистов и общественных деятелей материала, который был опубликован в «Зарницах» (Аверченко опускаем, поскольку о нем и его стамбульской творческой деятельности довольно подробно будет сказано отдельно): Василий Шульгин – «Русские за границей», «А счастье было так возможно», «1920 год (Pro domo sua)», «Открытое письмо В. В. Шульгина П. Н. Милюкову»; Илья Сургучев – «М. Горький», «Айседора Дункан», «Дом Чехова», «Итальянские силуэты», «Люди (рассказ)»; Валерий Левитский – «Кахрие Джами», «Мысли и настроения на чужбине»; Евгений Чириков – «Стоны великой скорби», «Братья разбойники», «Белые грибы (рассказ)», «Пасха». В двух-трех номерах журнала напечатаны стихи М. Волошина и И. Эренбурга. В библиографическом разделе «Зарниц» приводились новинки русской литературы и публицистики, изданные в Берлине, Будапеште, Вене, Мюнхене, Париже, Праге, Софии, а местом одного такого издания назван Нью-Йорк. Кстати, в последнем номере еженедельника (от 6 ноября 1921 г.) в списке новинок среди прочего значится: Роман графа А. Н. Толстого «Хождение по мукам» // Современные записки. [Париж,

1920–1921], № 1–6 (см. [Петкова 2010]; здесь представлены публикации, начиная с третьего номера «Зарниц», т. е. с 20 марта 1921 г., когда еженедельник стал печататься в Софии).

«Первый номер „Зарниц“ проскочил благополучно, – продолжает Чебышев. – Его продавали на улицах, но контрразведка не обратила внимания. Мы „притворились“ литературным альманахом. На втором номере нас прихлопнули. Французы пришли в ярость, может быть, потому, что проглядели первый номер. Вероятно, не обошлось без доноса соотечественника. Показалось обидным, что вот ухитрились же люди под носом у междусоюзной полиции выпускать политический журнал, на одном языке, без разрешения, без предварительной цензуры.

Мы перенесли печатание в Софию. Посадили там „выпускающего“ редактора. Он получал от нас весь материал, наблюдал за набором, вел корректуру, иногда помещал экстренные статьи, тираж отсылал от себя в армию, в Галлиполи, на Лемнос, контрагентам и подписчикам в разные концы и нам, в Константинополь. На улицах Константинополя у газетчиков опять появились „Зарницы“. Междусоюзные цензоры не взвидели света. В двадцатый раз ко мне пожаловала полиция:

– На каком основании вы позволяете себе игнорировать распоряжение военных властей?

– Журнал издается в Софии, а продавать его в Константинополе мне никто не запрещал… Продаются же безвозбранно „Общее Дело“, „Последние Новости“…

Офицера передернуло, но он ничего не мог возразить. Непроданные экземпляры третьего номера были конфискованы у газетчиков, а я получил никем не подписанное сообщение, воспрещавшее в Константинополе продажу „Зарниц“.

От *продажи* в Константинополе пришлось отказаться. Но мне не запрещалось *дарить* журнал. „Зарницы“ в Константинополе стали раздаваться даром – нотаблям русской колонии и учреждениям. Это было убыточно. Но пропагандная цель достигалась не хуже. Журнал расхватывали – гонения на него стали всем известны. На обложке не без озорства постоянно печаталось: „*Запрещен к продаже в Константинополе*“.

Дело было хлопотное. Редакцию от типографии отделяла целая страна – Фракия, оккупированная греками.

Материал, пересылаемый в Софию, нельзя было доверять почте. Каллиников отправлялся с рукописями на вокзал к отходу экспресса и изучал пассажиров. Усмотрев заслуживающее доверия лицо, Каллиников вручал путешественнику пакет с рукописями для передачи в Софии станционному буфетчику. Случаев промаха не было. Только раз пассажир Софию проспал и вернул нам с дороги пакет. Иногда, впрочем, и тут вырастал барьер: железнодорожное движение вдруг по военным обстоятельствам приостанавливалось.

Новый способ распространения как-то ускользал от учета. Следили за улицей. На улице журнал не появлялся. Меня, однако, продолжали тормошить. Подсылали провокаторов, справлявшихся о редакции „Зарниц", угрожали, делали в Бюро обыски, отбирали номера, накладывали печати на пустые шкафы.

В Софии возникали свои местные затруднения. Болгарские коммунисты предъявили типографии требование не набирать „Зарниц". Такое требование не было праздной угрозой. Коммунисты являлись главными заказчиками той же типографии. Пришлось послать в Софию своего метранпажа.

Впоследствии, приехав туда, я застал в типографии следующую картину: за одним столом наш софийский „выпускающий редактор" И. П. Нилов диктовал экстренную статью, а за другим столом коммунисты правили корректуру ожесточеннейших выпадов против русских белогвардейцев, допущенных в Болгарию.

В этом трудном деле я мог оценить во всей полноте высокие качества моего молодого сотрудника. Каллиников прежде всего обладал одним редким преимуществом. Он был не тронут временем. Войны, революции, бегства как по броне по нему скользнули и не оставили даже царапины. Он не только не прятался, а как будто сам подставлялся под удары. Он плавал в своей стихии, а не страдал. Сонного, нормального, чеховского времени он не знал. Едва сделался совершеннолетним, когда началась война. Смута застала

его свободным от свойственных всем нам предвзятостей спокойного прошлого.

Он был журналистом с головы до пяток. Он знал цену схваченным на лету мазкам, заменяющим законченную картину; мог писать на обрывке, среди шума разговоров; готов был сделать двадцать верст для получения интересного сведения в пять строчек; вдыхал как запах резеды типографскую краску; бодрился от мерного стука машины; смаковал красоты искусной верстки. Он не знал разницы между ночной и дневной работой, видимо, предпочитал ночную, лихорадочно спешную; любил добираться до подоплеки вещей. Считал, что обслуживаемая печатью потребность знать все самое сокровенное совпадает с известной социальной необходимостью.

Едва ли, впрочем, он задумывался над своими обязанностями. Он ощущал их инстинктом. Я редко встречал русского человека, да еще литератора, так мало говорившего по общим вопросам. Это единственный мой знакомый, от которого я ни разу не слышал общего места. Он говорил только о том, чтó надо сделать и чего не надо делать. Спорил в пределах частных технических тем, выдвигаемых работой. При теоретических беседах обыкновенно молчал и скучал. Такое видимое безразличие к отвлеченности было бы странно в интеллигенте, но дело именно в том, что он был не интеллигентом, а деятелем. Горение превращалось в двигательную силу. Мозг служил орудием, а не самоцелью – таким же орудием, как и руки.

Каллиников никогда не грустил, не умничал, не интересовался истинами, лишенными ближайшего применения. Я не знаю, мог ли он дать что-нибудь как писатель. Но для деятеля современности свобода от полумечтаний означала сосредоточие на одном определенном предмете, получавшем необходимый волевой толчок.

25 июня 1924 года его застрелил в Софии неизвестный убийца. Каллиников жил в бельэтаже (вернее, на этаже, который французы называют „ре-де-шоссе“). Окна открыты. Комната освещена. Убийца на улице подошел к окну. Каллиников только что вернулся домой и готовился лечь спать. Убийца, стоя на улице, в окно убил его наповал из маузера. На подоконнике

было найдено затем зеркальце; полагают, что злоумышленник им пользовался для прицела.

Днем Каллиникова вызывали в полицию. По дороге оттуда он зашел в русскую церковь, поставил свечку и долго молился. […]

Я не знаю, была ли установлена личность убийцы. Во всяком случае, судим и наказан он не был.

Каллиникову была свойственна редкая разновидность смелости – бесстрашие. Он был беспокойный и настойчивый противник. Борьба с коммунистами в Болгарии – большое его дело» [Чебышев 127–129, 137–139, 146–151, 154].

Однако вернемся к 1921 г. В сентябре, когда все „армейские" учреждения готовились к отъезду, а некоторые постепенно ликвидировались (те, которые по недостатку средств для армии представлялось непосильным содержать), подлежало упразднению и Бюро печати. Пока оно с площади Тюнеля переехало в драгоманат на посольском дворе, в «мрачное, облезлое здание, спрятавшееся в овраге посольской усадьбы». Так что обязанности Чебышева как заведующего Бюро русской печати, которые он исполнял около девяти месяцев, подходили к концу. Ему нужна была виза в Софию, откуда он собирался проехать в Берлин. 14 октября 1921 г. Чебышев прибыл на «Лукулл», чтобы проститься с Врангелем перед отъездом в Болгарию, а 15 октября (эту дату, когда яхту главкома Русской армии протаранил итальянский пароход «Адриа», читатель, конечно, помнит) служащий Бюро привез последнюю почту, и Чебышев в полдень отбыл в почти пустом поезде в Софию. Там уже находился Каллиников (см. [Чебышев 162, 165]).

В декабре 1922 г. самоликвидировалось и «Главное справочное бюро при Правительственном органе» (под последним имеется в виду Русский Совет, о котором подробно говорится в предыдущем очерке). Центральное справочное бюро было учреждено еще в мае 1920 г. «ввиду неудовлетворительной постановки осведомления беженцев о местопребывании друг друга, влекущей за собой разобщенность семей и полное неве́дение о судьбе своих близких […] К ноябрю месяцу в Бюро было зарегистрировано сверх 44 000 имен. В середине ноября хлынула новая волна беженцев, хлынула

сразу с такой стремительностью и такой массой, что всю остальную работу Бюро пришлось оставить и приступить к моментальной и быстрой регистрации, чтобы не пропустить того момента, пока беженцы были на пароходах и собраны в одном месте». (Понятно, что речь здесь идет об эвакуации в ноябре 1920 г. армии и гражданских беженцев из Крыма, когда 126 транспортных судов подошло к Стамбулу.)

Представители Русского Совета (создан Врангелем 5 апреля 1921 г.) в отличие от Справочного бюро считали возможным перенести регистрацию вновь прибывших «на время их полной оседлости». Из-за этих разногласий и недостатка средств (которые в размере 1500 лир все же были предоставлены – но с опозданием – для Справочного бюро Русским Советом) проблема учета беженцев не была разрешена должным образом, т. е. «результаты переписи не были полны» [Бобринская, л. 64–65].

Инициатор создания Справочного бюро графиня Варвара Николаевна Бобринская (она же инициатор появления в Стамбуле первого ночлежного дома) была женщиной высокообразованной, деятельной и неробкой. Судя по реляциям, написанным ею в разные русские (находившиеся в Стамбуле и Париже) инстанции, а также в американские организации, оказывавшие финансовую поддержку этому бюро, она раньше других поняла необходимость создания справочной службы, призванной собирать и выдавать информацию о местонахождении сотен тысяч россиян, «разбросанных по чужим землям».

Находилось Справочное бюро на ул. Сакызагачи, д. 14, недалеко от посольства. Кроме заведующей Бобринской, делопроизводителя-казначея и машинистки здесь работали еще девять женщин. «Бюджет от Правительства – 850 ежемесячных лир – идет только на оплату служащих, между тем есть неотложные расходы, непроизведение которых влечет за собой торможение дела до низведения его до степени ненужности». Финансовую помощь Справочному бюро оказывали Союз городов, Американский комитет помощи русским беженцам и Ближневосточное отделение Американского Красного Креста, руководимое Чарлзом Дейвисом.

Скромный штат этого единственного справочного центра обрабатывал колоссальный объем информации. В записке, адресованной Союзу городов (дата не указана, предположительное время – начало работы Справочного бюро), Варвара Николаевна пишет: «Вал материала идет из мест пребывания беженцев. На днях получили список на 30 000 человек из Галлиполи, 1000 – с острова Лемнос, 1500 – из Греции (Афины, Пирей), 2000 – из Салоник, ждем список из Сербии». Списки беженцев и запросы поступали из Египта, Румынии, Болгарии и даже из России через латвийского консула в Москве. Всего из 33 стран. За свое недолгое существование Справочное бюро выдало родителям, искавшим своих детей, а также родственникам и друзьям, потерявшим друг друга, 300 тыс. справок и помогло воссоединиться 16 000 человек (см. [Бобринская, л. 39–40]).

Сотрудницы Справочного бюро работали чуть ли не круглые сутки. В течение дня им приходилось отвечать по меньшей мере на 120 устных и письменных запросов, писать отчеты, письма со всякими просьбами, выдавать справки, без которых беженцы не могли получить благотворительную помощь или визу в иностранном посольстве, к тому же постоянно изыскивать средства на технические нужды.

Все сведения о беженцах заносились на карточки разного цвета: на белых фиксировались только имя и фамилия, на красных – еще и другие данные. К сентябрю 1921 г. таких карточек в картотеке Справочного бюро накопилось 200 тыс. Сотрудникам порой приходилось самим добывать сведения о беженцах, например обращаться к комендантам лагерей на Принцевых островах, ходить по госпиталям, общежитиям, ночлежным домам. А когда в ноябре 1920 г. армада морских транспортов из Крыма пристала к берегам Босфора и Мраморного моря, сотрудники Справочного бюро вместе с волонтерами прямо на кораблях зарегистрировали 62 000 человек.

Можно только догадываться, какие чувства испытала Бобринская, когда 20 ноября 1922 г. в ответ на ее отчаянные попытки доказать важность документов, скопившихся в Справочном бюро, и необходимость любой ценой сохранить их, она получила уведомление следующего содержания: «Милостивая государыня Варвара Николаевна! Принимая во внимание невозможность вывоза архи-

вов Гл. справочного бюро из Константинополя для передачи их в какое-либо официальное наше учреждение, дипломатический представитель наш пришел к заключению о необходимости сжечь все документы Бюро, имеющие именной и персональный по отношению беженцев характер. Передавая Вам об этом решении, имею честь Вас уведомить, что по соглашению с нашим Генеральным консульством организацию сожжения помянутых документов и наблюдение за сожжением поручается нашему чиновнику П. П. Рыжову. Примите, милостивая государыня, мои уверения в совершеннейшем моем почтении и таковой же преданности. *Тухолка*[10]» [Тухолка, л. 87].

Сохранившийся акт свидетельствует о сожжении в печи посольской бани документов Справочного бюро, находившихся в многочисленных ящиках, коробках и мешках.

В. Н. Бобринская от участия в этой акции устранилась, предварительно передав все дела другому лицу. По ее мнению, которое мы полностью разделяем, сожженные документы на тот момент еще не утратили своей практической пользы, а в перспективе могли обрести большую историко-информационную ценность.

Особо следует остановиться на проблеме окормления русских беженцев. Духовную поддержку им оказывала русская православная церковь в лице тех священнослужителей, которые не приняли перемен на родине и бежали в Турцию. «Стамбул на какое-то время стал центром русской православной духовности» (см. [Рус. соотечественники в Турции …]). Среди беженцев было немало представителей высшего духовенства России. Одни прибыли в Стамбул в 1919 г., после поражений деникинской армии, другие – в 1920 г., с армией Врангеля. До своего отъезда из России иерархи составляли бóльшую часть Высшего временного церковного управления на Юге России (ВВЦУ). Эта организация была создана в 1919 г. на территории Добровольческой армии, в Ставрополе, «с целью управления епархиями, оторванными от Московской Патриархии». Оказавшись в Стамбуле, иерархи поначалу намерева-

[10] После отъезда из Стамбула в феврале 1922 г. главного командования «руководство беженским делом перешло к Дипломатической Миссии. Во главе беженской части встал первый драгоман г. Тухолка» [Нератов V].

лись, как того требует канон, сложить с себя полномочия и передать окормление русских беженцев Поместной церкви, т. е. Вселенской Константинопольской Патриархии[11]. Но ознакомившись с положением беженцев и узнав о намерении генерала Врангеля во что бы то ни было сохранить военную организацию для возобновления борьбы с большевиками, они пришли к убеждению, что ВВЦУ надо сохранить. Получив согласие константинопольского патриарха на свою деятельность в Турции, русские иерархи 19 ноября 1920 г. на пароходе «Великий князь Александр Михайлович», стоявшем на Босфоре, провели заседание ВВЦУ. Это было первое собрание русского церковного органа за пределами России (см. [Цыпин 35]).

Высшее временное церковное управление на Юге России было переименовано в Высшее русское церковное управление за границей (ВРЦУ). Возглавил Управление Антоний (Храповицкий) – митрополит Киевский и Галицкий, его первым заместителем стал Анастасий – архиепископ Кишиневский и Хотинский. ВРЦУ обнародовало заявление о том, что оно «является правопреемником Высшего Временного Церковного Управления на Юге России и представляет из себя высшую Церковную власть для всех русских заграничных причтов, приходов и мирян, впредь до установления правильных и свободных сношений с Святейшим Патриархом Всероссийским». Рассмотрев вопрос о религиозном состоянии русских беженцев за пределами России, новое церковное управление постановило: «1) созвать поместные – из духовенства и мирян – церковные собрания на территории Турции, Болгарии, Сербии, Германии, Америки и др. стран и затем общий Заграничный Русский Церковный Собор; 2) организовать специальную подготовительную комиссию, которая подготовит материал для будущих собраний, займется организацией последних и изыщет необходимые для этого денежные средства». Возглавил подгото-

[11] Этот центр греческого православия продолжал существовать и после завоевания турками в 1453 г. византийской столицы Константинополя. В 1918 г. в Стамбуле насчитывалось 180 православных церквей (см. [Жевахов 56]). В настоящее время в ве́дении Константинопольской Патриархии находятся: на территории Турции – 5 епархий, 10 монастырей, 30 духовных школ; за пределами Турции – 234 епархий, причтов и приходов.

вительную комиссию Вениамин (Федченков) – епископ Севастопольский, главный священник в армии Врангеля, который, напомним, благословлял открытие Русского Совета в Стамбуле. Комиссия разработала положение о проведении поместных собраний, которое касалось «условий избрания представителей, их облачения, оплаты проезда», а также вопросов, подлежащих первоочередному рассмотрению (см. [Заграничное рус. церковное собр., л. 1 об., 3–3 об. и сл.]).

Скопление русской «беженской массы» требовало увеличения количества русских церквей. В Стамбуле они были и прежде, например при российском посольстве и на о-ве Халки (Хейбелиада) при посольской больнице, а также при семи староафонских монастырских подворьях. Три из них (Святых Ильи, Пантелеймона и Андрея), были построены Московской Патриархией в 1880-х годах для отдыха паломников, державших путь в Святые места – Иерусалим и Афон[12]. В этих трех подворьях в 1918 г. нашли приют русские солдаты, захваченные в плен турками в ходе Мировой войны, а чуть позднее – отдельные группы русских беженцев.

В 1920-х годах «прибавилось еще 17 временных [палаточных] церквей для беженцев – при госпиталях и общежитиях, учебных заведениях, в лагерях и бараках». Согласно постановлению ВРЦУ, для управления русскими приходами был образован так называемый Константинопольский округ во главе с архиепископом Анастасием. О церковном собрании в этом округе известно лишь следующее: в Константинополе «происходили работы Предсоборной [подготовительной] Комиссии и Церковного Собрания (1921)» [На прощание VI].

К ноябрю 1921 г. русские священнослужители уже переехали из Турции в Сербию (в Стамбуле до 1924 г. оставался лишь архиепископ Анастасий в качестве управляющего русскими приходами Константинопольского округа). В этом же месяце в небольшом сербском городке Сремски-Карловцы по инициативе епископа Вениамина и с согласия сербского патриарха Дмитрия состоялось Русское общецерковное заграничное собрание. В его состав «во-

[12] В настоящее время сохранилась только домовая церковь, расположенная на шестом этаже подворья Афонского Свято-Пантелеймонова монастыря; приход насчитывает более 1000 человек (см. [Рос. соотечественники в Турции 144]).

шли все оказавшиеся за рубежом и сумевшие добраться до Карловцев русские архиереи и члены Поместного собора 1917–1918 годов, а также делегаты от приходов, от эвакуированной армии, от монашествующих и приглашенные» – всего 163 человека.

Спустя шесть месяцев после собора в Сремски-Карловцах, в мае 1922 г., в Москве «на соединенном присутствии Священного Синода и Высшего Церковного Совета под председательством Патриарха Тихона было вынесено постановление, которое в виде Указа Патриарха было выслано митрополиту Антонию и […] митрополиту Евлогию – временному управляющему Западноевропейскими русскими приходами». В указе говорилось о необходимости упразднить Высшее русское церковное управление за границей. Антоний решил подчиниться указу, но бóльшая часть членов ВРЦУ «склонялась к тому, чтобы не исполнять воли Патриарха». Однако на состоявшемся в Сремски-Карловцах в начале сентября того же года Архиерейском соборе, в котором помимо прочих иерархов участвовали митрополиты Антоний и Евлогий, было решено «выразить сыновнее послушание Патриарху, упразднить Высшее Церковное Управление, созвать Русский Всезаграничный Церковный Собор Русской Православной Церкви, которому и были впоследствии переданы все полномочия Высшего Церковного Управления».

Сербия на долгие годы станет центром русской зарубежной церкви, которую возглавит сначала старейший из иерархов митрополит Антоний, а после его кончины в 1936 г. – теперь уже в сане митрополита Анастасий. Русская зарубежная церковь покинет Сербию только в 1944 г., чтобы продолжить свой нелегкий путь по землям Чехословакии, Германии, наконец, Соединенных Штатов, где она и обоснуется (см. [Цыпин 206–207]).

* * *

Теперь речь пойдет о другом Стамбуле, где жизнь россиян была, можно сказать, безбедной и даже в известной степени интересной. Во всяком случае, для многих из них.

Начнем с того, что русские женщины производили ошеломляющее впечатление даже на сдержанных англичан и деловитых аме-

риканцев, не говоря уже о любвеобильных французах, темпераментных итальянцах и турках. Светлокожие, голубоглазые, стройные блондинки притягивали внимание не только своей природной красотой, но и умением непринужденно держаться, изысканно одеваться. Короткая стрижка (у турчанок это получило название *рус баши* – «русская голова»), укороченные расклешенные юбки, утягивающие талию пояса с бантом, европейские духи – все это не прошло мимо стамбульских модниц. Татьяна Моран (10-летней девочкой она попала из России в Турцию, затем вышла замуж за профессора Стамбульского университета Берна Морана и там же преподавала западную литературу) пишет, что «русские придали городу элегантность [...] придали ему петербургский шик» [Moran 43].

Турецкие дамы охотно общались с раскованными россиянками, хотя это еще было время, когда турчанке не полагалось показываться на улице после семи вечера, а в трамвае две передние скамейки – места для женщин – задергивались занавеской.

Молодые и веселые русские женщины в основном пели и танцевали в ночных клубах, ресторанах, кабаре, что привлекало туда помимо прочей публики и состоятельных турок. Ссоры, а иногда и разводы в турецких семьях положили начало кампании в турецкой прессе: сторонники традиционного образа жизни не только выступали против новых веяний, но порой даже требовали высылки русских женщин из города. В 1922 г. одна стамбульская газета провела соответствующий опрос читателей. Выяснилось, что виноваты не россиянки, а турецкие мужчины, которым следовало научиться сдерживать свои чувства (см. [Deleon, 1995: 36, 95]).

Решад Экрем Кочу, автор статьи о русских эмигрантах в «Энциклопедии Стамбула», пишет: «Белым русским принадлежит важное место в истории Стамбула... В основном это были выходцы из элитарных слоев общества царской России. Оказавшись в Стамбуле, первое, что они сделали, это создали в городе целую сеть увеселительных заведений. [...] и турки смогли увидеть подлинное, освещенное благородством искусство» (цит. по [Deleon, 1990: 21]).

Большинство ресторанов, кафе, баров, кабаре, которые росли как грибы, открывали русские. Пера и Галата пестрели названиями: «Георгий Карпыч», «Тюркуаз», «Максим», «Московит», «Медведь», «Роз Нуар», «Киевский», «Петроград», «Яр», «Кремль», «Золотой Петушок», «Русский Уголок» и другие – все не перечислить.

Одним из известнейших ресторанов Стамбула был «Георгий Карпыч» (или просто «Карпыч»). Он находился на ул. Улус, напротив Центрального банка. В 1925 г. с хозяином этого заведения встречалась Лидия Сейфуллина – первая советская писательница, посетившая новую Турцию. В своей книге «В стране уходящего ислама» она рассказывает: в Стамбуле владелец ресторана «Карпыч» набрал большой штат сотрудников, в том числе официанток – красивых образованных русских женщин, большинство которых свободно говорили на нескольких европейских языках. Их униформой были белоснежные шелковые халаты с короткими рукавами, с большим вырезом и кармашками. Им было запрещено брать на чай (в стоимость обеда входил определенный процент чаевых). Ресторан всегда был забит до отказа русскими и иностранцами. Но однажды этот «красивый и образованный персонал» потребовал от хозяина повышения зарплаты. Тот отказал. В ответ «красивые и образованные» не вышли на работу, и хозяин нанял других женщин. Тогда первые на паях открыли на ул. Пера ресторан под названием «Тюркуаз» («Бирюза»). Пригодилось всё, чему они научились у «Карпыча». Цены в их ресторане были ниже, а еда не хуже. Так что «Карпыч» обрел весьма серьезного конкурента, признанного одним из лучших ресторанов Стамбула (см. [Сейфуллина 42–43]).

Со временем «Карпыч» переехал в Анкару. Лев Никулин, побывавший в Турции в 1933 г., свою встречу с хозяином этого ресторана описал в книге «Стамбул. Анкара. Измир»: «У ресторанов „Анкара Палас“ и у „Карпыча“ стоят машины с флажками посольств. Эфенди [*тур.* «господин»] Карпыч, бывший студент Лазаревского института [восточных языков] в Москве, сдержанно жалуется на дела. Он переехал из Стамбула в Анкару: начальство хочет иметь в столице хороший, европейский

ресторан. Но жители Анкары предпочитают здоровую, национальную кухню; они привыкли к маленьким столовым, где все на виду и утварь блестит, как приборы лаборатории, и пахнет лимонами и жареной черноморской кефалью. Одни иностранцы ходят к эфенди Карпычу» [Никулин 94].

Упомянем и русский ресторан «Режанс», хотя открыт он был аж в 1930 г. Отделанный декоративными панно огромный зал, элегантные официанты, отменная кухня, теплая, гостеприимная атмосфера – все это сделало «Режанс» излюбленным местом встреч представителей высшего общества. Его хозяевами были Тевфик Манарс, Вероника Протопопова и Вера Чирик. Здесь часто обедал президент Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк, любивший выпить рюмку ледяной русской водки, сюда захаживали и другие крупные турецкие политики, а также иностранные дипломаты, например, посол Германии Франц фон Папен. Шло время, менялись хозяева, горело и возрождалось помещение, а популярность ресторана не меркла. Это поистине уникальное заведение стало неотъемлемой частью города, своего рода исторической достопримечательностью[13].

Кафе-кондитерская «Петроград», которое открылось в 1923 г. на ул. Пера, напротив кинотеатра «Сарай» («Дворец»), отчасти напоминало московское кафе Филиппова на Тверской. Хозяева «Петрограда», которые прежде держали кафе в Москве, как всегда, заботились о высоком качестве своей кухни. Всё, что ими изготовлялось, включая калачи, имело неповторимый вкус. Знаменитыми были и утренние завтраки – ржаной хлеб, яйца всмятку, сливочное масло, швейцарский сыр и крепкий чай в тонких стаканах с подстаканниками. Это кафе в основном славилось тем, что было единственным в Стамбуле подобного рода заведением, которое работало круглые сутки и без перерыва. Поэтому название кафе порой становилось предметом для шуток. Поздно вернувшегося домой встречали словами: тебе что здесь, «Петроград», что ли? А если тот оправдывался тем, что засиделся в духане, ему иронически

[13] В 2010 г. мировой суд района Бейоглу вынес решение о закрытии этого старейшего русского ресторана. Но процесс пока не окончен.

возражали: этот твой духан не «Петроград» же, чтобы всю ночь напролет сидеть там.

«Петроград» был местом приятного отдыха, и для русских, и для стамбульцев. Так, здесь постоянно собирались литературные знаменитости: Саит Фаик, Ахмед Хамди Танпынар, Нихат Сары Орик и др. Здесь коротали ночь те, кто опоздал на последний паром, идущий в Кадыкёй, что на азиатской стороне Босфора. По субботним и воскресным дням зал едва вмещал всех желающих. В 1940 г. кафе переименовали. Оно стало называться «Анкара», но в памяти стамбульцев остался «Петроград», об уютной атмосфере которого добрым словом вспоминают Хикмет Феридун Эс, Салях Бирсель и Ж. Делеон (см. [Birsel, Es, Deleon 62–63]).

«Петроград», можно сказать, стал воплощением модернизированной традиции, уходящей корнями в XVI столетие – время правления Сулеймана Великолепного, когда в Стамбуле открываются первые *кахвехане* (кофейни), где со временем начали собираться люди творческие. В середине этого столетия два друга-сирийца завезли в Стамбул кофе, выращиваемый в Йемене, и исключительно для дегустации нового напитка была открыта первая кофейня. Напиток пришелся туркам по вкусу, и кахвехане стали самыми посещаемыми заведениями османской столицы. Вскоре к полюбившемуся напитку «добавились и иные развлечения: игра в триктрак[14], шахматы, музыка. Но самое главное в том, что кафе стали обычным местом встречи поэтов, литераторов и вообще представителей мира искусства» (см. [Мантран 308, 320]).

Популярность нового напитка в свое время встревожила улемов (богословов), посчитавших кофе греховным напитком, поскольку он «влияет на состояние ума». По настойчивому требованию духовенства некоторые султаны, например Мурад III (1574–1595), пытались закрыть кахвехане, но из этого ничего не вышло. Понятие кофе как греховного напитка так и не укоренилось в сознании правоверных мусульман. Говорят, что именно в Стамбуле европейцы пристрастились к употреблению кофе и перенесли его в Европу.

Идея открытых летних кинотеатров, столь полюбившихся туркам, а также пляжного отдыха с комфортабельным обслуживани-

[14] *Франц.* trictrac – аналог игры в нарды.

ем, принадлежит тоже «белым русским». Как пишет Ж. Делеон, в 1920-х годах на о-ве Принкипо (Бююкада) появился пляж с кабинками, спасателями, прокатом тентов, лежаков, лодок и продажей прохладительных напитков. С того времени пляжный отдых привился и получил широкое распространение в Турции.

Русские познакомили Стамбул не только со своей национальной кухней (особенно полюбились туркам борщ, котлеты, бефстроганов, солянка, пирожки с капустой и, конечно же, смирновская водка, главным образом лимонная), но и со своим, говоря выспренним языком Кочу, «подлинным, освещенным благородством, искусством». Эту точку зрения разделяет и другой турецкий автор – Тюлай Алим Баран: «Эмигранты оказали безусловное влияние как на культуру питания, так и на сферу культурных развлечений Стамбула тех лет».

В русских ресторанах, кабаре и городских парках посетители наслаждались русскими голосами – от знаменитой цыганской певицы Насти Поляковой (обладавшей чудесным контральто) или исполнительницы русских песен Таракановой (выступала в кокошнике; ей часто аккомпанировала замечательная пианистка М. В. Оболенская) и до оперных певиц Н. И. Жило, А. П. Волиной, Н. И. Полянской, солиста оперы А. А. Соколова и многих-многих других.

В начале XX в. ансамбль певческой династии Поляковых был самым знаменитым московским цыганским хором. Талантливая Настя в 12 лет уже пела в хоре ресторана «Яр». Среди многочисленных выступлений ее как зрелой певицы, пользующейся всеобщей любовью, назовем, например, «концерт цыганского хора во главе с Настей Поляковой в Благородном собрании в 1915 г.», который был дан в пользу раненых солдат и офицеров – участников мировой войны. В 1920 г. вместе со своей семьей она эмигрировала в Стамбул, где с большим успехом стала выступать в ресторане «Стелла», принадлежавшем «московскому негру» Ф. Томасу, потом в кабаре «Роз нуар» («Черная роза»), где пел Вертинский, и, наконец, вместе с известнейшим в те времена певцом Ю. Морфесси открыла ресторан «Стрельна», но обстоятельства вынудили их обоих срочно покинуть Стамбул. Дальнейшая жизнь Н. Поляковой протекала в Европе: Венеция–Вена–Прага–Париж (здесь она и

осела; это был 1923 г., и ей было примерно 46 лет). Через десять лет певица эмигрировала в США. О ней писали: «Настя Полякова очаровала публику Константинополя, Парижа, Нью-Йорка».

Певцам и музыкантам, оказавшимся в Стамбуле, Жак Делеон в своей книге «Белые русские в Бейоглу» (1990) посвящает отдельный очерк под названием «Белые русские и классическая музыка». Так, он пишет, что А. Соколов много гастролировал по России. О его великолепном исполнении в турецкой столице арий из «Фауста» и «Севильского цирюльника» писала стамбульская газета «Журналь д’Ориен(т)». Он выступал в парке Гюльхане и в салоне (концертном зале) «Каза д’Италиа».

Выпускница Московской консерватории Наталья Ивановна Жило, ранее успешно гастролировавшая во Франции, открыла в Стамбуле вокальную студию; некоторые из ее турецких учеников впоследствии стали профессиональными певцами. О ее деятельности как высококлассного педагога писала та же «Журналь д’Ориен(т)».

Анна Павловна Волина кроме оперных арий исполняла русские и цыганские романсы; она участвовала во многих благотворительных концертах.

Наталья Ивановна Полянская («обладательница красивого и сочного сопрано»), которой турецкая пресса уделяла повышенное внимание, помимо арий из «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы», а также романсов пела арии из итальянских опер. Она была женой крупного музыканта И. И. Полянского – выпускника Ростовской музыкальной академии, главы Союза музыкантов Евпатории и дирижера симфонического оркестра этого города. В Стамбуле он руководил оркестром, игравшим в синемá «Мажик». Его оркестр порой буквально спасал провальные фильмы, и можно даже сказать, что зрители чаще ходили в кинотеатр послушать этот замечательный ансамбль, нежели посмотреть фильм.

В этом же очерке Делеон упоминает бывших солистов Тифлисской оперы –сопрано Боярскую и баритона Данюшина, опереточных певиц Пионтковскую (с ней читатель еще встретится) и Цехановскую, а также исполнительницу русских народных песен Плевицкую. Но только упоминает.

Знаменитая Надежда Васильевна Плевицкая (Винникова) выступала в г. Гелиболу, что на Галлипольском полуострове, где, напомним читателю, был размещен основной контингент Белой армии. На площади города соорудили эстраду, и Плевицкая пела для солдат кутеповского корпуса. Популярная тогда песня «Занесло тебя снегом, Россия» особенно тронула истосковавшихся по родине слушателей. Один из них записал в своем дневнике: «Нас стояло тысяч пятнадцать на площади, и мы ревели от избытка чувств» [Караджев 24]. Там же, в Гелиболу, состоялась свадьба певицы и генерала Н. В. Скоблина – командира Корниловского ударного полка. На свадьбе посажёным отцом был генерал Александр Павлович Кутепов. Позднее, живя в Париже, супруги под кличками Фермер и Фермерша добросовестно работали на советскую разведку. По оценке сотрудника Иностранного отдела ОГПУ, бывший белый генерал был «одним из лучших источников разведки». Выше упоминалось, что при активном участии Скоблина был похищен в 1937 г. председатель РОВС генерал Е. К. Миллер. По одним источникам, после выполнения этого задания Скоблина на самолете отправили в Испанию, где шла гражданская война и где он будто бы погиб во время бомбардировки Барселоны. По другим – его следы обнаруживаются на казенной даче в подмосковном Болшеве, но затем они теряются. Надежду Плевицкую арестовали в Париже; при обыске ее квартиры нашли большую сумму денег во франках, долларах и фунтах стерлингов. Певице предъявили обвинение «в соучастии в похищении генерала [Миллера] и насилии над ним», а также в шпионаже в пользу Советского Союза. Весной 1939 г. ее отправили в тюрьму г. Ренн, а осенью 1940 г. она там скончалась (в это время Франция была оккупирована немцами).

Но мы несколько отвлеклись. Продолжим тему о русской творческой интеллигенции в Турции, в частности о музыкантах. Так, Сергей Романовский окончил композиторское отделение Московской консерватории, много лет провел в Вене, изучал органную музыку в Риме, давал концерты в Германии, Австрии, Италии. Вернувшись в Москву, он стал «преподавать в консерватории фортепиано и композицию». За сочинение «Осенняя симфония» Рома-

новский был награжден золотой медалью. В Стамбуле, куда он прибыл в 1919 г., он довольно быстро стал известен как преподаватель музыки. Уже через шесть месяцев после приезда музыканта пресса отмечала необыкновенный успех выступлений его учеников. Сам он тоже давал концерты, но «в основном в домах своих друзей; больше всего ему аплодировали за исполнение сочинений Чайковского». В эмиграции Романовский писал музыку экзотического и духовного характера. Так, он автор «Мистической фантазии», «Индийских молитв», «Реквиема», «Аве Марии» и фантастической симфонии «Карнавал жизни и смерти». В конце 1920 г. Романовский и русский скрипач Чижевский уехали из Стамбула в Париж, а оттуда в Америку. Говоря о своем коллеге, Романовский отмечал, что это большой мастер, «несравненный виртуоз, голос скрипки которого каждый раз вызывает удивление и восторг», это скрипач-поэт – он знает, «как извлечь жизнь из деревянной коробки».

В репертуаре пианиста из России Павла Лунича преобладали произведения Рахманинова, Генделя, Мендельсона, Шопена, Дебюсси, Шумана. За годы своего пребывания в Турции (1920–1926) он дал около ста концертов. Свою концертную деятельность музыкант сочетал с преподавательской.

Константин Дмитриевич Никольский в Стамбуле написал несколько романсов и музыку к балетным скетчам.

О скрипаче Евгении Ивановиче Шведе известно лишь, что еще студентом Петербургской консерватории он «солировал в концертах», а в Стамбуле давал частные уроки.

Профессор А. А. Селиванов, обладатель прекрасного баритона, получил консерваторское образование по классам скрипки и вокала в России; несколько лет он концертировал как певец и скрипач. В ноябре 1920 г. Селиванов прибыл в Стамбул. Здесь он стал заниматься с оперными певцами, совершенствуя их мастерство, и издал на французском языке методическое пособие по постановке голоса.

Упомянутая выше Мария Владимировна Оболенская, окончившая Петербургскую консерваторию, до эмиграции концертировала во многих городах России, а также преподавала в ба-

кинской Императорской музыкальной школе. В Стамбуле пианистка открыла небольшую частную студию; кроме того, ее приглашали как аккомпаниатора на концерты исполнителей оперных арий и балетных номеров.

Большим уважением в Турции пользовалась пианистка Валентина Юлиановна Таскина (1902–1992). Приехав в Стамбул в ноябре 1920 г., она навсегда осталась здесь. Прожив в Турции 72 года, она считала ее своей второй родиной. Нам кажется, что читателю будет небезынтересно более или менее подробно ознакомиться с нетривиальной судьбой русской эмигрантки. Ее «Воспоминания…» (объемом примерно 20 машинописных страниц), составленные в 1985 г., Жак Делеон по просьбе уже тяжелобольной Таскиной в 1992 г. передал находившемуся в это время в Стамбуле академику Е. П. Челышеву. Она знала, что русский ученый готовит публикацию по проблемам российской эмиграции 1920–1930-х годов, но по состоянию здоровья не могла с ним встретиться. По словам Евгения Петровича, о таком подарке он мог только мечтать. К сожалению, о своей долгой жизни в Турции Таскина пишет очень мало, ограничившись лишь кратким изложением фактов своей биографии. Другая же, значительно бóльшая часть мемуаров, посвященная первым восемнадцати годам ее жизни – жизни в России, «изобилует деталями и подробностями, яркими описаниями давно минувших дней», что дает довольно полное представление о ее окружении, ее отношении к грозным событиям, происходившим на родине.

Валентина Юлиановна родилась в г. Грозном, где ее отец Юлиан Верженский (у Челышева, ссылающегося на английское издание Делеона 1995 г., – Юльян Верьенский; в использованном нами турецком издании Делеона 1990 г. – Verjensky) был акционером нефтяной компании; мать ее происходила из графского рода Строгановых. Получив наследство после смерти одного из потомков Строгановых, супруги Верженские, у которых было шестеро детей, купили дом в Кисловодске – «прелестном городке в горах Северного Кавказа, утопающем в зелени, с красивыми виллами», куда во времена дореволюционной, мирной жизни съезжалась русская аристократия. Валентина Юлиановна вспоминает завтрак у великой княгини Марии Павловны и то, как

один из ее братьев – 25-летний штабс-капитан Верженский – «был назначен в личную охрану великой княгини», которая в день его именин «подарила ему серебряный портсигар с короной, сапфиром и позолотой внутри». С детства Валентина увлекалась музыкой и в 7 лет начала обучаться игре на фортепьяно у лучших педагогов города; в 16 лет она окончила гимназию, «получив аттестат с золотой медалью». Наступил октябрь 1917 г. – революция «кровавая, безжалостная», затем началась Гражданская война. Валентина описывает грабежи и насилия, происходившие у нее на глазах.

Крупный деятель Белого движения генерал Богаевский (муж родной тети Валентины Юлиановны) не только один из главных героев ее воспоминаний – он первый, кого она упоминает в них. Об этом свидетельствует заголовок мемуаров – «Воспоминания В. Ю. Таскиной, племянницы Донского атамана Африкана Петровича Богаевского». Войсковой атаман Всевеликого Войска Донского Богаевский участвовал в боевых действиях сначала в рядах Добровольческой армии А. И. Деникина, затем – Русской армии П. Н. Врангеля, вместе с которой в ноябре 1920 г. отплыл из Крыма в Турцию; из Стамбула (здесь генерал активно занимался делами казачества, и здесь его семья испытывала немалые материальные затруднения) он переехал в Софию, потом в Белград, а с 1923 по 1934 г. жил в Париже, где и скончался.

В Кисловодске 17-летняя Таскина познакомилась с 22-летним бароном Константином – выходцем из старинного рода Клодт фон Юргенсбург. В январе 1920 г. молодые поженились. «Костя был одет в красивую военную форму танкового дивизиона…» – запомнилось Валентине Юлиановне. Но очень скоро пришлось в спешке собираться и уезжать из родного города: красные приближались к Минеральным Водам. С неимоверными трудностями молодожены прибыли в Новороссийск, где стоял поезд генерала Богаевского («поезд дяди Афри») с его личной охраной. Сам же генерал отсутствовал, находясь в это время в Крыму, откуда отправлял свою семью в Стамбул. В Новороссийске Валентина заболела тифом. Город спешно готовился к эвакуации, так что больную пришлось переправить в Феодосию. Константин вытащил ее из тифозного барака и отвез в Алупку. Он отправился на фронт только после вы-

здоровления супруги; она же прибыла в Севастополь к Богаевскому. Уговорив дядю отправить ее к мужу на фронт, Валентина в сопровождении казака прибывает в Джанкой – полевую ставку Врангеля, где в резерве находится 3-й танковый отряд, в котором в чине поручика-артиллериста служит ее Константин. Приближались последние бои за Крым. Поручику Константину Клодту фон Юргенсбургу судьба уготовила стать жертвой решающего сражения за Крым под Каховкой. Приказ о срочной эвакуации из Крыма уже был получен, но Валентина – упорно отказываясь верить в смерть мужа и считая, что «танк Кости попал в яму» и экипаж оказался в плену – уезжать не хотела. Однако жене белого офицера нельзя было рассчитывать на снисхождение, и ей все-таки пришлось вместе с офицерами танкового отряда и их семьями отправиться в Севастополь, где они погрузились на пароход, увозивший их на чужбину. «Мы уходили от смерти, но теряли нашу Родину навсегда!» – такими трагическими словами завершается российский период жизни баронессы Клодт фон Юргенсбург.

В Стамбуле Валентина некоторое время прожила в семье Богаевских, но, не желая быть для своих родственников обузой, стала искать работу. У нее была возможность устроиться в ресторан «Роз нуар» («Черная роза»), где работали «титулованные дамочки в красивых платьях и фартучках», но она ею не воспользовалась, считая такую работу для себя унизительной. Сначала она устроилась санитаркой и сиделкой в американском госпитале, затем воспитательницей в детском саду. Первые три года эмиграции Валентина прожила вместе с сестрой и братом, которые затем уехали во Францию.

Однажды она выступила в роли пианистки в любительском спектакле. Успешный дебют стал началом ее музыкальной карьеры, которая продолжалась в Стамбуле в течение всей ее жизни. Валентина Юлиановна работала таперщей в немом кинематографе, играла в ресторанных и других оркестрах, «стала первой пианисткой стамбульского радио» (вероятно, в 1927 г.). В 1923 г. она вышла замуж за А. А. Таскина, можно сказать, за своего коллегу – тоже тапера в том же кинотеатре. Ее второй муж окончил в Петербурге юридический факультет и эмигрировал в Константинополь

вместе с родителями. С тех пор как у Валентины появилась постоянная работа, она стала помогать сестре и брату, жившим в Париже. Когда не станет Таскина, Валентина Юлиановна соединит свою жизнь с Теодором Негропонти (Тодори), тоже музыкантом. Их гражданский брак продлится 47 лет.

Постепенно Таскина теряет всех своих родных и близких. «Я осталась одна. Мне уже 83 года, и я живу в Турции, считая ее своей второй родиной. Несмотря на мои годы, продолжаю с большим успехом музыкальную деятельность, получая от этого удовлетворение и сохраняя энергию, которая руководила мною всю мою жизнь», – заканчивает свои «Воспоминания…» В. Ю. Таскина (подробнее см. [Челышев 216–231]). И еще: «Прошли десятки лет. Я никогда не покидала Стамбул, вернее Бейоглу, даже в мыслях этого не было. Если бы я написала все, что знаю о Стамбуле, о Бейоглу, понадобились бы тома. А Россия – степи, поезда, снега, службы в православном храме – осталась в далеком прошлом» – приводит Ж. Делеон слова Валентины Юлиановны, которой он посвятил отдельный очерк, назвав его «Баронесса» [Deleon, 1990: 60–61].

«Симфоническая, камерная и оперная музыка зазвучала в Константинополе по почину русских» [На прощание XLVIII]. Кроме уже упомянутого оркестра И. Полянского, Жак Делеон приводит сведения о симфоническом оркестре Бутникова, в состав которого входило 50 музыкантов и который в 1922 г. дал 45 концертов в Стамбуле, и об оркестре под руководством прибывшего в Турцию в 1920 г. скрипача-виртуоза П. А. Замуленко, программа которого (оркестр играл в салоне самого престижного отеля «Пера Палас») включала произведения Чайковского, Бородина, Римского-Корсакова, Бетховена, Шуберта, Листа. Однако вот что об этом же музыканте в 1922 г. пишет константинопольский корреспондент издававшегося в Берлине русского журнала «Театр и жизнь» Григорий Рагозин (его публикация была помещена и в альманахе «На прощание»): «В фешенебельном отеле „Пера Палас“ Павел Алексеевич Замуленко дирижировал джаз-оркестром, в состав которого входили В. И. Поржицкий, А. де Матеи, П. Черковский, А. Иванов и В. Беккер». Как видим, сведения Делеона и Рагозина существен-

но разнятся. Но если между этими сообщениями есть разница временна́я, то изменения в репертуаре оркестра вполне возможны, поскольку некоторым классическим музыкантам в поисках заработка порой приходилось приспосабливаться к вкусам широкой публики. Так, знаменитый скрипач-виртуоз Жан (Иван Тимофеевич) Гулеско, с огромным успехом гастролировавший в России (его называли «любимцем русского императора»), в Стамбуле, куда после революции 1917 г. он эмигрировал с семьей, стал выступать в ночных заведениях с новым репертуаром – цыганским (впоследствии, уже в Париже, его дочь Лидия Гулеско имела бурный успех как исполнительница народных песен и цыганских романсов).

Между прочим, в Турции с давних пор была своя оркестровая музыка. Знаменитый автор «Книги путешествий» Эвлия Челеби (XVII в.) сообщает, что в его время в Стамбуле насчитывалось свыше 6000 музыкантов. Часть из них была на государственной службе и составляла особый, весьма почитаемый корпус *мехтеров*. В их обязанности входило «исполнение утренних серенад, посвященных падишаху и видным особам после их вступления в новую, еще более высокую должность». Кроме того, в определенный час «мехтеры должны были будить весь дворцовый персонал, дабы он успел приготовиться к утренней молитве». Другие музыканты делились на корпорации «соответственно тем инструментам, на которых играли»; они подчинялись своему шефу-*сазендебаши,* возглавлявшему 71 корпорацию «исполнителей на струнных, духовых и ударных инструментах». Именно эти музыканты давали частные концерты в *конаках* – домах богатых стамбульцев (см. [Мантран 323]).

Со временем султанам, двору и высокообразованной знати станет знакома и европейская музыка, равно как и западное искусство вообще. Так, академик Владимир Александрович Гордлевский пишет о поэтессе конца XIX в. Фатиме Нигяр: Нигяр-ханым владела французским, немецким и новогреческим языками, читала Ламартина, Мюссе, Гюго и Гейне, а от отца унаследовала склонность к европейской музыке, любила Чайковского (см. [Гордлевский 461]).

О европейской музыке в Турции пишет К. М. Базили, при этом нередко позволяя себе легкую иронию в адрес турок, что неудивительно. Выходец из богатой греческой семьи Константин Базили вынужден был бежать от турецких погромов из Стамбула в Россию. Учился он в лучших южнорусских учебных заведениях, после чего поступил на российскую государственную службу; в основном он трудился на дипломатическом поприще. В его «Очерках Константинополя» читаем, как в 1830 г. Махмуд II, султан-реформатор и «губитель янычар», на широкой долине Сан-Стефано (Ешилькёй) проводил смотр своим полкам. На смотре присутствовали европейские посланники и жители Перы, т. е. богатые горожане. Почетных гостей угощали обедом «в европейском вкусе». В то время как турецкие вельможи пили с гостями шампанское (видимо, оно не считалось греховным напитком) за здоровье падишаха (султана) и европейских правителей, музыканты исполняли то «Vive Henri IV!», то «God Save the King», то увертюры Россини. С тех пор как «султан заставил правоверные полки маршировать под итальянскую музыку», увертюры Россини полюбились многим туркам; во всяком случае, «их стали предпочитать […] дикому гудению прежних войсковых оркестров; но пение итальянское им кажется холодным, бесчувственным борением голоса с трудностями нот и ничего не говорит их страстям» (см. [Базили 92, 124]).

XIX столетие – это «период, когда спросом в гаремах на берегу Босфора пользовались итальянские оперы, когда падишахи выходили на пятничное приветствие под марши Россини и Гаэтано Доницетти, когда Ференц Лист давал концерты для османской династии в старом дворце Чираан», когда Джузеппе Доницетти – старший брат великого Гаэтано – занимал должность главного музыканта при султанском дворце и титуловался пашой. Султаны и принцы не только слушали европейскую музыку, но и сами создавали композиции, в основном в жанре вальса или европейского марша. Большую роль в том, что музыка османских дворцов стала доступной современным слушателям, сыграл Эмре Араджи – турецкий историк музыки, дирижер и композитор. С разными оркестрами он исполняет произведения, посвященные турецким пади-

шахам или созданные самими султанами, например: «Марш Махмудие» Джузеппе Доницетти-паши, «Марш для султана Абдулмеджида» Гаэтано Доницетти, «Султан Мюнире» Гуателли-паши, сменившего Джузеппе Доницетти на посту главного музыканта при султане, традиционные «Песнь» Селима III и «Песнь» Махмуда II (обе в аранжировке Гуателли-паши), «Приглашение на вальс» султана Абдулазиза, «Вальс ми бемоль мажор» Мурада V.

Султаны и их окружение имели возможность ознакомиться и с европейским классическим балетом. Известно, что во дворцы приглашались итальянские балетные труппы. Вообще-то в Турции существовал свой «балет», который сводился к своеобразному танцу, исполнявшемуся мальчиками-танцорами – *ченки.* Довольно полное представление об этом виде танцевального искусства дает тот же К. М. Базили. Оказавшись в очередной раз в Турции, Константин Михайлович побывал на торжествах по случаю женитьбы сына своего стамбульского приятеля.

«После обеда, – пишет Базили, – опять кофе, трубки, варенье и усладительная беседа. Потом открылся магометанский бал: загремел оркестр, составленный из двух цимбалов и нескольких тамбуринов с колокольчиками и погремушками. Артисты были жиды – это самое музыкальное племя из племен стамбульских; вошли в зал […] занимаемый нами, четыре ченки – так называются в Турции танцоры. Это мальчики от 12 до 18 лет, которые с малолетства посвящают себя служению мусульманской Терпсихоре и приготовляются особенными антрепренерами, обыкновенно армянами. Есть в Скутари особенное заведение, в коем содержится несколько трупп этих ченки для всех семейных праздников мусульман; оно пользуется даже покровительством вельмож, которые любят иногда снимать маску европейских вкусов и добродушно предаются коренным турецким удовольствиям, а в числе этих удовольствий ченки занимают весьма почетное место [Базели 121].

Можно сказать, благодаря беженцам из России – музыкантам, певцам, танцовщикам – европейская музыка вышла за пределы дворцов и наряду с русской стала исполняться в ресторанах, кабаре, кинотеатрах и других увеселительных заведениях Стамбула. Г. Рагозин писал: «Русский балет, оперетта, опера и русские концер-

ты были вереницей художественных вечеров […] на которые так часто сходились жители Перы, восхищавшиеся музыкальным и артистическим гением русских людей. […] Огромно было влияние русских и на ночную ресторанную жизнь на Босфоре. […] Почти во всех ресторанах, кабаре и кинотеатрах Константинополя выступали русские музыканты или целые русские оркестры».

Прежде чем перейти к русскому балету, коротко остановимся на эстрадных выступлениях россиян. В концертных залах «Каза д'Италиа» и «Юнион Франсез» с аншлагом проходили выступления Виктора Крюковского и его сестер Джеммы и Надежды. Танцевальные номера этого трио (народные танцы – гопак, камаринская, а также современные – фокстрот, чарльстон) перемежались «акробатическо-гимнастическими номерами». В репертуар артистов входили и турецкие песни XIX в. Виктор, изучивший турецкий язык, сумел положить на музыку «стихотворные строки знаменитых *кюльханбеев* [здесь: праздная молодежь] со склонов Галаты». В 1930 г. Крюковские уехали в Европу, а оттуда в Америку (см. [Deleon, 1990: 56–57]).

В знаменитом стамбульском Парке Гюльхане со своей труппой выступал Казбек (Михаил Турпаев), который завоевал мировую известность как непревзойденный исполнитель горских танцев с кинжалами. Уроженец Назрани, казачий офицер, он навсегда остался в Турции, прожил в Стамбуле до 98 лет, передав потомкам свой артистический дар: дочь Жале, в прошлом известная турецкая балерина, и сейчас живет недалеко от проспекта Истикляль (бывшая ул. Пера); ее старший внук Джан Акъюз – солист анкарской оперы; младший – Казбек Озсой – танцор хьюстонского оперного театра (США).

В Стамбуле оказалось немало классических танцоров и танцовщиц, но упомянем лишь некоторых, и в первую очередь Василия Карнецкого – танцора труппы Сергея Дягилева. Карнецкий – ученик Брониславы Нижинской, до дягилевского балета (где он солировал в «Спящей красавице» Чайковского и «Петрушке» Стравинского) танцевал в киевском театре. А стамбульцы увидели пластичного и изящного Карнецкого в композиции на восточные мелодии «Персидские ковры» и в «Испанской рапсодии» Равеля, а вместе с рус-

ской балериной Мартой Крюгер – в «Голубом поезде», «Шахерезаде» (хореографы Надеждин и Зимин) и «Вальпургиевой ночи».

В труппе В. Зимина солистами были балерины Трапполи и Е. Глюк. Спектакли оформлял молодой талантливый художник, которого ждала европейская слава, П. Ф. Челищев. О стамбульской постановке в театре «Пти-Шан» балета «Шахерезада» на музыку симфонической сюиты Римского-Корсакова «Шехеразада» писал все тот же Григорий Рагозин: «С исключительным успехом прошла „Шахерезада“ Римского-Корсакова, повторенная несколько раз. […] Блестящий и яркий балет завоевал публику. Прекрасный оркестр Бутникова, знакомого русским по кисловодским и харьковским сезонам, звучал превосходно. Шахерезаду танцевала Е. Глюк – исполнительница нашумевшего дивертисмента „Умирающий лебедь“ Сен-Санса. В балете ее танцу не хватало экзотики, колорита – всего того, чем так богата музыкальная палитра Римского-Корсакова. Пластичному и техничному В. Зимину не хватало „лица“: мимика была слабым местом у талантливого танцора. Массовые сцены, великолепно задуманные, не удались в отношении техники исполнения, что следует отнести за счет слабости сил кордебалета. В общем же, „Шахерезада“ была прекрасным зрелищем; после любительских, наскоро и неряшливо слаженных спектаклей это была подлинная победа русского искусства».

В Стамбуле выступала небольшая балетная труппа под руководством известного педагога Мариинского театра Евгении Степановны Воробьевой. В репертуар труппы входила не только балетная классика, но и народные танцы, в том числе древнееврейские, арабские, испанские, оригинальная интерпретация которых принесла Воробьевой известность еще в Петербурге.

Первую балетную студию в Стамбуле открыла прима-балерина Варшавского государственного балета О. А. Мечковская. К 1927 г. она подготовила около 50 танцовщиц.

Важная роль в создании европейского балета в Турции принадлежит другой русской балерине Лидии Крассе-Арзумановой, которая прожила в Стамбуле до конца своих дней. Родилась Арзуманова в Петербурге в 1897 г. По окончании хореографического учи-

лища она несколько лет (1912–1919) танцевала в российских театрах. В 1921 г. балерина прибыла в Стамбул. Здесь она открыла балетную студию. Первое выступление ее питомцев состоялось в 1931 г. в салоне Каза д'Италиа. Продолжая вести занятия в студии, Арзуманова в 1941 г. стала давать уроки в муниципальной консерватории района Тепебаши. В 1942 г. она создала школу танца при Народном доме[15] района Эминёню, и в этом же году там состоялся первый концерт 59 ее учеников. Признание к Арзумановой как мастеру хореографии пришло в 1944 г., когда ее воспитанников увидели в Анкаре на торжествах по случаю 12-й годовщины Народных домов. Концертную часть праздника открыл балет «Лесная сказка», музыку к которому написал тогда еще молодой турецкий композитор, а ныне признанный классик Аднан Сайгун. Это первый балет на музыку турецкого композитора. Спектакль имел большой успех у зрителей, среди которых были президент страны Исмет Инёню и другие высокопоставленные лица. Публика, как сообщала пресса, ждала новых балетов на турецкую музыку. И Арзуманова создавала их (это «Сад цветов», «Деревенская свадьба», «Сон Инджи», «Буря»), одновременно продолжая работать и как педагог. Кроме того, она ставила номера на музыку Брамса, Шумана, Листа и Глазунова. Последними ее работами как хореографа были трехчастная композиция на музыку Шопена и балетная пантомима «Антикварная лавка». Декорации и костюмы к ее балетам создавал художник из «белых русских» Н. К. Перов. Лидия Красса-Арзуманова (приняв мусульманство, она стала именоваться Лейлой Арзуман) скончалась в возрасте 89 лет, проведя последние 20 лет в доме своей любимой ученицы турецкой балерины Йылдыз Алпар.

В середине 1940-х годов в Турции была открыта первая государственная балетная школа; ее организовала специально приглашенная в Турцию знаменитая британская балерина ирландского происхождения Нинетт де Валуа (наст. имя Идрис Станнус; 1898–

[15] Народные дома в Турции начали создаваться в 1932 г. как культурно-просветительские и пропагандистские учреждения. См.: *Колесников А. А.* Народные дома в общественно-политической и культурной жизни Турецкой Республики. М., 1984.

2001) – создательница Лондонского Королевского балета (см. [And 326–327]). И именно она признается основателем балетного искусства в Турции, хотя многие считают, что эта заслуга принадлежит русской балерине Арзумановой.

Выше говорилось о русских оркестрах и русских музыкантах, работавших в кинотеатрах (вспомните оркестр Полянского и таперов-супругов Таскиных), куда приходили развлекаться жители столицы. Из «Летописи русского кинематографа за рубежом» можно получить лишь крохи информации, дающей некоторое представление о состоянии кинопроката за интересующий нас период (1920-е годы) в Стамбуле. Ниже приводятся соответствующие сообщения, взятые из русской эмигрантской прессы, в основном из популярнейших газет «Общее Дело», «Возрождение», «Последние Новости», «Русское Время», «Накануне», «Руль» и др., издававшихся в Париже или Берлине:

в периодической печати за *февраль, апрель и июнь 1920 г.* появилась следующая информация: «Продюсер И. Ермольев с группой кинематографистов (И. Мозжухин, Я. Протазанов, Н. Лисенко […] и др. – всего 20 человек) эвакуировались из Ялты в Константинополь». Затем они на пароходе отплыли из Стамбула и через Бизерту (Тунис) прибыли в Марсель. В мае группа переехала в Париж, где «занималась досъемкой и пересъемкой постановок, начатых в Ялте и Константинополе»;

20 марта 1920 г. В Константинополе состоялось открытие Русско-Американского Синематографа для показа «кинокартин из русской жизни – известнейших шедевров русской литературы и искусства»;

5 апреля 1920 г. В Русско-Американском Синематографе начинается показ фильма «Страх» режиссера Александра Волкова. «Тяжелая трагедия в 5-ти частях… Не одно сердце сжимается удручающей тоской, не одна слеза затуманит взоры тех, кто увидит эту сильную трагедию». *12 апреля в* Русско-Американском Синематографе демонстрируется фильм «Тайна королевы» (режиссер Яков Протазанов) с участием И. Мозжухина, Н. Лисенко, Ник. Римского и др. Фильм снят в Ялте. «Настоящей картиной кинематографом достигнута та вершина, до которой он никогда не поднимался»;

27 июля 1920 г. Из России в Константинополь прибыл актер и режиссер Георгий Азагаров, который в сентябре этого года собирается открыть учебную киностудию под собственным руководством; *29 июля* Григорий Либкин «организовал кинофирму с участием Веры Чаровой, А. Певцовой, Владимира Стрижевского, Георгия Азагарова и др.»;

21 августа 1920 г. Освобожден из-под стражи Григорий Либкин, арестованный за прокат австрийских фильмов без разрешения союзных властей;

сентябрь 1920 г. «В Константинополе начались работы учебной киностудии под руководством Георгия Азагарова». Кстати, *28 сентября* «Из Тифлиса в Батум и далее в Константинополь выехала труппа МХТ». Актер Иван Берсенев писал: «Сейчас мы направляемся через Константинополь в Сербию, Болгарию и Чехословакию. Поездка наша продолжится 2 месяца»;

ноябрь 1920 г. «При эвакуации из Крыма вместе с частями Добровольческой армии в Константинополь попало около пятисот российских артистов. Английская миссия способствует их отъезду в славянские страны» («Арлекин». Тифлис, 1920, № 51);

9 апреля 1921 г. «В синемá Magique состоялись показы хроникальной ленты „Поездка генерала Врангеля в Галлиполи и на Лемнос“»;

8 июня 1922 г. «Вечерняя Газета» сообщала, что в Константинополе открылась синематографическая студия Asia Film «для молодых людей и дам. Ангажемент гарантирован»;

20 и *23 января 1923 г.* та же газета писала о выпуске фильма «Тайны Босфора» турецкого режиссера Мухсин-бея Эртугрула, сценариста Не-Буквы (Ильи Василевского), с участием Эм. Сарматовой. «Эта „драма необузданной и неукротимой страсти“ была второй постановкой студии Григория Либкина после картины „Трагический Стамбул“ (вып. 1922)».

Мы выделили в отдельный абзац информацию о таком крупном кинодеятеле, как Александр Алексеевич Ханжонков (1877–1945), о котором Советский энциклопедический словарь 1988 г. сообщает нам, что «после Окт. рев-ции [он] работал на сов. киностудиях». Но *13 февраля 1921 г.* константинопольский альманах «Жизнь и

искусство» (№ 1) пишет, что «покинувший Россию в последнюю эвакуацию Крыма [1920 г.] Александр Ханжонков приехал в Константинополь, где открыл прокатную контору и демонстрировал на местных экранах постановки своей фирмы прошлых лет». В том же альманахе за тот же год и месяц напечатано, что крупные кинодеятели дореволюционной России «Александр Ханжонков, Дмитрий Харитонов и Александр Дранков[16] возобновили работу в Константинополе». Другой источник – от *7 апреля 1921 г.* В марте Ханжонков «открыл в Вене киностудию для съемок фильмов на русские сюжеты». *16* и *28 июля 1921 г.* «Последние Новости» сообщали, что Ханжонков организовал в Константинополе производственную компанию под названием «Кинофильма» с участием актеров Московскго художественного театра. «Им были анонсированы костюмные драмы на сюжеты турецких историй, демонстрировать которые предполагалось в собственном кинотеатре». Назовем еще две даты, которые хотя и не связаны с Константинополем, но дают возможность узнать, когда же этот выдающийся кинематографист вернулся на родину. В *1922 г.* «А. А. Ханжонков, производивший в последнее время в Вене очень интересные опыты с новым кинематографическим изобретением „Говорящий кинематограф“, ныне

[16] Александр Осипович (Абрам Иосифович) Дранков(1886–1949) – «один из пионеров российского кинопроизводства». Детство провел в Севастополе. Став фотографом-профессионалом, переехал в Петербург, где сделал блестящую карьеру. Николай II удостоил его звания «Поставщик Двора Его Императорского Величества»; он фотокорреспондент лондонской «Times» и французской «Illustration». В 1907 г. начинает снимать хроникальные фильмы в «Ателье А. Дранкова». Самым большим его успехом становится первая киносъемка Льва Толстого (1908). В те годы хорошо было известно о ревностном отношении друг к другу Ханжонкова и Дранкова. Их конкуренция иногда приводила к тому, что в прокате появлялись весьма похожие по тематике картины, например «Воцарение Дома Романовых» Ханжонкова и «Трехсотлетие царствования Дома Романовых» Дранкова. В ноябре 1920 г. Дранков эмигрирует в Стамбул, где, как уже упоминалось, он организовал тараканьи бега и, кроме того, зарабатывал «то ли кинопрокатом, то ли как держатель парка аттракционов». В 1922 г. он уезжает в США, где хочет снять фильм о любви Николая II и балерины Матильды Кшесинской, но все его начинания заканчиваются крахом. Не утвердившись в Голливуде, он открывает кафе в калифорнийском городишке, затем переезжает в Сан-Франциско, где до своей кончины работает в собственной компании Photo-Tone Service.

проживает в Берлине и в скором времени выезжает к себе в Москву» («Киноискусство», № 1); «*26 ноября 1923 г.* в Москве состоялся торжественный банкет московских кинодеятелей по случаю возвращения А. А. Ханжонкова» (Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 989, оп. 1, ед. хр. 10).

Мы уже упоминали о том, что «белые русские» изменили ночную жизнь Стамбула, но пока еще не представили читателю те яркие имена, которые, можно сказать, гремели в османской столице, и самих знаменитостей, в памяти которых «константинопольский период» оставил такой глубокий след, что они запечатлели это время кто в мемуарах, кто в рассказах.

Большой популярностью пользовался «русский грек» Юрий Спиридонович Морфесси (1882–1957) – опереточный и эстрадный актер, обладатель красивого, бархатного баритона, любимец публики дореволюционной России. Родился он в Афинах. Вскоре семья его переехала в Одессу. Здесь мальчик учился в коммерческом училище. Юношей его приняли в Одесский оперный театр. Со временем Морфесси подписывает контракты на работу в опереттах различных южнорусских городов. Так, в Ростове-на-Дону он поет в опереттах вместе с популярными тогда артистами, в частности с В. И. Пионтковской. С ней он еще встретится через много лет, когда они оба окажутся в Стамбуле. А пока что их приглашают в Петербург, где с большим успехом они выступают в варьете и концертных залах, а также в театре «Буфф», исполняя главные партии в оперетте Оффенбаха «Прекрасная Елена». Со временем (с 1912 г.?) Морфесси становится артистом эстрады – его репертуар составляют русские народные песни и цыганские романсы. Кстати, теперь пишут, что именно он, а не Петр Лещенко был первым исполнителем танго «Черные глаза». Несколько раз он выступал в приватной обстановке перед Николаем II и его семьей. После одного такого выступления, состоявшегося на яхте «Полярная звезда», император пожаловал певцу за прекрасное исполнение романсов запонки с бриллиантовыми орлами. До 1917 г. Морфесси гастролировал по всей России, выступал и в Харбине. В 1917 г. он возвращается с Дальнего Востока в Петроград («Октябрь уж наступил»). Когда он узнаёт о расстреле царской семьи, то покидает

неспокойную столицу, какое-то время выступает в Киеве и осенью 1918 г. приезжает в Одессу. Здесь, на первом этаже «Дома артиста», Юрий Морфесси открывает кабаре под своим именем и приглашает разных артистов, в том числе Надежду Плевицкую и Изу Кремер[17], Вертинского и молодого Утесова, участвовать в своей концерной программе. Когда Добровольческая армия оставила Одессу, он перебрался сначала в Ялту, а оттуда в Севастополь. В 1920 г. Морфесси уже в эмиграции – выступает в Стамбуле, затем срочно перебирается через Венецию и Прагу, в Париж. Он гастролирует почти по всей Европе. С началом Второй мировой войны Морфесси уезжает в Англию, а после ее окончании возвращается во Францию. В 1957 г. в Париже он умер в одиночестве и забвении (похоронен в Лондоне).

…В ноябре 1920 г. на греческом миноносце «Пантера», на который Морфесси попал как греческий подданный, он пересекает Черное море и прибывает «в Константинополь, этот сказочный город, с восемью деникинскими тысячерублевками – „колокольчиками“, что по тогдашнему курсу было равно нескольким турецким пиастрам. Некоторое время, – пишет Юрий Спиридонович в своих мемуарах, – я был в унынии, пока не встретил Валентину Ивановну Пионтковскую. Она была директрисой театра „Паризиана“, где

---

[17] Изабелла Кремер (1887–1956) родилась в Бессарабии. Два года (начиная с 1912 г.) училась пению в Милане. В Одессе с успехом выступала в операх («Богема», «Травиата»), иногда пела в опереттах. Затем она переключилась на жанр «интимных песенок», ко многим из которых сама писала слова, а иногда просто переводила французские, итальянские и испанские куплеты на русский язык. Умело подбирая сценический костюм, она создавала разные образы: то Гавроша, то французской гризетки, то строгой английской леди. В разных городах, в том числе в Петербурге и Москве, она неизменно завоевывала публику. В 1920 г. певица вместе с мужем отплыли в Константинополь; первое время она выступала в заведении Ю. Морфесси, но после серьезной ссоры с ним работала у Томаса в кабаре загородного сада «Стелла». Уехав в США, Иза записывает на пластинки украинские и русские песни, романсы, затем гастролирует в Германии и Англии (одна лондонская фирма записала несколько ее песен, в том числе очень известные в то время «Мадам Лулу» и «Черный Том»). Кроме того, она снималась в кино. Некоторые считают, что ее творчество перекликается с «печальными песенками» Вертинского, иные называют Клавдию Шульженко «прямой наследницей Изы».

собирались по вечерам сливки экспедиционного корпуса»[18]. Пионтковская пригласила его петь в театре за гонорар 35 лир в сутки. Кроме того, он получал «от офицеров союзных армий и флотов денежные подарки за частные выступления в их интимной компании». Так что, «покидая на заре театр, – пишет Морфесси, – я уносил в карманах валюту всех стран: американские и мексиканские доллары, турецкие, английские и египетские фунты, французские и бельгийские франки, итальянские лиры и греческие драхмы».

Когда «Босфор запрудился […] кораблями флотилии Врангеля», образовав «клочок плавучей России», Морфесси организовал бродячий хор, который под мандолины и гитары давал концерты «на улицах, на площадях, во дворах турецких министерств, возле иностранных посольств, под окнами богатых левантийцев, армян и греков. Деньги сыпались как из рога изобилия. Особенно щедры были турки, влюбленные в русских дам. Мы, – вспоминает Морфесси, – пели им сентиментальные романсы, а они, расчувствовавшись, давали нам по пятидесяти и по сто лир». Несколько дней подряд, артисты, накупив провизии, фруктов, минеральной воды и погрузив всё это на ялик, подплывали к пароходам с беженцами и раздавали все свои запасы, главным образом детям и женщинам»; «помощь […] была довольно значительной и в моральном отношении: она давала понять соотечественникам, что о них помнят те, кто оказался в лучших условиях».

Благодаря работе в «Паризиане» Морфесси вскоре удалось скопить 2 тыс. турецких лир, но, некий служащий банка в Галате, а «в прошлом маленький актер […] соблазнил его на одну финансовую комбинацию, «носившую патриотический характер», и в результате все свои деньги он потерял «самым безнадежнейшим образом». Из теат-

[18] В другом источнике читаем: «Известный оперный певец Владимир Петрович Смирнов сочетал в Константинополе культурную деятельность с предпринимательской. Вместе с женой Валентиной Пионтков[ск]ой он открыл варьете „Парижанин“, где собирались элитарные круги русской эмиграции, поставил „Прекрасную Елену“ Оффенбаха и одновременно с этим основал водочный завод» [Челышев 191]. Есть сведения, что в 1923–1925 гг. певица жила во Львове (Польша), была соучредителем Торгового дома «Петр Смирнов и Сыновья». Затем переехала во Францию – выступала на вечерах и концертах в Ницце и в артистических кабаре на Ривьере.

ра Морфесси ушел. Ему пришлось серьезно задуматься о своей дальнейшей жизни. «Но свет не без добрых людей, – пишет он. – По странной иронии судьбы в нашем беженском, взбаламученном мире этими добрыми людьми оказывались большею частью наши недавние враги по Великой войне – турки. Много трогательных страниц можно было бы заполнить описанием того, что делали в частном, интимном порядке для наших беженцев отдельные турки. Такой „отдельный“ турок выпал и на мою долю. Это был богатый, европейски воспитанный и образованный паша, очень мало живший в Константинополе и очень много живший в Европе. У него имелся роскошный особняк, в котором он не останавливался, навещая изредка столицу своей родины и предпочитая апартамент в отеле Пера Палас. Он и предоставил его вместе с многочисленной прислугой – от поваров до лакеев-нубийцев – в мое полное распоряжение. На одном этаже я устроил «ресторан с концертной программой», на другом – «гостиные комнаты» и библиотеку, на третьем – карточный клуб. Если к этому добавить «волшебный тропический уголок в виде зимнего сада, то будет понятным, почему устремились к нам и дамы, залитые бриллиантами, и те сливки экспедиционного корпуса, которым я был хорошо известен по „Паризиане“».

«Главным директором этого предприятия» был Морфесси, а его «главной сотрудницей» – Иза Кремер. Однажды в ресторане состоялся «особенно парадный вечер», на котором присутствовали адмиралы всех иностранных флотов и почти весь штаб командующего союзными силами на Ближнем Востоке. «Настроения в этой среде были явно монархические, по крайней мере по отношению к России. По требованию публики оркестр исполнил русский гимн. Все встали как один человек. Все, за исключением Изы Кремер. Она демонстративно продолжала сидеть». Тогда к «главному директору» подошел французский полковник, увешанный орденами, и в резкой форме выразил ему свое возмущение по поводу его сотрудницы – дамы, которая смеет «сидеть, когда все слушают гимн стоя – все, до высших чинов нашей армии и флота!». И без того разгневанный Морфесси, подойдя к Изе, отчитал ее за плохое поведение и, чтобы посильнее уязвить свою подчиненную, добавил: «До сих пор я отказывался верить, что в Одессе, во дни большевиков, вы пели в местной чрезвычайке одетая во все красное, но

после того, что произошло, я не сомневаюсь, что это было именно так!» Иза Кремер начала ему что-то возражать […] Морфесси «не сдержался и резко потребовал» от нее немедленно покинуть зал.

Вскоре не стало богатого благодетеля – владельца особняка. Наследники не были склонны к меценатству, и особняк пришлось покинуть. Найти новое помещение оказалось непросто: все лучшие места были разобраны. Морфесси вместе с Настей Поляковой арендовали «маленький полусад, полупустырь», который находился неподалеку от загородного сада „Стелла" с рестораном, принадлежавшего «московскому негру» Томасу. «В результате из поганого пустыря мы сделали петербургский летний „Буфф" в миниатюре. Выросли легкие, изящные павильоны, киоски, дорожки были усыпаны каким-то необыкновенным гравием. Весь сад так ослепительно был залит электричеством, что над ним стояло багровое зарево, видимое издалека. У подъезда – шесть дуговых фонарей, в буквальном смысле слова небо пылало заревом. Потускнела томасовская „Стелла". […] публика, направляющаяся в „Стеллу", не доезжая, заворачивала к нам в „Стрельну" и у нас уже бросала якорь. На амплуа гарсонов у нас были светские и титулованные русские дамы […] Мы процветали, больше чем процветали – блаженствовали. […] Тяжелой, надгробной плитою оказался прозаический подоходный налог». Турецкие чиновники, постоянные и желанные посетители «Стрельны», уверяли хозяев ресторана, что этот налог – «лишь буква закона, не более» и что они позаботятся о том, чтобы владельцам заведения ничего не пришлось платить в турецкую казну. И владельцы легкомысленно верили налоговым чиновникам. Так вот, «в одно скверное утро» Морфесси получил повестку с требованием уплатить в кратчайший срок подоходный налог в сумме 5 тыс. лир (и тут он вспомнил конфликт с Изой Кремер). В противном случае ему грозила тюрьма. «Чудесный народ турки, но, – пишет Морфесси, – ужасны их тюрьмы», и я решил без всяких промедлений «покинуть берега Босфора […] А то, что турецкая казна не получит подоходного налога с меня, русского беженца и греческого подданного, – право же, в этом грех небольшой для меня и еще меньший для казны. Да, кстати, мое греческое подданство усугубило бы мои тюремные страдания, ибо, как известно, турки особенной нежности к грекам не питали и не питают. Итак, жребий брошен! В полдень я еще завтракал у Токатлиана в обществе моих дру-

зей и знакомых, а в час дня был уже на борту итальянского парохода „Клеопатра“ и был забронирован экстерриториальностью. […] Мою скитальческую судьбу разделила часть моих артистических друзей и соратников по работе в последнем нашем прибежище во главе с Настей Поляковой. После этого краха наши финансы были совсем не блестящи, наше ближайшее будущее было туманно» [Морфесси 131–135].

Талантливые и знаменитые артисты Морфесси и Вертинский, как это водится, были соперниками. В своих воспоминаниях каждый из них представляет своего конкурента в более чем неприглядном виде. Шаляпина покорил тембр голоса, задушевность Морфесси, и он назвал его «Баяном русской песни». Вертинскому он подарил свой портрет с пафосной надписью: «Великому Сказителю Земли Русской от…». А попросту говоря, Федор Иванович любил послушать и того, и другого.

Благодаря концертам Александра Вертинского (1889–1957), бывшего в Стамбуле едва ли не самой заметной фигурой ночной жизни, особой популярностью пользовалось кабаре «Роз нуар» («Черная роза»). В Турции он оказался, будучи уже известным в России артистом.

Реклама кабаре «Роз нуар»

Во время эвакуации из Крыма врангелевской армии Вертинский находился в Севастополе. До этого он с успехом гастролировал по южным городам России, где сохранялась власть белых. Александр Николаевич покинул Севастополь на пароходе «Великий князь Александр Михайлович». Выехать из города гражданским лицам было непросто. Но капитан парохода, грек по национальности, оказался одним из многочисленных приятелей общительного Вер-

тинского, умевшего очаровывать и располагать к себе людей. Прибыв в Стамбул, Вертинский имел возможность сразу поселиться в самом роскошном отеле «Пера Палас».

Эта гостиница была построена для размещения пассажиров I класса, прибывавших в Стамбул на «Восточном экспрессе», который начал курсировать в 1883 г. Здесь останавливались британский король Эдуард VIII и британская королева Елизавета II, император Австрии и король Венгрии Франц Иосиф, другие особы королевской крови и первый президент Турции Мустафа Кемаль-паша Ататюрк (в № 101 отеля устроен его мемориальный музей), а также Хемингуэй, Агата Кристи, Иегуди Менухин, Сара Бернар и другие мировые знаменитости, о чем теперь сообщают медные таблички на дверях некоторых номеров. Отреставрированный в 2006–2010 гг., сохранивший старинный облик, оригинальные интерьеры и узорчатую кованую чугунную шахту лифта, «Пера Палас» входит в разряд самых престижных и комфортабельных отелей Стамбула.

Вертинский на паях с «бывшим куплетистом Российской империи номер один» Станиславом Францевичем Сарматовым открыли «Русский трактир». А по словам другого эмигранта из россиян, «на улице Пера открылся русский ресторан с полотняной вывеской над входом „Трактир Сарматова и Вертинского“». Дела шли неплохо, пока компаньоны не рассорились.

Но везение не покидало Вертинского. О том, что артист находится в Стамбуле, проведал состоятельный предприниматель, владелец пекарен и булочных Нуреттин-бей. В прошлом сотрудник турецкого посольства в Петербурге, он познакомился с Вертинским еще в России и полюбил его песни. Нуреттин-бей помог певцу – открыл на ул. Пера для него кабаре «Роз нуар». О местонахождении этого заведения оповещал большой фонарь из матового стекла с изображенными на нем черными розами. Заведовала рестораном, где официантками «служили русские дамы света», очень красивая женщина из беженок-дворянок Наталья Хомякова, которая в начале 20-х годов вышла замуж за бо-

гатого турецкого предпринимателя Альберта Делеона (их обоих мы уже упоминали).

Концерты Вертинского в «Роз нуар» приходили слушать многие, начиная от руководителей союзной администрации и союзных войск, дипломатов, бывших членов Государственного Совета до финансистов, писателей, «актрис и балерин самых знаменитых в России трупп» [Макаров 126]. Александр Николаевич довольно подробно описывает свои выступления в этом кабаре и вообще свое пребывание в Стамбуле. Вот отрывок из его воспоминаний:

«Я пел в „Черной розе“, конечно, не свои вещи, которые иностранцы не понимали, а преимущественно цыганские, веселые – с припевами, в такт которых они пристукивали и раскачивались. Это нравилось. Почти ежевечерне по телефону заказывался стол верховному комиссару всех оккупационных войск адмиралу Бристолю[19]. Он приезжал с женой и со всей своей свитой, пил шампанское и очень любил незатейливую гусарскую песенку „Оружьем на солнце сверкая“, которую я пел, искусно заправляя ее всякими имитациями барабанов и военных труб. Тратил он очень много, и мой патрон был в восторге. А за адмиралом тянулась и остальная денежная публика. Постепенно меня стали приглашать на официальные банкеты и приемы в посольстве – я танцевал с пожилой адмиральшей и разговаривал по-французски, ибо английского не знал. Однажды адмирал пригласил меня даже обедать на свой флагманский корабль. В это время Кемаль-паша, будущий создатель новой Турции, сидел в Анатолии, ощетинившись всеми верными ему штыками, и не обращал внимания на угрозы союзников. Американские и английские корабли блокировали анатолийское побережье. Воевать победителям не хотелось. Где-то шли какие-то переговоры, а пока остальная Турция с султаном во главе была изолирована от мира.

---

[19] Адмирал Марк Бристоль– верховный комиссар США в Стамбуле. Благодаря ему в американском консульстве началась регулярная выдача виз русским беженцам и несколько тысяч человек выехали из Стамбула в Нью-Йорк.

Однажды я был приглашен в „Ильдиз-Киоск“ [Йлдыз кёшк] – к султану на „селямлик“[20]. Приехал я со своим оркестром и в ожидании выхода султана стоял в приемном зале дворца, разговаривая со знакомыми дипломатами. Тогдашний греческий атташе Псилари объяснял мне, как надо заводить роман с турчанками, чтобы не повредить их репутации. Я слушал и смотрел в окно. По ритуалу до приема султан должен был посетить мечеть. Мечеть находилась тут же, в ограде дворца, и вскоре показалось его ландо, запряженное шестеркой белых лошадей. Султан в блестящем, расшитом золотом мундире, с лентой и орденами сидел один, а с боков коляски в полных парадных одеяниях и также при всех орденах и регалиях пешком бежали его министры, положив руку на крыло экипажа. Полюбовавшись парадом, я отошел от окна. […] Вечером после приема, вдоволь напевшись, я получил в подарок ящик личных сигарет султана из чудесного турецкого табака, с длинными картонными мундштуками, украшенными его эмблемой» [Вертинский 133–134].

Вертинский с успехом пел еще и в популярном «загородном саду „Стелла“ с рестораном», который был открыт бывшим хозяином московского кабаре «Максим» Федором Федоровичем Томасом – «московским негром, а точнее, мулатом [...] потомком одного из арапов Петра Великого или прочих русских царей и князей». В Стамбуле Томас стал и преуспевающим антрепренером (см. [Макаров 131]).

Кстати, в одном из многочисленных описаний «русского Константинополя» говорится, что в загородном саду «Стелла», где «открыл кабаре знаменитый московский негр Ф. Томас, играли русские музыканты, танцевали русские балерины, а русские дамы пленяли сердца американцев, англичан и французов».

Однако подошел момент, когда Вертинский понял, что «стамбульский привал» закончен. Надо уезжать. Но куда и как, если на руках только свидетельство о рождении и больше никаких документов. Идея вывезти Вертинского в Бессарабию (с 1918 по 1940 г. эта историческая область входила в состав Румынии), где русскоязычному населению наверняка будут по душе песни знаменитого артиста, пришла в голову его импресарио, который добыл для

[20] *селямлык* – здесь торжественный выезд султана в мечеть по пятницам.

Вертинского паспорт на имя греческого подданного Александра Вертидиса. Путь в Бессарабию (через Констанцу) был открыт. А потом, с 1923 г., страны, страны… Польша, Франция, Америка, снова Франция, затем на долгие годы Китай (Харбин и Шанхай) и наконец – в 1943 г. – возвращение в Россию.

Наряду с «Черной розой» престижным и популярным увеселительным заведением в Стамбуле был возрожденный севастопольский театр-кабаре «Гнездо перелетных птиц» Свободина и Аверченко, попеременно работавший «то в зимнем саду ресторана „Русский очаг“, то в ресторане „Паради(з)“». Его посещала русская денежная публика, да и иностранцы сюда заглядывали. Пресса писала: «Пооткрывалось несметное количество кабаков на все вкусы и карманы. „Черная роза“ с Вертинским, „Гнездо перелетных птиц“ с Аверченко и Свободиным. Их главные клиенты – американцы, обильно расшвыривающие доллары, и русские, пропивающие с бесшабашным отчаянием добытые тяжелым трудом турецкие лиры или последние остатки ювелирного барахла». В «Гнезде…» разыгрывались миниатюры и пьесы Аверченко.

Это кабаре было создано бывшим артистом императорских театров Владимиром Павловичем Свободиным еще в Севастополе; Аверченко поначалу выступал в нем как автор-чтец, а впоследствии стал художественным руководителем труппы этого театра. Как вспоминал посетитель «Гнезда…», люди ходили в этот «интимный театр» из-за Аверченко, который был там «главной персоной» – во всяком случае, «никаких других имен память не сохранила». Писателя (сатирика, юмориста и драматурга), журналиста и театрального критика Аркадия Тимофеевича Аверченко называли «королем смеха»[21].

---

[21] Приведенный ниже материал об А. Т. Аверченко (1880/1881–1925) – помимо цитируемых нами воспоминаний Н. Н. Чебышева – основывается на материале двух исследований: «Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко» и «Аркадий Аверченко» (см. соответственно [Левицкий, 1999] и [Миленко, 2010]).

Американец русского происхождения Димитрий Александрович Левицкий (сын офицера русской армии, убитого в 1918 г.) окончил юридический факультет Латвийского университета (1935); работал в сфере страхования; при немцах занимал ответственную должность в некой общественной организации. Участник

Аверченко, яростный противник нового режима, покидает Петроград после того, как в августе 1918 г. запретили его журнал «Новый Сатирикон». Его чуть было не арестовали, но он успевает за два дня до ареста уехать. Чтобы замести следы, ему пришлось основательно поколесить по городам Южной России (Киев, Харьков, Ростов, Екатеринодар, Новороссийск, Севастополь, Мелитополь, опять… Севастополь). «Ты гонял меня по всей России, как соленого зайца», – напишет Аверченко в 1921 г. в своем «Приятельском письме Ленину». А пока, отступая вместе с Белой армией на юг, он снова оказывается в родном Севастополе, где пробыл два года. Здесь он работает в газете «Юг» (позднее переименованной в «Юг России»), в которой публикует свои юмористические рассказы о повседневной жизни города и желчно-сатирические – об участи России. По заказам управления Генерального штаба Белой армии Аверченко пишет «юмористические прокламации, распространявшиеся в Красной армии». В то же время Аверченко призывает состоятельных граждан города «жертвовать на нужды Добровольческой армии», а также устраивает концерты, сборы от которых поступают в Комитет по оказанию помощи вдовам, сиротам и пострадавшим чинам Белой армии. 10 ноября 1920 г. в газете «Юг России» публикуется его последний фельетон. До занятия Севастополя Красной армией остается несколько дней. Аверченко, который «не торопился с отъездом», едва успевает эвакуироваться из Крыма. «Могу с гордостью сказать, – ответит Аркадий Тимофеевич интервьюеру, – что держались мы до последнего, но когда нас оттеснили так, что мы уже висели на кончике крымской чер-

---

Власовского движения. С приближением советских войск эвакуировался в Берлин. В США находится с 1951 г. Окончив славянский факультет Пенсильванского университета (куда он поступил в 56 лет), защитил докторскую диссертацию «Жизнь и литературное наследство Аркадия Аверченко» (1969), став фактически первым биографом русского писателя-сатирика; в 1973 г. в Вашингтоне вышла первая, биографическая часть этой диссертации под названием «Аркадий Аверченко: жизненный путь». Левицкий – автор множества статей, публиковавшихся (иногда под псевдонимом А. Димов) в разных изданиях Нью-Йорка, в журнале «Посев» (Франкфурт-на-Майне), в парижской газете «Русская Мысль».

номорской скалы, пришлось плюхнуться в море и приплыть к гостеприимным туркам».

В январе 1921 г. в Стамбуле появился журнал «Рождественский Сатирикон Аркадия Аверченко», куда вошли два рассказа писателя и его маленький фельетон «Изречения великих людей». В журнале помещено также «объявление», рекламирующее театр: «ВСЕ МЫСЛЯЩИЕ РУССКИЕ должны проводить праздничные вечера в „Гнезде перелетных птиц". Это времяпрепровождение очень проясняет мысли и накладывает на все лица отпечаток истинной осмысленности. „Гнездо перелетных птиц" смело можно назвать Академией Изящного Вкуса, Истинной Красоты и Прекрасного Интеллекта. Человек отличается от животного главным образом тем, что он улыбается. Мы заставляем улыбаться – значит, мы (т. е. Гнездо) совершенствуем всякое человекообразное, возводя его на высшую ступень…». Кроме того, в журнале сообщалось, что на Рождество в «Гнезде…» (театр открыл сезон в помещении ресторана «Паради(з)» на ул. Пера) шла пьеса Аверченко «Флирт Розенберга». Кстати, концерты в «Гнезде…» всячески рекламировала эмигрантская «Пресс дю Суар», в которой Аверченко сотрудничал.

Работу в театре и газете писатель совмещал с участием в издании еженедельника «Зарницы». Кстати, в историю русской прессы журнал вошел в основном благодаря Аверченко. Рассказы свои и отдельные фельетоны Аверченко печатал под своим именем, а серию мелких юмористических вещиц, которые выходили под общим заголовком «Пауки в банке», подписывал псевдонимом Медуза Горгона. Например, в «Зарницах» от 10 июля 1921 г. (№ 15) было помещено «Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко». В этом фельетоне писатель обращается к вождю в высшей степени фамильярно – на «ты», называя его то «Володя», то «голубчик», то «дружище Вольдемар». Вот отрывок из письма, где его автор дает «неограниченному властителю всея России» «дружеский совет – выгони Троцкого, распусти этот идиотский ЦИК и издай свой последний декрет к русскому народу, что вот, дескать, ты ошибся, за что и прино-

сишь извинения, что ты думал насадить социализм, но что это для отсталой России „не по носу табак“, так что ты приказываешь народу вернуться к старому, буржуазно-капиталистическому строю жизни, а сам уезжаешь отдыхать на курорт. Просто и мило! Ей-богу, плюнь ты на это дело, ведь сам видишь, что́ получилось: дрянь, грязь и безобразие».

Постоянный сотрудник «Зарниц», Аверченко сблизился со своим знакомым еще по Севастополю Н. Н. Чебышевым – напомним, главой Бюро русской печати и издателем этого еженедельника. Николай Николаевич в своей книге «Близкая даль» запечатлел образ знаменитого юмориста в пору его беженской жизни в Стамбуле:

«Я точно знал день и час, когда винтовая лестница задрожит под тяжелой поступью и на моих антресолях, где постоянно горело электричество, появится массивная фигура тщательно одетого и причесанного женпремьера[22], с бритым лицом, толстыми губами, неодинаковостью взгляда из-под пенсне. Я безуспешно старался уловить взгляд. Глаза смотрели по-разному, как будто совсем не смотрели. Тогда я не подозревал, что зрение было больное и что Аверченко хранил в памяти предостережение окулиста, за год перед смертью оправдавшееся. Ему спешно пришлось удалить глаз.

Аверченко был приятен в общении. Для юмориста это вовсе не обязательно. Юмористы часто ипохондрики. Может быть, юмор – спутник ипохондрии. Смешить и смеяться самому – не то же самое. Кинематографический комик Чаплин утверждает, что „смешить – дело в высшей степени серьезное“.

Аверченко любил сам посмеяться. Константинополь того времени был сокровищницей впечатлений. Мы поверх всех осевших здесь исторических пластов хлынули сюда своим русским наслоением, быстро распылились и затвердели своеобразными памятниками времени.

Популярности Аверченко способствовал помимо таланта благодушный, доброжелательный нрав, дар легко сближаться. Он был незаменим за столом. Качества сотрапезника ценятся у всех наро-

[22] От *франц.* jeune première – «первый любовник».

дов. Стаж английского адвоката приобретается испытанием совместными товарищескими обедами. Аверченко любил покушать. И в произведениях его еда занимала значительное место. Он умел уходить в маленькие радости жизни, садился за стол у „Карпыча“ в [саду] „Пти-Шан“ с выражением проникновенного благополучия. Казалось, точно он после треволнений дня входил в тихий порт. Он бережно наполнял рюмки и незаметно руководил дальнейшим направлением обеда, устанавливал всему порядок и черед, избегая чрезмерной торопливости.

В актив Аверченко надо записать, что в обиходе в нем не проявлялся ни писатель, ни острослов. Он не злоупотреблял анекдотом. У него не замечалось сценического напряжения, свойственного литературным львам. Он отлично слушал, не стремился завладеть разговором, по производимому на меня впечатлению был скорее скромен, даже застенчив, впрочем, не без известного себе на уме.

Он чуял малейшее дуновение пошлости. В одной парижской газете однажды был помещен огромный фельетон с пространным описанием всех ужасов „твердого знака“. Фельетонист важно поучал: „Если ваша библиотека насчитывает тысячу томов, то из них 43 заняты исключительно ъ“.

Статья ничего особенного не представляла. Все это знали. Но Аверченко что-то защекотало, и в обзоре печати в „Зарницах“ Медуза Горгона отметила: „Я могу привести … еще более яркий пример: при существовании твердого знака у меня в Петербурге была библиотека в 700 книг, а теперь, когда твердый знак уничтожен, – ни одной книги не осталось“» [Чебышев 130–131].

В театре Всероссийского земского союза весной 1921 г. Аркадий Аверченко «устроил свой вечер, первый в Константинополе. В программу этого вечера вошли его рассказы, прочитанные самим автором, и пьесы с его же участием в качестве исполнителя. […] Очень желательно, – пишет рецензент „Зарниц“ от 22 мая (№ 10), – чтобы писатель не ограничился только одним вечером. Хороший, здоровый смех в нашей беженской, убогой жизни – явление дорогое» (под инициалами рецензента *И. С.* скорее всего име-

ется в виду постоянный сотрудник еженедельника писатель Илья Сургучёв).

В Стамбуле увидели свет три книги Аверченко: «Записки Простодушного» (издана в сентябре 1921 г.; 2-е изд. Прага, 1923), «Кипящий котел» и «Дети» (обе в 1922 г.). Как и в Севастополе, писатель в этот «константинопольский период» своего творчества в основном обращается к двум темам – «русская революция» и «беженский быт».

Его сатирико-юмористический сборник «Записки Простодушного» (24 рассказа) можно назвать «энциклопедией эмигрантской жизни». Бывшая актриса столичного театра, а ныне горничная в совершенстве владеет языком «дна»; некогда боевой генерал теперь работает швейцаром; барон продает «тещины языки» на ул. Пера – вот обычные герои стамбульских рассказов писателя. Но есть у него и совсем другие персонажи, выведенные в рассказах с выразительными названиями «Константинопольский зверинец» и «Второе посещение зверинца». Это мошенники, карточные шулера и авантюристы. А то и просто бандит «с каменным, неискусно высеченным лицом», который, выследив на улице влюбленную пару, отзывал мужчину в сторону и шептал ему: «Лиру или в морду!», после чего получал требуемое от любого человека, не желавшего опозориться в глазах девушки и готового отдать даже последние деньги. Один жулик, например, занимался тем, что организовывал концерты, но при этом ему «всегда не хватало одной маленькой подробности – самого Шаляпина». В общем, заключает Аверченко, «доконал Константинополь русского „Простодушного“. Целый ряд лет еще промелькнет перед нами… Но все эти годы уже будут обвеяны мудростью, хитростью и, может быть, жестокостью. Выковали из нас – благодушных, мягких, ласковых дураков – прочное железное изделие».

Относительно следующего сборника литературный критик и очеркист Петр Пильский писал в рижской газете: отличительная особенность книги «Кипящий котел» – «красочное изображение крымской злободневности». А сам Аверченко сказал, что «мой ки-

пящий котел это Крым эпохи „врангелевского сидения" – пребывания в осажденном Крыму».

В сборнике «Дети» постреволюционные события описаны через восприятие их детьми. Автор раскрывает особенности детской психологии и уникальной фантазии. Для Аверченко дети – воплощение чистоты, искренности, достоинства и здравого смысла. Первый рассказ после авторского Введения называется «Руководство к рождению детей».

Особенный резонанс вызвала одна из самых антисоветских книг писателя – «Дюжина ножей в спину революции». Публиковавшиеся в севастопольских газетах «Юг» и «Юг России» фельетоны составили ее содержание. Впервые, в 1920 г., она была издана «во врангелевском Крыму симферопольским издательством „Таврический голос"», а затем, в 1921 г., вышла в Париже, когда Аверченко еще оставался в Стамбуле. В сборнике – авторское предисловие и 12 рассказов. Их герои – рабочие, купцы, чиновники, дворяне, военные – с ностальгией вспоминают прошлую жизнь. Возможно, сборник и не привлек бы столь повышенного внимания, если бы 22 ноября 1921 г. в газете «Правда» под заголовком «Талантливая книжка» не появилась рецензия Ленина. Владимир Ильич, представляя читателю автора, характеризует его как «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца» (вообще-то, Аверченко в Белой армии не служил, так что, вероятно, после этих публикаций слово «белогвардеец» стало считаться синонимом слова «контрреволюционер»). Рецензент пишет: «Интересно наблюдать, как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки. Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни. Злобы много, но только непохоже […] чтобы о них [т. е. о недостатках вождей] талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете. Зато […] с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, объевшейся и объедавшейся России. Так, именно так должна казаться революция представителям ко-

мандующих классов. Огнем пышущая ненависть делает рассказы Аверченко […] яркими до поразительности. […] До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России […] Автор описывает это прямо со сладострастием: вот это он знает, вот это он пережил и перечувствовал, вот тут уже он ошибки не допустит. Знание дела и искренность – из ряда вон выходящие. […] Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять».

Автор книги об Аверченко В. Д. Миленко предполагает, что эта рецензия Ленина «готовила почву для дальнейших шагов по „заманиванию“» Аверченко в советскую Россию. Тогда же в Берлине «шла психологическая обработка Алексея Толстого, который сделался эпицентром идеологического раскола» эмиграции. Желание Толстого вернуться на родину разделял, например, журналист И. М. Василевский. Напомним, что именно в это же время белый генерал Я. А. Слащёв в поезде Дзержинского возвращается в Москву. Что это, случайное совпадение? Вряд ли.

Благодаря ленинской рецензии и по предложению вождя некоторые советские газеты, начиная с «Правды» и «Известий», стали помещать у себя фельетоны и рассказы сатириков-эмигрантов, разумеется, снабжая их собственным критическим разбором. Предметом исследования советских критиков стало творчество Аверченко. В 1922 г. в Советском Союзе вышел его сборник «Записки Простодушного (Эмигранты в Константинополе)». На обложке – «шаржированный портрет автора: поникший, оборванный эмигрант Аверченко с сиротским саквояжиком и зонтиком в сведенных руках». Вряд ли такое издание могло порадовать писателя, который к тому же не получил гонорара.

Следует отметить, что рецензия Ленина во многом повторяет отзыв на ту же «Дюжину ножей…» И. Василевского (Не-Буква). В начале 1920 г. он эмигрировал из Одессы в Стамбул, где начал издавать газету «Константинопольское Эхо», но довольно скоро разорился и переехал в Париж. 4 января 1921 г. в парижской газете «Последние Новости» была помещена его рецензия под названием «Картонный меч». Не-Буква пишет, что, пока писатель «без нена-

висти и злобы рисует жизнь», у него много выдумки, много фантазии, но «фантазия резко изменяет Аверченко, когда он старается делать политику» и когда у него остаются только пространные воспоминания о том, где и как в прежней России можно было отлично закусить и пообедать. «Но жаль все же, что книга талантливого автора пострадала от столкновения с политикой и гастрономией. Картонным мечом большевизма не победить, а творчество и злость, – заключает рецензент, – так же плохо совместимы, как гений и злодейство». Возможно, эта рецензия сыграла положительную для ее автора роль, когда советские власти решали вопрос, разрешить ли Василевскому вернуться на родину вместе с А. Н. Толстым.

Кстати, факт появления ленинской рецензии на книгу «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца» был тотчас же отмечен русской эмиграционной печатью: в тех же «Последних Новостях» от 6 декабря 1921 г. вышла анонимная рецензия под названием «Ленин и… Аверченко».

В Стамбуле Аверченко пробыл около полутора лет. Весной 1922 г. вместе с труппой своего театра он выехал в Болгарию, потом перебрался в Сербию, оттуда в Чехословакию, где до конца своих дней прожил в пражском отеле на Вацлавской площади. Весной 1925 г. он тяжело заболел после операции по удалению глаза и вскоре умер. Похоронен русский писатель Аркадий Тимофеевич Аверченко в Праге, на Ольшанском кладбище.

Из других известных писателей тех лет, оказавшихся в Стамбуле на короткий срок и запечатлевших в своих произведениях это время, назовем А. Н. Толстого, И. А. Бунина, Тэффи, Дон Аминадо (Аминад Петрович Шполянский)[23], а также И. Д. Сургучева, Г. И. Газданова и Г. Д. Гребенщикова.

[23] Отрывки из произведений перечисленных авторов, кроме А. Толстого, см. в Приложении к наст. изд. К «турецким» произведениям Толстого, обличающим белую эмиграцию, относятся повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус» и рассказ «На острове Халки» – «подготовительный эскиз» к этой повести. По словам Н. Толстой-Крандиевской, «описания морского пути из Одессы в Константинополь на пароходе „Кавказ“, пребывание эмигрантов в карантине на ост-

Популярнейшая в дореволюционной России писательница-юмористка Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая; 1872–1952), по некоторым источникам, в 1919 г. эмигрирует из России (из порта Новороссийск) в Турцию с верой, что к весне 1920 г. вернется на родину, а под Новый, 1920 год она уже была во Франции. Почти все последующие годы, вплоть до своей кончины, Тэффи прожила в Париже. С 1908 по 1918 г. она была постоянным сотрудником журнала «Сатирикон» (с 1913 г. «Новый Сатирикон»), который основал ее друг Аверченко. В книге под названием «Стамбул»[24] она рассказывает обо всем, что увидела за то короткое время, которое провела в этом городе, где бродила по европеизированной Галате и мусульманскому Стамбулу, подмечая все характерное для этих мест. Ее впечатления отражены в очерках «Сонный Босфор», «Жизнь», «Улица», «Женщины», «Галата», «Стамбул». Спустя годы Тэффи напишет свои «Воспоминания» (Париж, 1931)[25], где скажет: «Анекдоты смешны, когда их рассказывают. А когда их переживают, это трагедия. И моя жизнь – это сплошной анекдот, то есть трагедия».

В дореволюционные годы имя драматурга и прозаика Ильи Дмитриевича Сургучева (1881–1956) стояло в одном ряду с именами таких писателей, как И. Бунин, А. Куприн, Л. Андреев. Ро-

---

рове Халки […] включают в себя обширный материал личных впечатлений и встреч А. Толстого» в период 1918–1920 гг.

[24] Публикация Тэффи «Стамбул и солнце» (Берлин, 1921) состоит из двух книг – «Стамбул» и «Аббация» (итальянское название хорватского города Опатия). Первая включает очерки, перечисленные в нашем тексте; вторая – «Море и солнце», «Дождь», «Рулетка» и «Экскурсия».

Анализ книги «Стамбул» представлен в докладе, прочитанном на Кирилло-Мефодиевских чтениях (Москва, 12 мая 2009 г.) Зейнеп Гюнал – профессором, доктором наук, заведующей кафедрой русского языка и литературы Анкарского государственного университета Гази.

[25] В 2005 г. издательство «Вагриус» в серии «Мой 20 век» выпустило книгу Тэффи «Моя летопись», в которую, как сказано в рекламном каталоге издательства за соответствующий год, вошли ее «Воспоминания» и мемуары об А. Куприне, Л. Андрееве, И. Бунине, А. Толстом, А. Ахматовой, Н. Гумилеве, С. Есенине, И. Северянине, В. Розанове, А Аверченко, а также о Г. Распутине, А. Вырубовой, А. Коллонтай. Тэффи предполагала опубликовать книгу «Моя летопись», в которую бы вошли все эти мемуары, но не успела…

дился он в Ставрополе, а учился в столице. В 1908 г. он окончил восточный факультет Петербургского университета и имел возможность остаться на кафедре монгольской словесности для подготовки к профессорскому званию, но, предпочитая литературную деятельность, вернулся в родной город. Здесь он организовал издание журналов «Ставропольский сатирикон» и «Сверчок». Илья Дмитриевич проявил себя не только как талантливый сатирик, но и как драматург: его пьесы входили в репертуары Московского художественного и петербургского Александринского театров. Сургучев резко отрицательно отнесся к новой власти, примкнул к Белому движению и возглавил одно из отделений Осведомительного агентства ВСЮР. Его эмиграция началась в Стамбуле, следующая остановка – Прага, завершающий этап – Париж (похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа). Как уже упоминалось, он был постоянным сотрудником чебышевского еженедельника «Зарницы».

Пребывание писателя в Турции дало ему материал для пьесы (некоторые критики называли ее трагикокомедией) «Реки Вавилонские». Действие разворачивается «в лагере для русских беженцев близ Константинополя», где почти все персонажи живут в основном воспоминаниями о прошлом. Пьесу Сургучева сравнивали с драмой Горького «На дне». «Реки Вавилонские» – это не столько картины нищенского быта русских эмигрантов, сколько историко-философская драма «с религиозным подтекстом о судьбе русских в изгнании». Как и в пьесе Горького, перед нами представители разных сословий. При этом «если горьковские герои выброшены из жизни социальной средой, то сургучевские – историей». «Реки Вавилонские» были поставлены Русским камерным театром в Праге, а также опубликованы в «Современных записках» (Париж. 1922, № 11) – одном из лучших эмигрантских журналов. Тему пьесы дополняют «Эмигрантские рассказы» Сургучева (1927). Так, в рассказе о беженцах, прибывших из Крыма в Турцию, автор пишет: у них было все необходимое, кроме пресной воды, тогда предприимчивые греки и турки взялись доставлять им воду, но только в обмен на вещи, например на ювелирные украшения из

золота, а то и на сапоги, белье и даже чулки. Другой рассказ: уже в городе, в православном храме, «толстый грек раздавал ветки жасмина», но только тем господам, кто хорошо платил; в противном случае «прихожанин» лишался благословения. Или еще: «О божественный Петербург! Какая из столиц может сравниться с тобой?!» – риторически вопрошает автор в одном из своих рассказов, сопоставляя любимый город со Стамбулом и Парижем. Ностальгическая тема ярко прослеживается и в другом произведении Сургучева – «Ротонда», герой которого передает свое отношение к эмиграции в выражениях недвусмысленных, но не лишенных пафоса: «[…] я чужд этому городу, и этой земле, и этому небу, и даже этим звездам».

Гайто Газданова, замалчиваемого у нас до «перестроечных» 1990-х годов, наряду с Владимиром Набоковым, европейская критика признавала самыми талантливыми писателями молодого поколения эмигрантов, при этом отдавая приоритет то одному, то другому. Роман Газданова «Вечер у Клэр» получил высокую оценку М. Горького и И. Бунина, а роман «Призрак Александра Вольфа» сразу же после выхода в свет был переведен на основные европейские языки. Многие критики усматривали в его произведениях традиции Пруста и Бунина. Например, русский писатель, публицист и критик Марк Слоним отметил: «Газданов частично использует повествовательный метод Пруста, но говорить о непосредственном влиянии Пруста на Газданова нельзя».

Гайто (Георгий Иванович) Газданов (1903–1971) «вырос в осетинской семье, петербургский дом которой был уголком русской культуры и столичным прибежищем для земляков». Отцу его по долгу службы (он был лесничий) вместе с семьей часто приходилось перебираться с одного места на другое. До 4 лет Гайто жил в Петербурге, затем учился в кадетском корпусе в Полтаве, а в 1912 г. поступил в Харьковскую гимназию. Когда ему еще не исполнилось и 16 лет (шла Гражданская война), он оставил гимназию и присоединился к Белому движению, чтобы узнать, «чтó такое война». Прослужив год в звании рядового солдата на бронепоезде, он вместе с отступающей армией оказался в Крыму, а затем

«уплыл в Турцию». Как военный беженец, он попал на Галлипольский полуостров. Ему не нравились жесткие лагерные правила, которые ввел Кутепов и которые на самом деле многим спасли жизнь. Поддержание строгой дисциплины в мирное, а не в военное время казалось ему бессмысленной муштрой. Гайто предстояло поступить в одно из созданных в лагере 14 училищ, но он не хотел подвизаться на военном поприще и с помощью друга его отца (который подкупил нужного человека) тайком удрал на катере в Стамбул.

Здесь он случайно встречает свою двоюродную сестру, балерину, которая приехала сюда еще до революции и вместе с мужем жила и работала в Константинополе. Здесь же он продолжает учебу в гимназии (вскоре гимназию переведут в болгарский город Шумен, где Гайто ее и закончит). К концу 1921 г. молодой человек «уже полгода как наслаждался и мучился константинопольской свободой». Считается, что в 1922 г. в Стамбуле он создал свой первый рассказ «Гостиница грядущего». По другим сведениям, первые рассказы он писал, когда учился в Сорбонне. М. Слоним же сказал, что «Газданов начал с рассказов о гражданской войне. […] Эмоция не переходит у него в сентиментальность или слезливость».

«Гостиница…» была опубликована в журнале «Своими путями», созданном «для русских студентов, учившихся в Пражском университете», и финансируемом чехословацким правительством; сотрудничали в нем студенты филологического и исторического факультетов. Известно, что Газданов послал в этот журнал несколько рассказов. Известно также, что «Гостиницу грядущего» журнал издал в 1926 г. «Анализируя […этот] ранний рассказ, О. С. Подуст пишет: „Обитатели гостиницы не понимают друг друга, потому что в прямом и переносном смыслах говорят на разных языках [...] Разнообразие гостиничных звуков лишь имитация общения, в то же время звукопроницаемость номеров – знак абсолютной незащищенности личного и личностного пространства героев“. Главный герой-повествователь и другие персонажи Газданова представлены как своего рода локусы, в пределах которых случайно, бесцельно и беспорядочно сталкивается множество дискурсов.

Фрагментарная, путаная декламация, заполняя речь персонажа, скрывает за собой заданную в его образе растерянность – растерянность человека, который осознанно или неосознанно чувствует свою незащищенность от хаоса и бессмысленности жизни, от обилия речевых и дискурсивных потоков, исчерпывающих жизнь и лишенных как целостности, так и диалогической направленности. Такой взгляд на современный мир и положение человека в этом мире принципиален и для последующего творчества Газданова» (цит. по: [Семенова, 2002]).

Писателя так долго замалчивали у нас, что не хочется подводить черту на этом месте, хотя наша тема и подошла к концу – закончилось пребывание Гайто на Босфоре. Читатель, надеемся, извинит нас, если мы продолжим линию его жизни, кратко изложив парижский период его биографии. Кстати, по словам многих критиков, факты и эпизоды биографии Газданова играли огромную роль в его творчестве. Итак, в 1923 г. он перебрался в Париж и прожил там 30 лет, пока не переехал в Мюнхен, где до конца своих дней (он умер от рака легких) проработал на радио «Свобода» (в частности, под псевдонимом Георгий Черкасов он вел передачи о русской литературе; ему принадлежат эссе «О молодой эмигрантской литературе», «О Чехове», «О Гоголе»). По разнообразию занятий в Париже Гайто, кажется, превзошел всех своих соотечественников, оказавшихся на чужбине. Кем он только здесь не был – и портовым грузчиком, и мойщиком паровозов («промывал внутренние трубы паровоза, на которых образовались отложения»), и слесарем на автозаводе «Ситроен», и ночным таксистом, и преподавателем французского и русского языков, и студентом историко-филологического факультета Сорбонны. В Париже он становится членом Союза молодых писателей и поэтов. Со временем, завоевав высокую литературную репутацию (особенно после выхода в 1929 г. «Вечера у Клэр»), Газданов начинает регулярно печататься наряду с Буниным, Мережковским, Алдановым, Набоковым в авторитетном журнале русского зарубежья «Современные записки». В 1932 г. он вступает в масонскую ложу «Северная Звезда», через три десятилетия становится ее Мастером и состоит ее членом до

самой смерти. В середине 30-х годов, узнав о болезни матери, живущей в Советском Союзе, он пытается вернуться (или съездить?) на родину, затем обращается к Горькому с просьбой о содействии. Алексей Максимович сочувствует и хочет помочь, но не успевает: в июне 1936 г. он умирает. В годы Второй мировой войны Газданов не уехал из оккупированного немцами Парижа. В своей квартире они с женой укрывали евреев. Участник движения Сопротивления, он вступил в партизанскую бригаду, созданную советскими пленными.

В 1996 г. у нас вышло трехтомное собрание сочинений писателя, а в 1998 г. в Москве было учреждено Общество друзей Гайто Газданова с целью изучения литературного наследия писателя и популяризации его произведений в России. В 2001 г. при содействии дирижера Валерия Гергиева в Сент-Женевьев-де-Буа был открыт памятник на могиле Газданова (умер в Германии, похоронен во Франции). В 2003 г. в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга О. Орловой «Газданов», а в 2009 г. – полное, пятитомное собрание его сочинений.

О Турции писали и другие «белые русские». Упомянем некоторых из них.

Г. Н. Кузнецова, поэтесса, прозаик и более чем близкий друг И. А. Бунина, около двух лет прожила в Стамбуле, куда эмигрировала вместе со своим мужем – офицером Русской армии. Отсюда они перебрались в Прагу, а в 1924 г. поселились в Париже. Ее познакомили с Буниным – начался бурный роман. Она ушла от мужа и с 1927 жила с семьей Ивана Алексеевича в Грасе, на юге Франции. События Гражданской войны, эмиграция из Крыма, нелегкая участь молодой офицерской семьи на чужбине – все это запечатлено в автобиографической «Последней повести», вошедшей в сборник ее рассказов под названием «Утро» (Париж, 1930). В своем «Грасском дневнике» Кузнецова описывает события 1927–1934 гг., в частности свои отношения с Буниным и его женой. Впервые эти мемуары вышли в Вашингтоне в 1967 г., а у нас начали издаваться с 1990-х годов. В 2000 г. Алексей Учитель поставил

художественный фильм «Дневник его жены» по сценарию Авдотьи Смирновой.

Писатель и журналист И. С. Лукаш тоже эмигрировал с Русской армией Врангеля в Турцию. После «галлипольского сидения» он уехал в Болгарию и там написал книгу «Голое поле» (1922). И. А. Корвацкий – автор сборников рассказов и стихов, музыкальный критик и публицист (в Крыму он был редактором популярной газеты «Таврическая Речь»). В Стамбуле вышло три его сборника: один – прозаический («Без ветрил», 1927) и два – поэтических («Лунное венчание», 1923 и «Золотой Рог», 1927). Основную идею творчества писателя выражает строка из одного его стихотворения: «Дожить бы до встречи, дожить!». Понятно, что речь здесь идет о тоске по Родине. В альманахе «На прощание» Корвацкий писал: «Мы заронили в души наших новых друзей искры вечного горения русской души, давшей Толстого и Достоевского, Скрябина и Чайковского, Мечникова и Менделеева» (см. [Челышев, 2002: 191, 197]).

Георгий Дмитриевич Гребенщиков, сибирский писатель, автор известного в свое время романа-эпопеи «Чураевы», прибыл из Севастополя в Стамбул в сентябре 1920 г. и буквально через пару дней посетил «Русский Маяк» (ул. Бурса, д. 40) – благотворительное учреждение для беженцев. Его основали и финансировали американцы. Здесь были столовая, душевая комната, зал для отдыха, бесплатный ночлег и русская школа для детей. Здесь «проходили лекции и концерты, работала библиотека. Часто устраивались танцевальные вечера», а также литературные чтения, в которых Гребенщиков принимал участие. В конце того же года в популярной парижской газете русской эмиграции «Общее Дело» (от 14–16 декабря) был опубликован цикл его очерков под общим названием «Письма из Царьграда», которые и открыли ему путь в писательскую среду русского зарубежья.

Одно время супругам Гребенщиковым приходилось очень нелегко: Георгий Дмитриевич работал грузчиком на пароходе, а его жена шила «детские конвертики и платья». К счастью, ее рекомендовали в качестве домашней хозяйки семье генерала А. С. Лукомско-

го – представителя главкома Врангеля при союзном командовании. О том времени Гребенщиков писал в своем дневнике: «Я чувствую себя превосходно, пью чай с сахаром, ем халву, печенку, винегрет и веду за столом важные беседы с генералом […] и с очень милыми членами его семьи». Главное, писатель получает возможность заниматься литературной деятельностью. Он печатается не только в «Общем Деле», но и в стамбульской «Вечерней Прессе» («Пресс дю Суар»). После исхода Русской армии из Крыма и окончания полномочий Лукомского, генерал получает от Врангеля распоряжение отбыть за пределы Турции, во Францию. 11 декабря семья Лукомского вместе с четой Гребенщиковых (Георгий Дмитриевич был оформлен как личный секретарь генерала) «погрузились на корабль и отправились в сторону Африки». Здесь, на борту парохода, Гребенщиков пишет серию путевых очерков-«репортажей» («Из Константинополя», «Через проливы», «В Эгейском море», «В бухте Наварино», «Мертвая зыбь» и «Африка»), которые начиная с 11 января 1921 г. публикуются в той же парижской газете «Общее Дело».

Еще за месяц до отъезда из Стамбула Гребенщиков встретился в «Русском Маяке» со своим земляком из Сибири – актером Московского художественного театра П. Ф. Шаровым. Труппа МХТ в то время уже была в Стамбуле (оттуда намеревалась выехать в Сербию, Болгарию и Чехословакию), и 11 октября в небольшом константинопольском театре «Пти-Шан» состоялось ее первое выступление. Зрители увидели инсценировки рассказов Чехова и Мопассана. Гребенщиков писал: «… нынче, когда отовсюду на Россию смотрят как на бывшую и несуществующую державу, эта самая Россия показывает Константинополю свой Московский Художественный Театр с Книппер, Качаловым, Массалитиновым и др., показывает свой сказочный балет в лице Фроман и др. и, наконец, ставит своего бессмертного „Евгения Онегина“» (подробнее о писателе и его творчестве см. [Росов, 2009]).

Ю. К. Терапиано – русский поэт, прозаик и литературный критик – окончил классическую гимназию в Керчи и юридический

факультет Киевского университета. Совершив путешествие в Персию в 20/21-летнем возрасте, он познакомился там с учителем зороастрийской религии и серьезно заинтересовался восточной эзотерикой. В 1916 г. его призвали в армию. По окончании военного училища (1917) он воевал на Юго-Западном фронте, а летом 1919 г., когда белые заняли Киев, вступил в Добровольческую армию. В молодые годы Терапиано стал членом масонской ложи мартинистов, и в масонском сборнике «Гермес» были опубликованы его первые литературные опыты (1919). В начале 1920 г., защищая Крым от красных, он был ранен и вскоре освобожден от воинской службы, а в ноябре того же года эвакуировался вместе с врангелевцами в Стамбул. Здесь он прожил два года – изучал восточную философию и религию, а также участвовал в работе кружка поэтов, организованного в «Русском Маяке» Союзом православных христиан (отделение Американского союза христианской молодежи – YMCA). В 1922 г. Юрий Константинович перебрался в Париж, где стал одним из основателей и первым председателем Союза молодых писателей и поэтов.

Среди беженцев в Стамбуле были, разумеется, и представители изобразительного искусства. Первая художественная выставка, состоявшаяся в октябре 1921 г. в клубе «Русский маяк»[26], способствовала их объединению, и «1 января 1922 следующего года был основан „Союз русских художников в Константинополе“, насчитывавший 30 членов.

С учреждением «Союза» жизнь художников стала более или менее сносной. «Союз» за три года (1921–1923) провел 9 выставок (из них 2 персональных), организовал реализацию работ, прием заказов, и при необходимости оказывал материальную помощь коллегам – членам «Союза». До создания объединения художникам приходилось довольствоваться случайными, грошевыми заказами и работой на весьма невзыскательный стамбульский рынок.

Почти все художники рисовали Стамбул, но у каждого был «свой Стамбул». Некоторые копировали фрагменты фресковых и мозаичных композиций, украшающих те стамбульские мечети, ко-

---

[26] О нем см. стр. 216

торые прежде были византийскими храмами. Особенно привлекала художников мечеть Карие, которая после Айя (Святой) Софии является самым значительным памятником византийского искусства XIV в. Других интересовали памятники архитектуры: султанский дворец Долмабахче с его знаменитыми ажурными воротами, старые христианские подворья, Галатский мост, Девичья башня, сценки городской жизни. Третьих – небо над Босфором и босфорские набережные.

Мастер акварели Василий Иосифович Иванов (председатель «Союза русских художников в Константинополе») – автор картин «Золотой Рог при лунном свете», «Остров Бююкада», «Окрестности Мальтепе», «Долмабахче», «Восточный танец» и др.

Владимир Федорович Зендер (в Стамбул он приехал в 1920 г., а уехал в Париж в 1926 г.), интересовавшийся памятниками византийской архитектуры, запечатлел в эскизах мечеть Карие, ипподром, храм Святой Ирины и башни Едикуле. В результате изучения этих и других достопримечательностей Стамбула художник создал труд о византийском искусстве.

Владимир Константинович Петров в 1920 г. прибыл в Турцию и сначала попал в английский лагерь для беженцев в Тузле (45 км от Стамбула), а затем поселился в самой столице. Его интересовало османское искусство (он изображал внутреннее пространство богатых домов-конаков, а также вилл-ялы на Босфоре) и в меньшей степени – византийское (рисовал Айя Софию «изнутри и снаружи»). Петров и другие художники расписывали стены и потолки церквей, в частности русской церкви Пантелеймонова подворья, расположенного на ул. Ходжа Тахсин в Галате.

Николай Константинович Перов – по образованию учитель рисования в гимназии (учился в Харьковском художественном училище), затем – участник мировой и гражданской войн (служил в частях Белой армии), – оказавшись в Стамбуле, остался здесь до конца своих дней. В Константинополе он пел в хоре посольской церкви, был регентом и старостой церкви Пантелеймонова подворья. С 1927 г. Перов был художником-декоратором государственного муниципального театра в Стамбуле, с 1940-х – был оформи-

телем балетных спектаклей русского хореографа Лидии Арзумановой, а с 1950 г. стал главным художником Анкарского государственного театра оперы и балета. Его карьера как театрального художника началась с сотрудничества со стамбульским драматическим театром. Руководитель театра, основатель современного турецкого сценического искусства, приверженец системы Станиславского, известный актер и режиссер Мухсин Эртугрул пригласил Перова для оформления спектаклей русской классики – пьес Толстого, Чехова, Гоголя, с которыми хотел познакомить турецкого зрителя. С 1959 до 1963 г. Перов состоял председателем правления Благотворительного общества Святых Пантелеймона, Андрея и Ильи (при создании в 1954 г. оно насчитывало 130 членов; к 1990 г. – 56).

Весьма и весьма недолго оставался в Стамбуле всемирно известный живописец (которого называли «русским Дали»), график и сценограф Павел Федорович Челищев (1898–1957). Учился он в Киеве, в Украинской академии искусств. В 1919 г. вступил в Добровольческую армию (был картографом) и в 1920 г. эмигрировал в Стамбул. Здесь художник работал, как уже упоминалось, над балетными постановками Виктора Зимина, а также Бориса Князева. В 1921 г. он перебрался в Берлин, а в 1923 или 1924 г. – в Париж, где и прославился. Несколько картин Челищева, впервые выставленных в парижском Осеннем салоне, купила американская писательница Гертруда Стайн, ставшая большой поклонницей его творчества. Здесь же он получил признание и как театральный художник труппы Сергея Дягилева[27].

Отдельно хотелось бы сказать о широко известных прежде только за рубежом русских художниках-эмигрантах Грищенко, Измайловиче и Клуге.

Алексей Васильевич Грищенко (1883–1977), художник-авангардист родился на Украине – умер во Франции. Живописи он учился в Киеве, Петербурге и Москве; перед мировой войной по-

[27] В 2007 г. состоялась первая выставка работ Павла Федоровича в России (в галерее «Наши художники» на Рублевке).

бывал в Париже. О признании этого талантливого художника в разных странах свидетельствует перечень его персональных выставок в количестве более 30 за период с 1919 по 1977 г.; кроме того, его работы представлены во многих музеях и частных собраниях. В самый разгар революции 1917 г. в Москве вышла его книга «Русская икона как искусство живописи», благодаря которой он был замечен специалистами и в следующем году введен в состав Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи. Однако к организационной деятельности Грищенко был не склонен, и осенью 1919 г. он, можно сказать, решив попутешествовать «до лучших времен», проделал путь по маршруту Киев – Севастополь – Стамбул. Его эмиграция не была обусловлена какими-либо политическими мотивами – «он просто бежал от холода и голода на теплый юг», где собирался «всласть пожить и заняться наконец чистой живописью».

В Стамбуле художника заинтересовали византийские памятники, которые в эти годы стали предметом его творчества. Нашелся и щедрый покупатель – американский ученый Т. Уиттимор, оказавшийся в Стамбуле с целью реставрационного обследования мозаик собора Айя София и стамбульской мечети Карие. Неизвестно, что именно рисовал Грищенко в Софии и Карие джами, но сам художник свидетельствует, что «в частном собрании Уиттимора в Бостоне находилось 67 акварелей с видами византийских памятников Константинополя, продажа которых была оформлена в 1921 г.». Благодаря финансовой поддержке Уттимора Грищенко перебрался в Афины, а затем в Париж, где при посредничестве коллекционеров Поля Гийома и Леопольда Зборовского состоялась его первая заграничная выставка. Через много лет Алексей Васильевич опишет свое пребывание в Стамбуле в книге на французском языке «Два года в Константинополе: Дневник художника. С 40 авторскими акварелями» (Париж, 1930), а позднее эта книга выйдет и на украинском языке (Мюнхен, 1961)[28].

[28] *Gritchenko A*. Deux ans á Constantinople: Journal d’un peintre. Avec 40 aquarelles de l’auteur. Paris, 1930; *Грищенко О[лекса]*. Мої роки в Царгороді. 1919–1921. Мюнхен–Париж, 1961.

Грищенко до конца своих дней жил во Франции. Он часто посещал Испанию, Португалию, Англию и страны Скандинавии. Написанные им в этих странах картины выставлялись в ведущих салонах Парижа. Перед Второй мировой войной он наладил связь с Ассоциацией независимых украинских художников во Львове (тогда польский город). Ассоциация организовала персональную выставку Грищенко, и Львовский национальный музей купил несколько его картин. В начале 1960-х при Украинском институте Америки (культурное учреждение украинской диаспоры в США) был создан Фонд Алексея Грищенко, куда «художник, убежденный сторонник левых течений в искусстве» передал 70 своих работ (масляных холстов и акварелей), которые он просил переслать украинским музеям, «когда те станут свободными и найдут место для всех творческих направлений». Есть сведения, что сравнительно недавно, уже в нашем веке, этот фонд передал Национальному художественному музею в Киеве 67 картин художника и его архив (см. [Вздорнов 30–31]).

Дмитрий Васильевич Измайлович (1890–1976), сын офицера пограничной службы, как и Грищенко, родился на Украине. В 1907 г. он закончил кадетский корпус в Сумах и продолжил обучение в Петербурге, в Павловском военном училище; офицер российской лейб-гвардии, он участвовал в Первой мировой войне. В 1917 г. молодой человек оказался в Киеве, где, покинув военную службу, поступил в Украинскую академию искусств. В Стамбул Измайлович прибыл в 1919 или 1920 г. Здесь помимо фресковых и мозаичных копий он писал пейзажи, интерьеры, портреты, натюрморты, участвовал в выставках «Союза русских художников …». Названными фактами и ограничились бы наши сведения об этом замечательном мастере, если бы не каталог его выставки, состоявшейся в лондонском Музее Виктории и Альберта в мае 1928 г., а также фотографии и доклад Измайловича «О мозаиках и фресках Карие джами и о состоянии сохранности других памятников византийской старины в Константинополе», написанный художником 1 марта 1927 г., которые член-корреспондент РАН искусствовед Г. И. Вздорнов обнаружил в архиве известного византиниста

В. Н. Лазарева[29]. Кому предназначался доклад, т.е. состав аудитории, нам не известно, но цель его выражена вполне ясно в последнем абзаце: «К этому дружному выступлению в защиту величайших художественных ценностей Константинополя от разрушения и варварства и призывает всех любящих истинное искусство ваш скромный докладчик».

На лондонской выставке экспонировалось около 30 рисунков (вероятно, акварелей) Измайловича с видами Константинополя и столько же копий с мозаик и фресок Карие джами, а также подлинные мозаичные кубики, собранные им в мечети и представлявшие палитру византийского художника начала XIV века. Из каталога этой выставки явствует, что Измайлович прожил в Стамбуле семь лет, в основном занимаясь «копированием остатков живописи» в мечети Карие. В кратком предисловии к каталогу сказано, что аналогичные выставки копий уже состоялись в Нью-Йорке, Бостоне и Рио-де-Жанейро и что экспонаты для лондонской выставки присланы Измайловичем из Бразилии.

Безусловно, главное в константинопольском творчестве Измайловича – это копирование и изучение состояния мозаик и фресок памятников византийской старины, в частности стамбульской мечети Карие – бывшей Церкви Хора (это слово по-гречески означает «пригород, за городом»), которая находилась (пока не перенесли стены) за городскими, крепостными стенами. Поставив перед собой цель исследовать состояние росписи Карие, Измайлович, по его собственным словам, «подбирал в ее [т.е. мечети] коридорах и на карнизах камешки, выпавшие из мозаик, получив таким образом возможность непосредственного изучения всех цветов палитры византийского мозаичиста. В результате произведенного анализа цвéта как выпавших мозаичных кубиков, так и отдельных кубиков в мозаичных площадях удалось восстановить цветá палитры византийского художника, составленной из 36 тонов […]». Обнаружив, что некоторые мозаики и фрески отличаются яркостью и

[29] Отечественный ученый, член-корреспондент АН СССР, автор двухтомной «История византийской живописи».

свежестью тонов, иные же поблекли и имеют тусклый вид, Измайлович заинтересовался причинами такого контраста. Тщательное, детальное изучение дало ему разгадку этого различия в цвете. Бледные «лица, руки и ноги фигур нарфика[30] [нартекс] явно носят следы типичной охристой штукатурки. В других местах следы штукатурки были обнаружены с помощью лупы». При этом в зависимости от того, из какого материала (или породы) были сделаны кубики, их цвета́ претерпевали различные изменения; например, в отличном состоянии оставались кубики, приготовленные из стекла, твердопородистого мрамора, тонов: самого темного синего, самого темного зеленого и самого темного красного. Легко поддающиеся отчистке, эти кубики по освобождении из-под слоя штукатурки зачастую обнаруживают свои первоначальные цвет и блеск. Особенно в хорошем состоянии оказываются золото и серебро, предохраненное сверху тончайшим остеклением (см. [Вздорнов 30]). Итак, мозаики бледных тонов – это те, что долгое время находились под штукатуркой, а яркие мозаики – это те, что «вовсе не испытали воздействия», т. е. их не заштукатуривали. Почему? На вопрос отвечает то ли быль, то ли легенда. Овладев Константинополем, турки оставили церковь Хора христианам. Как оказалось, храм стал местом тайных собраний для тех, кто желал избавиться от завоевателей, о чем спустя примерно 40 лет прознали турки. Храм был окружен войсками. Блокада длилась 17 дней, но когда наконец храм был взят, в нем никого не оказалось. В последний момент вооруженные христиане ушли через подземный ход. Тогда султан и приказал своему визирю Атик Али-паше переделать храм в мечеть. Назвали мечеть Карие Атик Али-паша. Потом про пашу забыли и стали называть ее просто Карие.

Согласно другому источнику, Хора, как часть монастырского комплекса, построенного византийцами в VIII в., не раз горела и разрушалась. Тот облик, который она имела ко времени завоевания византийской столицы турками (он сохранился и до наших дней), был придан ей в XIV в. После завоевания турками Констан-

[30] Притвор – помещение, отделяющее центральную часть христианского храма от паперти.

тинополя Хора долгие годы пустовала, и только при султане Баязите II (1481–1512) *садразам* (визирь) Атык Али-паша превратил ее в мечеть, которую стали называть Карие, что означает «расположенная в долине» (см. [Sezer, Özyalçiner, с. I, 194]).

Очевидно, переустроители, стараясь как можно быстрее исполнить приказ султана, второпях заштукатурили не все мозаичные росписи великолепного храма. Только нижняя часть в основном фресковых изображений нарфика были заштукатурены целиком. Значительная часть его мозаичных композиций осталась в своем первоначальном виде, лишь главнейшие признаки фигур – руки, ноги и лики – были покрыты охрой, но и то не во всех фигурах. Измайлович констатирует: «в этой бывшей византийской церкви следы византинизма сохранились больше, чем в других переделанных церквах». При ценителе византийского искусства султане Абдулазизе (1861–1876) мозаики и фрески Карие джами были освобождены из-под штукатурки. Ныне Музей Карие (с 1948 г. открыт для туристов) входит в число стамбульских памятников как объект Всемирного наследия под эгидой ЮНЕСКО.

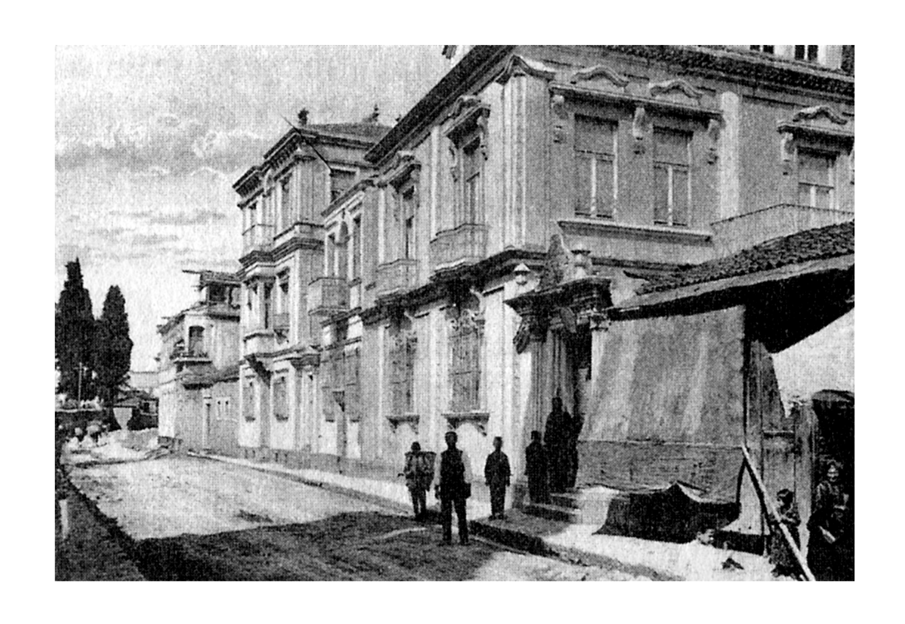
В 1926 г. перед русскими беженцами стояла дилемма: или принять турецкое гражданство, или покинуть страну (возможно, вступление в гражданство сопровождалось условием принятия мусульманства). Измайлович уезжает из Стамбула. Через Афины, Лондон и Америку он попадает в Рио-де-Жанейро, где и остался до конца своих дней. Здесь он преподавал живопись и был известен как портретист. В последний период своей жизни Дмитрий Васильевич писал в основном пейзажи и натюрморты. Две его картины находятся в постоянной экспозиции Национального музея изящных искусств в Рио-де-Жанейро. В Бразилии после 1976 г. было устроено восемь посмертных персональных выставок Измайловича.

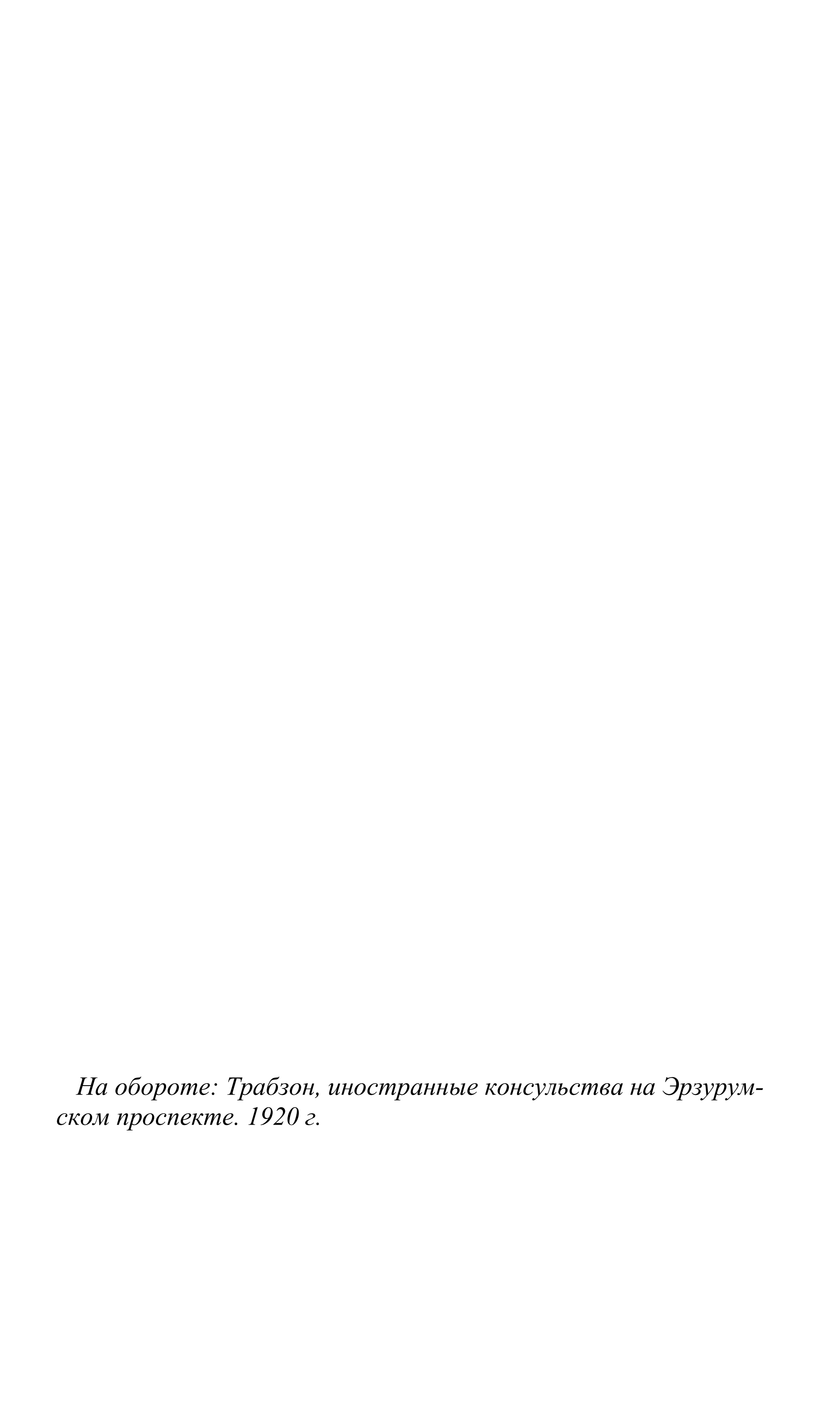
Известный копиист Николай Карлович Клуге (1867–1947), с 1903 г. занимавший должность штатного художника Русского археологического института в Константинополе (основан в 1895 г.), участвовал во всех научных экспедициях (до Первой мировой войны) по изучению фресок и мозаик христианских памятников на Хиосе, на Кипре, в Изнике, Салониках; в Стамбуле он копировал

фрески и мозаики Карие джами. Его последними научными экспедициями были поездки в мае 1916 и летом 1917 г. в Трабзон. Весной 1920 г. при содействии французского консула в Севастополе он выехал в Стамбул и через некоторое время принял турецкое гражданство. В 1930 г. Николай Карлович стал сотрудником американского Византийского института – международного центра по изучению византийской истории, искусства и культуры. Именно он открывал и копировал мозаики Айя Софии. По свидетельству работников института, «ничья другая рука не обладала большей чуткостью при копировании памятников древней живописи. Свойством его копий было жесткое ограничение личного ощущения, диктовавшееся безграничным уважением и преданностью этому искусству. Его репутация и влияние выходили далеко за пределы его профессии. В течение полувека своим творчеством он способствовал развитию византийской художественной археологии». Умер Клуге в Стамбуле в 1947 г., и был похоронен на кладбище при греческой церкви в районе Шишли.

Стамбул, конечно, не стал центром русского зарубежья, не уподобился Праге, Берлину или Парижу. Однако не приходится сомневаться в том, что россияне оставили свой след в культурной жизни турецкой столицы. Это отмечали, покидая Турцию в 1923 г., еще русские журналисты, составители альманаха «На прощание». Так, один из них писал: «Русские беженцы сумели, как ни тяжелы были и в материальном и в моральном отношении условия их жизни, оставить по себе незаурядный след и оказать значительное культурное влияние на все слои разноплеменного населения города. […] Русские артисты, музыканты, литераторы, художники не только ознакомили население города с достижениями русской духовной культуры, но и научили понимать и ценить ее. Они создали здесь, в Константинополе, яркий очаг ее, приобщив к ней все национальности и все слои населения», а русские художники, покинув Стамбул, разнесли по миру запечатленную ими неповторимую красоту этого древнего города на двух континентах.

АНАТОЛИЯ:
СУДЬБЫ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

На обороте: Трабзон, иностранные консульства на Эрзурумском проспекте. 1920 г.

Положение российских беженцев в Анатолии[1] (Восточная Турция) заметно отличалось от положения тех, кого судьба забросила в Стамбул и близкие к нему районы: здесь не было союзной администрации, ее неусыпной полиции и оккупационных войск, не было также и султана. Здесь была другая власть – власть Великого Национального Собрания Турции (кемалистского парламента), перед которой стояла задача отстоять суверенитет страны, ликвидировать феодально-теократическую монархию и создать новое, светское государство.

Поток беженцев в Анатолию через Батум не прекращался до 1921 г.[2] Беженцы шли большими и малыми группами: христиане,

[1] К сожалению, сведения о русских беженцах в Анатолии чрезвычайно скудны. Мы обнаружили лишь два источника, которые хранятся в Государственном Архиве Российской Федерации и которые, в частности, содержат материал, позволивший нам составить хотя бы этот весьма короткий очерк. Имеются в виду два доклада (оба от 1928 г.) А. А. Бурнакина и Г. Малиновского «о положении белоэмигрантов в Турции». Даже у современного турецкого историка Бюлента Бакара, чья книга основана на газетной информации и архивных источниках, материалы об Анатолии отсутствуют. У названных авторов практически отсутствуют и конкретные сведения о количестве беженцев в Анатолии. Бурнакин, например, пишет, что «русская эмиграция в Анатолии совершенно не учтена и не имеет никакой регистрации. Ее численность может быть известна турецким властям, но перепись 1927 года еще не опубликована во всех итогах ее статистического обследования» [Бурнакин, л. 5]. Этим документом мы, к сожалению, тоже не располагаем.

[2] Об этом подробнее см. стр. 59.

иудеи, мусульмане (последние часто под видом турецких солдат, возвращавшихся из русского плена). Шли казаки и жены офицеров, не успевшие эвакуироваться из Крыма. Известны случаи, когда женщины в одиночку пробирались через крутые лесистые горы в надежде найти на чужой земле мужей или родственников. Некоторые из них своим бесстрашием и мужеством поражали местных жителей, которые нередко принимали беженок в своих домах, помогали им добраться до Стамбула.

Беженская масса в Анатолии не была однородной ни по национальной принадлежности (русские, грузины, осетины, татары, евреи, черкесы и др.), ни по конфессиональным признакам (христиане, иудеи, мусульмане), ни по политическим пристрастиям (от крайне левых до монархистов), и тем не менее в ее среде не было антагонизма. Не было в Анатолии эмигрантских организаций и политических группировок (правда, за этим весьма строго следила местная власть). Не было здесь и бездомности, бродяжничества, голода и безработицы. Разоренная войной Анатолия остро нуждалась в рабочих руках и специалистах разных профилей.

Беженцы разбрелись по всей Анатолии. Как пишет Бурнакин: «разметались […] от советской и персидской границ до берегов Босфора»[3]. Не было в Анатолии города и порта без беженской колонии. Русские осели даже в самых отдаленных, «медвежьих» углах. Например, в заброшенной в горах деревушке Чифтесарай поселились 30 семей. В Амасье у русских был «свой квартал» с церквью, оставшейся после ухода греков из Анатолии (из-за греко-турецкой войны). Некоторые беженцы даже сумели обзавестись своим делом. Так, в Трабзоне им принадлежали хорошие магазины и лучший в городе ресторан. В Эрзинджане они имели гараж и автомастерскую. В Ризе – занималсь перевозкой и продажей орехов. Кроме перечисленных городов русские также жили в Сивасе, Токате, Зонгулдаке и др. Много русских инженеров было занято на угольных копях и всякого рода

[3] Поскольку доклад составлен в апреле 1928 г., то скорее всего эти сведения (а возможно, и другие) относятся ко второй половине 20-х годов.

рудниках. Немало беженцев работало на строительстве шоссейных дорог. В общем, все «ухитрялись жить» своим трудом «без чужой помощи» (см. [Бурнакин, л. 4–5]).

Г. Малиновский, проживший в Анатолии восемь лет, раскрывает жизнь русских беженцев в Анатолии через призму отношения к ним, с одной стороны, турок (как чиновников, так и простых людей), с другой – советских работников. Не упускает он и случая выразить свое мнение – порой и тенденциозное – относительно отношения турок к новой российской власти (напомним о заключении в 1921 и 1925 гг. советско-турецких договоров, что несомненно влияло на политику Анкары, касающуюся «белых русских»). Однако немало внимания автор доклада уделяет описанию рода занятий беженцев, который, как мы уже знаем, был довольно разнообразен. Например, бывший землевладелец из Аджарии стал главным садовником Трабзона, где создал питомник субтропических культур – цитрусовых и бамбуковых. Многих русских брали на турецкие каботажные суда, курсирующие вдоль анатолийского побережья Черного моря. Не составляло труда найти работу на табачных плантациях и фабриках по производству знаменитого самсунского табака.

Работодатели высоко ценили дисциплинированность и трудолюбие россиян и порой платили им больше, чем местным работникам, да и власти оказывали всяческое содействие в решении вопросов по трудоустройству беженцев. Малиновский сообщает, например, что несколько выходцев с Кавказа обратились к влиятельному жителю г. Ризе Матараджи-заде с просьбой помочь им поселиться в окрестностях города, с тем чтобы, во-первых, заняться сельскохозяйственными работами и, во-вторых, наладить строительство (под руководством опытного инженера, бывшего работника рижской верфи) паровых и моторных катеров. При содействии Матараджи-заде губернатор города удовлетворил эти просьбы: для беженцев был выделен земельный участок в окрестностях Ризе, их обеспечили жильем и разрешили им строить суда, в которых остро нуждался при-

морский район. Далее: трое русских геологов получили разрешение у того же губернатора провести на вверенной ему территории геологоразведочные работы; вскоре они обнаружили залежи марганца, каменного угля и породы, содержащие серебро, золото и медь. Небольшие беженские артели, зарекомендовавшие себя профессиональным исполнением малярных работ, получили подряды на объектах военного ведомства. Для того же ведомства россияне выполняли и бетонные работы.

Турки весьма доброжелательно относились к русским беженцам. Когда губернатору Трабзона, который пригласил в гости русских офицеров-беженцев, находившихся в одном из причерноморских селений, доложили, что гости не могут прибыть из-за отсутствия у них средств на дорогу, он тотчас распорядился послать за ними катер. В порту русских встретил турецкий офицер. От имени губернатора он приветствовал прибывших, затем проводил их в гостиницу, где гостей ожидали представители местной военной администрации. Беженцев разместили в комфортабельных номерах и в течение месяца обслуживали как личных гостей губернатора. При отъезде им была оказана материальная помощь, причем в весьма деликатной форме.

О высокой оценке «беженских специалистов» и вообще о расположении анатолийских властей к русским красноречиво свидетельствует и следующий факт. Когда в Трабзоне ожидали первого приезда президента Турецкой Республики, «*вали* (губернатор) приказал для обслуживания Мустафы Кемаль-паши найти русского шофера (из беженцев). Нашли. Это был шофер-механик Гавриил Федорович Степаненко, бывший матрос Черноморского флота подводного плавания. Он не успел эвауироваться из Крыма, и попал в Турцию через Кавказскую границу (в 1928 г. выехал в Белград). В течение всего пребывания Кемаля в Трабзоне Гавриил Федорович выполнял обязанности его личного водителя. Еще пример: турецкие офицеры, военные и гражданские чиновники, купцы и даже иностранцы – в общем все те, кто хотел совершить поездку по трудному маршруту «между Трапезундом, Байбуртом,

Эрзурумом и обратно на вольнонаемных автомобилях», предпочитали, чтобы машиной управляли русские шоферы, поскольку многочисленные аварии, случавшиеся на этой опасной горной дороге, «происходили с турецкими шоферами». Подобное предпочтение русских, разумеется, не нравилось турецким шоферам, но в то же время последние признавали высокую квалификацию своих коллег и порой даже учились у русских *уста* (мастеров).

Но не всё было так просто. Скопление русских беженцев в приграничной с советской территорией полосе сильно беспокоило и Анкару и Москву. Решение было найдено – беженцев стали переселять подальше от границы. Переселение затронуло и русских жителей Карса, даже уроженцы этого города-крепости были высланы в г. Кастамону (только через несколько лет они получат право свободно передвигаться по стране). Этот процесс коснулся и беженцев-мусульман из России, которым (в отличие от беженцев-немусульман) по прибытии в Турцию сразу же выдавалось удостоверение личности (*весика*), заменявшее паспорт[4], и которые поначалу селились во многих местах Турции, но [потом] часть их была отправлена турецкими властями в … разные города Западной Анатолии.

Беспокойство турецкой и советской сторон по поводу приграничных районов с городами Карс и Эрзурум сказалось на следующей истории. В Анатолии около двух лет функционировало организованное русскими беженцами «Транспортное Общество Восточной Анатолии». Это предприятие занималось перевозкой товаров и людей, имело в своем распоряжении свыше десяти разного вида машин – грузовых, легковых автомобилей, и пассажирские камионетки[5], которые совершали регулярные рейсы в Карсском районе (от Карса к ближайшим городам и обратно), [а также] в Эрзурумском и Трабзонском районах. Главная контора, главный гараж и мастерская находились в городе Трабзон, а второстепенные – в Карсе и в Эрзуруме. Предприятие могло бы

[4] В Турции не было и нет внутренних паспортов.
[5] *Франц*. camionnette – легкий грузовой автомобиль.

давать неплохую прибыль, но этому мешали два обстоятельства: конкуренция более состоятельных турок и влияние представителей Москвы в Анатолии, которых беспокоило бесконтрольное передвижение «белых русских» по территории, граничащей с Закавказьем, что, между прочим, совпадало и с беспокойством турецких властей. Короче говоря, кончилось тем, что большое транспортное предприятие, весьма выгодное для беженцев и полезное для улучшения транспортного обслуживания региона, было ликвидировано. Интересно следующее обстоятельство: запретив русским шоферам-беженцам езду через названные города, турецкие власти запретили подобные же поездки «и шоферам – советским гражданам!».

Как пишет Малиновский, местные власти внимательно следили за беженцами, особенно в первое время их пребывания на территории Турции (главным образом имеется в виду Восточная Анатолия). Одновременно с особой бдительностью они наблюдали за теми, кто приехал из Москвы на законном основании. И при этом нередко за нужной информацией обращались к тем русским беженцам, которые были им известны как откровенные противники советской власти. Автор доклада подчеркивает, что турки, искренне и дружески относясь к беженцам, бывали даже случаи, когда они предупреждали русских о возможных для них неприятностях со стороны соотечественников.

Но со временем отношение турецких властей к «белым русским» резко изменилось. Возможно, по причине понимания того, что эта неустроенная чужеземная людская масса являлась помехой в деле «наведения порядка в стране», а также в реализации тех сложнейших задач, которые перед ней стоят. Не исключено, что к этому еще добавилась и позиция Москвы в отношении беженцев, которая в общем-то не шла вразрез с интересами турок. Настал день, когда появилось оповещение об ограничении срока пребывания беженцев в Турции и последующем их выселении, о чем, кстати, известили и государства, которые могли бы принять высылаемых.

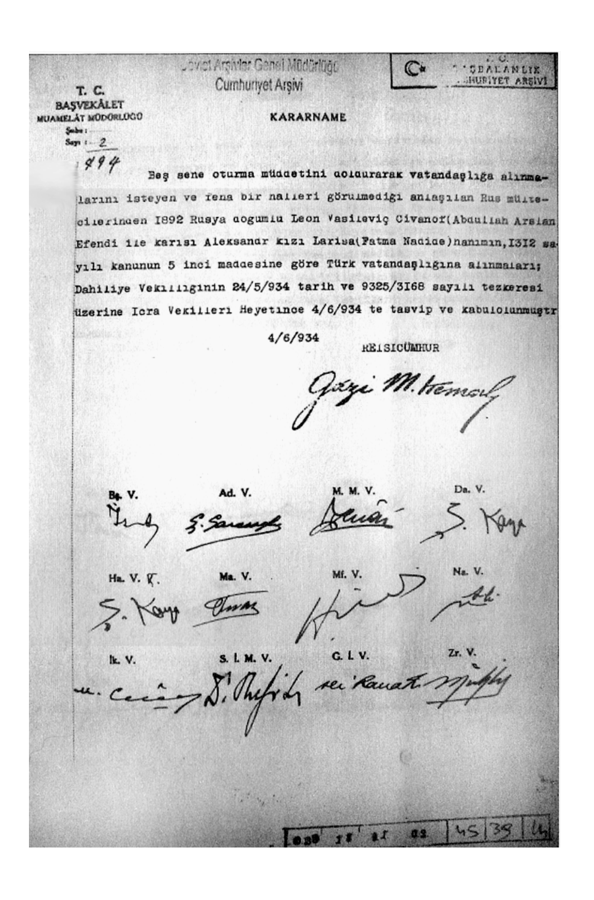
Неожиданное известие потрясло беженцев. Часть из них решила остаться в Турции, лелея хоть малую надежду, что эта обещанная высылка или будет отменена, или отсрочена. Другая же более активная часть беженцев решила заблаговременно устроить свою будущую жизнь.

Так, в Трабзоне «образовалась группа лиц, пожелавших переселиться на юг Франции для совместной сельскохозяйственной работы там на одной из больших ферм». Организатор этой группы вел переписку с Парижем, Тулузой и Женевой, причем самостоятельно, минуя представительство Международного Бюро Труда при Лиге Наций в Стамбуле. Наконец удалось договориться с Францией. Были уже присланы анкетные листы и уведомление о том, что всей группе предоставляется большая ферма в районе Тулузы; кроме того, беженцы извещались о льготах на переезд и на первоначальное обзаведение на новом месте. И вдруг, еще до завершения во Франции всех формальностей, по требованию анкарских властей большей части этой группы было предложено в трехдневный срок покинуть Турцию. Разумеется, продуманный во всех деталях план переселения во Францию рухнул. Малиновский отмечает «характерные подробности выезда […] этих русских». Во-первых, представители местной власти выразили свое искреннее сожаление относительно распоряжения Анкары, которое они обязаны были выполнить. Далее, они высказывались в том духе, что-де отъезд честных людей, живущих своим трудом и работающих в большинстве случаев на местных турок, и на них, местных властей, «очень и очень неприятен». И, что особенно показательно, – грузчики и лодочники, перевозившие выдворяемых и их багаж с пристани на пароход, категорически отказались от какого бы то ни было вознаграждения за свою работу. Все понимали, что причина выдворения не в каких-то «дурных поступках» беженцев, понимали и от кого исходит инициатива выдворения ни в чем не повинных людей (см. [Малиновский, л. 17–23, 25–28]). Конец этой печальной истории, к сожалению, неизвестен.

Что касается официальной политики турок в отношении русских беженцев, то она не могла быть простой и однолинейной. Турки должны были соблюдать свои собственные интересы, не игнорировать притензий Москвы (в той степени, в какой они совпадали с их собственными) и учитывать активную деятельность Лиги Наций в решении беженского вопроса, т. е. международной организации, способной влиять на формирование мирового общественного мнения относительно действия любого государства.

ЭПИЛОГ

Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü
Cumhuriyet Arşivi

T. C.
BAŞVEKÂLET
MUAMELÂT MÜDÜRLÜĞÜ
Şube :
Sayı : 2
494

T. C.
BAŞVEKALETLİK
CUMHURİYET ARŞİVİ

KARARNAME

Beş sene oturma müddetini doldurarak vatandaşlığa alınmalarını isteyen ve fena bir halleri görülmediği anlaşılan Rus mültecilerinden 1892 Rusya doğumlu Leon Vasileviç Civanof (Abdullah Arslan Efendi ile karısı Aleksandr kızı Larisa (Fatma Nadide) hanımın, 1312 sayılı kanunun 5 inci maddesine göre Türk vatandaşlığına alınmaları; Dahiliye Vekilliğinin 24/5/934 tarih ve 9325/3168 sayılı tezkeresi üzerine İcra Vekilleri Heyetince 4/6/934 te tasvip ve kabulolunmuştr

4/6/934

REİSİCÜMHUR

Gazi M. Kemal

Bş. V.	Ad. V.	M. M. V.	Da. V.
Ha. V. V.	Ma. V.	Mf. V.	Na. V.
İk. V.	S. İ. M. V.	G. İ. V.	Zr. V.

030 18 01 02 45 39 4

На обороте:Указ Президента Турции Гази М. Кемаля о предоставлении гражданства семье беженцев [Bakar 385].

Многотысячная беженская масса, наводнившая Турцию, стала проблемой, требующей безотлагательного решения не только для зарождающегося на обломках империи государства, но и для такой глобальной международной организации, как Лига Наций.

Лиге Наций (действовала с 1920 по 1946 г.), главными целями которой было «развитие сотрудничества между народами и гарантия мира и безопасности», предстояло также решать проблемы всех россиян, оказавшихся за пределами родины после Октября 1917 г. и двух войн – мировой и гражданской[1].

Проблема русских беженцев усложнялась их правовой незащищенностью, поскольку подданство Российской империи они утратили, а стать гражданами РСФСР – страны, где в корне изменился общественнно-политический строй и их скорее всего ожидали репрессии, – совсем не стремились. Ни для кого не было секретом, что советская власть считала беженцев своими врагами и вела против них необъявленную войну, выпуская различные правительственные декреты то о так называемой амнистии солдатам Белой армии, то о лишении беженцев гражданства, то о конфискации их имущества и пр.

---

[1] В Стамбуле поначалу было зарегистрировано 170 000 русских». Так пишет Рив Нансен-Хейер в своей «Книге об отце», изданной в Ленинграде в 1986 г. А уже в 1922 г. в Стамбуле и его окрестностях число россиян составляло: в марте – 35 000, а осенью – 30 000 (см. соответственно [Bakar 154; Бочарова 168]). Данных о количестве «белых русских» в Анатолии, как уже отмечалось, практически нет.

Помочь беженцам могла только Лига Наций. Инициатором привлечения этого влиятельного международного органа стал Международный Комитет Красного Креста (МКК). 20 февраля 1921 г. МКК (по настоянию Россиского Общества Красного Креста) обратился с письмом в Совет Лиги Наций, указав на бедственное положение выходцев из России за границей и на необходимость назначить комиссара по делам русских беженцев[2]. 27 июня того же года на сессии Совета Лиги Наций после доклада представителя Франции было принято решение: 1) создать должность верховного комиссара по делам русских беженцев (с условием – он не должен быть русским; в качестве кандидата можно было рассматривать гражданина одного из нейтральных государств, при этом пользующегося высоким личным авторитетом, поддержкой в правительствах и среди русских организаций); 2) собрать конференцию представителей заинтересованных правительств. В докладе подчеркивалось, что вопрос о российских беженцах носит характер не только «политическо-социальный, но по преимуществу – финансовый». 3 сентября 1921 г. норвежец Фритьоф Нансен официально вступил в должность верховного комиссара по делам беженцев. Перед Верховным комиссариатом Лиги Наций стояли следующие задачи: учет, репатриация, расселение беженцев по странам и определение их правового статуса. Вопросами трудоустройства должно было заняться Международное Бюро Труда (МБТ) – исполнительный орган Международной Организации Труда (МОТ), дополнительный (на правах автономии) орган Лиги Наций, подконтрольный ее Административному Совету. МБТ ведал вопросами охраны труда, трудовыми отношениями, профессиональной подготовкой и др. При нем была создана беженская секция.

При всей популярности Нансена – исследователя Арктики, ученого с мировым именем, почётного члена Петербургской Академии наук (с 1898 г.), главы Комиссии Лиги Наций по делам военнопленных, будущего лауреата Нобелевской премии мира (1922) –

---

[2] По сведениям О. Даглар-Маджар и Э. Маджар, авторов книги «Белая армия в Турции», «29 марта 1921 г. Врангель отправляет в Лигу Наций телеграмму, призывая ее привлечь внимание мировой общественности к проблеме русских беженцев» [Macar 231].

совмещение им двух должностей (комиссара по борьбе с голодом в России и верховного комиссара по беженским делам) вызвало негативную реакцию русских эмигрантских кругов. Обвиняя советскую власть в организации голода, они считали, что «лицо, ответственное за судьбу беженцев, не должно сотрудничать с Советами». Юрий Ильич Лодыженский, уполномоченный РОКК при международных организациях в Женеве – писал Врангелю об этом «удручившем всех эмигрантов» факте: Нансену, «вынужденному отчитываться перед комиссией Лиги Наций за превышение своих полномочий, пришлось пережить несколько неприятных минут»[3] [Лодыженский, л. 11]. В ответ на все выпады Нансен заявил, что если его действия не будут одобрены, то он откажется от должности верховного комиссара по беженским делам. Но члены Совета Лиги Наций высоко ставили Нансена как личность, и это повлияло на исход дела.

Для изучения вопроса об условиях пребывания русских беженцев в Стамбул был направлен заместитель Нансена, британский государственный и политический деятель Сэмюэл Джон Хор. «После переговоров с представителями русских общественных организаций, находившихся в Стамбуле, он сделал заявление о необходимости как можно быстрее приступить к переселению россиян в более подходящие для них страны» [Bakar 154]. По мнению Хора, решение данной проблемы следовало передать в ведение британского полковника Проктора – председателя созданного Хором в Стамбуле Особого комитета по беженским делам[4]. С 1 января 1922 г. комитет уже приступил к регистрации беженцев и в короткий срок отметил 30 000 «белых русских». К марту того же года эта цифра была уточнена: в городе и его окрестностях находилось 35 000 беженцев; из них 24 000 изъявляли желание переехать в другую страну, 15 000 бедствовали» [Macar 235].

В октябре 1922 г. Нансен впервые прибыл в столицу Турции, чтобы лично ознакомиться с положением дел, касающихся беженцев

[3] 27 августа 1921 г. Нансен, один из организаторов помощи голодающим России, подписал соответствующее соглашение с наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным.

[4] Комитет находился по адресу: проспект Тешвикие, д. 40 [Macar 233].

цев. Здесь он встретился с представителем Великого Национального Собрания Турции в Стамбуле Хамид-беем (Хасанджаном). От него Нансен узнал, что Анкара намеревается выдворить всех русских беженцев из Стамбула и ликвидировать их общественные организации. На встрече с представителями этих организаций, состоявшейся 12 октября, Нансен изложил суть своей беседы с Хамид-беем. Через неделю информацию Хамид-бея подтвердил приехавший в Стамбул другой представитель Анкары – Рефет-паша (Беле) (см. [Macar 236]). Было ясно, что с решением вопроса беженцев в Турции надо торопиться.

Следующим практическим шагом Фритьофа Нансена стала реализация его идеи по учреждению международного сертификата для «бесподданных» и «беспаспортных» беженцев. 24 ноября 1922 г. глава Верховного комиссариата по делам беженцев Нансен направил Камиллу Барреру, председателю французской делегации на Лозаннской конференции, соответствующий меморандум. Вот фрагмент его текста: «Правительственная Конференция, проходившая во Дворце Лиги Наций с 3 по 5 июля 1922 года единогласно признала необходимость предоставления российским беженцам[5], по их просьбе удостоверения личности специального образца. Эта необходимость обусловлена большим числом беженцев, не имеющих паспортов или [имеющих таковые, но] с истекшим сроком годности и отказывающихся получать советские паспорта. В наибольшем затруднении находятся русские в Константинополе. Их юридическое положение официально не защищено и поэтому представляется крайне тяжелым. На данный момент ситуация еще более обострилась из-за того, что Правительство Ангоры требует их отъезда». В конце этого обращения Нансен просит Баррера

[5] З. С. Бочарова, составитель сборника документов и материалов о русских беженцах 1920–1930-х годов, пишет, что на этой женевской конференции, в которой приняли участие представители 16 правительств, впервые появилось определение понятия «русский беженец». Таковым считался беженец «русского происхождения, не принявший никакого другого подданства». Однако через несколько лет – по Женевскому межправительственному соглашению от 12 мая 1926 г. – это определение было видоизменено. Теперь «русским беженцем» признавалось «всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства» (см. [Бочарова 5, 14]).

«ввиду высокой гуманности этой меры и срочности, продиктованной сегодняшними событиями, принять систему [выдачи «удостоверения специального образца»], полностью отвечающую интересам присоединившихся стран. Она облегчит наитруднейшее положение, в котором находятся российские беженцы в Константинополе. Позволю себе добавить, – продолжает Нансен, – что господин генерал Пелле, Верховный Комиссар Французской Республики в Константинополе, с которым я имел честь беседовать по этому поводу, не видит никаких препятствий на пути установления предложенной системы. *Лозанна, 24 ноября 1922 года*». Через несколько дней, 29 ноября, Нансен отправил в Париж М. Н. Гирсу, председателю Совета послов[6], копию меморандума и сопроводительное письмо, в котором писал, что теперь требуется только согласие французского правительства, чтобы решить проблему удостоверений личности для российских беженцев в Константинополе – и выразил надежду, что Гирс в самый короткий срок постарается сделать все от него зависящее, «чтобы гарантировать благоприятное решение этого вопроса» (см. [ГАРФ, ф. 5908, оп. 1, д. 1, л. 57; Бочарова 173–176]).

Итак, сертификат (или удостоверение личности беженца) выдавался на основании постановлений Конференции представителей правительств, созванной Нансеном, Верховным комиссаром по делам русских беженцев, и состоявшейся в Женеве 3–5 июля 1922 года. В историю он вошел под названием «Нансеновский паспорт». Этот паспорт признавался «странами-реципиентами при условии, что беженец выполнял все требования, предъявлявшиеся к постоянным жителям страны»; его можно было получить при на-

[6] Михаил Николаевич Гирс (1856–1932) – российский дипломат. Окончил Пажеский корпус. С 1878 г. он посланник в Бразилии, Китае, Баварии, Румынии, затем посол в Австро-Венгрии (1912-1913), Османской империи (1913–1914) и Италии (с 1915 г.). После Октября 1917 г. по приказу Троцкого уволен с поста посла. Жил и скончался в Париже. Как старейший дипломат входил в состав созданной в начале 1921 г. в Париже неофициальной организации «Совещание российских послов», чей постоянный орган «Совет послов», воглавлявшийся Гирсом и признававшийся французскими властями, выполнял функции «в отношении российских эмигрантов, осуществлял координацию деятельности бывших дипломатических представителей царского и Временного правительств» (см. [Бочарова 353–354, примеч. 31]).

личии либо паспорта, выданного царским или Временным правительством (или невозобновленного советского), либо документа, подтверждающего, что данное лицо является эмигрантом. Нансеновский паспорт «терял силу, если эмигрант отправлялся на территорию советской России, и не мог быть выдан лицам, легально выехавшим из нее». Он должен был возобновляться ежегодно. Выдавался он не Лигой Наций, а правительствами стран-реципиента (см. [Бочарова 15]). Получение паспорта оплачивалось 5 франками, оплата подтверждалась маркой с изображением Нансена, что заменяло герб той или иной страны; марочные сборы шли на нужды беженцев.

К ноябрю 1922 г. 12 европейских государств одобрили систему удостоверений личности, предложенную на июльской женевской конференции. В феврале 1923 г. ежедневная газета русских эмигрантов в Берлине «Руль» сообщала, что сертификат для беженцев принят уже 22 странами, а к сентябрю того же года Нансеновский паспорт был признан 30 государствами. Большинство стран приняло июльское соглашение без оговорок, а некоторые – лишь основные принципы. Иные же – Бельгия, Канада и Эстония – выдавали собственные документы для русских беженцев. Нансеновский паспорт не устранял всех ограничений для беженцев. Их социальное и правовое положение в большой степени оставалось зависимым от доброй воли правительства принимающего государства. Но этот нововведенный документ, удостоверял личность, и, при сохранении определенных трудностей, давал возможность его обладателям передвигаться из страны в страну.

Как уже говорилось, советское правительство оказывало давление на Кемаля, требуя выдворения беженцев из страны. Кроме того, Москва стремилась создать напряженность в отношениях между Турцией и Лигой Наций, некоторые представители которой считали, что беженцы могут остаться в Турции. Так, в протоколе заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 28 сентября 1922 г., подписанном Сталиным, раскрывается позиция Москвы, в частности, по вопросу: Лига Наций–Турция. В документе (пункт II*а*) записано: полпреду Аралову и наркому иностранных дел Чичерину (первому – в Турции, второму – в русской печати)

«осветить вопрос о том, что предполагаемое, по-видимому, союзниками вступление Турции в Лигу Наций явилось бы [...] переходом Турции в число врагов советской власти [...] и должно быть всеми мерами предупреждено» [Турция: рождение нац. гос-ва 224–225].

Та же позиция Москвы легко прослеживается и во время встречи наркома Чичерина с министром Тевфиком Рюштю, состоявшейся в ноябре 1926 г. в Одессе. Когда нарком понял, что Турция не прочь стать членом Лиги Наций, он отнесся к этому весьма отрицательно и привел доводы, которые определенным образом подействовали на турецкого министра. В результате «было констатировано», что обе стороны «считают нецелесообразным и нежелательным вступление Турции» в эту организацию (подробнее см. [СССР и Турция 68–69]).

Так что Турции при решении проблемы русских беженцев приходилось постоянно лавировать между советским правительством и Лигой Наций. Осенью 1922 г. Великое Национальное Собрание принимает постановление об ограничении срока пребывания русских беженцев в стране пятью годами, т. е. до 1927 г. они должны сделать жизненно важный выбор – либо покинуть страну, либо принять турецкое гражданство. Слухи об этом неожиданном решении быстро распространились среди беженцев и Анатолии, и Стамбула.

Здесь надо сказать, что незадолго до обнародования этого постановления, а именно в марте 1922 г., некоторые беженцы, по словам Бюлента Бакара – автора книги «Гости плененного города. Белые русские»[7], уже изъявляли желание перейти в османское гражданство. Например, с такого рода ходатайствами к местным властям обратились осевшие в «районе Чаталджи четырнадцать беженцев: врач, двое портных, сапожник, рыболов, двое уборщиков и семеро сельскохозяйственных работников. Через месяц был получен ответ из министерства внутренних дел, в котором говорилось, что́ именно нужно предпринять для положительного решения этого вопроса». Немало одиноких русских женщин, потерявших надежду вер-

[7] Бакар обыгрывает название романа уже упоминавшегося турецкого писателя Кемаля Тахира «Люди плененного города» (1956).

нуться домой, принимали мусульманскую веру, после чего могли выйти замуж за турка и получить гражданство. Бывали случаи, когда мусульманами становились и беженцы-мужчины. Некий «Николай сын Александра из селения Сазлыбосна района Чаталджи испросил у властей разрешения перейти в ислам и взять себе имя Сефвет, а бывший русский майор-ростовчанин Иван Иваныч, проживающий в Анадолу-Хисаре, в доме бакалейщика Ахмеда-эфенди, принял ислам и взял себе имя Доган Ариф» (см. [Bakar 143–145]). Тот же автор замечает, что и в следующие годы подобные факты, когда отдельные беженцы принимали турецкое гражданство, имели место.

2 октября 1923 г. союзники ушли из Стамбула, а 6 октября в город вступила кемалистская армия. Тогда же самоликвидировались посольство царской России и большинство беженских общественных организаций. В 1923–1925 гг. отток гражданских беженцев продолжался. В своем докладе (от 25 января 1924 г.) о решении беженского вопроса в Лиге Наций Н. И. Астров[8] приводит сведения представителя Верховного комиссариата в Стамбуле о том, что «в Конст[антинопо]ле остается до 7000 русских. Из них около 5000 имеют более или менее обеспеченный заработок и не стремятся уезжать из этого города. Около 1000 нищенствуют, и около 1000 добиваются отъезда в другие страны. Положение русских пока сносно […] но поручиться за длительность этого состояния, конечно, нельзя». Сам докладчик выражает беспокойство по поводу возможной ликвидации в течение 1924 г. Верховного комиссариата по делам русских беженцев и призывает «признать необходимым принять все возможные меры к тому, чтобы общая забота и попечение о русских беженцах были сохранены Лигой Наций» (цит. по [Бочарова 132, 133]).

После ухода союзников из Стамбула начались всякого рода ограничения для беженцев со стороны турецкого правительства. Почти одновременно, 23 сентября 1923 г., из Москвы в Стамбул прибыла репатриационная комиссия во главе с советским дипломатом В. П. Потемкиным. После пяти карантинных дней членов ко-

---

[8] Представитель Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (РЗГК) при Лиге Наций.

миссии поселили в дорогом отеле «Лондра» («Лондон»). Перед отъездом в Турцию Потемкин встретился с послом анкарского правительства в Москве, который заверил его, что в Стамбуле комиссии будет оказано содействие в решении ее задач. А задачи заключались в следующем: 1) «помочь выехать из Стамбула тем, кто эмигрировал в Турцию вместе с врангелевской армией, и русским пленным [очевидно Первой мировой войны], желающим вернуться на родину» (по сведениям Потемкина, полученным им еще в Москве, таковых в Стамбуле было 10 000); 2) перевести в собственность советского государства находящуюся в Турции недвижимость Российской империи (здание посольства и др.)[9]. 29 сентября Потемкин сделал заявление турецкой прессе о целях приезда советской комиссии. В частности, он сказал: «…никаких принудительных действий по отношению к русским эмигрантам с нашей стороны не будет и быть не может, и мы останемся здесь до тех пор, пока не выполним свою миссию». Представители комиссии «посетят места скопления беженцев и постараются убедить их вернуться в Россию». В январе 1924 г. Потемкину приходит телеграмма от наркома иностранных дел Чичерина. В ней сообщается, что «следует оказать помощь находящимся в Стамбуле беженцам, а именно офицерам Белой армии – раненым и больным, которые хотят вернуться на родину». Это выглядело как частичная амнистия со стороны советского правительства, которую оно не раз объявляло. В результате в Новороссийск было отправлено 250 офицеров и 300 солдат. В Новороссийске офицеров, у которых недоставало нужных документов, задержали на корабле. Комиссия связалась с Москвой. От Чичерина был получен ответ: чиновники должны провести расследование в отношении каждого офицера, и только тогда можно будет решать эту проблему (см. [Bakar 228–232]). В общем, работу комиссии Потемкина успешной не назовешь. В 1925 г. она была ликвидирована.

В марте 1925 г. совершенно неожиданно была закрыта единственная русская газета в Стамбуле «Пресс дю Суар», отличавшаяся «глубочайшей лояльностью в отношении Турции». Вскоре там же

[9] Советскому государству было передано «русское посольство, консульство и все их вспомогательные учреждения: госпиталь, церкви, дома, земли, дачи и проч. имущество» [Бурнакин, л. 19].

появилась новая – столь же лояльная и аполитичная – «Вечерняя газета», но и ее постигла та же участь: немногим более чем через год ее запретили (см. [Бурнакин, л. 19–20]).

Летом 1925 г. турецкий парламент выносит ряд новых, более жестких, чем в 1922 г., постановлений. Положение русских беженцев к весне 1926 г. довольно подробно описано представителем Земского союза в Стамбуле А. Л. Глазовым в «справке» от 2 апреля 1926 г., составленной для М. Н. Гирса:

«Общее число русских беженцев в Турции не превышает ныне 4000–5000 человек. Не менее 90% этого числа проживает в Константинополе, а остальные 10% рассеяны по различным местностям Анатолии, причем в последнее время эти проживающие в провинции беженцы постепенно лишаются своих мест и заработка и высылаются на жительство в Константинополь.

Как и в других местах расселения, русские беженцы в Константинополе в подавляющем числе зарабатывают средства к существованию наемным и поденным трудом. Более или менее крупных предприятий, организованных русскими и дающих постоянный заработок своим соотечественникам, в Константинополе почти не осталось. Одной из характерных особенностей русской беженской колонии в Константинополе является довольно значительное число инвалидов и нетрудового элемента: последовательные эвакуации – сначала в балканские страны, затем в Соединенные Штаты и в последние два года во Францию – в значительное мере выкачали из Константинополя молодежь и вообще энергичных и способных к физическому труду людей. До настоящего времени помощь такому нетрудоспособному элементу, осевшему в Константинополе, оказывается известными американскими благотворительницами Митчел и Регельс[10].

До лета прошлого, 1925 г. русские беженцы не были стеснены в праве приложения своего труда и знаний в самых разнообразных отраслях местной экономической жизни. Единственное правовое ограничение, строго соблюдавшееся турками, заключалось в отказе выехавшим за границу белым русским в обратных визах на въезд в Турцию. Весьма неохотно давались турками и разрешения

[10] У Малиновского – мисс Митчелл и мисс Борглес.

на въезд в Анатолию, но при известной протекции и хлопотах эти разрешения можно было получить.

В общем же, русским беженцам до лета прошлого года жилось в Турции сравнительно спокойно и хорошо, особой безработицы среди них не наблюдалось, и имелись уже кое-какие перспективы в отношении устройства значительного числа русских специалистов на ряд крупных государственных и муниципальных предприятий.

Но вот начиная с осени 1925 г., в связи с неудачными для Турции переговорами по Мосульскому вопросу[11] [не только, см. очерк «Анатолия…»], политика турецкого правительства в отношении иностранцев, а в т. ч. и русских беженцев, резко меняется. Основываясь на неопределенно редактированной ст. 4 Лозаннского договора, турецкое правительство под видом защиты интересов турок от конкуренции иностранного труда начинает издавать последовательно ряд декретов, лишающих иностранных подданных права заниматься известными ремеслами и промыслами, а также состоять служащими в целом ряде предприятий – не только государственных и общественных, но и частных. В первую очередь, и наиболее болезненно, отразилось это на русских беженцах, лишенных и консульской и иной авторитетной защиты и потому предоставленных всецело самим себе. Хотя путем различных ходатайств, а порою и взяток полицейским властям и удавалось в некоторых случаях отсрочить применение упомянутых декретов, но все же положение создалось невыносимое и безработица среди беженцев резко увеличилась. Сделанные представителями русских организаций попытки проехать в Ангору и на месте выяснить вопрос о предоставлении русским беженцам известных льгот, кончились неудачей – такого разрешения на поездку в Ангору получить не удалось. Положение осложнилось и тем, что начиная с декабря 1925 г. совершенно прекратилось поступление в местное отделение Международного Бюро Труда контрактов на работу во Францию.

[11] Речь идет о затянувшемся споре между Турцией и Великобританией по поводу принадлежности нефтеносного Мосульского района, до 1918 г. входящего в состав Османской империи.

Таким образом, наряду с осложнившимся политическим положением и растущей безработицей константинопольская беженская русская колония лишилась единственного места, куда могла она направить свой здоровый и способный к физическому труду элемент. Все это заставило представителей русских организаций в Константинополе обратиться к вновь назначенному на Балканы делегату Международного Бюро Труда г. Шарпантье с настойчивой просьбой поспешить приездом в Константинополь и путем непосредственных переговоров с авторитетными представителями турецкого правительства выяснить положение русских беженцев и постараться добиться для них известных льгот, которые бы позволили беженцам по-прежнему работать и не быть в тягость ни самому турецкому правительству, ни местному населению.

В первых числах марта с. г. [1926] Шарпантье прибыл в Константинополь. В ряде совещаний с представителями русских организаций г. Шарпантье был подробно ознакомлен с положением русского вопроса в Турции, и ему был вручен меморандум, содержащий в себе все те минимальные пожелания, которых желательно было бы добиться от турецкого правительства для урегулирования русского беженского вопроса. Выехавший вслед за этим в Ангору г. Шарпантье имел там [… встречи] с министром иностранных дел [Тевфиком Рюштю], замещавшим уехавшего в отпуск председателя Совета министров Исмет-пашу, и с министром внутренних дел. Поездка и переговоры с турками г. Шарпантье не дали никаких благоприятных результатов. Под несомненным влиянием большевиков турецкие правящие круги заявили о своем совершенно отрицательном отношении к белым русским. Все попытки г. Шарпантье добиться отмены декретов, запрещающих труд иностранцев, в отношении русских беженцев окончились неудачей.

Поднятый г. Шарпантье вопрос о продлении для беженцев права политического убежища после августа 1927 г. тоже был резко отклонен. Сам Шарпантье не скрыл от представителей русских организаций, что считает создавшееся в отношении русских беженцев настроение в Ангоре угрожающим и безнадежным, и советует всем, кто только может и не желает рисковать, покидать пределы

Турции. Со своей стороны, г. Шарпантье обещал осведомить о результатах своей поездки в Ангору Международное Бюро Труда и просить последнее выслать в Константинополь возможно большее число контрактных виз во Францию.

О том, в каком угнетенном положении находится сейчас русская колония в Константинополе, говорить не приходится – это понятно само собою; необходимо поэтому принять самые срочные меры к возможному усилению эвакуации русских из Константинополя. Осуществить это надо тем более скорее, пока еще – до осени текущего года – продолжают работу и отделение Международного Бюро Труда, и американские благотворительницы Митчел и Регельс. Последние оказывают денежную помощь всем эвакуирующимся русским, что при наличии виз значительно облегчает эвакуацию. Однако деятельность этих бескорыстных друзей русской колонии оканчивается в октябре с. г., и если не будет использован остающийся до этого срока период, то эвакуация после октября с. г. будет уже значительно осложнена и затруднена отсутствием какой-либо финансовой помощи.»

Далее, с целью избежать ухудшения положения беженцев, автор «записки» предлагает в срочном порядке добиться от турецкого правительства отмены ограничений в трудоустройстве русских, получить как можно больше контрактных виз во Францию и просить правительства иностранных государств принять беженцев, способных обеспечить себя «только кустарным и ремесленным трудом» [Глазов, л. 39–41].

Как видим, вопросы о продлении («после августа 1927 г.») права политического убежища для беженцев и права на труд, поднятые весной 1926 г. прибывшим в Анкару представителем Лиги Наций Шарпантье, были отклонены турецким правительством.

В общем, политика Анкары и Москвы в отношении русских беженцев продолжалась в том же духе. Летом 1926 г. был проведен ряд арестов среди русских и некоторые из них были высланы из страны. Так, по обвинению в «близости к англичанам» неожиданно был арестован и вскоре выдворен из пределов Турции полковник С. Н. Крейтон, который как начальник Организации помощи и содействия русским беженцам еще оставался в Турции. Оказыва-

ется, в эмигрантской среде в это время появились провокаторы, к чьим услугам стали прибегать турецкие власти. Русских то и дело «вызывали в полицию» по вопросам (например, о замыслах англичан), которые никак не могли быть им известны.

Тогда же центральные стамбульские газеты «Акшам», «Джумхуриет» и «Миллиет» начинают печатать статьи, обвиняющие беженцев в дурном влиянии на местные нравы, во враждебном отношении к Турции, к ее власти, новым республиканским реформам, в неблагодарности за оказанное гостеприимство, а также публикуют нелепые романы с продолжением, в которых беженцы затевают реставрацию монархии в Турции. Газеты считают необходимым ускорить высылку «белых русских» из страны и уж во всяком случае не давать им никаких отсрочек. Подобного рода публикации приобрели систематический характер, когда стал истекать пятилетний срок пребывания беженцев в Турции, то есть в конце лета 1927 г. Кстати, эти же газеты были буквально наводнены всякого рода благожелательной информацией о деятельности советских учреждений в Стамбуле. Мало у кого возникало сомнение в том, что хорошо продуманная и организованная кампания инспирирована силами, которые располагают достаточными финансовыми возможностями и заинтересованы в скорейшем выдворении «белых русских» из Турции.

Названные газеты и в дальнейшем будут в том же ключе освещать проблему беженцев. Их позицию никак нельзя рассматривать как общепринятую. Независимые органы печати совершенно иначе рассматривали эту проблему. Речь идет о газете «Стамбул» («орган французских интересов на Ближнем Востоке»), редактируемой известным в то время журналистом и большим другом русских Пьером Легофом, а также о влиятельной турецкой либеральной газете «Икдам». Так, в одной из своих статей редактор этой газеты Ахмед Джевдет писал об истинном отношении турок к русским беженцам: «Нет большего бедствия и душевного страдания, чем быть вынужденным жить на чужбине. Белым русским выпала на долю такая тяжкая участь. Судьба их закинула в разные страны. Некоторые прибыли в нашу страну. Число их в настоящее время свелось к трем тысячам человек. Мы теперь требуем, чтобы

и они покинули нашу страну. Но почему, в силу какой необходимости – этого я никак не могу понять, отказываюсь понять. Среди русских много людей науки и искусства. Среди них много специалитов и ученых по разным отраслям знаний. Кто из нас в состоянии отрицать заслуги русских ученых в области изучения турецкого языка?! Результаты последних исследований о Турции мы воспринимаем от тех же русских ученых. Сами мы никогда не бывали в этих тюркских поселениях и не исследовали этих […] углов. Всем известно, что русская литература, русская драма, опера и музыка достигли высочайшей степени […] совершенства. […] Помимо сего, специалисты в области техники, инженеры, ученые, художники не прошли мимо нас. Но мы не сумели оценить их. Если бы могли их удержать у себя, то наше министерство народного просвещения явилось бы обладателем многих научных и художественных сил путем сравнительно небольшой затраты. […] Что значит эти две-три тысячи человек? Ни в смысле материальном, ни в смысле политическом это меньшинство не может принести нам никакого вреда. Напротив того, нам могут принести величайшую пользу эти образованные и воспитанные люди, полные продуктивной силы». Далее Ахмед Джевдет говорит о традициях турецкого гостеприимства, о необходимости милосердия. С большим уважением он отзывается о русских женщинах-беженках. Находясь в больнице, он видел, как «достойно выполняли свои обязанности» русские сестры милосердия – словно «совершали религиозный обряд». В заключение автор статьи призывает турецкое правительство навсегда оставить в стране «полезных ей русских эмигрантов» (см. [Бурнакин, л. 20–21, 23–24]).

Трудно сказать, обратили ли внимание на эти призывы турецкие власти. Срок пребывания «белых русских» (скорее всего благодаря усилиям представителя Лиги Наций) был отсрочен еще на полгода, т. е. с 6 сентября 1927 года до 6 февраля 1928 года. Этот вопрос горячо обсуждается на первых полосах турецких газет. Но никаких официальных заявлений по этому поводу пока нет. И лишь после того, как заведующий Константинопольским отделением МБТ Н. А. Лемтюгов обрисовал тяжелое положение беженцев представителю ВНСТ в Стамбуле, а тот, в свою очередь, 31 июля 1927 г.

сообщил об этом в министерство иностранных дел, из министерства в тот же день пришла телеграмма, уведомляющая, что выдворение белых русских из города, «намеченное на 1 августа» [так у Бакара!] 1927 г., не состоится. В это время в Стамбуле в общей сложности насчитывалось 2700 белых русских[12]. Их пребывание в городе было отсрочено на шесть месяцев, т. е. они должны были покинуть Стамбул 28 февраля 1928 г.[13]». Лига Наций в письме на имя министра иностранных дел Тевфика Рюштю (от 1 августа 1927 г.) выразила благодарность за оказанный министром прием помощнику верховного комиссара по делам беженцев Джонсону, а также поблагодарила правительство, которое проявило понимание проблемы и продлило срок пребывания русских в Турции. Всё это успокоило беженцев – они стали надеяться на возможность следующей отсрочки. Но вскоре газеты сообщают о том, что февральский срок будет окончательным и что «белым русским» следует как можно скорее обзаводиться документами на выезд (см. [Bakar 238–240]).

Лига Наций, хоть и выразила благодарность анкарским властям, прекрасно понимала, что организовать в столь короткий срок эвакуацию русских невозможно и надо вернуться к обсуждению этой проблемы. Но договориться с Турцей было очень непросто: «закулисное влияние» на ее правительство не ослабевало, и примеры тому есть. Так, в ноябре 1927 г., на приеме в советском посольстве по поводу десятилетия советской власти, Тевфику Рюштю было вновь подчеркнуто желание Москвы видеть Стамбул без «белых русских».

---

[12] Это количество беженцев соответствует данным Малиновского (л. 30), который об этой второй высылке русских пишет следующее: «В самом центре их сосредоточения – в Константинополе – насчитывалось их около 2500–3000 человек, в значительном числе инвалидов, стариков, больных». Еще один источник подтверждает названное количество беженцев: к 1928 г. в Стамбуле оставалось 2879 человека; из них 911 женщин, 368 детей и 158 инвалидов (см. [Иностранец, 1998: № 7]).

[13] Бакар ссылается на газету «Сон Саат» (04.08.1927). В этой же ссылке он отмечает, что газета «Миллиет» (03.08.1927) называет другой срок – 8 февраля 1928 г., а «Икдам» (23.01.1928) – 6 февраля и что вообще приводимые газетами данные порой разнятся. Тем не менее, Бакар в своей работе широко использует газеты как источник информации.

Тактики дальнейших переговоров с турецким правительством с целью отсрочки выдворения и разрешения некоторым беженцам остаться в Турции придерживался представитель Международного Бюро Труда в Стамбуле и одновременно особоуполмоченный Международного Красного Креста д-р Шлеммер. А руководитель беженской секции МБТ Джонсон считал необходимым энергичнее заниматься «устройством высылаемых на разные работы вне Турции», что грозило тяжелыми последствиями для русских. Отправлять эмигрантов в страны, готовые их принять (африканские колонии европейских государств, Перу, Боливия, Сан-Доминго в Южной Америке и тому подобные места), было бы весьма негуманно из-за свирепствовавших там опасных болезней, а также из-за «тяжелых обязательств» и долговременных контрактов; например, были случаи предлагаемых контрактов на срок в 33 года!. Туркам тактика Джонсона была на руку: она оправдывала их перед теми, кто продолжал утверждать, что «насильственная и спешная эвакуация бесчеловечна и вряд ли осуществима».

«Ходатаю русских» Шлеммеру после длительных переговоров, для чего ему приходилось часто выезжать из Стамбула в Анкару, удалось убедить турок в том, что насильственной эвакуации в столь краткий срок (до 6 февраля 1928 года) не удастся произвести. Не желая обострять отношения с турками, Шлеммер стал дипломатично добиваться продления срока эвакуации до 6 февраля 1929 г. После трудных, длившихся весь январь 1928 г. переговоров с министром иностранных дел вопрос о новом сроке (до 6 февраля 1929 г.) был разрешен положительно; при этом оговаривалось, что уехать должны будут те, кто не имеет средств к существованию (см. [Bakar 241]).

Турки, договорившись с д-ром Шлеммером, т. е. с Лигой Наций, приняли также условия советского полпредства о частичной высылке россиян. И анкарское правительство выносит решение о выдворении из страны в административном порядке 56 человек – преимущественно руководителей русских общественных организаций и представителей прессы. В результате из Турции были высланы представители РОКК; редакторы, последовательно издававшие русскую газету в Стамбуле, Е. В. Максимов, Б. В. Ратимов;

крупный журналист А. А. Бурнакин и др. Газета «Акшам», «ведущая поход против русских», поместила заметку о высылке этих «деятелей эмиграции» и злорадно озаглавила ее «Скатертью дорога!».

Между тем некоторые беженцы продолжали ходатайствовать перед турецким правительством о предоставлении им гражданства. Шлеммер во время переговоров в Анкаре убеждал турок, что следует предоставить гражданство людям той профессии, которая полезна для Турции.

В это время в Стамбуле продолжают свою благотворительную деятельность упомянутые Глазовым мисс Митчелл и мисс Регельс. Как пишет Г. Малиновский, эти две американки, оказавшиеся в Стамбуле осенью 1920 г., стали свидетелями прибытия из Крыма врангелевской армады. То, что они увидели, потрясло их, и они решили посвятить себя делу помощи русским беженцам. В течение восьми лет за счет собственных средств и путем сборов они пытались облегчить тяжелую судьбу обездоленных людей. В 1928 г. их энергичные усилия привели к тому, что сумма сборов составила 100 тыс. долларов. Поначалу контроль над этой суммой получил глава беженской секции Международного Бюро Труда Джонсон. Но ознакомившись с довольно-таки бюрократическими приемами МБТ, «американские жертвователи» создали в Стамбуле «свой особый комитет». Председателем комитета был избран д-р Шлеммер, а после его отъезда из Турции его заместила сама мисс Митчелл. Прежние методы помощи русским эмигрантам были основательно изменены, и беженская секция МБТ стала выдавать ссуды по распоряжению комитета. При этом у последнего всегда имелась свободная сумма для особо срочных случаев. Ссуды выдавались тем, кто желал выехать из Турции, причем без всякой гарантии – на доверии. То есть получивший за границей работу беженец мог вернуть ссуду, «когда ему позволят обстоятельства». Весной 1928 г. каждому члену выезжающей (в любую страну) семьи, в том числе и малолетнему ребенку, полагалась ссуда в 35 турецких лир […] оплачивался проезд до места назначения, возмещались расходы по получению паспорта и виз. Но уже летом размеры ссуд снизились. Приезжавшим из Анатолии в Стамбул (в ожидании выполнения всех

предотъездных формальностей), только иногда выдавалось денежное пособие (на пропитание и оплату жилья).

Весной 1928 г. в Стамбул прибыл специальный чиновник французского министерства труда, чтобы предложить беженцам контракты (в основном шестимесячные) на тяжелые работы (копи, каменоломни) во Францию и ее колонии. Так, 345 контрактов предназначалось для работ на копях в Алжире. Кроме того, из Франции для одиноких русских женщин, желающих выехать, было получено свыше 50 контрактов на сельскохозяйственные работы и 10 – «для женщин, специально умеющих доить молочный скот»; поступил и ряд частных приглашений из Алжира и Туниса, а также с Ривьеры (юг Франции) на работу «домашней прислугой или кельнершами (официантками). Королевство СХС прислало 440 бесплатных виз для русских […], высылаемых или желающих заблаговременно добровольно выехать в славянскую страну», при этом оно не связывало никого контрактами, предоставляя возможность каждому выбрать себе род занятий. Летом 1928 г. в Константинополе велась запись желающих уехать в Южную Америку – в Парагвай, Уругвай или Аргентину. К августу записалось свыше 50 человек; ожидались новые записи. Определенных контрактов не было, т. е. люди должны были на месте подыскивать себе работу. Среди тех, кто решил уехать в Южную Америку, были даже кавказцы-мусульмане; речь идет о тех, кто хоть и стал турецким гражданином, но оставаться в Турции не пожелал, поскольку не все российские мусульмане – турецкие граждане – получили от турецкого правительства землю. В это время уезжали лишь те, кто этого хотел, и никакой насильственной эвакуации не проводилось (см. [Малиновский, л. 38, 39, 41–43]).

В 1928 г., по данным газеты «Икдам» (30. 02. 1929), Лиге Наций удалось вывезти из Турции более 500 россиян (см. [Bakar 254]).

В конце 1928 г. турецкие газеты писали, что правительство намеревается продлить срок пребывания «белых русских», но никаких официальных заявлений по этому поводу не появлялось, притом даже после того, как назначенный срок (6 февраля 1929 г.) истек. И только 27 марта 1929 г. (видимо, усилия Шлеммера достигли своей цели) министерство иностранных дел официально

сообщило руководству Стамбульского вилайета, что русские должны покинуть страну в течение этого года, кроме тех, кто принял ислам, получил турецкое гражданство, обзавелся капиталом, является инженером, архитектором или имеет другую полезную для Турции профессию. И в дальнейшем турецкое правительство будет продлевать этот срок, каждый раз демонстрируя свое доброжелательное отношение к тем, кто смог адаптироваться к жизни в этой стране и был ей полезен (см. [Bakar 242]).

Последние газетные сообщения о предоставлении русским беженцам турецкого гражданства относятся к 1936 г. В этих сообщениях содержится одна и та же информация. Так газета «Сон поста» 22 июня 1936 г. писала, что Лига Наций обратилась в турецкое правительство с просьбой «предоставить гражданство 1015 семьям «белых русских», по политическим причинам оказавшимся в Турции после русской революции», что эта «инициатива была в короткий срок рассмотрена заинтересованной стороной и из 1015 семей 986-ти было предоставлено турецкое гражданство» (см. [Bakar 391]).

Так закончилась недолгая история «белых русских» в Турции.

Сегодня в Стамбуле проживают их потомки. Они интегрированы в турецкий социум, не забывают о своих русских корнях, но мало кто из них владеет русским языком. Да и фамилии у большинства турецкие.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

Аверченко – Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко // Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 20. Аркадий Аверченко. М., 2004.

Аверьянов – *Аверьянов П. И.* Воспоминания «Генерал Слащёв-Крымский (Из рассказов о нем его ближайших сотрудников и сослуживцев)» [1929] // ГАРФ, ф. 7332, оп. 1, д. 11, л. 1–22.

Базили, 2006 – *Базили К. М.* Очерки Константинополя; Босфор и новые очерки Константинополя. М., 2006.

Баран, 2006 – *Баран Тюлай Алим*. Жизнь русских эмигрантов в Стамбуле в эпоху перемирия / Пер.: С. Николаев // Журнал исследовательского центра Ататюрка. [Анкара]. 2006, т. 22, № 64–66 (март, июль, ноябрь). – http://www.dk1868.ru/ statii/Istanbul_Rus.htm

Белое дело, 2003 – Белое дело: Избр. произведения в 16 кн. Кн. 13. Константинополь – Галлиполи / Сост., науч. ред. и коммент. С. В. Карпенко. М., 2003 (История и память).

Бобринская – Центральное Справочное Бюро в Константинополе. 1921 г. // ГАРФ, ф. 5980, оп. 1, д. 2.

Бобровский, 2003 – *Бобровский П. С.* Крымская эвакуация // Белое дело, 2003.

Бочарова, 2004 – Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / Сост.: З. С. Бочарова. М., 2004.

Бурнакин – Доклад белоэмигранта Бурнакина А. А. о положении белоэмигрантов в Турции. 3 апреля 1928 г. // ГАРФ, ф. 6821, оп. 1, д. 1.

Вертинский, 1990 – *Вертинский А.* Дорогой длинною… М., 1990.

Вздорнов, 1992 – *Вздорнов Г.* Русские художники и византийская старина в Константинополе // Творчество: Ежемесячный журнал теории и критики современного изобразительного искусства. 1992, № 1.

Врангель, 1992 – Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. [В 2 ч.]. Ч. 1. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992.

Галлиполийский крест, 2009 – Галлиполийский крест Русской армии. М., 2009.

Глазов – Справка о положении русских беженцев в Константинополе, подготовленная представителем Всероссийского Земского Союза в Константинополе А. Л. Глазовым для М. Н. Гирса. 2 апреля 1926 г. // ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, д. 70.

Глинка – Доклад Главному Управлению Российского Общества Красного Креста Председателя Комитета Р. О. К. К. на Ближнем Востоке Сенатора Г. В. Глинки о положении дел к концу 1921 года. Константинополь. Октябрь 1921 г. // ГАРФ, ф. 6021, оп. 1, д. 2.

Гордлевский, 1961 – *Гордлевский В. А.* Переходная пора османской литературы // Избр. сочинения. Т.2. Язык и литература. М., 1961.

Гребенчикова, 1997 – *Гребенчикова О.* О бизнесе белоэмигрантов // Былое. 1997, № 9.

Дело о гибели яхты «Лукулл» – Дело о гибели яхты «Лукулл» белоэмигрантского главнокомандующего Русской армии. 1921 г. // ГАРФ, ф. 6666, оп. 1, д. 12.

Дымов – *Дымов*. Записка о работе первого ночлежного дома в Константинополе за период с 25 января (день открытия) до 9 февраля 1921 года // ГАРФ, ф. 5980, оп. 1, д. 2 (Центральное Справочное Бюро в Константинополе. 1921 г.).

Жевахов, 2008 – *Жевахов А.* Кемаль Ататюрк. М., 2008 (ЖЗЛ. Серия биографий).

Заграничное Рус. Церковное Собр. – Заграничное Русское Церковное Собрание. 1921 г. // ГАРФ, ф. 7066, оп. 1, д. 1.

Зарницы: Еженедельный политическо-общественный журнал. Константинополь. 1921, № 1–26*.

Ильченко, 2003 – *Ильченко С.* Смертный путь княгини // Труд. 01.04.2003.

Иностранец, 1998 – 100 тысяч долларов для русских беженцев [ст. в рус. газ.:] Рассвет. Чикаго, 27.02.1928) // ***i***ностранец. М., 1998, № 7 (214).

Кавтарадзе, 1990 – *Кавтарадзе А. Г.* Предисловие // Слащов-Крымский, 1990.

Караджев, 2000 – *Караджев А.* Дневник: 1916–1966 / Предисл. и публ. А. И. Брагинского // Дружба народов. 2000, № 2.

Карпов, 2002 – *Карпов Н.* Крым – Галлиполи – Балканы. М., 2002.

Кеосева, 2005 – *Кеосева Ц.* Неизвестный американский архив о русских беженцах в Турции // Русская газета в Болгарии. 2005, № 80.

* *Начиная с 20 марта, т. е. с № 3, печатался в Софии, но распространялся в Стамбуле; последний номер – 26-й – вышел 6 ноября.

Киреев, 2007 – *Киреев Н. Г.* История Турции: XX век. М., 2007 (История стран Востока: XX век).

Костиков, 1990 – *Костиков В.* Не будем проклинать изгнание: Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990.

Левицкий, 1999 – *Левицкий Д. Н.* Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М., 1999.

Лобыцин, 1995 – *Лобыцин В.* Галлиполи // Вокруг света. 1995, ноябрь.

Лобыцин, 2004 – *Лобыцин В. В.* Русская армия в Галлиполи / Статья и публ. 32 фотографий из жизни 1-го Армейского корпуса Русской армии в военном лагере близ Галлиполи [Гелиболу] // Российский архив… Т. 13. М., 2004, с. 451–468.

Лодыженский – Письмо Ю. И. Лодыженского П. Н. Врангелю от 24 сентября 1921 г. // ГАРФ, ф. 7518, оп. 1, д. 32а.

Макаров, 1998 – *Макаров А.* Александр Вертинский: Портрет на фоне времени. Москва–Смоленск, 1998 (Человек-легенда).

Малиновский – Доклад белоэмигранта Г. Малиновского о положении белоэмигрантов в Турции. 1928 г. (Рукопись) // ГАРФ, ф. 6821, оп. 1, д. 2.

Мантран, 2006 – *Мантран Р.* Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. М., 2006 (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

Мартынов – Отчет начальника эшелона белоэмигрантского парохода «Саратов» [З. А. Мартынова] начальнику штаба Главкома генералу Шатилову с 14 ноября 1920 по 20 февраля 1921 г. // ГАРФ, ф. 7518, оп. 1, д. 32.

Материалы Корниловского полка, 1974 – Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974.

Материалы по эмиграции, 1921 – Материалы по эмиграции и по устройству земледельческих колоний в окрестностях Константинополя. Константинополь, 1921 (Совет по расселению русских беженцев. Вып. II).

Меморандум – Меморандум Земельной Комиссии при Эмиграционном Совете. 1921 г. // ГАРФ, ф. 6425, оп. 1, д. 5, л. 1–5.

Миленко, 2010 – *Миленко В*. Аркадий Аверченко. М., 2010 (ЖЗЛ. Серия биографий).

Миллер. Краткая история – *Миллер А. Ф*. Краткая история Турции. М., 1948.

Миллер. Очерки – *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.–Л., 1948.

Михайлов, 1987 – *Михайлов О*. Иван Бунин: Жизнь и творчество. Тула, 1987.

Морфесси, 1993 – *Морфесси Ю. С.* Жизнь. Любовь. Сцена (Воспоминания русского Баяна) // Волга: ежемесячный литературный журнал. Саратов, 1993, № 2.
На прощание, 1923 – Альманах «На прощание» [1920–1923] / Изд. группы рус. литераторов под ред. А. А. Бурнакина, Б. В. Ратимова и др. Константинополь, 1923.
Нератов, 1923 – *Нератов А. А.* 1920–1923 // На прощание, 1923.
Никулин, 1935 – *Никулин Л.* Стамбул. Анкара. Измир. М., 1935.
Пеньковский, 2006 – *Пеньковский Д. Д.* Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945). М., 2006.
Петкова, 2010 – Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии: 1919–1940 / Сост. Галина Петкова (Софийский ун-т). – http://rusmir.cl.bas.bg/ruskie%20v%20bg/ hronika. pdf
Петросян и Юсупов, 1977 – *Петросян Ю. А., Юсупов А. Р.* Город на двух континентах. М., 1977.
Ратимов, 1923 – *Ратимов Б. В.* На перепутье//На прощание, 1923
Росов, 2009 – *Росов В. А*. Писатель Г. Д. Гребенщиков в Константинополе // Славяноведение. 2009, № 4.
Рос. соотечественники в Турции – Российские соотечественники в Турции: история и современность / Под общ. ред. Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Турецкой Республике В. Е. Ивановского. Стамбул, 2008.
Рус. армия в изгнании – Русская Армия в изгнании: 1920–1923 г. // ГАРФ, ф. 7518, оп. 1, д. 26.
Рус. воен. эмиграция – Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. Т.1. М., 1998.
Русский Совет – Русский Совет: «Положение», «Открытие», «Обзор начальной деятельности»… 1921 г. // ГАРФ, ф. 7504, оп. 1, д. 1.
Сейфуллина, 1925 – *Сейфуллина Л.* В стране уходящего ислама: Поездка в Турцию. Л., 1925.
Семенова, 2002 – *Семенова Т.* Повествователь в произведениях Г. И. Газданова. – http: // www. hrono. ru/statii/2002/semenova _gasd01. html
Слащов-Крымский, 1990 – *Слащов-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990.
Слащов, 2003 – *Слащов Я. А.* Крым в 1920 году // Белое дело: Избр. произведения в 16 кн. Кн. 11. Белый Крым. М., 2003.
Слободской, 2003 – *Слободской А.* Среди эмиграции // Белое дело, 2003
Соколов, 2007 – *Соколов Б. В.* Булгаков. Энциклопедия: Персонажи, прототипы, произведения, друзья и враги, семья. М., 2007 (Энциклопедии великих писателей).

СССР и Турция – СССР и Турция: 1917–1979. М., 1981 (СССР и страны Востока).
Таубер, 1933 – *Таубер Л.* Лига Наций и юридический статут русских беженцев. Белград, 1933.
Троцкий, 1994 – *Троцкий Лев*. Дневники и письма / Под ред. Ю. Г. Фельштинского, предисл. А. А. Авторханова. М., 1994.
Турция: рождение нац. гос-ва, 2007 – Турция: рождение национального государства: 1918–1923 (по документам РГАСПИ). М., 2007.
Тухолка. Центральное Справочное Бюро в Константинополе. 1922 г. // ГАРФ, ф. 5980, оп. 1, д. 2.
Тэффи. Стамбул и солнце. Берлин, 1921 (Книга для всех, № 20).
Федоров, 1926 – *Федоров Г.* Путешествие без сентиментов // Белое дело, 2003.
Хек, 1923 – *Хек Л*. Культурная сила. – На прощание, 1923.
Петкова, 2010 – Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии: 1919–1940 / Сост. Галина Петкова (Софийский ун-т). – http://rusmir.cl. bas.bg/ruskie%20v%20bg/hronika.pdf
Цыпин, 1994 – *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви (1917–1990): Учебник для православных духовных семинарий. М., 1994.
Чебышев, 2003 – *Чебышев Н. Н.* Близкая даль // Белое дело, 2003.
Челышев, 2002 – *Челышев Е. П.* Российская эмиграция: 1920–30-е годы (История и современность). М., 2002.
Шульгин – Открытое письмо В. В. Шульгина П. Н. Милюкову (Общее Дело. 09.04.1921) // РГАСПИ, ф. 5, оп. 3, д. 503, л. 38–39; *то же* // Зарницы. 1921, № 5 (3–10 апреля).
Шульгин, 1990 – *Шульгин В. В*. Годы. Дни. 1920. М., 1990.

And, 1970 – *And M*. 100 soruda Türk Tiyatrosu Tarihi. Istanbul, 1970.
Bakar, 2012 – *Bakar B*. Esir Şehrin Misafirleri: Beyaz Ruslar. Istanbul, 2012.
Birsel, 1976 – *Birsel S.* Ah Beyoğlu, Vah Beyoğlu. Istanbul, 1976.
Büyükünal, 2006 – *Büyükünal F.* Bir Zaman Tüneli: Beyoğlu. Istanbul, 2006.
Deleon, 1990 – *Deleon J.* Beyoğlu'nda Beyaz Ruslar (1920–1990). Istanbul, 1990.
Deleon, 1995 – *Deleon J*. The White Russians in Istanbul. Istanbul, 1995.
Es, 1978 – *Es H. F.* Bugün de diyorlar // Yıllar Boyu Yakın Tarih Dergisi. Istanbul, 1978, № 8.
Fevzi, 1920 – Fevzi-Paşa [Çakmak] au camarade Trotski commissaire national de la defénce de la République Soviétique de Russie. [Телеграмма от 24 ноября 1920 г.] // Cumhuriyet Arşivi (Ankara).

Hürel, 2007 – *Hürel H*. Istanbulu Geziyorum Gözlerim Açik! Bir Istanbul Kültürü Kitabı. Istanbul, 2007.
Kabacalı, 2004 – *Kabacalı A*. Bilinmeyen Yönleriyle Cumhuriyet Tarihi. Istanbul, 2004.
Kurnaz, 1997 – *Kurnaz Ş*. Cumhuriyet Öncesinde Türk Kadını (1839–1923). Istanbul, 1997.
Macar, 2010 – *Dağlar-Macar O., Macar E*. Beyaz Rus Ordusu Türkiye'de. Istanbul, 2010.
Moran, 2000 – *Moran T*. Dün Bügün. Istanbul, 2000.
Ortaylı, 2007 – *Ortaylı I*. Istanbul'dan Sayfalar. Istanbul, 2007.
Sakaoğlu, 2007 – *Sakaoğlu N*. Bu Mülkün Sultanları: 36 Osmanlı Padişahı. Istanbul, 2007.
Sezer, Özyalçiner, 2010 – *Sezer S., Özyalçiner A*. Öykuleriyle Istanbul Anıları c. I. Istanbul, 2010.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В

Г

Д

Л

М

Р

С

П Р И Л О Ж Е Н И Е

РАССКАЗЫВАЮТ ОЧЕВИДЦЫ

А. Аверченко

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ*

...Я забрал с парохода свои вещи, сел в лодку и поехал к Галатскому берегу.

И едва лодка клюнула носом каменную плиту пристани, и едва в лодку свалился живой клубок разнокалиберных тел – я понял, что меня здесь знают. Потому что так орать и спорить из-за сомнительной чести тащить мои чемоданы могут только люди, искренно чтущие любимого писателя.

Эти восточные поклонники быстро расхватали мои вещи – и мы понеслись в голубую неизвестную даль, короче говоря, на Перу, а еще короче говоря, в ту маленькую комнату, которую мне наняли заранее.

На Пере среди грохота и гвалта меня остановила какая-то божья старушка – столь же уместная тут, как цветочек незабудки в пасти аллигатора.

– Что вам, бабушка?

– Голубчик мой, а где ж тут турки?

– Которые?

– Да ведь это, чай, Турция.

– Чай, она.

– А чего ж турка ни одного нет?

Чтобы успокоить эту мятущуюся душу, я ткнул пальцем в какого-то господина в феске, свирепо пожиравшего слоеную дрянь с лотка.

Это был единственный турок на горизонте.

– Вот этот? Вы чего ж, батюшка, в германскую войну давеча втемяшились?

Турок пожал плечами и отвечал:

---

* Печ. по изд.: Антология сатиры и юмора России XX века. Том 20. Аркадий Аверченко. М., 2004, с. 517–519.

– Эх, тетя! Нешто не признали? Вместе на «Сиаме» из Севастополя ноги уносили...

И обернулся к продавцу:

– Комбьен сетт гато?[*]

– Бешь груш[†].

– Олл райт[‡]. А риведерчи[§], тетушка.

Как во время настоящего приличного столпотворения все говорили на всех языках.

Однако больше всего ухо улавливало французский язык. Говорили на нем беженцы так, что даже издали слышался густой запах нафталина, как от шубы, которая долго лежала в сундуке без употребления и которую наконец-таки извлекли на свет божий и стали перетряхивать.

Около ресторана Сарматова я слышал такой диалог.

Господин сделал испуганное лицо и, подбирая французские слова с таким страхом, с каким неопытная барышня впервые заряжает револьвер, спросил прохожего:

– Комм же пуве алле дан л'амбассад рюсс?[**]

Спрошенный ответил:

– Тут-де сюит. Вуз алле ту а гош, а гош, апре анкор гош, е еси[††] будут... гм... черт его знает, забыл, как по-ихнему железные ворота?

– Же компран[‡‡], – кивнул головой первый. – Я понимаю, что такое железные ворота. Ла порт де фер.

– Ну вот и бьен[§§]. Идите все а гош – прямо и наткнетесь.

* * *

[*] Сколько стоит это пирожное? (фр.).
[†] Пять куруш (тур.).
[‡] Хорошо (англ.).
[§] До свиданья (итал.).
[**] Как я могу пройти к русскому посольству? (фр.).
[††] Сейчас. Идите все время налево, налево, налево, потом опять налево, здесь.
[‡‡] Я понимаю.
[§§] Хорошо.

В этот вечер я заснул рано, а проснулся еще раньше: ужасный, нечеловеческий вопль прорезал утренний воздух под самым моим окном.

Мой компаньон по комнате вскочил с кровати и поглядел на меня диким взглядом:

– Понимаете, что это значит? Кемалисты вошли в город.

– Н-да, въехали мы в историю, – пробормотал я. – Из огня да в полымя. Однако пойдем на улицу. Вы не боитесь?

– Ну вот, не видал я этих резнев. Чего там бояться. Русские, чай.

А крики, вопли, стоны и мольбы о помощи все неслись и неслись с улицы. Чувствовалось, что там, за стеной, растут целые гекатомбы свеженарезанных тел, обильно орошенных кровью.

Мы не могли больше... Мы выбежали на улицу.

Молодой грек стоял около корзиночки, на дне которой терялось полдесятка полудохлой скумбрии, и, разинув рот, ревел во все горло...

Мы остолбенели.

– Слушайте, а ведь это он кричит.

– Но ведь его не режут.

– А надо бы. Не кричи, каналья.

– Товар продает. Известно, трудно им.

– Однако послушайте... Если, продавая только полдесятка дохлой скумбрии, он так орет, какие же он издаст звуки, если ему поручить продать шестиэтажный дом?

Рев, крики, стоны и вопли неслись уже со всех сторон.

Зверь встал на задние лапы, потянулся и, широко раскрыв огромную пасть, оглушительно заревел: зверь хотел кушать.

Л. Е. Белозерская-Булгакова

КОНСТАНТИНОПОЛЬ*

Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Н. А. Некрасов

Разве можно унести землю Родины
на подошвах своих башмаков?!

Дантон
(*когда друзья предложили ему
бежать из тюрьмы за границу*)

Хрипло и, как мне показалось, зловеще прозвучал последний гудок. В утробе парохода что-то заворчало. Он дрогнул и стал медленно, словно конфузясь, бочком выходить от одесской пристани. Еще кто-то, прощаясь, махал платком, еще кто-то кричал последние, уносимые ветром слова, но расстояние между пароходом и берегом неумолимо ширилось. Черная полоса воды все росла, росла, зачеркивая прошлое…

Французский пароход «Дюмон Дюрвиль» принял на свой борт группу «русских ученых и писателей». Ученых среди них не было ни одного.

Небольшой, упитанный средних лет человек, с округлыми движениями и миловидным лицом, напоминающим мордочку фокстерьера, поэт Дон-Аминадо (Аминад Петрович Шполянский) вел себя так, будто валюта водилась у него в изобилии, и превратности судьбы его не касались и не страшили.

---

* Печ. по изд.: Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М., 1989, с. 4 – 26.

Аминад Петрович старался держаться поближе к коммерсанту Аге, тоже попавшему в группу «русских ученых». Ага, красивый раскормленный караим, вез с собой жену, брата и хорошего круглого ребенка, плюс большой багаж и много брильянтов.

– Я пойду посмотрю, как отгружают мой большой багаж, – говорил он сочным баритоном, подходя то к одному, то к другому пассажиру.

«Большой багаж!» Остальным грузить было нечего: в легких чемоданчиках уместилось все их добро…

Когда пассажиры разместились в трюме третьего класса – первый и второй сгорели еще на стоянке в Одессе, – установился свой, с мелкими заботами и интересами быт:

Но что бы ни говорили
О том «Дюмон Дюрвиль»,
Забуду ль славный трюм?
Рагу из обезьяны –
Вот жизни нашей планы,
Вот смысл всех наших дум.

Это подражание Вере Инбер: –…И что б ни говорили о баре Пикаддили, / Но это славный бал…»

В наступивших сумерках стало особенно грустно и показалось, что прошлого не было. Не было ни семьи, ни школьных лет, ни Петербурга – ничего. Просто посадили на этот потрепанный пароход и сказали «Живи!» А как жить?

На палубе прохаживался Дон Аминадо, декламировал Блока…

[…] первая остановка при входе в Босфор. Здесь карантин.

Февраль. Дождит. Холодно. Страшная негритянка тащит меня под душ. Я сопротивляюсь. Мы примиряемся на том, что она слегка мочит мне волосы – для начальства, «pour les chefs», – говорит она.

Прошли Босфор. Налюбовались мраморными дворцами, лодками, причаленными прямо под балконами, причудливыми лестницами, заманчиво спускающимися среди садов к водам пролива.

И наконец пароход причалил. Галатская пристань. Мутная вода стального цвета, усеянная апельсиновыми корками. Яркие пятна

фесок. Мост с пестрой многоязычной толпой. По его краям – сборщики «пара́» (самая мелкая турецкая монета) – налог за проход через мост, соединяющий Перу и Галату со Стамбулом. Сборщики в одинаковых халатах неопределенного цвета. Монеты опускают в кружки.

Галата – деловая часть города: банки, пристани, притоны и знаменитая галатская башня, сохранившаяся еще с крестовых походов.

Пера́ – европейская часть Константинополя, самая шикарная. На ней расположены посольства, лучшие магазины, отели. Улица Пера́ шириной с наш старый Арбат – с трамваями, автомобилями, парными извозчиками, пешеходами. Звонки продавцов лимонада, зазывают шарманки, украшенные бумажными цветами.

Стамбул – исконно турецкий район. «Блистательная Порта» (Совет министров) расположена там. Турецкие дома с плотными жалюзи на окнах, со своей замкнутой, береженной от постороннего глаза жизнью, тоже там…

С незамысловатым багажом попали мы (муж мой – Василевский-Не-Буква и я) – в барский особняк русского посольства на Пере.

Первое пристанище – барский особняк русского посольства на Пере. Для беженцев там освободили один зал. Спи на полу. Устраивайся как можешь. Ищи пристанище где можешь. Под сверлящие презрительные взгляды «кавассов» – посольских служащих в униформах, украшенных золотым шитьем, сначала мы разложили чемоданы, потом быстро сложили их. Мужчины разбрелись по городу и после недолгих поисков нашли гостиницу «Тиану», злачное местечко, совсем близко от Перы.

Гостиница «Тиана», сдавленная с двух сторон многоэтажными домами, выглядела непривлекательно. На окнах ресторана изображены традиционная пивная кружка с пеной, льющейся через край, и скрещенными над ней союзными флажками. Улица узка и грязна. Снуют люди, надрывают горло продавцы каймаками (это заквашенное особым способом буйволиное молоко, очень вкусно!), высоко задирая головы и шаря по верхним этажам. Если то-

вар за день не распродан, каймакамджи не постесняется закричать истошным голосом среди глубокой ночи.

– Амбуласи́, амбуласи́, амбуласи́, – исступленно бормочет продавец лимонов, примостившись на ступеньки соседнего дома…

– Семи́тие, семи́тие, семи́тие, – вторит ему мальчишка, предлагая прохожим обсыпанные тмином рогульки.

Когда мы поселились в «Тиане», Николай Владимирович Ре-Ми [Ремизов], переждав и осмотревшись немного, решил попытаться заработать деньги – ну, хоть сколько-нибудь! Для «затравки» я села за столик кафе при гостинице, а Ре-Ми вынул альбом и стал быстро набрасывать мой портрет, надеясь соблазнить кого-нибудь из посетителей на быстрый портретный набросок. Он был великолепный художник, но карикатурист, а не портретист, и я получилась у него вылитый Чингисхан. Не вышло дело и с «затравкой»…

Мы приехали в магометанский великий рамадан. Правоверные постятся с утренней зари целый день. А вечером, вскоре после захода солнца, кончается полное воздержание: можно пить [воду], есть, курить и предаваться плотским наслаждениям. Все минареты празднично иллюминированы, и улицы особенно оживлены. На каждом углу ларек, где гладят фески. Под медную болванку подкладывают горячие кирпичи. Когда она согреется, на нее надевают феску и вращают ее несколько раз вправо и влево. Вся процедура длится секунды и сто́ит несколько «пара»!

Помню, что базар был недалеко от воды. Толпилось много народа: турчанки в своих неуклюжих платьях с пелеринками. Лица закрыты густыми черными чаршафами (на весь Константинополь с его миллионным населением приходится одна турчанка – жена дипломата, – которая носит шляпу и не закрывает лица. Ее знает весь город).

Соблазнительно сверкает белизной разрезанная мякоть кокосовых орехов, манит холодной своей упругостью. Тут же можно выпить и кокосовое молоко. Изобилие апельсинов из Марокко, Алжира, Италии. Бойко покупают финики, фисташки.

В рыбном ряду лежит незнакомая мне рыба-игла. Стоят ведра со студенистой массой: это каракатица, из которой варят суп… Ут-

ром, проходя по Пере, я видела в окно бакалейного магазина распластанного сушеного спрута. В тертом виде это острая приправа к кушаньям.

Над базаром разносится шум многих голосов, разноязычная речь и пронзительные трели звонкой: так продавцы зазывают покупателей. Изредка в толпе мелькнет бродячий зубной врач. Он что-то громко кричит, размахивая пинцетом. Ставит табуретку. Вскоре появляется и первый пациент. Он широко и доверчиво раскрывает рост навстречу волосатой руке с инструментом. Понемногу у табуретки выстраивается очередь. Еще бóльшим успехом пользуются бойкие рыночные парикмахеры…

Брожу по базару, впитываю краски и запахи. От жаровен идет дразнящий дух. Это тушится мясо с рисом, запеленутое в виноградные листья.

В Турции встречаются медленно влекущие повозку волы. Лбы их выкрашены хной. На этом огненном пятне между рогами красуется нитка голубой бирюзы. Бирюза – талисман. Она сохраняет от порчи домашний скот. На лбу у осликов – этих страдальцев восточных стран – тоже бирюза. И четки сплошь и рядом голубые, как и изразцы величественной мечети Сулеймана Великолепного. Около мечети почти всегда маленькие фонтанчики – здесь правоверные омывают ноги перед тем, как войти вовнутрь…

Как ни жадны греки, как ни охраняют они свои лиры, нам все же удалось «подковать» одного из них, и он дал денег на кабаре «Маски». Вспоминаю, что подготовленная нами программа блеском не отличалась. Некоторые режиссерские указания давал художник Ре-Ми.

У меня появился партнер Фреди. Мы должны были танцевать с ним «Голубой вальс», в то время необыкновенно популярный французский вальс. Постановку Фокина я вывезла из Петрограда… Лучшая танцевальная пара – Таня Хирчик по сцене Харье (тоже, как и я, из частной петроградской балетной школы). Ее партнером был негр – Володя Крупенский. Когда-то русский дипломат вывез и усыновил негритянского мальчика. Он и по паспорту был русский. Они с Таней «запустили» какую-то завлека-

тельную постановку с поддержкой. Володя трепал ее почем зря, вертел, таскал, держал над головой, ловил, подбрасывал. Но и это не спасло положения.

Что действительно было прекрасно и никому в Константинополе не нужно, так это настенные панно, написанные Ре-Ми. Одно из них представляло собой русскую чайную с самоваром, половыми, пестрой посудой, извозчиками, пьющими с блюдца чай вприкуску. Гротеск, но талантливо очень.

Второе панно в восточном стиле. Смесь Бакста и Судейкина. Но хорошо тоже. Третье – парижское кабаре с шикарной публикой в духе французского художника Тулуз-Лотрека. Писать его начал Ре-Ми, а закончил приехавший позже художник Кайранский. Среди посетителей парижского кабаре Кайранский нарисовал портрет Ре-Ми, а тот в отместку тут же изобразил Кайранского.

Помню, как, сидя за столиком, солидный грек в феске попивал дузику (анисовая водка) и с грустью поглядывал на наши старания… В душе он, конечно, рыдал и повторял по-гречески: «Плакали мои денежки».

Арнауткёй

После «Тианы» мы все же ухватили кусочки радости. Я имею в виду наше недолгое пребывание на Босфоре в Анауткёе.

Фериде-султан – так называется дворец еще здравствующей престарелой родственницы султана Абдель Хамида, или Абдул Гамида, как было принято называть его в России.

Окна дворца выходят на Босфор. В глубине сада стоит двухэтажный добротный дом, в котором когда-то жили придворные. Но настали черные времена, и дом сдан некоему русскому гражданину Бороновскому. Он организовал здесь пансион.

В другом здании поменьше, здесь же в саду, живут: низложенный, значит, потерявший трон шах иранский, его мать шахиня и маленький черноглазый шахенок в каракулевой шапочке, который разъезжает на велосипеде по всем дорожкам.

…Я бегу по набережной Босфора, через Ортакёй и Бебек или Румели Гисар, наслаждаясь воздухом и неповторимой красотой. В Бебеке по утрам под открытым небом за чашкой чая собирались одни и те же офицеры… Позже мне сказали, что это кемалисты (на азиатском берегу, за Скутари, по ночам постреливает Кемаль)…

Тишина и красота вечернего Босфора, когда летающие светлячки перекрещивают остывающий воздух – ночи здесь прохладные, – умиляла даже Василевского…

Иногда я хожу купаться в купальню. Вода в Босфоре холодная. Даже самые маленькие девчушки-турчанки купаются в рубашках. Так принято: не показывают свою наготу. Мне очень нравится, когда девочка-подросток, выходя из воды, еще вся в каплях, дрожа, вытирает наспех лицо и тянется за мешочком, достает оттуда черный карандаш и быстро подводит глаза, рисуя яркую черту от глаза по направлению к уху.

После Арнаута мы вернулись в Константинополь и переехали к гречанке на улицу Алтын-Бакал, такую узкую, что извозчичий экипаж туда въезжать не отваживается. Вся квартира состоит из трех этажей, разделенных посредине лестницей. Внизу – крикливая хозяйка с детьми. На втором этаже – наша комната… Наша комната – сплошные окна: их одиннадцать. Практически без окон только одна стена, где стоит постель. Все необыкновенно запущено и грязно. Царицы положения – крысы. На третьем этаже – уже полутемные каморки, которые, как все здесь, тоже сдаются…

Многие назвали Константинополь – Клопополь. Я от себя добавлю – Крысополь… И все-таки красивейший город с неповторимой архитектурой… Какие закаты!..

На Золотом Роге, там, где европейские «Сладкие воды» (извилистая тенистая речушка, каких в России тысячи тысяч), расположено священное место Эюб. По преданию, здесь, в часовне из голубых изразцов, хранится особо чтимая святыня – меч Магомета, или приближенного самого пророка. И короноваться сюда ездили султаны.

Недалеко от ворот под пологом необыкновенной красавицы чинары, своей кроной закрывающей почти весь двор, сидят борода-

тые продавцы четок. Когда шныряющие тут и там иностранные туристы, по большей части англичане или американцы (Эюб очень посещаем), нацеливаются на старцев своими фотоаппаратами, правоверные быстро набрасывают на головы мешки. Пророк не разрешил им запечатлевать свое изображение.

Город мал, тих, тенист. В кофейне пергаментные старики в белых чалмах, от возраста кажущиеся невесомыми, целый день потягивают крепчайший кофе из крошечных чашечек. Это султанские пенсионеры.

Есть в Эюбе и таинственное кладбище, густо заросшее кипарисами и кустами. Среди зелени белеют низкие мраморные надгробья, невысокие прямые колонки, увенчанные феской или феской с чалмой, если погребенный побывал в Мекке или Медине…

Были мы и в Айя-Софии! Войдя, я сразу как будто даже ослепла от этого византийского великолепия. Щиты с изречениями Корана (арабская вязь сама по себе прекрасна) зеленые, надписи золотые. Колонны в два этажа. Резной мрамор, резные решетки на галереях. Как ни старались турки, начиная с XV века, замазать византийскую мозаику, все же шестикрылые серафимы явственно проступают на сводах. Поражает игра света и красок…

Затем попала я на «Антигону», маленький островок в системе Принцевых островов под протекторатом Италии.

По мостам, перекинутым через мутную у берега воду Босфора, всю покрытую апельсиновыми корками, я с трудом протолкалась сквозь толпу кричащих гречанок и села на палубу местного пароходика-шеркета, курсирующего между городом и Принцевыми островами. Из трубы повалил густой черный дым, обдавая всех копотью.

Вот справа проплыл Золотой Рог, заставленный рыбачьими лодками так густо, что, казалось, среди них нельзя протолкнуться человеку. Солнце грело еще не в полную силу, но было что-то тревожное в его прикосновении… Тепло. Синё.

Вот суровый остров Халки (протекторат американцев). Темный, мрачный случайный на этом празднике красок. Сюда когда-то жители Константинополя свозили бездомных собак, и они умирали

голодной смертью, пожирая друг друга, оглашая окрестности предсмертным воем. Наиболее сильные доплывали до города.

А вот и маленький островок Антигона. У пристани стоит толпа, готовая хлынуть на пароход…

В греческой винной лавчонке за несколько пиастров вам нальют стакан розового сладкого самосского вина или густой темной малаги. Если идти напрямик, натолкнешься на глыбы белого мрамора. Он разбросан здесь повсюду. Вижу игрушечную мечеть с голубыми минаретами.

«Да иль Алла иль Мухаммед расчул Алла!»* – сколько раз слышала я этот гортанный призыв, обращенный к правоверным! И в Галате среди деловой суеты в положенный час на минарете появлялся муэдзин: «Да иль Алла!»

Вся мечеть в Антигоне сверху донизу обвита мелкими красивыми розами. Они льются потоками через стены, они сплетаются ветками в воздухе. Такого изобилия роз я и представить себе не могла… Кусок мрамора лежал около самой стены. Я встала на него как на подножке, а затем дотянулась и до цветов. Сорвала ветку – и замерла. Внутри дворика стоял старик, мулла в белой чалме. Он был так ветх, что казалось, он вот-вот испарится, улетит. Нигде на свете я не видела таких прозрачных старцев, как в Турции… Я уже собиралась спрыгнуть с забора, но старик улыбнулся, сорвал несколько веток роз и протянул их мне… С букетом идти по прямой дорожке было веселее…

Чудеса бывают

Илью Марковича Василевского, Не-Букву, можно назвать удачливым. Все его журнально-газетные начинания («Свободные мысли», «Журнал журналов», «Петроградское эхо» и пр.) пользовались неизменным успехом…

Моего мужа не покидала мысль открыть в Константинополе свою газету и назвать ее «Константинопольское эхо»… Желание

* искаж. *араб.* – Ла илаха илла Аллах, ва Мухаммад расул Аллах (Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухмед – посланник Аллаха). – *С. У.*

осуществилось, но международные власти «дали разрешение только на коммерческий листок, который должен был издаваться на двух языках: французском и русском…

Коммерческий листок быстро превратился в обыкновенную газету небольшого формата… Я носила верстку в цензуру. У нас было два цензора: капитан Карре и капитан Марешаль.

С первым мы быстро поладили. Он ставил визу не глядя… С капитаном Марешалем дело обстояло сложнее…

Газету прихлопнули стараниями Ореста Григорьевича Зелюка, бывшего приятеля Василевского…

Турок, связанный делами с секцией прессы, сказал, что мне хорошо бы повидать турецкого министра эфенди такого-то и поговорить с ним. Для этого надо прийти в «Блистательную Порту»: он назначил мне день и час.

Стамбул. Тишина. Тенистые улицы. Спущенные жалюзи. У ворот вытянувшегося низкого здания стоял темнокожий страж. По совершенно пустым коридорам, где гулко раздаются шаги, негр провел меня в европейски обставленную комнату. Знакомый турок был там. Он за руку поздоровался со мной и провел меня в меньшую комнату, всю голубую, с голубыми штофными портьерами, голубыми занавесками на окнах. Министр (к сожалению, не запомнила его имени) – пожилой, седой человек в феске – встал мне навстречу, усадил и попросил рассказать все подробно, что я и сделала скрепя сердце. Тишина и пустота «Блистательной Порты» ясно говорили, что это учреждение мертвое и существует только для видимости… Приблизительно в таком духе говорил и министр:

– Я рад бы сделать для вас все, но не могу. Надо мной власть, с которой я должен считаться. Надеюсь увидеть вас при других обстоятельствах, когда я смогу оказать вам содействие…

До сих пор не понимаю, зачем понадобилось принимать меня в «Блистательной Порте». Ведь оба они – и министр, и его помощник – прекрасно понимали, что руки у них обоих накрепко связаны…

Хотя номинально султан еще существовал и селямлик, то есть парадный его выезд к подданным под восторженные овации насе-

ления, еще практиковался, но власть принадлежала иностранцам. Вот проплыла французская монахиня в синем платье под «парусом», под гигантским белым накрахмаленным чепцом. Вот мелькнула коричневая фигура босоногого, подпоясанного веревкой дервиша… Гречанки, турчанки, русские. Над всей этой толпой крик каймакамджи, звонок продавцов лимонада и вой шарманок. Есть от чего сойти с ума! И все это чужое, назойливое, крикливое…

После краха надо было что-то предпринимать. Но как? Где? Сначала на Перу в кафе Вертинского «Черная роза». Может быть, там нужны служащие? Поговорить вышел сам шеф… Бывший Пьеро посмотрел на меня критическим взглядом и сказал, что у него все места заняты…

Вторая попытка найти работу. Соседка-румынка, бродячая жонглерка, советовала обратиться в цирк. «Попытать счастья» – сакраментальная фраза всех неустроенных бродяг.

Стоял необыкновенно знойный день. Даже я, любящая жару, чувствовала, что растапливаюсь, как асфальт под ногами. Путь мой лежал на край города, туда, где маячил светлый балаган. Я села в трамвай. Вместе со мной в женское отделение прошли две турчанки в темных неуклюжих платьях с пелеринками, со спущенными на лица чаршафами… Кондуктор сейчас же встал и задернул занавеску, отгородив их от общего отделения. Трамвай довез меня до окраины города, но идти под палящим солнцем пришлось долго, через плац, где обычно проходили военные парады. Ноги увязают в горячем песке. Он набивается в туфли, мешает ступать, причиняет боль…

Вот он, цирк. Под парусиной еще душней, еще жарче. Запах арены приятно щекочет ноздри. Тишина. Ни души. Я остановилась и кашлянула. Наконец вышел небольшой пожилой человек с крашеными волосами и зелеными усами. В руках он держал длинный манежный бич. Я спросила, нельзя ли устроиться на работу в цирк. Могу немного петь, танцевать, ездить верхом. Он посмотрел на меня грустными глазами голодного человека и сказал:

– Ничего нет. Мы прогораем.

Опять долгий путь по раскаленному песку. Куда теперь?

После краха с газетой нам стало настолько трудно существовать, мы так замечены неудачами, что остаемся почти равнодушными к местной экзотике. Однако многие бытовые штрихи сами собой откладываются в памяти и запечатлеваются на всю жизнь. Разве можно, например, забыть турецких пожарных? Или артельщиков?

Турецкие пожарные – зрелище примечательное. Они в розовых ситцевых рубашках и таких же штанах до колен. Босые. Насосы несут на руках, по несколько человек с одной стороны и столько же с другой. Не идут, а бегут ровной побежкой. Но почему босые? Чтобы легче бежать? А как же на пожаре?

Также нельзя забыть и артельщиков, переносящих деньги. Как правило, лиры лежат одна на другой. Нижний конец ее покоится на сложенных ладонях опущенных рук, а верхний – упирается в подбородок и им же поддерживается. Артельщиков очень часто можно встретить в самых неожиданных местах. Мы всегда останавливались, пораженные такой наивной доверчивостью.

Всё, что можно продать, у нас продано, даже «заветные» дамские часы Брегет, прославленной фирмы, воспетой еще Пушкиным в «Евгении Онегине». Они были прекрасны.

Съемный золотой футляр покрыт эмалью настолько тонкого рисунка, что художник Ре-Ми еще в Одессе советовал сделать из обеих крышек (на одной – павлин с распущенным хвостом, на другой – розы на черном фоне) брошки и носить на радость себе и другим.

Вздохнув, я отнесла часы к Герсону, антиквару и ювелиру. Потом побежала и взяла их обратно (на что рассчитывала, непонятно). Но матово-смуглый Герсон сказал: «Мадам все равно вернется». И правда. Прошло всего несколько дней. И «мадам» вернулась, Герсон, конечно, сбавил цену. О нашей одиннадцатиоконной комнате на улице Алтын-Бакал можно и не вспоминать. Она канула в Лету. Мы живем на улице без названия, в каморке с тусклым оконцем. Рано утром мимо нас гонят коз. Если хотите, вам подоят козу тут же на улице.

Чудо случилось! Василевский брел по главной улице – и вдруг радостный возглас. Проездом здесь оказался его друг детства, те-

перь коммерсант из Лондона… Для него какие-то пятьдесят лир (несколько фунтов) погоды не делали, а нас выручили. Он дал их весело…

Раздали кое-какие долги. Заплатили за берлогу.

Во что бы то ни стало надо выбираться из прекрасного и страшного города…

Почти все уже разъехались…

У нас нет ни денег, ни виз. А Париж манит…

Как-то мы узнали, что русский пароход «Цесаревич Алексей» в скором времени пойдет в Марсель. Мы просили у капитана взять нас. Не просили, а умоляли, сказали, что погибаем. Но все напрасно. «Нет, нет и нет», – сказал он и повернулся к нам спиной. Расстроенные, мы пошли по галатской пристани и свернули наугад в первую улочку. Свернули и попали в галатские притоны, которые тянутся по обе стороны улицы. Это целый квартал проституток самого низшего разбора – для портовых грузчиков и матросов. Каменная ступенька ведет к дверному проему, закрытому занавеской. Завешанное окно без рамы и стекол. Внутри – берлоги с тюфяком: «ложи любви». На ступеньках сидит «товар». «Товар» в большинстве своем страшный: старые и грубо намалеванные женщины…

Зловещее впечатление осталось не только от галатских притонов. В описаниях Востока часто рассказывается об оживленных крытых базарах. Но «Большой базар» – «Гран базар» – «Капалы Чарши» в Константинополе, наоборот, поражает своей какой-то затаенной тишиной и пустынностью. Из темных нор на свет вытащены и разложены предлагаемые товары: куски шелка, медные кофейники, четки, безделушки из бронзы. Не могу отделаться от мысли, что все это декорация для отвода глаз, а настоящие и не светлые дела творятся в черных норах. Ощущение такое, что если туда попадешь, то уж и не вернешься.

В тяжких раздумьях, в поисках выхода, цепляясь за последнюю надежду, пошел Василевский к начальнику русского порта и рассказал ему все как есть, без прикрас. Начальник (Матвеев) оказался добрым человеком. Он обещал устроить нас на пароход, уходя-

щий в Марсель. Я до сих пор с великой благодарностью вспоминаю спасшего нас Матвеева и на всю жизнь запомнила его лицо. Он сказал:

– Будьте готовы и следите, когда у пристани появится пароход «Цесаревич Алексей».

И вот вожделенный момент настал. Пароход у пирса. Мы пришли к Матвееву. Он позвал помощника капитана и велел показать ему, кто вписан в судовую роль.

– Вы вписали родственника богатого грека Диаманти, а русскому писателю с женой отказали… А если я задержу пароход?

Так нас вписали в судовую роль (Василевский – лакей, я – горничная).

С каким необыкновенным чувством освобождения и ощущением спасения вступили мы на борт парохода!

И. Бунин

КОНЕЦ*

I

На горе в городе был в этот промозглый зимний день тот роковой промежуток в борьбе, то безвластие, та зловещая безлюдность, когда отступают уже последние защитники и убегают последние из убегающих обывателей... Город пустел все страшнее, все безнадежнее для оставшихся в нем и мучающихся еще неполной разрешенностью своей судьбы. По окраинам, возле вокзала и на совершенно вымерших улицах возле почты и государственного банка, где на мостовых уже лежали убитые, то и дело поднимался треск, град винтовок или спешно, дробно строчил пулемет.

К вечеру из-за северной заставы началась орудийная пальба, бодро раздавался тяжкий, глухой стук, от которого вздрагивала земля, за ним великолепный, с победоносной мощью режущий воздух и звенящий звук снаряда и, наконец, громовый разрыв, оглушающий весь город. Потом внезапно пошла частая и беспорядочная ружейная стрельба на спусках в порт и в самом порту, все приближаясь к «Патрасу», под французским флагом стоявшему у набережной в Карантинной гавани. Откуда-то донесся быстро бегущий, тревожно и печально требующий дороги рожок кареты Скорой помощи... Стало жутко и на «Патрасе», – то страшное, что совершалось на горе, доходило и до него. «Что же мы стоим? – послышались голоса в толпе, наполнявшей пароход. – С ума сошли, что ли, французы? Нас не выпустят, нас всех перережут!» – И все стали врать напропалую, стараясь зачем-то еще более напугать и себя и других: угля, говорят, нет, команда, говорят, бунтует, матросы красный флаг хотят выкинуть... Между тем уже темнело.

---

* Печ. по изд.: Бунин И. А. Сочинения в трех томах. Повести и рассказы: 1914–1930. М., 1982.

Но вот, в пятом часу, выскочил наконец из-за старого здания таможни и подлетел к пароходу крытый автомобиль – и у всех вырвался вздох облегчения: консул приехал, значит, слава богу, сейчас отвалим. Консул, с портфелем под мышкой, выпрыгнул из автомобиля и пробежал по сходням, за ним быстро прошел офицер в желтых крагах и в короткой волчьей шубке мехом наружу, нарочито грубого и воинственного вида, и тотчас же загремела лебедка, и к автомобилю стала спускаться петля каната. Все с жадным любопытством столпились к борту, уже не обращая внимания на стрельбу где-то совсем близко, автомобиль, охваченный петлей, покосился, отделился от земли и беспомощно поплыл вверх с криво повисшими, похожими на поджатые лапы колесами... Два часовых, два голубых солдатика в железных касках, стояли с карабинами на плечо возле сходней. Вдруг откуда-то появился перед ними яростно запыхавшийся господин в бобровой шапке, в длинном пальто с бобровым воротником. На руках у него спокойно сидела прелестная синеглазая девочка. Господин, заметно было, повидал виды. Он был замучен, он был так худ, что пальто его, забрызганное грязью, с воротником точно зализанным, висело как на вешалке. А девочка была полненькая, хорошо и тепло одета, в белом вязаном капоре. Господин кинулся к сходням. Солдаты было двинулись к нему, но он так неожиданно и так свирепо погрозил им пальцем, что они опешили, и он неловко вбежал на пароход.

Я стоял на рубке над кают-компанией и с бессмысленной пристальностью следил за ним. Потом так же тупо стал смотреть на туманившийся на горе город, на гавань. Темнело, орудийная, а за нею и ружейная стрельба смолкла, и в этой тишине и уже спокойно надвигающихся сумерках чувствовалось, что дело уже сделано, что город сдался... В городе не было ни одного огня, порт был пуст, – «Патрас» уходил последним. За рейдом терялась в сумрачной зимней мгле пустыня голых степных берегов. Вскоре пошел мокрый снег, и я, насквозь промерзнув за долгое стояние на рубке, побежал вниз. Мы уже двигались, – все плыло подо мною, набережная косяком отходила прочь, туманно-темная городская гора валилась назад... Потом шумно заклубилась вода из-под кормы, мы круто обогнули мол с мертвым, темным маяком, выровнялись

и пошли полным ходом... Прощай, Россия, бодро сказал я себе, сбегая по трапам.

II

Пароход, конечно, уже окрестили Ноевым ковчегом, – человеческое остроумие не богато. И точно, кого только не было на нем? Были крупнейшие мошенники, обремененные наживой, покинувшие город спокойно, в твердой уверенности, что им будет неплохо всюду. Были люди порядочные, но тоже пока еще спокойные, бежавшие впервые и еще не вполне сознавшие всю важность того, что случилось. Были даже такие, что бежали совсем неожиданно для себя, что просто заразились общим бегством и сорвались с места в самую последнюю минуту, без вещей, без денег, без теплой одежды, даже без смены белья, как, например, какие-то две певички, не к месту нарядные, смеявшиеся над своим нечаянным путешествием, как над забавным приключением. Но преобладали все же настоящие беженцы, бегущие уже давно, из города в город, и, наконец, добежавшие до последней русской черты.

Три четверти людей, сбившихся на «Патрасе», уже испытали несметное и неправдоподобное количество всяких потерь и бед, смертельных опасностей, жутких и нелепых случайностей, мук всяческого передвижения и борьбы со всяческими препятствиями, крайнюю тяготу телесной и душевной нечистоты, усталости. Теперь, утратив последние остатки человеческого благополучия, растеряв друг друга, забыв всякое людское достоинство, жадно таща на себе последний чемодан, они сбежались к этой последней черте, под защиту счастливых, далеких от всех их страданий и потому втайне гордящихся существ, называемых французами, и эти французы дозволили им укрыться от последней погибели в то утлое, тесное, что называлось «Патрасом» и что в этот зимний вечер вышло со всем своим сбродом навстречу мрачной зимней ночи, в пустоту и даль мрачного зимнего моря. Что должен был чувствовать весь этот сброд? На что могли надеяться все те, что сбились на «Патрасе», в том совершенно загадочном, что ожидало их где-то в Стамбуле, на Кипре, на Балканах? И, однако, каждый из них на что-то надеялся, чем-то еще жил, чему-то еще радовался и со-

всем не думал о том страшном морском пути в эту страшную зимнюю ночь, одной трезвой мысли о котором было бы достаточно для полного ужаса и отчаяния. По милости божьей, именно трезвости-то и не бывает у человека в наиболее роковые минуты жизни. Человек в эти минуты спасительно тупеет.

Всюду на пароходе все было загромождено вещами и затоптано грязью и снегом. Всюду была беспорядочная теснота и царило оживление табора, людей только что спасшихся, страстно стремившихся спастись во что бы то ни стало и вот наконец добившихся своего, после всех своих мучений и страхов наконец поверивших, что они спасены, что они уже вне опасности и что они живы, – что бы там ни было впоследствии! Человек весьма охотно, даже с радостью освобождается от всяческих человеческих уз, возвращается к первобытной простоте и неустроенности, к дикому образу существования, – только позволь обстоятельства, только будь оправдание. И на «Патрасе» все чувствовали, что теперь это позволено, что теперь это можно – не стыдиться ни грязных рук, ни потных под шапками волос, ни жадной еды не вовремя, ни неумеренного куренья, ни разворачивания при посторонних своего скарба, нутра своей обычно сокровенной жизни.

Всюду были узлы, чемоданы и люди: и в рубке над кают-компанией, где поминутно хлопала тяжелая дверь на палубу и несло сырым ветром со снегом, и на лестнице в кают-компанию, и под лестницей, и в столовой, где воздух был уже очень испорченный. Трудно было пройти от тех нестесняющихся и опытных, предусмотрительных господ, что уже захватывали себе местечко, располагались по полу со своими постелями и семьями. Прочие, спотыкаясь на эти постели, перепрыгивая через узлы и чемоданы, наталкиваясь друг на друга, бегали с чайниками за кипятком, тащили где-то добытые, – за какие угодно деньги и чем дороже, тем радостнее! – огромные белые хлебы, торжествуя друг перед другом своей ловкостью, настойчивостью и даже бессовестностью. Столы завалили съестным, сидели за ними тесно, в шапках и калошах, поспешно ели и пили, сорили яичной скорлупой, угощали друг друга колбасой и салом, со смехом рассказывая, что вчера мужик на базаре содрал вот за этот кусок четыре тысячи «думски-

ми», пробивали перочинными ножами брызгающие рыжим маслом жестянки... Длинный господин, явившийся на пароход последним, несколько раз пробегал по столовой с коробкой консервированного молока в руке, – где-то устроил свою девочку и хлопотал накормить ее. Вид у него был все такой же грозный и решительный, и еще заметнее было теперь, – он был без пальто, – как худа его шея, как велика бобровая шапка, как мягки и сальны длинные волосы.

III

Под лестницей была особенно гнусная теснота, образовались две нетерпеливых очереди – одна возле нужников, в двери которых ожидающие поминутно стучали, и другая возле лакеев, раздававших красное вино, наливавших его из бочки в бутылки, кружки и чайники, с которыми толпились беженцы. Вино было даровое, и потому воспользоваться им хотелось всем, даже и не пьющим. Я скорее многих других пробился к лакеям, получил целый литр и, возвратясь в столовую и пристроившись к уголку стола, стал медленно пить и курить.

Только что разнесся слух, что перед самым нашим отходом из порта было получено на «Патрасе» страшное радио: два парохода, тоже переполненные такими же, как мы, и вышедшие раньше нас на сутки, потерпели крушение из-за снежной бури – один у самого Босфора, другой у болгарских берегов. И новая угроза повисла над нами, новая неопределенность – дойдем ли мы до Константинополя, и если дойдем, то когда? Ни курить, ни пить мне не хотелось; сигара была ужасная, вино холодное, лиловое. Но я сидел, пил и курил. Уже началось то напряженное ожидание, которым живешь в море при опасных переходах. «Патрас» был стар, перегружен, погода разыгрывалась с каждой минутой все круче... Большинство утешало себя тем, что мы идем быстро, уверенно. Но я, по своей морской опытности, хорошо знал, что быстрота эта только кажущаяся. Это не мы увеличивали ход, это росло волнение.

Вода уже шумно неслась вдоль наших тонких стен, все чаще и все яростнее накатывая с боков, все тяжелее стукая в стены и с плеском, шипением ссыпаясь с них. За стенами была непроглядная

ночь, горами, без толку, без смысла, ходило мрачное, ледяное, зимнее море. В черные стекла ливнем летели брызги, лепило мокрым белым снегом, свистел, крепко дул ветер, холодное дыхание которого то и дело чувствовалось в дымном, жарком и уже вонючем воздухе низкой столовой, все-таки радовавшей своим светом и теплом, тем уютом, которого так первобытно жаждет человеческое сердце, еще помнящее страхи древней жизни, пещерных, свайных дней. И я тоже неосознанно радовался этому свету и теплу, сидя за своей бутылкой; слушал говор, галду своих спутников, чего-то ждал и что-то думал, – вернее, все собирался что-то обдумать и понять как следует. Стало уже упруго подымать и опускать, стало валить на́ сторону, скрипеть переборками, диванами и креслами, в которых мы сидели. «Патрас» будто быстро шел среди качавшихся, расступавшихся и опять с плеском и шумом сходившихся водяных гор, шел, весь дрожа, и что-то работало внутри него все торопливее, с перебоями, с перерывами выделывая «траттатататата». Вдруг ветер налетел и засвистал бешено, волна ударила так тяжко и, освещенная нашим огнем, так страшно заглянула своей мутной слюдой, своей громадой в стекла, что многие вскрикнули и повалились друг на друга, думая, что мы уже гибнем... Потом все опять пришло в порядок, опять пошло с дрожью и перерывами это «траттатататата», – и вдруг опять ударило, и опять дико засвистало и глубоко окунуло, опустило в расступившуюся водяную пропасть... «Началось!» – подумал я с нелепой радостью.

Вскоре стол опустел. Большинство стонало, томилось, – с надрывом, с молящими криками извергало из себя всю душу, валялось по диванам, по полу или поспешно, падая и спотыкаясь, бежало вон из столовой. То тут, то там кого-нибудь безобразно хлестало, а выбегающие махали дверями, и сырой холод стал мешаться с кислым зловонием рвоты. Уже нельзя было ни ходить, ни стоять, убегать надо было опрометью, сидеть – упираясь спиной в кресло, в стену, а ногами в стол, в чемоданы. Все так же казалось, что размахивающийся и вправо, и влево, и вверх, и вниз пароход идет с бешеной поспешностью, внутри его грохотало уже неистово, и перерывы, отдыхи в этом грохоте казались мгновениями счастья... А наверху был сущий ад. Я допил вино, докурил сигару и, падая во

все стороны, побрел в рубку. Я одолел лестницу и пробовал одолеть дверь наружу, выглянуть – ледяной ветер перехватывал дыхание, резал глаза, слепил снегом, с звериной яростью валил назад... Обмерзлые, побелевшие мачты и снасти ревели и свистали с остервенелой тоской и удалью, студенистые холмы волн перекатывались через палубу и опять, опять росли из-за борта и страшно светились взмыленной пеной в черноте ночи и моря... Крепко прохваченный холодом и морской свежестью, я насилу добрался назад до столовой, потом до своей каюты, по некоторым причинам предоставленной в мое распоряжение. Там было темно и все скрипело, возилось, точно что-то живое, борющееся. Проклятый корабельный пол, косой, предательский, зыбко уходил из-под ног. И, когда он уходил особенно глубоко, в стену особенно тяжко ударяла громада воды, все старавшаяся одним махом сокрушить и захлестнуть «Патрас». Но «Патрас» только глубоко нырял под этим ударом и снова пружинил наружу, где на него обрушивался новый враг – налетал ураган со снегом, насквозь пронзавший мокрые стены своим ледяным свистящим дыханием...

IV

И не раздеваясь, – раздеться было никак нельзя, того гляди, расшибет об стену, об умывальник, да и слишком было холодно, – я нащупал нижнюю койку и, улучив удобную минуту, ловко повалился на нее. Все ходило, качалось, дурманило. Бухало в задраенный иллюминатор, с шумом стекало и бурлило – противно, как в каком-то чудовищном чреве. И, понемногу пьянея, отдаваясь все безвольнее в полную власть всего этого, я стал то задремывать, то внезапно просыпаться от особенно бешеных размахов и хвататься за койку, чтобы не вылететь из нее. Труба в рукомойнике, его сточная дыра гудела, гудела – и вдруг начинала булькать, реветь и захлебываться... Ах, встать бы, заткнуть чем-нибудь это анафемское горло! Но не было воли даже приподняться, как ни готовился я вот-вот решиться на это. И потекли часы за часами, и стало казаться, что уже никогда не минет эта мука качания, эта ночь, этот мрак, завывание, шум, плеск, шипение и все новые и новые удары

то и дело налетающих откуда-то из страшной водной беспредельности волн...

В полусне, в забытьи я что-то думал, что-то вспоминал... Пришло в голову и стало повторяться, баюкать:

Гром и шум, корабль качает,
Море Черное шумит...

– Как дальше? – в полусне спрашивал я себя. – Ах да!

Снится мне – я свеж и молод...
От зари роскошный холод
Проникает в сад...

Как все это далеко и ненужно теперь! Так только, грустно немного, жаль себя и еще чего-то, а за всем тем – бог с ним! И опять повторялись стихи и опять путались, опять клонило в сон, в дурман, и опять все лезло куда-то вверх, скрипело, боролось – и все лишь затем, чтобы опять неожиданно разрешиться срывом, а за ним новым пружинным подъемом, и новым шипением бурлящей, стекающей воды, и пахучим холодом завывающего ветра, и клокочущим ревом захлебывающегося умывальника... Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что – я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?

Париж. 1921 г.

А. Вертинский

КОНСТАНТИНОПОЛЬ*

Рано утром мы вошли в Босфор. Нашим глазам предстала панорама из тысячи и одной ночи. Залитый огнями Золотой Рог. Сахарно-белые дворцы султанов со ступенями, сходящими прямо в воду. Море огней. Тонкие иглы минаретов. Башня, с которой сбрасывали в Босфор неверных жен. Маленькие лодочки – каики. Красные фески. Люди в белом. Гортанный говор. И флаги, флаги, флаги! Без конца. Как на параде!

Военные корабли на рейде. Ярко начищенные медные части маленьких катеров сверкают, играют тысячами бликов, горят под лучами солнца.

Я сошел с парохода. В Константинополь. В эмиграцию. В двадцатилетнее добровольное изгнание. В долгую и горькую тоску.

Все пальмы, все восходы, все закаты мира, всю экзотику далеких стран, все, что я видел, все, чем восхищался, – я отдаю за один, самый пасмурный, самый дождливый и заплаканный день у себя на родине!

К этому я согласен прибавить еще и весь мой успех, все восторги толпы, все аплодисменты, все цветы, все деньги, которые я там зарабатывал... Все, все, все, ибо все это мне было не нужно!

Поселились мы с Борисом Путятой в самом фешенебельном отеле Константинополя «Пера Паласе». Разутюжили наши российские «костюмчики» – знаменитый актерский «гардеробчик», по которому антрепренеры оценивали молодых актеров, и вышли на улицу – на Гранд Рю-де-Пера, по которой взад и вперед прогуливалось немало наших, приехавших раньше нас.

«Ба! Откуда вы? Когда приехали? На чем?» Приподымались шляпы. Пожимались руки.

«Вы уже обедали? Нет? Ну зайдем куда-нибудь». «Хотите в “Уголок”? Тут русские держат!»

---

* Печ. по изд.: *Вертинский А.* Четверть века без Родины: страницы минувшего. Киев, 1989.

Заходили. Выпивали. Закусывали. Разговаривали по душам.

Борщ подавали отменный – мы от такого борща давно уже отвыкли. Все было первоклассного качества. А главное, подавали дамы. Молодые, нарядные, слегка кокетничавшие своим неумением подавать.

«Ну, откуда же мне знать это?.. – говорили их глаза. – Мы же не привыкли!»

– Горчички? Ах да!.. Забыла... Еще чего хотите?

Смелый, немного беспомощный взгляд и улыбки, улыбки без конца...

Это заменяло недостаток сервиса. Обалдевшие, подвыпившие гости уходили, оставляя «на чай» даме больше, чем стоил весь обед. «Неудобно. Она такая милая!..»

Мы с другом тоже оставляли много. Но потом спохватились и стали ходить в дешевые турецкие кофейни.

Город шумел, орал и сверкал, как огромный базар. Тысячи голосов. Щелканье бичей «арабаджи», гордо восседавших на козлах своих фаэтонов, окрики полицейских, гудки машин, вой нищих, пение продавцов птиц и сластей, лай собак – все сливалось в общий гул. На улицах настоящий карнавал. Сотни офицеров и солдат в самых экзотических формах и нарядах. Шотландцы в юбочках с волынками в руках маршировали под какую-то детскую музыку. Негры в фесках и шароварах, итальянцы с петушиными перышками на шляпах, французы в голубых с золотом кепи, американцы в белых шапочках, англичане со стеками в руках, греки, чехи, сербы, румыны... Кого только здесь не было! И все это двигалось, маршировало, играло, пело. «Победители» демонстрировали свою мощь.

На углу, около кафе Токатлиана, старый турок жарил каштаны на маленькой жаровне и плакал. Один из «победителей» толкнул его жаровню – она мешала ему пройти, – и каштаны рассыпались по мостовой. По вечерам в узких улочках, прямо на тротуарах, пристраивался «кафеджи» – продавец кофе – ароматного турецкого кофе, в чашечках величиной с наперсток. За пять пиастров оно подавалось тут же на улице. Можно было сесть на маленькую табуретку, покурить, послушать заунывную восточную мелодию,

исполняемую бродячим турецким музыкантом, и погрустить о родине.

В Галате дервиши – в длинных одеждах, босые – кружились в священном танце. Кружились до тех пор, пока в судорогах не падали на землю.

В большой праздник «байрам» мы ходили по Галате смотреть дешевую иллюминацию и бродили без цели по базарам, покупая всякую ерунду.

В темных, прохладных магазинах сидели, поджав под себя ноги, мудрые седобородые турки и терпеливо торговали чудесными коврами, угощая посетителей крошечной чашкой кофе с рахат-лукумом.

Турецкие женщины в национальной одежде с «чарчафами» – вуалями, закрывавшими пол-лица, – обжигали прохожих быстрыми и любопытными взглядами. Подойти к ним или завести знакомство было невозможно. Полиция зорко следила за ними. Мужчинам за попытки познакомиться ничего не было, а женщин таскали в полицию, вызывали родных и родственников.

В больших грязных кафе ели плов из барашка, крошечные шашлыки, «долму», запивали «дузикой» – анисовой водкой, разбавленной холодной водой. Какие-то допотопные орга́ны, вроде наших московских «машин», какие когда-то были в извозчичьих трактирах, ревели, гудели и цокали, внезапно останавливаясь, когда кончался завод.

По узеньким, кривым, немощеным улочкам и переулкам бегали страшные опаршивевшие собаки и рылись в мусоре, который выбрасывали на тротуар обыватели. Трогать собак было нельзя. По мусульманским законам собаки считаются священными животными. Англичане долго думали: что с ними делать? Наконец полковник Максвельд додумался: всех собак переловили, свезли на какой-то пустынный остров, где они перегрызли друг друга.

Яркий, красочный быт Турции еще существовал, но уже исчезал понемногу под напором «цивилизации», нахлынувшей вместе с оккупационной армией. Той Турции, о которой писал Клод Фаррер, в которую был когда-то влюблен Пьер Лоти, – уже не было. Где-то во дворце сидел султан, восточный повелитель, давным-

давно купленный европейцами и оставленный ими только «для декорации». Без власти и без силы, без всякого значения. Правда, в его великолепном дворце «Ильдиз-Киоске» по пятницам, в «селямлик» еще бывали приемы. На них присутствовал весь дипломатический корпус. Но и туристы тоже. Приглашение на эти приемы можно было получить по знакомству за деньги.

...Сначала все были полны надежд. «Это ненадолго! – говорили спокойные, уверенные спекулянты, которым удалось кое-что вывезти и кое-что заработать. Многие заходили в своем оптимизме еще дальше.

– Англичане дают деньги, экипировку и вооружение, – говорили они.

– Но они уже давали, – робко возражал я.

– Будет сформирована новая армия. Она будет отправлена на английских кораблях и высажена.

– Но они уже высаживали! – деликатно напоминал я.

– Ничего. На сей раз это вполне серьезно!

Возражать было напрасно.

Какой-то купец из старых московских фамилий даже заключил пари на любую сумму, что «к Новому году будем в Москве».

Некоторых подозрительных лиц спешно вызывали в разведки и штабы, вели с ними какие-то переговоры. Много обещали, много предлагали. Немолодые особы сомнительной репутации, работавшие в «Осваге» и в белых разведках, делая «хорошую мину при плохой игре», загадочно улыбались и иногда, по большой доверенности, интимно говорили:

– Ждите больших событий! Скоро поедем домой!

А в Галиполи, на острове, тихо умирала бессильная, разоруженная армия. И было какое-то трагическое сходство между нею, изолированной от всего остального мира, и теми собаками, которых англичане свезли на остров.

А на острове Принкино – в настоящем земном раю, среди роз, глициний и магнолий, в лучшем отеле мира – сидели, как в концлагере, русские эмигранты на английском пайке и играли в карты на коробки консервов, проигрывая друг другу свои полуголодные

пайки. Они отвинчивали дверные медные ручки и продавали их за гроши на барахолке, чтобы курить и пить турецкую водку.

Старые, желтозубые петербургские дамы, в мужских макинтошах, с тюрбанами на голове, вынимали из сумок последние портсигары – «царские подарки» с бриллиантовыми орлами – и закладывали или продавали их одесскому ювелиру Пурицу в наивной надежде на лучшие времена. Они ходили все как одна одинаковые – прямые, как лестницы, с плоскими ступнями больших ног в мужской обуви, с крымскими двурогими палочками-посохами в руках – и делали «бедное, но гордое» лицо.

Молодые офицеры, сопровождавшие их, какие-то «Вовочки» и «Николя», бывшие корнеты лихих гусарских и драгунских полков, продавали сувениры дам и «красиво» прожигали деньги. […]

В фешенебельном игорном доме, открытом предприимчивым одесситом Сергеем Альтбрандтом, играл Жан Гулеско, знаменитый скрипач-румын, любимец петербургской кутящей публики. Было одно желание – забыться. Забыться во что бы то ни стало. Сперва играли в «баккара», потом ужинали, потом пили «шампитр». Собирались мужскими компаниями по нескольку человек и кутили, вспоминая старый Петербург.

– Жан, нашу Конногвардейскую!

Гулеско знал наизусть «чарочки» всех полков. Раздувая цыганские, страстные ноздри, он подходил к столу.

– Гулеско, наш Егерский! Ну-ка!.. Встать! Господа офицеры!

Вставали. Пили. Требовали «Боже, царя храни».

Гулеско играл, сверкая белками глаз и как-то особенно ловко подхватывая на лету и перекладывая в карман швыряемые ему деньги.

Клубы эти были запрещены. Начальник полиции колонель Максвельд с чисто английской спортивной выдержкой, несмотря на тысячи ухищрений хозяев, в один прекрасный день перелезал где-то через забор и в самый разгар врывался в клуб. Энергично размахивая стеком направо и налево, он забирал всех в полицию. И держал до утра. Потом выгонял, записав фамилии.

Я помню, тогда мне бросилась в глаза одна странная вещь. Я заметил, что многих, очень многих людей революция поставила на

их настоящее место... И даже не то. Вернее, в эти дни, как в проявителе, который употребляют фотографы, ясно обозначились те черты некоторых людей, которые раньше не замечались и не могли быть замечены, как ничего нельзя увидеть на негативе, пока его не опустишь в проявитель.

Кем и чем были эти люди до революции? Многие из них занимали посты, играли видную роль при дворе, работали то на одном то на другом поприще, часто были всесильны, всемогущи, имена их были известны каждому – и все это было не то, что́ они собой представляли на самом деле. Только здесь, в эмиграции, выброшенные из своей тихой заводи шквалом революции, они обрели свою истинную сущность, показали свое истинное лицо, нашли истинное призвание.

У меня, в кабаре «Черная роза», на вешалке стоял швейцаром бывший сенатор. Я никогда не видел швейцара, который был бы более удачен на своем месте, чем он. Он был услужлив, любезен, сообразителен и умел угодить публике как никто. Он занимался всем, вплоть до сводничества. И зарабатывал великолепно. Очень многие, весьма щекотливые дела устраивались через него. И самое главное – он был вполне счастлив. Весь мир, такой огромный, такой сложный для него раньше, поделился теперь только на две половины, на два сорта людей: «дающих на чай» и «не дающих на чай». И он безошибочно разбирался в них.

– Разве это гость? – презрительно говорил бывший сенатор. – Я для него машину вызывал, за девочками ездил, домой его пьяного отвез, а он... пять лир на чай! – И брезгливо пожимал плечами.

– Тяжело вам, Константин Иванович? – иногда спрашивал я.

– Что вы! Что вы! Отлично!..

Он махал на меня руками. Он был счастлив. Это было его настоящее призвание. А вся жизнь, прожитая им ранее, была ошибкой, сном, досадным воспоминанием.

На кухне шикарного ресторана-кабаре «Эрмитаж», в котором мне пришлось петь и быть еще директором, служил поваром бывший губернатор. Не знаю, каким он был администратором в России. Вероятно, плохим. Знавшие его говорили, что он был зол, туп, придирчив и завистлив. Но поваром он был чудесным! Бывало,

придя в ресторан в восемь часов утра, я заставал его за огромной чашкой чая с клубникой. Он потягивал горячий напиток и благодушно улыбался. Еда была его стихией. Целый день он пробовал соусы, вылизывая языком ложки, потом обедал – жирно, вкусно, пил настойку. Вечером снова ел.

– Ну как, Николай Васильевич? – спрашивал я. – Трудновато?

– Да что вы, милый! Я отдыхаю! Только теперь я понял, что такое красота жизни!

И это была правда – он нашел себя.

А сколько великолепных лакеев, услужливых метрдотелей, лихих шоферов повыходило из людей, принадлежавших к самым богатым, самым высшим классам старого общества! Сколько сутенеров, жуликов, шулеров вышло из тех, кто носил самые громкие титулы, самые аристократические фамилии!

Значит, какая-то правда была в том, что эту накипь революция выплеснула за борт.

Положение женщин было лучше, чем мужчин. Они «привились», и их охотно брали на всякие должности. Мужчинам же найти работу было очень трудно. Они устраивались, главным образом, около ресторанов, чистили картошку или ножи, мыли посуду. Почтенные генералы и полковники охотно шли на любую работу чуть ли не за тарелку борща.

Все это было очень грустно. Какие-то организации вроде Земского союза пытались что-то делать, устраивая бесплатные столовки и ночлежки, но за недостатком средств учреждения эти дышали на ладан.

И все-таки все как-то жили. Около тех, кто ел пироги, как всегда, питались крохами голодные. Голодных, конечно, было больше, чем сытых, но и сытых было немало. Предприимчивые купцы возили что-то в Батум, нагружали пароходы, возвращались и снова куда-то везли. Потом, когда возить уже было нельзя, «загоняли» пароходы, часто им не принадлежавшие, и долго еще жили на эти деньги.

Первое время какой-то микроб «беспечности» носился в воздухе. Думалось – все поправится, скоро вернемся на родину. Сделки, барыши, деловые знакомства – все это «вспрыскивалось» по-

старинному – шампанским, отмечалось кутежами, швырянием денег.

Главный заработок был от иностранцев. Им очень нравилось все русское. Начиная от русских женщин, капризных и избалованных, которые требовали к себе большого внимания, и кончая русской музыкой и русской кухней. Грубоватые американцы, суховатые снобы-англичане, пылкие и ревнивые итальянцы, веселые и самоуверенные французы – все совершенно менялись под «благотворным» влиянием русских женщин. «Переделывали» они их изумительно – русские женщины любят «переделывать» мужчин! Для иностранцев «условия» были довольно трудные. Но чего не перетерпишь ради любимой женщины!

Помню, был у меня один приятель француз. Человек довольно неглупый, молодой, богатый и веселый. Подружились мы с ним потому, что он обожал все русское.

– Гастон, – спросил я его однажды, – вот вы так любите все русское. Почему бы вам не жениться на русской?

Он серьезно посмотрел мне в глаза. Потом улыбнулся.

– Видите ли, мой дорогой друг, – раздумчиво начал он, – для того чтобы жениться на русской, надо сперва выкупить все ее ломбардные квитанции. А если у нее их нет, то – ее подруги. Раз! Потом – выписать всю семью из Советской России. Два! Потом купить ее мужу такси или дать отступного тысяч двадцать. Три! Потом заплатить за право учения ее сына в Белграде, потому что за него уже три года не плачено. Четыре! Потом положить на ее имя деньги в банк. Пять! Потом купить ей апартаменты. Шесть. Машину. Семь! Меха. Восемь. Драгоценности. Девять! и т.д. А шофером надо взять обязательно русского, потому что он бывший князь. И такой милый. И большевики у него отняли все-все, кроме чести, конечно. После этого она вам скажет: «Я вас пока еще не люблю. Но с годами я к вам привыкну!». И вот, – вдохновенно продолжал Гастон, – когда она к вам, наконец, почти уже привыкла, вы застаете ее... со своим шофером! Оказывается, что они давно уже любят друг друга, и, понятно, вы для нее нуль. Вы – иностранец, «чужой». И к тому же – хам, как они говорят. А он все-таки «бывший князь». И танцует лучше вас. И выше вас ростом. –

Гастон расхохотался. – Ну, остальное вам ясно. Скандал. Развод. На суде она обязательно вам скажет: «Ты владел моим телом, но душой не владел!» Зато ваш шофер имел и то и другое. Согласитесь, что это комплике (сложно), мой друг!

Шарж был ядовитый. Но в общем довольно верный. И тем не менее женщины все-таки побеждали.

Они выходили замуж за кого угодно, начиная от самых «больших» особ первого класса и кончая самыми маленькими.

А турки вообще от них потеряли головы. Наши голубоглазые, светловолосые красавицы для них, привыкших к своим смуглым восточным повелительницам, показались ангелами, райскими гуриями, женщинами с другой планеты. Разводы сыпались, как из рога изобилия. Мужья получали «отступного» и уезжали искать счастья – кто в Варну, кто в Прагу, кто куда, а жены делались «магометанскими леди» и наряжались иногда в восточные одежды, которые носили не без шика.

Турецкие жены забили тревогу. Собрав много тысяч подписей, они подали петицию коменданту Константинополя полковнику Максвельду, в которой наивно жаловались на измены мужей, подчеркивали опасность, угрожающую их семейному очагу, и требовали... выселения всех русских женщин из Турции! Не знаю, какой ответ дал им комендант, но факт остается фактом.

А пугаться было чего. Константинополь был буквально переполнен молодыми и хорошенькими женщинами. Военная молодежь из белых армий где-то в Крыму, в Ростове, Екатеринодаре переженилась «с перепугу» на молодых девчонках и привезла их с собой, надеясь на знаменитое русское «авось». Девчонки сразу освоились и как-то внезапно, точно по уговору, оказались все дочерьми генералов, полковников, губернаторов и миллионеров. Иностранцам они рассказывали о себе чудеса. Те слушали их разинув рты и лезли из кожи. Мужья сердились, но терпели. «Главой в доме» была жена. Сменив военную форму на штатское, мужчины чувствовали себя как-то неуверенно. Имея много свободного времени, они ревновали своих жен, тяготились создавшимся положением или, наоборот, спокойно мирились с ним и от скуки целыми днями торчали в бильярдных… Это не конец?

Дон Аминадо

ПОЕЗД НА ТРЕТЬЕМ ПУТИ*

Начало января 20-го года.

На стоявшем в порту французском пароходе «Дюмон д'Юрвиль» произошел пожар.

Вся верхняя часть его обгорела, и на сильно пострадавшей палубе уныло торчали обуглившиеся мачты, а от раскрашенной полногрудой Наяды, украшающей нос корабля, уцелел один только деревянный торс, покрытый зеленым мохом и перламутровыми морскими ракушками.

Вся нижняя часть парохода осталась нетронутой, машинное отделение, трюм, деревянные нары для солдат, которых во время войны без конца перевозил «Дюмон д'Юрвиль», – все было в полном порядке.

Что можно было починить, починили наспех и кое-как, и по приказу адмирала, командовавшего флотом, обгоревший пароход должен был идти в Босфор.

Группа литераторов и ученых быстро учла положение вещей.

Опять кинулись к консулу, консул к капитану, капитан потребовал паспорта, справки, свидетельства, коллективную расписку, что в случае аварии никаких исков и претензий к французскому правительству не будет, и в заключение заявил:

– Бесплатный проезд до Константинополя, включая паек для кочегаров и литр красного вина на душу.

Василевский в меховой шубе и в боярской шапке уже собирался кинуться капитану на шею и, само собой разумеется, задушить его в объятиях, но благосклонный француз так на него посмотрел своими стальными глазами, что бедняга мгновенно скис и что-то невнятно пробормотал не то из Вольтера, не то просто из самоучителя.

---

* Печ. по изд.: Дон Аминадо (Шполянский). Поезд на третьем пути. М., 2006, с. 235–242.

20 января 20-го года – есть даты, которые запоминаются навсегда, – корабль призраков, обугленный «Дюмон д'Юрвиль», снялся с якоря.

Кинематографическая лента в аппарате Аверченко кончилась.

Никому не могло прийти в голову крикнуть как бывало прежде:

– Мишка, крути назад!

Все молчали. И те, кто оставался внизу, на шумной суетливой набережной. И те, кто стоял наверху, на обгоревшей пароходной палубе.

Каждый думал про свое, а горький смысл был один для всех:

Здесь обрывается Россия
Над морем Черным и глухим.

* * *

Группа была пестрая, случайная, соединенная стечением обстоятельств, но дружная и без всяких подразделений и фракций.

Старик Овсянико-Куликовский в последнюю минуту передумал, махнул рукой, смахнул слезу и остался на родине.

С. П. Юрицын, бывший редактор «Сына Отечества», наоборот, только в последнюю минуту и присоединился.

Был он мрачен как туча и держался в стороне.

Художник Ремизов, в «Сатириконе» Ре-Ми, еще за час до отплытия начал страдать морской болезнью.

Ни жене, ни сыну ни за что не хотел верить, что пароход еще стоит на месте и, стало быть, все это одно воображение.

– Гримасы большого города! – ядовито подсказал розовый, застенчивый, но всегда находчивый Полонский.

Намек на имевшие всероссийский успех знаменитые ремизовские карикатуры оказал живительное действие: талантливый художник сразу выздоровел и на следующий день, несмотря на настоящую, а не выдуманную качку, не только держал себя молодцом, но даже написал портрет капитана Мерантье, что сразу подняло акции всей группы.

Капитан благодарил, консервные пайки были сразу удвоены.

Б. С. Мирский – мы всегда предпочитали этот легкий псевдоним его двойному ученому имени [Миркин-Гецевич]– казался моложе других, заразительно хохотал и рассказывал уморительные истории из жизни «Синего журнала» и других петербургских изданий

того же типа, о которых теперь никто бы ему и напомнить не решился.

Ехал с нами и приятель Мирского – А. И. Ага, бывший секретарь бывшего министра А. И. Коновалова, почти доцент и никогда не профессор.

Жена его и двухлетний сын Данилка, пользовавшийся всеобщим успехом, делили с нами и пищу кочегаров, и мертвую морскую зыбь.

Суетился, как всегда, один Василевский, которого прозвали Сумбур-паша, без всякой, впрочем, задней мысли, касавшейся его сложного семейного положения.

Положение было действительно сложное, ибо вез он с собой двух жен: одну бывшую, с которой только развелся, и другую настоящую, на которой только что женился.

Вышел он, однако, из этой путаницы блестяще: одну устроил на корме, другую на носу.

И так, в течение всего пути, и бегал с кормы на нос и с носа на корму, в боярской шапке и с огромным кипящим чайником в руках, добродушно поставляя крутой кипяток на северный полюс и на южный.

Ехали долго: турецкие мины еще не все были выловлены.

Обгоревшая громадина тоже требовала немало забот и зоркой осмотрительности.

Кроме того, в одно прекрасное утро взбунтовались и негры-кочегары, ошалевшие от красного вина и раскаленных печей.

Скрестили черные руки на черной груди и потребовали капитана Мерантье в машинное отделение.

Василевский вызвался его сопровождать, но одного взгляда стальных глаз было достаточно, чтобы в корне задушить этот самоотверженный порыв.

Переговоры продолжались долго.

Группа ученых и литераторов не на шутку приуныла.

Ремизов взволновался и предлагал написать всех негров по очереди, да еще пастелью.

Большинством голосов пастель была отвергнута.

В ожидании событий кто-то предложил свой корабельный журнал, на страницах которого каждый из присутствующих должен был кратко ответить на один и тот же ребром поставленный вопрос:

– Когда мы вернемся в Россию?..

Корреспонденты с мест немедленно откликнулись. Один писал:

– Через два года, с пересадкой в Крыму.

Последующие прогнозы были еще точнее и категоричнее, но сроки в зависимости от темперамента и широты кругозора все удлинялись и удлинялись.

Заключительный аккорд был исполнен безнадежности.

Вместо скоропалительной риторики кто-то, кто был прозорливее других, привел стихи Блока [«Девушка пела в церковном хоре»]:

И только высоко у царских врат,
Причастный тайнам, плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

После полудня негры выдохлись.

Настроение пассажиров быстро поднялось.

Страшная кочегарка показалась хижиной дяди Тома.

Загудели машины, из покривившихся набок, пострадавших от пожара труб вырвались клубы черного дыма, и снова закружились неугомонные чайки над старым «Дюмон д'Юрвилем».

На шестые сутки – берега Анатолии.

Мирт, и лавр, и розы Кадикёя.

Босфор, Буюк-Дере. Дворцы, мечети, высокие кипарисы.

Колонна Феодосия. Розовые купола Святой Ирины в синем византийском небе.

И над всем, над прошлым, над настоящим, сплошной довременный хаос, абсурд, бедлам, международный сумасшедший дом, который никакой прозой не запечатлеть, никаким высоким штилем не выразить.

Мне говорили – все промчится,
И все течет. И все вода.
Но город – сон, который снится,
Приснился миру навсегда.
Лаванда, амбра, запах пудры,
Чадра, и феска, и чалма.
Страна, где подданные мудры,

Где сводят женщины с ума,
Где от зари и от полночи
Перед душистым наргиле,
На ткань ковра уставя очи,
Сидят народы на земле
И славят мудрого Аллаха
Иль, совершив святой намаз,
О бранной сдаче падишаха
Ведут медлительный рассказ.
Где любят нежно и жестоко
И непременно в нишах бань,
Пока не будет глас пророка:
Селим, довольно, перестань.
О, бред проезжих беллетристов,
Которым сам Токатлиан
Хозяин баров, друг артистов,
Носил и кофий и кальян!
Он фимиам курил Фарреру,
Сулил бессмертие Лоти,
И Клод Фаррер, теряя меру,
Сбивал читателей с пути.
А было просто... Что окурок,
Под сточной брошенной трубой,
Едва дымился бедный турок,
Уже раздавленный судьбой.
И турка бедного призвали,
И он пред судьями предстал
И золотым пером в Версале
Взмахнул и что-то подписал.
Покончив с расой беспокойной
И заглушив гортанный гул,
Толпою жадной и нестройной
Европа ринулась в Стамбул.
Менялы, гиды, шарлатаны,
Парижских улиц мать и дочь,
Французской службы капитаны,
Британцы, мрачные как ночь.

Кроаты в лентах, сербы в бантах,
Какой-то сир, какой-то сэр,
Поляки в новых аксельбантах
И итальянский берсальер.
Малайцы, негры и ацтеки,
Ковбой, идущий на пролом.
Темнооливковые греки,
Армяне с собственным послом!
И кучка русских с бывшим флагом
И незатейливым Освагом...*
Таков был пестрый караван,
Пришедший в лоно мусульман.
В земле ворочалися предки,
А над землей был стон и звон.
И сорок две контрразведки
Венчали новый Вавилон.
Консервы, горы шоколада,
Монбланы безопасных бритв
И крик ослов... – и вот награда
За годы сумасшедших битв!
Какой-то гид из бывших немцев
Толпе бездарных чужеземцев
За два пиастра, вверх и вниз,
Покажет Бахче и Ильдыз.
А ночь придет – поют девицы,
Гудит тимпан, дымит кальян,
И в километре от столицы
Хазары режут христиан.
Дрожит в воде, в воде Босфора
Резной и четкий минарет.
И муэдзин поет, что скоро
Придет на землю Магомет.

Константинопольское житие было недолгим.

Встретили Кайранского, обрадовались, наперебой друг друга расспрашивали, вспоминали:

---

* См. примеч. 10 к очерку «Крестный путь».

Дом Перцова, Чистые Пруды, Большую Молчановку, Москву, бывшее, прошлое, недавнее, стародавнее.

Накупили предметов первой необходимости – розового масла в замысловатой склянке, какую-то чудовищную трубку с длинным чубуком и замечательные сандаловые четки.

Поклонились Ай-Софии, съездили на [Принцевы] острова, посетили Порай-Хлебовского, бывшего советника русского посольства, который долго рассказывал про Чарыкова*, наводившего панику на Блистательную Порту.

Как что, так сейчас приказывает запрячь свою знаменитую четверку серых в яблоках и мчится прямо к Абдул-Гамиду, без всяких церемоний и протоколов.

У султана уже и подбородок трясется, и глаза на лоб вылезают, а Чарыков все не успокаивается, – пока не подпишешь, не уйду! А не подпишешь, весь твой Ильдыз-Киоск [Йылдыз-Кёшк] с броненосца разнесу!..

Ну, конечно, тот на все что угодно соглашается; Чарыков, торжествуя, возвращается в посольство.

А через неделю-другую – новый армянский погром и греческая резня...

Но престиж... огромный!

И Порай-Хлебовский только вздыхает и усердно советует ехать дальше – ибо тут, в этом проклятом логовище, устроиться нельзя, немыслимо.

... Пересадка кончилась, сандаловыми четками жив не будешь.

Как говорят турки: йок! – и все становится ясно и понятно.

Константинополь – йок; вплавь через Геллеспонт [Дарданеллы], как лорд Байрон, мы не собираемся; стало быть, прямым рейсом до Марселя на игрушечном пароходике компании Паке, а оттуда в Париж, без планов, без программы, но по четвертому классу. […]

И, одолевая все – сон, усталость, мысли и ощущения, мешанину, путаницу, душевную неприкаянность, – опять та же строка, как ведущая нить, старомодная строчка Апухтина: «Курьерским поездом летя, Бог весть куда…»

---

* Чарыков Николай Валерьевич – русский дипломат, товарищ министра иностранных дел (1908–1909), чрезвычайный и полномочный посол в Османской империи (1909–1912).

Тэффи

ГАЛАТА. СТАМБУЛ*

Константинополь нельзя «проезжать мимо» и оглядывать его мельком, с Бедекером** в руках. Только когда проживешь в нем «время», оживешься с ним и забудешь все то, что считается необходимым по мнению Бедекеров осмотреть: Босфор при лунном свете, Эйюб при солнечном закате, Айя-Софию, Голубую мечеть, Мечеть с Мозаикой, башню Леандра и Музей с саркофагом Александра Македонского, – только тогда начнешь жить с ним одной жизнью, бродить по узким кривым уличкам и понемногу влюбляться в тот истинный Стамбул, который надо не только видеть, но и чувствовать.

Не ходите по улице Grande rue de Perá. По ней ходят наши одесситки, водят носами по витринам магазинов и вслух переводят лиры на рубли и обратно. Не ходите туда. Поверните направо по линии трамвая, потом спуститесь вниз по крутому полумощенному спуску-обрыву мимо маленьких деревянных домиков, кривых и заплатанных, из каждого окошка которых выглядывают по две, по три старушечьих головы (здесь дома сидят только старухи), и вы попадете в старый лесок. Деревья в нем не густые, и у корней их торчат каменные мшистые пеньки. Лесок этот – кладбище. Пеньки – могильные памятники. Кладбище это не мертвое. Оно какое-то полуживое. Между могилками пасется коза. Сушится на веревках, привязанных к надгробным камням, пестрое тряпье. Играют дети. Мальчишка торговец жарит на жаровне каштаны. И кто-то поет веселую уличную песенку, в которой высмеивается современная турчанка, влюбившаяся в доктора.

Спуститесь вниз и идите дальше к Галатскому мосту.

---

* Печ. по изд.: *Тэффи.* Стамбул и солнце. Берлин, 1921, с. 27–39

** Карл Бедекер (XIX в.) – немецкий издатель путеводителей (бедекеров) по разным странам.

К Константинополю надо привыкнуть.

Первое время он кажется слишком ярким, пряным, острым до боли.

Слишком сладки его фрукты, слишком сочны вертящиеся на механических стержнях шашлыки, слишком яркими красками раскрашены леденцы на лотке торговца, слишком звонко кричат продавцы, слишком пряно пахнут душистые травы. И солнце звенит и играет и прыгает, переливая густым перламутром чешую огромных пестрых рыб, нанизанных жабрами на веревку у двери лавки, сверкая огненным столбом на медном кувшине суджи́ – торговца водою, и рассыпаясь бисерными блестками по граненым четкам маленького углового ларька.

Потом вы привыкнете. И все это – и пряность, и яркость, и звонкость, все доставит одно радостное целое – Стамбул.

В Галате еще Европа.

Электричка, вылетающая из туннеля, громыхающие трамваи, визгливые автомобили, модные витрины.

Так странно звучит над этим европейским оркестром переливный клич муэдзина, призывающего правоверных с высокого минарета в урочный час на молитву…

У входа в Золотой Рог целая флотилия высокомачтовых рыбацких шхун. С такой, должно быть, флотилией явился Олег прибивать свой щит к вратам Царьграда. И сердца царьградцев сжимались от ужаса при виде этой «грозной силы».

Недалеко от моста, в бок от самой людной улицы, находится квартал, населенный константинопольскими гетерами.

У каждой гетеры нечто вроде лавочки – крошечная конурка, без окна, с деревянной дверью на улицу. В двери прорезано окошечко, через которое обитательница выставляет свою голову, с густо намасленными и распущенными волосами. Некоторые выходят на улицу и тихонько приплясывают под звуки шарманки. У них очень коротенькие юбки, открывающие выше колен, толстые, словно деревянные, ноги, голые руки и шея. Со своими лубочно-раскрашенными лицами и неуклюжими уродливыми фигурками, они похожи на дешевых кукол. И шарманка, под которую они приплясывают, тоже какая-то сказочная, не то кукольная, огром-

ная – целый дом, золоченая, в цветных свистульках, звонках и погремушках. Гудит, звенит, свистит и охает – как раз для этих огромных кукол, неладно выструганных из крепкой деревяшки и весело раскрашенных сурьмой и кармином.

Суетливые, мрачные старухи поджаривают на жаровнях какие-то бараньи огрызки… Дети играют стеклышками от разбитой бутылки…

У одной из кукол в деревянной рамке двери тихое и кроткое личико и глаза опущены. Это она смотрит на своего ребенка, которого кормит грудью. Милая Мадонна деревянных кукол! И твой маленький, который сейчас под звон и вздохи сверкающей шарманки всасывает первое вино своей жизни – пусть его благословит Аллах быть по крайней мере менялой на улице Пера.

Нет – я пошутила. Не надо менялы. Сверкающая шарманка не только звенит, она и вздыхает… Пусть маленький будет поэтом…

Рано утром вы можете увидеть картину, плохо гармонирующую с трамваем, модными магазинами и туннельной электричкой: длинная вереница верблюдов, тихо колебля своими змеиными шеями, плавно выступает вдоль улицы, на спине у верблюдов тяжелые корзины, груженые кофе из Аравии и углем из Сирии.

Идут медленно, гордо, не пугаясь автомобильных гудков и свиста мотоциклеток. Магазины, трамваи – все это для них не более, как миражи, фата-моргана, сон великой пустыни.

И если остановиться и долго следить за тихим плавным колебанием их высоких горбов, за мерно-однообразным ритмом их шагов, – мало-помалу угаснет в ушах шум и звон города, растают дома, рассосутся суетливые пестрые люди и останется только земля – голая, желтая земля и синее небо над нею, и между ним, как золотая птица взвиваясь и опадая, полетит песнь муэдзина…

А город с его шумом и звоном, пестротой и блеском – его не будет. Он – фата-моргана. Сон Великой Пустыни…

Стамбул

Дальше через мост в Стамбул.

Здесь чисто: нет ни европейцев, ни менял.

Поверните направо, вглубь к старому базару, на улицу китабчи – правоверных букинистов.

У них маленькие деревянные лавчонки, заваленные изодранными заплесневелыми листками Корана. Изречения Магомета на пожелтевшей от времени бумаге в облупленных рамках – украшают грязные стены конурки. Низенький столик или просто перевернутый ящик, растреснутая фарфоровая чашечка с тушью и пестик для растирания краски, вот вся обстановка.

Китабчи почти всегда старый, бородатый, в чалме и очках.

Он сидит на низенькой табуретке, почти на собственных пятках и переписывает Коран.

Вы можете войти в лавку и молча простоять хоть два часа, – старик не прервет свои занятия и ничего вам не скажет. Но если вы заговорите и окажетесь знатоком восточной графики – он оживится и с волнением будет показывать вам какую-нибудь завитушку на изжелтевшем обрывке старого Корана и щелкать языком и качать головой.

Манускрипт играет на востоке роль живописи. Простая страничка, на которой написано небольшое изречение, чуть тронутая золотом и краской, ценится иногда дороже целого рукописного Корана. При мне один такой листик был продан за несколько сот лир.

Знатоки восточной каллиграфии различают бесконечное количество почерков и манер. Есть манера персидская, арабская, новая, просто индивидуальная…

Переписчик сидит целые годы над своей работой. Он пишет тонким деревянным пером, которое должен подтачивать через каждые пять-десять написанных строк. Но в хорошей рукописи отнюдь не должно быть заметно – где переписчик чинил перо. Нажим, толщина линии, размер каждого хвостика, величина каждой точки должны быть одинаковы.

От переписчика страничка переходит в руки художника, который разрисовывает золотом и красками каждую точку, причем каждую иначе, и отделяет цветной заставкой одну главу от другой.

Цвета, арабески, тонкие кружевные сетки, огоньки. На полях узорные тюльпаны – на каждой странице – другой по расцветке, рисунку и форме.

Но как бы великолепны и искусны ни были рисунки, – в конце Корана подписывается только имя переписчика, потому что он считается главным художником. Между этими именами есть такие прославленные, что подписанный ими экземпляр считается предметом роскоши, драгоценностью, которую берегут, которой любуются и гордятся.

Лавочки китабчи группируются почти все рядом у старого базара. Там же, в лабиринте начинающихся базарных галерей, можно найти торговцев восточными ароматами. Их мало, и товаров у них не много, потому что Аравия сейчас отрезана и ни благовонной амбры, ни смирны, ни мускуса получить нельзя.

Торговец неохотно уступит вам несколько капель амбры, темной, густой и тяжелой амбры из Мекки, благовония почти священного… Есть еще у них жасмин и мимоза, тоже густые, на оливковом масле, не духи, а ароматы, какими в библейские времена умащивали кожу прекрасной Юдифи, и нежной Фамари, и гордой Иезавели, и прочих прельщавших и прельщенных, пленявших и пленившихся.

Из амбры приготовляются ароматы для курильниц и пилюли для старых султанов.

У Абдуль Гамида был особый араб специалист, «заведывающий прекрасными ароматами». Он один умел приготовлять амбру для курения, для умащения прочих гостей повелителя.

– Амбер! Амбер! – торговец понижает голос, произнося имя этого драгоценнейшего из ароматов, и рука его слегка дрожит, когда он осторожно и четко сбрасывает тяжелую и темную каплю из бутылки в маленький граненый флакончик покупателя.

– Амбер Мекка!

Смуглые руки собирали амбру под тихое переливное пение. Потом медленные верблюды качали ее на своих горбах под солнцем пустыни. Горячий ветер срывал струи аромата, нес их, насыщал ими серебряные кристальные пески и, учуяв их, сонный лев, лени-

во потянувшись передними лапами, тихо выходил из-за камня и следил за караваном вспыхивающим, узко-разрезанным зрачком.

– Амбер Мекка!

– Два драмма [т. е. две драхмы].

Теперь она ваша, эта амбра.

Тридцать густых тяжелых капель. Кровь черной Каабы – Магометова камня.

У продавцов четок всегда много покупателей. Иностранцы любят привозить их на память.

Четки в тридцать три и в девяносто девять зернышек. Душистые сандаловые, и янтарные, ласково-скользящие между пальцами, и хрустальные для щеголей, и ярко раскрашенные для тех, кто в них толку не понимает.

Настоящему восточному человеку четки необходимы. Они дают занятие его праздным рукам и предохраняют от излишней жестикуляции…

Четки бывают различной величины, от крупных, почти в голубиное яйцо, до мелких, с вишневую косточку.

У султана Селима, убившего из-за вопросов тонкой придворной политики по очереди всех своих малолетних детей – покоящегося теперь в великолепной мечети, окруженного, как истого патриарха, всем своим потомством в сорока маленьких гробиках – у этого султана четки были величиной с апельсин каждое зерно, и весили они около двух пудов.

Здесь же продаются мундштуки – тонкой работы с инкрустацией для понимающих и австрийская подделка для иностранцев.

Настоящий восточный курильщик выбирает мундштук не только по фасону и по работе, но главным образом по ощущению, которое испытывает, прикладывая его к губам. Ласковый шелковистый янтарь имеет все преимущества и ценится очень высоко. Его делают крупной и круглой огранки и в рот его не забивают, а тянут из него дым нежными и быстрыми поцелуйными прикосновениями.

Побродивши по базару, идут пить чай к чаиджи – старому Мерсину, прозванному сумасшедшим.

Кличку эту он получил за свою безграничную чистоплотность.

Маленькая лавочка Мерсина вся блестит от новой окраски стен, от свежего лака столов и стульев, от звенящего блеска двух огромных самоваров и до бела начищенных ложек.

Мерсин сам разливает чай, и сам разносит его, предварительно долго разглядывая на свет налитый стакан. Если усмотрит в нем чаинку или пылинку – выливает все и наливает свежего.

Если кто-нибудь из гостей прольет или капнет на стол – Мерсин посмотрит строго на провинившегося, а иногда и сделает выговор.

Лавка Мерсина находится между двумя другими чайными с грязными стаканами, объедками на мокрых столах, зелеными чадными самоварами и ломаными табуретками, и действительно она производит нелепое впечатление и начинает казаться, что Мерсин сумасшедший.

По вечерам в лавочке чаиджи собираются стамбульские поэты. Пьют чай, вышучивают безумного Мерсина и декламируют свои стихи.

Дальше… по узеньким улицам, уставленным жаровнями с жарящимися на них фисташками, шашлыками, «леблэби» (горох) и бараньими головами. Эти бараньи головы с ободранной кожей и оскаленными зубами особенно любимы местными гурманами. Есть лавочки, все окна которых уставлены пирамидами таких черепов. Жуткая картина напоминает знаменитый верещагинский апофеоз войны. Жареный горох- «леблэби» – самое популярное народное лакомство. О торговцах «леблэби» складываются веселые песенки.

– Я за твой поцелуй, – говорит в песенке влюбленный торговец, – разбросаю по улице весь свой горох.

– Зачем? – отвечает красавица, – лучше я его съем без всякого поцелуя.

И съела.

В маленьких харчевнях, где все кушанья выставлены прямо на улицу на соблазн прохожим, степенные бородатые муллы едят руками. Все, даже суп, обмакивая в него хлеб, который они преломляют торжественным библейским движением, широко расставляя

пальцы и круглым жестом поднося ко рту. Хозяин накладывает на тарелки так же все прямо руками, которые так и не вытирает за спешностью работы, окуная то в бараньи головы, то в вареную рыбу. От этого к концу дня вкус всех этих блюд смешивается и приобретает особую загадочную тонкость.

Муллы и прочие степенные посетители жуют медленно и молча, вперив глаза в то место, где стена соединяется с потолком. Не едят, а вкушают. Свершают обряд насыщения. Вот так Авраам трапезовал с тремя ангелами под дубом Мамврийским.

Дальше, глубже по узеньким улицам… Они затянут, закружат и, может быть, не выведут никогда на то место, откуда вы пришли.

Он слишком пряный, этот настоящий Стамбул, слишком яркий, слишком звонкий и слишком сладкий. Но раз вкусив от него, не покажется ли все, что не он, слишком пресным, мутным и тихим…

Один из проживших здесь долгие годы сказал мне:

– Я уехал на родину и был счастлив. Но в счастье моем каждый вечер, оставшись один, оборачивался лицом к востоку и смотрел в ту сторону, где Стамбул. Его забыть не мог.

Стамбул – первая дверь к востоку, мрачному и веселому, черному и яркому – настоящему Востоку. Покрыта она европейской плесенью и накипью, и открывать ее трудно и медленно. Но раз открыв, не закроешь никогда.

В. Шульгин

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

*(из дневника 18/31 декабря)**

...Если стоять вечером на мосту через Золотой Рог, на знаменитом мосту между Галатой и Стамбулом, то вдруг припоминается что-то живо-знакомое.

– Что?..

Вот что... так стоится на Троицком или, вернее, на Николаевском мосту в Петрограде. Золотой Рог – будто Нева. По одну сторону – как будто бы Петроградская сторона, там – набережная. Не очень похоже, но есть что-то общее.

Красиво... Очень красива эта симфония огней...

Толпа непрерывно струится через мост.

Тепло...

Как в теплый вечер в начале октября в Петрограде.

Боже, где все это?..

Увидев впервые в жизни этот неистовый, но такой красивый беспорядок, эту галиматью с минаретами, именуемую Константинополем, я сказал своему спутнику по вагону:

– Боже мой!.. Теперь я только понял, что я давным-давно страстный, убежденный... туркофил.

Я думаю, что это несколько утрированное утверждение в значительной мере применимо ко всем русским, волей судьбы здесь очутившимся.

В летописях 1920 год будет отмечен как год мирного завоевания Константинополя русскими.

Твой щит на вратах Цареграда...

Щит этот во образе бесчисленных русских вывесок, плакатов, афиш, объявлений... Эти щиты – эмблема мирного завоевания – проникли во все переулки этого чудовищного хаоса, именуемого столицей Турции, и удивительно к нему подошли.

Недаром:

Земля наша велика и обильна...

---

* Печ. по изд.: *Шульгин В. В.* Дни. 1920 (Записки). М., 1989, с. 499–504.

Тут тоже никакого порядка. Наоборот, этот город производит впечатление узаконенного, хронического, векового беспорядка. Поэтому, вероятно, когда русские, голодные и нищие, обрушились огромной массой на эту абракадабру, вместо естественной ненависти, которую всегда во всех странах и веках вызывают такие нашествия, – вдруг на удивление «всей Европе» к небу взмыл совершенно неожиданный возглас:

– Харош урус, харош...

Точно нашли друг друга... Русские и турки сейчас словно переживают медовый месяц... Случаев удивительно доброго, сердечного отношения – не перечесть... Одного почтенного деятеля остановил на улице старый турок и, спросив «урус?», – дал ему лиру. Русскому офицеру сосед по трамваю представился как турецкий офицер, предложил быть друзьями, потащил к себе и предложил ему половину комнаты за бесценок, лишь бы жить с «урусом». Третьего хозяин кофейни угощал как дорогого гостя и наотрез отказался взять плату. Все это часто очень наивно, но это есть... Русским уступают очереди, с русских меньше берут в магазинах и парикмахерских, высказывают всячески знаки внимания и сочувствия, и над всем этим, как песнь торжествующей любви, вместе с минаретами вьется к небу глас народа – глас божий.

– Харош урус, харош...

Чем все это объясняется?

Объяснений много. Во-первых, объяснение прозаическое: русские, несмотря на всю свою бедность, по обычаю предков, не торгуются в магазинах и не останавливаются перед тем, чтобы из последних пятидесяти пиастров десять бросить на чай.

«На последнюю пятерку...» И только русские щедры. Все остальные, несмотря на свое богатство (сказочное в сравнении с русскими), скупы, как и полагается культурной западной нации. А между тем турки сейчас так бедны, в особенности чиновничество, которое бог знает сколько времени не получало жалованья, что еще неизвестно, чье положение хуже: этой бездомной русской толпы, которая залила все улицы и переулки гостеприимного города-галиматьи, или же самих хозяев, находящихся на краю голодной бездны.

Другое объяснение – «сытый голодного не разумеет». Значит – голодный разумеет голодного. Обе нации – русские и турки – почти одинаково несчастны. Обе почти лишены отечества. Обе включены, втоптаны в разряд побежденных «державами-победительницами».

Я помню, как профессор Петр Михайлович (международник) во всю мощь своего великолепного баритона возмущался на улицах одного города этим термином.

– «Державы-победительницы»!.. Кажется, в мировой истории не было случая, чтобы в официальных договорах или трактатах употреблялась такая терминология. Всегда все державы обозначались по имени: Англия, Франция, Италия... Да ведь мирный договор потому и называется мирным, что война кончилась... И нет уже войны – нет побед... Мирным договором восстанавливаются «дипломатические отношения» со всем изысканным ритуалом международной вежливости. И вдруг – «державы-победительницы»...

– Дичь! Средневековье!..

И вот, по-видимому, на фоне общей обиды разыгрывается эта русско-турецкая любовь...

«Chaque vilain trouve sa vilaine»*, – скажут французы...

Ладно... «Униженные и оскорбленные», – скажем мы. И если турки еще более унижены, то ведь мы еще более оскорблены.

Да, мы оскорблены, прежде всего, оскорблены... Эти константинопольские русские, эти дети бесконечных эвакуаций, живее всего чувствуют оскорбление... Ибо это те, которые, несмотря ни на что, оставались верными Антанте... Это те, которые хранить союзный договор, заключенный государем императором, почитали своей священной обязанностью... Это те, которые если не были уверены в помощи и благодарности, то все же были убеждены, что их будут уважать...

Вместо уважения...

Вот на Grand'rue d'Opera французский «городовой» останавливает русских офицеров, проверяя документы... Тон, манеры, это наглое хватание за рукав или, что еще хуже, похлопывание по плечу, этот покровительственно-небрежный тон, жест, когда – полугра-

---

* Каждый урод найдет свою уродку (фр.).

мотный – он, наконец, найдет на документе французское рукоприкладство: «Vue à l'arrivee»[*] – все это заставляет стиснуть зубы...

На каком основании этот господин не обращается ко мне так, как полагается солдату обращаться к офицеру? Разве я не офицер?

Но ведь я выдержал все офицерские экзамены... Я потерял все решительно на свете для родины, «кроме чести»...

«Sauf l'honneur»[†]... Так почему же меня оскорбляют, за что?

Ах, ведь они «державы-победительницы»...

Но, наконец, кого же они победили?.. Ведь Россия была с ними, и если она не дошла до бруствера, то потому, что была тяжело ранена в бою... Почему ее зачислили в разряд побежденных?..

Потому что...

Потому что французы и другие не доросли еще до того, чтобы щадить «больную нацию». В международных отношениях царит средневековье – век звериный.

Горе заболевшим!..

И вот два «больных человека» – Турция, давно заболевшая, и Россия, недавно тяжело занемогшая, – инстинктивно тянутся друг к другу... и к ним одинаково жестоки... жестоки презрением здоровых к больным...

Но помимо этого, есть, по-видимому, какое-то расположение рас. Русские и турки как будто бы чувствуют расовое влечение друг к другу. Явление противоположного свойства называется «haine de race»[‡]. Не знаю, как перевести эту «расовую симпатию»... Вот, по-видимому, нравятся просто русские и турки друг другу. Только этим можно, в конце концов, объяснить этот доминирующий над всем возглас:

– Харош урус, харош...

* * *

Все куда-то несется... Люди, экипажи, неистово звенящие трамваи, воющие на все голоса ада автомобили...

Все блестит, все сверкает... уличные фонари, пьянящие голодный русский дух витрины […]

---

[*] Проверено по прибытии (фр.).

[†] Кроме чести (фр.).

[‡] Расовая ненависть (фр.).

Все кричит... все тревожит воздух нестройной смесью языков... но чаще всего слышен русский...

Или мне так только кажется!..

Нет, русских действительно неистовое количество... А если зайти в посольство или, упаси боже, в консульский двор, – тут сплошная русская толпа... Все это движется, куда-то спешит, что-то делает, о чем-то хлопочет, что-то ищет...

Больше всего – «визы» во все страны света...

Но, кажется, все страны «закрылись». Не хотят русских... никто не хочет, и даже великодушные, верные союзники...

И только тут, в столице народа, с которым мы воевали века, воевали и в последнюю войну, в столице, на которую мы столько раз и совершенно открыто претендовали, желая взять ее себе, только тут несется неумолчный крик:

– Харош урус, харош...

Чудесны дела твои, господи!..

Научное издание

Утургаури Светлана Николаевна

БЕЛЫЕ РУССКИЕ НА БОСФОРЕ. 1919–1929

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Текст приводится в авторской редакции

Подписано 15.02.2013
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 14,1.
Тираж 200 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Информационно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО типографии
«Издательство МБА»
119361 Москва, ул. Озерная, 46
781-86-28, 625-38-13